ДЕНЬ и НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №5 | 2019

Владимир Ежов (Красноярский край) | Озеро Учум. Хакасия | 53,5 × 141 | 1999

Валерий Марченко (Алтайский край) | Байкал | 100 × 120 | 2002

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №5 | 2019

В номере

ДиН публицистика

Александр Щербаков

3 Ни песен, ни басен…

ДиН краеведение

Юрий Ромашков

6 Купец Ларионов

ДиН диалог

Юрий Беликов, Иван Кононов

10 Стоящие за чудом

ДиН поэма

Николай Алешков

25 Горький нектар

ДиН ревю

Марат Валеев

28 Эвенкийская жизнь

Эльдар Ахадов

88 По следам Колумба, Магеллана и Марко Поло

ДиН стихи

Елена Фролова

29 Незабудки

Александр Степанов

31 Там, где востока нет

Александр Поповский

33 Переход

Егдже Велкаяйев

35 Дорогами странствий

Денис Забродский

103 Как хорошо, что есть зима!

Алла Широнина

126 Вздыхает Фауст

Светлана Хромова

166 На нашем настоящем языке

Татьяна Шепелева

168 Предчувствие зимы

Наталья Радостева

170 Крещение

ДиН юбилей

Сергей Строкань

37 Больше, чем туча

ДиН пародия

Евгений Минин

39 Вместо перца

156 Вы сцены такой никогда не видали!

160 Рифму не найти

165 Не ложися на краю!

ДиН эссе

Станислав Минаков

40 Дневники Свиридова — русское трудное чтение

ДиН пьеса

Александр Астраханцев

44 Земные и небесные похождения Гены Пряхина

ДиН симметрия

72 Предупреждение начинающего ясновидца

Владимир Набоков
134 Тень за тенью

Анна Ахматова
138 Странно царь глядит вокруг…

ДиН проза

Валентина Мельникова
73 Сквозь морозы и мглу

Оксана Мурзина
89 Жизнь

Виктория Иванова
104 Трухлявый пень

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Дарья Синайская
122 Весна

Александр Селивёрстов
124 Дешёвки

Ирина Манаева
127 Миссис Крыссис

Сергей Криворотов
135 Под небом Тавриды

Татьяна Юшманова
139 Пусть плывут кораблики

ДиН дебют

Полина Маркова
142 Из жизни «коммунаров»

СТРАНИЦЫ СОВЕТА МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Андрей Тимофеев
144 Победы и поражения «нового реализма»

Юрий Лунин
153 Сеня

Иван Виноградов
157 Сорок армий

Влада Баронец
159 Так преломился свет

Алёна Шомысова
161 Солонка с сюрпризом

ДиН перевод

Адалло
173 Самая прекрасная благодать

ДиН взгляд

Татьяна Долгополова
176 Музей и библиотека

Павел Карякин
187 Всё покрывает «белый шум»

СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

190 Победители конкурса «Суперперо»

Виктория Шейко
193 Наш современник Н. В. Гоголь

194 ДиН авторы

ДиН галерея

На обложке:

Картины с межрегиональной выставки сибирского пейзажа «Родина—Сибирь»

Александр Щербаков

Ни песен, ни басен…

Нет нужды доказывать мудрость наших пословиц, поговорок, присловий, а также полюбившихся народу афористичных выражений из былин и сказок, из песен и побасок, из художественной классики и святоотеческой литературы. Мудрость эта очевидна. По крайней мере, в большинстве случаев. И лишним доказательством её может служить факт, что к употреблению этих пословиц, лаконичных изречений и прочих крылатых слов, по моим наблюдениям, более склонны люди пожилые, бывалые и опытные, нежели легкодумная и многоречивая молодёжь.

На эту особенность «старших» я обратил внимание давно, ещё в школьные годы, на живых примерах своих родителей, вечных тружеников-крестьян, не проходивших ни классов, ни коридоров. Они не любили длинных речей и частенько для краткости прибегали к пословицам и присловьям. Положим, отец, вместо долгих объяснений, почему он, плотник и столяр, июньским днём собрался поискать подходящих берёзок для санных полозьев, просто говорил: «Готовь сани летом»,—и ехал на телеге в лес. Или—при затяжных дождях в июльскую пору: «С косой в руках погоды не ждут»,—и отправлялся на покос.

Но ещё наглядней в этом смысле была речь столь же малограмотной крестьянки Степаниды Ефимовны, моей тёщи, изредка наезжавшей из села к нам в город, которая на старости лет, кажется, вообще говорила одними пословицами да поговорками. Их запаса у неё хватало на все случаи жизни. Скажем, расхныкалось наше дитя, мы, молодые родители, в смятении, а она успокаивает нас: «Поди, золота слеза не выкатится». Или я, припоминается, рассуждаю вслух, какой бы подарок преподнести приятелю на именины, а она с диванчика советует: «Подари другу калач: не понравится—сам съешь». А то, ещё помню, сидим за столом, ужинаем, тихо беседуем; вдруг она, окинув взглядом нашу городскую еду, сплошь «с магазина», сочувственно замечает: «Что купил, то и слупил…»

Но почему-то особенно запомнилась мне характеристика, которую баба Степанида выдала однажды моему коллеге. Он жил холостяком по соседству и как-то вечером забрёл к нам «под мухой», явно желая поддержать тонус, ну и, конечно, дружески пообщаться. Первое его желание я исполнил без труда, выставив «беленькую» и закуску на скорую руку. Но со вторым оказалось сложнее. Дело в том, что гость, и вообще-то не отличавшийся красноречием, после принятия пары тонизирующих рюмок почти совсем умолк. Говорить пришлось преимущественно мне, а собеседник лишь издавал некие междометия и блаженно улыбался. И когда я, наконец, проводил его за дверь, то приметливая Степанида Ефимовна, молчаливо наблюдавшая с дивана за нашим общением, подытожила, как припечатала: «Ни песен, ни басен…» И вот уже более полувека мне памятна та её «печать».

Впрочем, что там вспоминать бабушку Степаниду, я теперь и сам глубокий дедушка и тоже ловлю себя на том, что всё чаще прибегаю в разговорах к народным пословицам и поговоркам. Особенно при ответах. Так получается короче и выразительней. Притом эти готовые сгустки жизненного опыта, услышанные где-то в народе или вычитанные из книжек, всплывают в памяти непроизвольно, сами приходят на помощь при растущих затруднениях быстро сформулировать мысль, и я охотно пользуюсь их мудростью, пусть и заёмной. И даже горжусь, что некоторые из них могу преподать в первоначальном виде и с истинным содержанием, «открытыми» мною. К сожалению, смысл довольно многих пословиц и присловий исказился в процессе долгого и подчас бездумного употребления. И всем нам с вами, говорящим по-русски, стоило бы помочь возвращению им исконной формы и значения, пока ещё хранимых народной памятью и наукой языкознания. Пусть они удобряют и украшают нашу речь, выступая во всей первородной полноте и нарядности.

Зачастую иные пословицы мы просто не договариваем, укорачиваем их и тем произвольно обедняем смысл. Допустим, кому-то, склонному к зависти либо охочему поживиться за счёт других, говорим: «На чужой каравай рот не разевай,—и ставим точку, отбрасывая дельный ему совет, следующий далее:—а пораньше вставай да свой затевай». Можно сказать, обходимся примитивной командой «рот не разевай», тогда как полная пословица содержит конкретную программу

действий, целую «дорожную карту», выражаясь по-нынешнему.

В некоторых усечённых пословицах теряются важные детали, эпитеты и метафоры, а с ними выразительность и наглядность содержимого назидания.

Например, мы повторяем привычно: «От добра добра не ищут»,—забывая о всей полноте пословицы, при которой она звучит глубже и краше: «От корма кони не рыщут, от добра добра не ищут». Или есть присловье: «Без стыда лица не износишь…—прямо сказать, вообще не очень понятное, пока не вернёшь ему где-то утерянной концовки:—как платья без пятна». А ещё можно припомнить поговорку с каким-то уж слишком грубо-прямолинейным наставлением: «Не так живи, как хочется…» Услышишь и невольно спросишь: «Простите, а как?» Если, конечно, не знаешь, что в оригинале, в первоисточниках—это цельная пословица, которая сама содержит недвусмысленный ответ: «Не так живи, как хочется, а как Бог велит». То есть—по заповедям Божеским, по совести своей…

Но это бы ещё полбеды. Всё же и по обрывкам можно понять, о чём речь. А бывает, что после урезания пословицы её смысл не просто изменяется, но даже превращается в противоположный. Это как, допустим, в общеизвестном выражении, которое обычно употребляют в разговоре о наследниках, нередко идущих по стопам отцов, повторяя какие-то их черты, зачастую не самые лучшие: мол, «яблоко от яблони недалеко падает». Однако в неповреждённом виде эта пословица говорит совсем о другом: «Яблоко от яблони недалеко падает, но… далеко закатывается». Насколько весомо значение этого уточнения, нет надобности разъяснять. Или, скажем, в таком расхожем изречении, как: «Книги имеют свою судьбу». Ну да, имеют, и что? Карандаши вон тоже имеют свою судьбу, и сапоги, и какие-нибудь садовые грабли. В чём фишка-то? А суть, оказывается, скрыта в продолжении фразы, редко воспроизводимом пишущими и говорящими: «Книги имеют свою судьбу, в зависимости от головы читателя».

Между прочим, это крылатое выражение пришло к нам из далёкого Рима, от грамматика Теренциана Мавра, и частенько цитируется по латыни: «Habent sua fata libelli, pro kapite lektoris». Как видите, тоже со ссылкой на голову читателя.

Порой содержание пословицы или афоризма изменяет укорачивание их не только на целую фразу, на часть предложения, но и на одно слово и даже на единственную букву. Показательна в этом плане широко распространённая пословица, о которой мне уже доводилось где-то писать: «Делу время—потехе час». Именно в такой форме обыкновенно употребляют её устно и письменно. В том числе и многие знатоки языка, лингвисты с учёными степенями. Не буду упрекать их за это, называть пофамильно, ибо понимаю, что они следуют (так им представляется) за народом-языкотворцем и стараются найти приемлемое толкование его очередному многоумному речению. Вот, мол, какое значение пёридаётся трудолюбию нашим народом-созидателем, что для «дела» он щедро отмеряет «время», а на «потеху» отпускает всего лишь «час». Но ведь под «часом»-то здесь подразумевается то же самое «время», а не отрезок его в шестьдесят минут. Это очевидно. Мудрый языкотворец изначально вылепил эту фразу «чуточку» по-иному и тем вдохнул в неё абсолютно другой смысл. «Делу время—*и* потехе час»,—отчеканил он, уже самим строем слов подчёркивая, что да, делу необходимо отдавать должное время (читай—внимание, старание, силы телесные), но и о потехе (читай—отдохновении от трудов праведных ради развития сил душевных и духовных, для чего мы вообще живём на этом свете) тоже забывать никак нельзя.

Похожим образом переворачивает смысл единственная изменённая, точнее—опущенная, буква в знакомой всем пословице, которая советует «не выносить сор из избы». Странный, однако, если трезво подумать, даёт она совет, явно противоречащий здравому рассудку. Почему это не выносить сор? Как раз его надо именно выносить вон, выметать почаще, в соответствии, допустим, с примером, подаваемым в складной народной прибаутке: «По-нашему ведётся—веничком метётся. Весь сор за порог, а веничек под порог». Откуда же тогда сомнительная «сорная» пословица? Думаю, не трудно догадаться, что и в ней до времени, пока чья-то легкомысленная головушка не исказила её, лишив одной буковки «с», всё было «по-нашему», по-разумному: «Не выносите *ссор* из избы». Согласитесь, что это более резонный совет. Ссорьтесь, бранитесь дома (там же, по другой пословице, трясите грязным бельём), а на миру ведите себя прилично, старайтесь выказывать лучшие черты своих характеров и нравов.

К подобным же пословицам с переиначенным содержанием за счёт одной буквицы можно отнести и такую: «Нá тебе, Боже, что людям негоже» (или «что нам негоже»). Если пошевелить мозгами, тут уже не только бессмыслицей, но и кощунством отдаёт. Притом абсолютно немотивированным. Ну в самом деле, зачем это поминание всуе имени Божьего при осуждении некоего дарения или даже «впаривания» чего-то ненужного, «негожего» ни себе, ни людям? Явно неуместное и глупое. А мы механически повторяем кем-то не от большого ума запущенный «вариант». Первоисточники же говорят, что прежде имела хождение в народе вполне разумная пословица: «На тебе, *убоже*, что людям негоже». Она с горькой иронией порицала лукавого дарителя, якобы благотворителя, который просто «сбагривал» убогому (бедному,

жалкому, безответному) нечто дешёвое, бросовое в расчёте на то, что одаряемый и тому будет рад.

Ещё больше, чем в народных пословицах, таких смысловых искажений, вольных или невольных, в разных «крылатых словах», «мыслях мудрых людей» и афоризмах, уже называемых выше. Приведу пример «вольного» искажения, по-моему, достаточно наглядный по нарочитости последнего. Можно даже сказать, политической нарочитости. Ныне с языков наших политиков, имя которым легион, и даже иных церковнослужителей, вовлекаемых в политику, то и дело слетают слова: «Всякая власть от Бога»,—будто бы сказанные когда-то апостолом Павлом и потому являющиеся непререкаемой истиной, которой положено следовать. То есть все мы с вами, простые смертные, должны покорно принимать любую власть, преданно служить ей и терпеливо переносить все её притеснения и выверты. Однако у любого свободно мыслящего человека, в том числе и верующего, формула эта о чуть ли не священности всякой власти вызывает понятные сомнения. Да неужели впрямь Господь Бог, само воплощение Правды и Справедливости, мог благословить «всякую» власть? Или хотя бы попустить?

Посещали подобные сомнения и меня, грешного. Пока не встретил я однажды в печати любопытное сообщение, что перевод данных слов апостола Павла, ставших крылатыми, был искусственно искривлён. И нашёлся у нас смелый и грамотный человек, иеромонах Алексий (Айсин), который дотошно разобрал и вывел, что правильно переведённые слова апостола: «Несть бо власть аще не от Бога»,—означают: «Не есть власть, если не от Бога». Иначе говоря, смысл их совершенно противоположный тому, который привычно им придаётся пишущими и говорящими «головами». Одними—по неразумению, другими—из корыстных, сословных или политических соображений.

А сколько ещё туманных и затуманенных «устойчивых словосочетаний», идиом и афоризмов ждут своих добросовестных толкователей! И в первую очередь их внимание хотелось бы обратить на пословицы. Должен признаться, что иные ставят меня в тупик. Положим, есть такая пословица: «Сухо древо назад не пятится». Что она означает? Почему лишь «сухо древо» не пятится? А «сыро»? И вообще—белиберда какая-то. Сдаётся, опять кто-то слова исказил, буквы перепутал... Но скорее дело в моём незнании. Вот недавно вычитал у поэта Станислава Куняева, что по его родной калужской земле протекает «извилистая речушка с былинным именем Суходрев»... Так это, может, она «назад не пятится»? Тогда бы всё логично...

Впрочем, подожду знатока и подвижника вроде Айсина либо... Толстого. Да-да, Лев Николаевич не раз восстанавливал смысл выхолощенных пословиц. Некоторые из них я привёл именно в его толковании. Он вообще любил поучительные афористичные выражения. К примеру, печалясь о нравственном несовершенстве людей, особенно власть имущих, часто повторял фразу: «Бог живёт во всех людях, да не все люди живут в Боге». То ли заимствованную, то ли свою...

Жаль, теперь у новых поколений пословицы и афоризмы не в особом ходу. Не место им в клипах да эсэмэсках. Включишь радио, тв или компьютер—сплошная какофония и гвалт с мутным потоком англицизмов, а что до нашего родного, до русского народного... ни песен, ни басен.

Юрий Ромашков

Купец Ларионов

Штрихи к забытому портрету

В 2017 году при разработке Троицкого некрополя археологами было обнаружено погребение купца второй гильдии, потомственного почётного гражданина Прокопия Дмитриевича Ларионова. Захоронение обнаружено к востоку от храма. Предположительная идентификация погребённого была произведена на основании обнаруженных в грабительской яме частей надгробного памятника, на одном из фрагментов которого было обнаружено имя Ларионова. По словам археологов, могила купца была ограблена, о чём свидетельствуют «грабительская яма» и положение тела в гробу; кроме того, руки покойного были смещены за голову, по направлению к грабителю. По мнению экспертов, ограбление могло произойти в период Гражданской войны, когда подобные случаи практиковались весьма широко. Вместе с тем находка породила интерес к данной персоне, из забвения для широкой аудитории было возвращено незаслуженно забытое имя человека, несомненно, много сделавшего для Енисейска в своё время.

Обнаружение захоронения П. Д. Ларионова на археологических изысканиях в районе Троицкой церкви летом 2017 г.

На сегодняшний день известно, что Прокопий Дмитриевич родился в 1831 году (данные расчётные) и происходил из местных старожилов. Здесь необходимо отметить, что данная фамилия, хоть и относится к числу старожильческих, в сохранившихся источниках упоминается нечасто. Тем не менее, в разный период времени и в различных сословных группах по губернии встречаются Ларионовы. Например, в Исповедальной росписи Градо-Енисейской Воскресенской церкви за 1803 год упомянут Андрей Ларионов, из крестьян[1]. А в перечне административных чинов Енисейска за 1861 год встречается командир казачьего отряда с такой же фамилией. В Епархиальных ведомостях за 1892 год в качестве старосты Параскеевской церкви Красноярского округа числится крестьянин села Шилинского Герасим Ларионов[2]. Наконец, существовала целая самостоятельная ветвь красноярских Ларионовых, записавшихся из иркутского купечества. Исследователь Е. В. Комлева склонна считать енисейских Ларионовых выходцами из здешних мещан, родословная которых уходит в острожный период города. В семнадцатом веке в остроге проживал некто Константин Ларионов, занимавшийся пошивом обуви и сбывавший свою продукцию на городском рынке. В 1668 году он имел своё «скамейное место», являясь единственным чарошником, сохранившим связи с рынком до конца семнадцатого столетия[3]. Кроме того, в ближайшей деревне — Б. Елань — в последней четверти восемнадцатого столетия кузнечным ремеслом занимался Сысой Ларионов, имевший кузницу с плавильней и полным набором инструментов[4]. Возможно, на происхождение могло пролить свет прозвище самого Прокопия Дмитриевича — Катунин. Впоследствии прозвища нередко трансформировались в фамилии, но в данном случае никакого изменения не произошло, и «Катунин» продолжал бытовать именно в качестве прозвища. Интересно, что «катать» означало в русских говорах, в частности, «гулять», «кутить», «жить бесшабашно». Известно и нецерковное имя Катуня. В случае сибирского происхождения фамилия Катунин может быть образована от названия реки Катунь. Поэтому будет вполне оправдан поиск

1. ГАКК.
2. Енисейские Епархиальные ведомости. // 1892 г. №4–5. С. 39.
3. *Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И.* Енисейское купечество в лицах (XVIII — начало XIX вв.). С. 167.
4. Там же. С. 167.

родословной семейства Ларионовых на Алтае. О составе семьи сегодня сказать что-либо сложно. По данным источников, он состоял в браке, супруга — Агафья Иоанновна Ларионова.

Прокопий Дмитриевич прожил довольно долгую по меркам того времени жизнь. За это время успел скопить необходимый для записи во вторую гильдию енисейского купечества капитал. Возможно, этому способствовала гильдийская реформа 1824 года, снизившая гильдийские пошлины. До этого, чтобы записаться во вторую гильдию, нужно было преодолеть ценз в шестнадцать тысяч рублей, выросший к 1820-му до двадцати тысяч. Купец занимался розничной и оптовой торговлей. Торговал «разными мелочными товарами» в лавке, располагавшейся в собственном доме. Товар приобретался на Ирбитской ярмарке, реализовываясь частью на прочих ярмарках Сибири и непосредственно в самой лавке, дававшей одну тысячу рублей чистой прибыли в год[5]. К сожалению, усадьба Ларионовых не сохранилась, также пока отсутствуют сведения относительно датировок постройки. Но из имеющихся материалов можно предположить, что это вторая половина девятнадцатого века. По крайней мере, усадьба уже упоминается в 1882 году. Согласно Енисейской книге домовладений, семейству Ларионовых принадлежали двухэтажный каменный дом с лавкой по Бассейному переулку (улица Бабкина), два амбара, баня и сарай. Все постройки находились на собственной земле. Осенью 1900 года на чердаке главного дома произошёл пожар по причине расщелины в дымоотводе, принёсший убытков до пятисот рублей[6]. Возможно, данное происшествие послужило стимулом для домовладельцев на следующий год застраховать своё имущество. Действительно, в мае 1901 года они застраховали своё имущество в обществе «Россия» на общую сумму тысяча четыреста шестьдесят пять рублей. Впоследствии владения показаны за супругой — Агафьей Ивановной Ларионовой с дарственной от 9 мая 1911 года[7]. Любопытно, но в представленной записи супруга купца фигурирует как «Ивановна», тогда как в метрических книгах Троицкой церкви она значится «Иоанновна». Торговая деятельность П. Д. Ларионова в конце девятнадцатого столетия, судя по всему, была успешной. С 1898 по 1911 год он с завидным постоянством попадал в отчётные статистические сборники «Памятная книжка Енисейской губернии» и «Торгово-промышленные календари». Правда, в «Памятных книжках» Прокопий Дмитриевич чаще всего указан как уездный исправник, крестьянский начальник, инспектор народных училищ[8], что больше подходит к результатам его общественной жизни. Правда, иногда торговля приносила не только прибыль, но и судебные разбирательства. В конце 1880-х годов Ларионов вёл тяжбу с другими енисейскими купцами — Аркадием Емельяновичем и Иваном Емельяновичем Кузнецовыми — с целью взыскания с последних суммы в три тысячи рублей[9]. А в сентябре 1895 года случилась очередная неприятность: из дворового амбара была похищена пушнина на сумму в несколько сот рублей[10]. Кстати, в том же году был обнаружен подкоп под склад Баландиных, что наглядно иллюстрирует криминогенную ситуацию в городе. В то время, когда П. Д. Ларионов начинал «своё дело», в округе вовсю гремела «золотая лихорадка». Многие в последующем состоятельные люди города, начав свой путь с поставщиков продукции на прииски, в итоге сами становились видными золотопромышленниками, часто совмещая торговлю с добычей золота. Прокопия Дмитриевича эта участь миновала; по крайней мере, нам неизвестны его заявки на разработку того или иного месторождения. В определённое затруднение вводит А. И. Кытманов, повествуя о том, что в 1886 году некий Ларионов добыл на тринадцать человек рабочих один пуд золота[11]. К сожалению, Александр Игнатьевич не уточнил инициалы золотодобытчика, оставив возможность для сомнений.

Реалии общественной жизни как большого, так и малого уездного города требовали участия в ней преуспевающих в деловых кругах людей. И здесь можно согласиться с утверждением, что «для сибирского купечества в целом было характерно, с одной стороны, непременное участие практически всех гильдийцев в тех или иных структурах местного самоуправления. С другой стороны, многие купцы стремились уклониться от занятия должностей по выбору, считая их обременительными для себя»[12]. Действительно, если посмотреть на избранных «общественников» Енисейска, то год от года там будут фигурировать одни и те же фамилии. В качестве причины отказа от должностей можно привести такой фактор, как грамотность, ведь местное купечество в общей своей массе имело «домашнее образование». Например, когда П. Д. Ларионов в 1881 году наряду

5. *Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И.* Енисейское купечество в лицах (XVIII — начало XIX вв.). С. 167.
6. МКУ «Архив г. Енисейска». План усадьбы енисейского купца П. Д. Ларионова. Ф. 6. Оп. 1. Д. 86. Л. 8.
7. МКУ «Архив г. Енисейска». Книга домовладений г. Енисейска 1856–1922 гг. Ф. 9. Оп. 1. Д. 30. Л. 318.
8. Памятная книжка Енисейской губернии. 1911 г. С. 156.
9. ГАКК.
10. Газета «Енисей». // 1895 г. С. 3.
11. *Кытманов А. И.* Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. Машинопись. Т. IV. С. 613.
12. *Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И.* Ук. соч. С. 39.

Панорамный вид
на Троицкую церковь.
Фото начала XX в.

с Н. Н. Дементьевым был избран заседателем Городового суда, ему пришлось отказываться, ссылаясь на то, что «умеет подписывать только свою фамилию»[13]. В итоге вместо Ларионова был избран Абалаков. Кстати, на 1885–1888 годы П. Д. Ларионов впервые упоминается в списках гласных Енисейской городской думы, а в 1897 году — член, а затем и директор Енисейского отделения губернского комитета Попечительского общества о тюрьмах. В 1883 году Прокопий Дмитриевич некоторое время исполнял обязанности городского головы вместо отказавшегося от должности по болезни И. П. Кытманова. В роли градоначальника Ларионов пробыл недолго, и вскоре в должность вступил Н. Н. Дементьев. При всём этом он находил время для уездного отделения Губернского по епархиальным училищам совета, в котором состоял до 1911 года.

Прокопий Дмитриевич всё же не оставался в стороне от городских нужд. Так, в 1897 году он предложил передать ему в аренду досаждавшее Енисейску болото. М. П. Миндаровский впоследствии вспоминал: «В мае месяце гласный Думы и старожил-домовладелец, обладающий вполне достаточными средствами, П. Д. Ларионов вошёл в городскую Думу с заявлением, в котором просил уступить ему в эксплуатацию на 15 лет городское болото, которое он предполагал осушить и сделать пригодным для сенокоса, с тем чтобы затем передать его городу для пользования. В результате невыгодных предложений со стороны Думы Ларионов отказался от своего заявления»[14]. Любопытно, но данное предложение по осушке болот было не первым. До этого золотопромышленник Григорьев в 1867 году также предлагал отдать ему в аренду болото для порубки зарослей и осушки с дальнейшей целью превращения в луга, с условием владения на период пребывания его в Енисейске. Когда же Григорьев уедет — земли вернутся в собственность города. Однако предложение Григорьева было опрокинуто встречным предложением Думы, пожелавшей, чтобы золотопромышленник купил эти участки насовсем, причём за непомерно большую сумму. В итоге, как писал М. О. Маркс, «Григорьев, несмотря на свою барскую тороватость, принужден был отказаться»[15]. Тем не менее, Прокопию Дмитриевичу представился шанс побороться с енисейскими болотами: в 1885 году, как сообщает А. И. Кытманов, купец Ларионов на одном из болот исправил за свой счёт дорогу, ведущую в деревню Горская[16]. Здесь необходимо сказать, что окружающие с юго-востока Енисейск болота действительно являлись проблемным вопросом, радикальное решение которого городская Дума явно оттягивала, стараясь извлечь максимальную выгоду, пока пожар, получивший развитие именно на торфяниках в черте города, в 1869 году не поставил убедительную точку в думских спорах.

Кроме пожаров, существовала ещё одна стихия, ежегодно причинявшая ущерб енисейским домовладельцам, — наводнения. Среди прочих, богатым на половодье стал 1888 год. Уровень воды оказался настолько высок, что заречная часть города оказалась вся под водой. Пароход «Св. Николай», тогда ещё принадлежавший Сибирякову, подошёл к крыльцу завода В. М. Харченко на Каштаке. Для помощи пострадавшим была организована подписка, давшая тысячу двести пятьдесят четыре рубля. Для раздачи пособий Думой была избрана комиссия под председательством городского головы Грязнова. В состав комиссии вошёл и П. Д. Ларионов. Пособие в размере от трёх до пятнадцати рублей получило порядка ста человек[17].

Помимо прочего, купец Ларионов встречается и среди дарителей Енисейского общественного местного музея: в 1891 году он из своей пушной сокровищницы пожертвовал в естественно-исторический отдел шкурку лисы. И в дальнейшем Прокопий Дмитриевич продолжал участвовать в жизни города. В 1903 году он жертвует сумму в пользу Общества попечения о начальном образовании

13. *Кытманов А. И.* Ук. соч. С. 557.
14. *Миндаровский М. П.* Мои записки и воспоминания 1896–1916 гг. Машинопись. С. 40.
15. *Маркс М. О.* Записки старика. Машинопись. МБУК ЕКМ. 2141–10. С. 55.
16. *Кытманов А. И.* Ук. соч. С. 598.
17. Там же. С. 598.

в г. Енисейске[18]. Он выступает попечителем приходской школы при Иверском женском монастыре, выстроив на свои средства здание в ограде этой обители. Помимо этого, Прокопий Дмитриевич совместно с купцами А. Ф. Петровым и С. Я. Коноваловым состоял в Енисейском отделении Совета Попечения церковно-приходских школ. И, как записано в отчёте, «особенно полезною деятельностью на пользу церковно-приходского дела заявило себя отделение Енисейское, где всякое дело получало быстрое движение и должный порядок»[19]. После его смерти в кассу городского управления поступил капитал в размере десяти тысяч рублей. Назначение капитала считалось неприкосновенным, а проценты с него шли на улучшение содержания богадельни на сорок человек. М. П. Миндаровский вспоминал: «Надо сказать, что эта была существенная помощь старикам и старухам, обитаемым в богадельне. На получаемые ежегодно 380 руб. стали отпускаться помесячно по 1/8 кирпичного чаю, на каждого по 1 фунту сахара, по 20 фунтов пшеничной муки. К Рождеству и на Пасху стали отпускать понемногу мяса и масла»[20]. В благотворительных акциях не отставала и его супруга. В 1910 году ею была пожертвована сумма на нужды Общества вспомоществования учащимся мужской и женской гимназий г. Енисейска[21].

Особняком стоит служба Прокопия Дмитриевича на посту старосты Градо-Енисейской Троицкой церкви. Своему служению он посвятил двадцать семь лет жизни, впервые избравшись на эту должность в 1869 году. Здесь уместно остановиться на том функционале, который выполняли церковные старосты, обычно выбираясь на трёхлетний срок. Безусловно, на эту должность выбирались люди из числа уважаемых прихожан, что было обусловлено не только естественными формальностями, но и сложившейся традицией. В помощь старосте также нанимался сторож. По мнению Н. А. Шушвал, «церковный староста, избираемый для приобретения, хранения и употребления церковных денег и имущества, был духовно связан с храмом и приходом, которому служил. Он осознавал свою миссию по устройству приходского храма как духовного центра и был одним из первых попечителей о храме. Важность функций, возлагаемых на старосту приходским сообществом, проявлялась в форме присяги старосты, приведение к которой стало обязательным только с 1890 года»[22]. Неизвестно, был ли приведён Ларионов к присяге, так как разница между официальной бумагой и реальной жизнью существовала всегда, но в качестве церковного старосты он зарекомендовал себя ярким жертвователем на храмовые нужды. Достаточно сказать, что на его личные средства в 1891 году в качестве квартиры для псаломщика был выстроен одноэтажный деревянный дом[23]. Но, видимо, усердия Прокопия Дмитриевича оказалось недостаточно. Обитель постоянно нуждалась в средствах. В 1900 году Троицкий храм был закрыт на ремонт, произведённый с участием капиталов томского мещанина Парфирия Марченко (сто рублей) и енисейской мещанки Ольги Лептуновой (сто рублей)[24]. Оба были отмечены благодарностью и благословением Его Преосвященства. Кроме того, в 1913 году, во время визита в Енисейск епископа Енисейского и Красноярского, вновь был поднят вопрос «об обеспечении причтов квартирами. Определена была приблизительная стоимость приобретения зданий для причтов, не имеющих квартир, а для имеющих — стоимость ремонта»[25]. По итогам подсчётов выходило, что на Троицкую церковь необходима сумма в одну тысячу рублей. В последний раз Ларионов был избран церковным старостой на девятое трёхлетие 14 февраля 1896 года[26].

Енисейский второй гильдии купец, потомственный почётный гражданин Прокопий Дмитриевич Ларионов скончался 3 мая 1912 года восьмидесяти одного года от роду. Его супруга, Агафья Иоанновна Ларионова, пережила мужа на шесть лет, почив 17 декабря 1918 года восьмидесяти пяти лет от роду, как записано в источниках: «от старости»[27]. Они оба были погребены на территории Градо-Енисейской Троицкой церкви. Оба прожили долгую, насыщенную жизнь, оставив о себе добрую память, которая, как и их могильные плиты, некогда была сровнена с землёй. Так пусть это небольшое повествование станет штрихами к их забытому портрету.

18. Отчёт Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске по устройству лотереи-аллегри и маскарада 28-го декабря 1903 г. Енисейск. Изд. 1904 г. С. 7.
19. Отчёт о состоянии церковно-приходских школ Енисейской епархии за 1898 г. №335. С. 5–8.
20. *Миндаровский М. П.* Ук. соч. С. 157.
21. Отчёт Правления Общества вспомоществования учащимся мужской и женской гимназий г. Енисейска за 1910–1911 гг. Енисейск. 1912. С. 17.
22. *Шушвал Н. А.* Церковные старосты в системе приходского храмопопечения. На материалах Вологодской губернии второй половины XIX — нач. XX вв. // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — №2. С. 19.
23. МБУК ЕКМ. Клировые ведомости Градо-Енисейского благочиния. ОФ. 7084. 1902 г. С. 53.
24. Енисейские Епархиальные ведомости. // 1900 г. №24. С. 645.
25. Енисейские Епархиальные ведомости. // 1913 г. №18. С. 24.
26. Енисейские Епархиальные ведомости. // 1896 г. №5. С. 67.
27. МКУ «Архив г. Енисейска». Ф. 273. Оп. 1. Д. 555. Л. 57.

Юрий Беликов, Иван Кононов

Стоящие за чудом

Тяжело быть крупным. Даже опасно. «Ночью хочется звон свой / спрятать в мягкое, / в женское». Это — Маяковский. Дело не в широких плечах. И не в росте. Есенин был невысокого роста, а тоже не уместился. Когда меня спросили: «Отчего я с моими-то возможностями не отыщу себе достойного применения?», ваш покорный слуга не нашёл ответить ничего лучшего, как: «Понимаете, я слишком крупный…» А надо бы стать эврименом, человеком усреднённым, одномерным. Ну, как у Герберта Маркузе. Вот и Иван Кононов не скрывает того, что он крупный. Может быть, даже крупнейший…

Сейчас я буду перечислять телевизионные позывные, за которым проглядывается фигура Кононова: «12-й» этаж, «Пресс-клуб», «Будка гласности», «Третий глаз», «Акуна матата», «Новая Старая квартира»… Эх, было времечко! В том числе,— и времечко «Времечка», когда мы телевизор не переключали. Теперь вот выключаем. Конечно, эти позывные — по преимуществу, в памяти тех, чья молодость пришлась на 90-е. Однако ту память уже не стереть. А раз не стереть, то сами решайте: крупный Иван Кононов или не крупный? Хотя однажды он сгоряча обмолвился: «Все мои надежды на телекарьеру фуфлом оказались!»

Не скажу, что наш диалог был простым. Поелику слово «телевидение» вызывало на лице моего собеседника скуку. Временами я буквально вытягивал из него ответы или, отвечая, Иван уходил куда-то в сторону, пусть и более интересную, чем первоначальный предмет нашего разговора. Иногда я ловил себя на мысли, что говорю за Кононова. Но я тут же вспоминал его стихотворные строчки: «Ты-то — вовсе не ты. Это — я, / Перевёрнутый в чреве твоём…» Мы будто становились двойниками. Параллельно я понимал и другое: так в России часто бывает — человек заточен Господом на одно, а ему полжизни (если не целую жизнь!) приходится воплощать себя совершенно в иной ипостаси.

1. Омуты Емели, или Грузовик с подарками

ЮБ. Иван, поговорим как два изгоя?

ИК. Прямо-таки песенная строчка…

ЮБ. Глядишь, к концу нашего диалога мы эту песенку — на два голоса — и сложим? И если ты уж сразу повёл по песенному следу или — по стихотворному, потому что в песнях твоих всё равно «в начале было Слово», то вот на какую улику я натыкаюсь. Пусть косвенную. Но любой, кто сейчас подключится к нашему разговору, может проверить: зайдёт на «Ютуб» и откроет твой хит «Левый берег Дона». Только в исполнении не Шуфутинского, а самого Ивана Арсеньевича. Какая там авторская вольность — в финальном припеве? Или — оговорка по Фрейду? Задумался? Попробую напеть:

> Левый, левый, левый берег Дона,
> Чайки, пляжи, плёсы у затона.
> Рядом, рядом омуты и мели,
> Мы до них добраться не умели…

Так — в оригинале. А Иван Арсеньевич вместо «не умели» поёт «не успели». И обращается к слушателям в открытую: «А вы успеете!»

ИК. И… что бы это значило?..

ЮБ. Сейчас я почувствовал себя Консультантом на Патриарших, который лицезрит, как Иван Кононов трансформируется в Ивана Бездомного. А посему мне хочется обратиться к своему собеседнику: «Милейший Иван Арсеньевич! „Не успели“ ровным счётом ничего не значит. Всего лишь вздох о неосуществлённом. Ах, вы тоже „не успели“, Иван Арсеньевич?..»

ИК. Допустим. Но где здесь участь изгоя?

ЮБ. Конечно, тут налицо всего лишь светлое сожаление о том, что не случилось. Но ежели прислушаться, то «омуты и мели» звучат как «омуты Емели». А?..

ИК. Ну и слух у Консультанта!

ЮБ. Абсолютный. Емеля — любимый персонаж русских народных сказок. А в «омутах Емели» — тут всё: и печкообразное существование, и ожидание того, что печка наконец-таки сдвинется с места — то бишь явится волшебная щука, которая всё переиначит «по щучьему велению».

ИК. Предвкушаю, какая сейчас получится из этой щуки уха!

ЮБ. А вот какая. Тройная. Щука — она же хищница. И в ней можно обнаружить всё, что угодно, — от ершей-окуней до золотого николаевского червонца. Начнём потрошить. Берём свежую — только что мной выловленную — книгу Ивана Арсеньевича «Эра Водолея». А там — стихотворение «Не мой монолог». Заметьте: «Не мой». Ещё одно сожаление. На сей раз по поводу того, что монолог мог быть кононовским:

А я ещё до Полозковой
В своей тусовке подростковой
Читал под музыку стихи…

Потрошим дальше:

Ещё был строй великолепен,
Ещё Пелевин и Прилепин
Не сотрясли концы начал,
Ещё, власть рифмой не истыкав,
Ходил-бродил безвинный Быков,
А на меня комсорг стучал.

Вот! «Комсорг стучал». Уже, знаете ли, биографическая конкретика с намёком на зреющее изгойство. Теперь добавим в ушицу соли и перца:

Явились люди, их немало,
И что во мне куда пропало,
Когда запели все они?

А вот и лавровый лист:

Без головы из-под дивана,
Как Иоанн из Иордана,
Я вышел в космос и затих.
Как говорится, делать неча.
Ну что ж, я снова тех предтеча,
Кто будет завтра, после них…

Итак, имечко дадено! Теперь проверим Сеть. Иоанн Предтеча, то бишь Креститель, был изгоем одной из древнееврейских сект. А это уже строчка его нынешнего тёзки: «Я знал, что лишний на пиру». Ну как?

ИК. Ты убедителен.

ЮБ. Нет, это ты убедителен! И, судя по всему, котелок твой неплохо варит. Поставим его на огонь памяти. В восьмидесятые ты вместе с Арабовым и, очевидно, другими кукушатами «гнезда Кирилла» (речь о Кирилле Ковальджи) оказываешься в «Юности», на заседаниях «Зелёной лампы». И только в тысяча девятьсот девяносто девятом году выходит твоя первая книга с барковским названием «Конец века», которую напутствует всем известный Эрнст Неизвестный. И — с разрывом почти в десятилетие — вторая книга «Смыслы» с предварением друга юности Юрия Арабова, ставшего к тому времени также весьма узнаваемым поэтом и сценаристом. Впечатление, что и старшие, и сверстники будто бы пытаются вернуть восвояси изгнанного! А Иван Арсеньевич предпочитает оставаться «предтечей» тех, «кто будет завтра». Чем не изгой древнееврейской секты?

ИК. Расскажу тебе одну короткую историю из детства, которая, по-моему, многое объясняет. Я, как ты знаешь, родился в Ростове-на-Дону. И жил там с родителями и бабушкой до восьми лет в одной комнате полуподвальной коммуналки. Зато в самом центре. Рядом с нами была главная площадь города — Театральная. На ней проходили парады и демонстрации. И разные мероприятия для детей. Мне было лет пять. Мы пошли с бабушкой на соревнования для малышей по езде на скорость на трехколёсных велосипедах. Я приехал первым. И для меня это была большая победа. К тому же победителям вручали всякие призы. Я весь был в предвкушении награды. Но призы раздавали со стоящего в стороне грузовика. И все родители ломанулись к нему. А бабушка моя была инвалидом, ходила, сильно хромая. И когда она сумела пробиться к этому грузовику, все награды уже закончились. Я никак не мог понять, почему моя победа оказалась совсем незамеченной и неотмеченной. Это была моя первая в жизни чудовищная несправедливость. Рыдал я отчаянно…

ЮБ. Я сейчас тоже едва не разрыдался, как в фильме «Папаши» Пьер Ришар перед Жераром Депардье. Потому что я тебя понимаю, как бывший трёхколёсник трёхколёсника. Тем паче — пришедшего к финишу первым. Но Иван Арсеньевич наверняка потом пересел на взрослик (стыдно признаться: я так и не перебрался с трёхколёсного велосипеда на двухколёсный), и этот взрослик вынес нашего героя аж на Центральное телевидение! А там…

ИК. Думаю, что, как в истории с не доставшимися мне в детстве призами, нечто похожее происходило и в моей взрослой жизни. Единственное отличие — я не рыдаю и даже не расстраиваюсь. К тому же верю в Божий промысел. И в высшую справедливость. И отнюдь не считаю себя изгоем.

ЮБ. Ах, если бы, Иван Арсеньевич, я не знал ваших текстов! Или мы имеем дело с раздвоением личности, или кононовские песни и стихи написал совершенно другой человек. «Затону я от пробоины в душе…» Ну, допустим, городской романс исполнен не от собственного лица. Но стихи-то не подделаешь! «Небо меня в долю не брало…», «И без вёсел, хоть возле уключин». Бьюсь об заклад: это не жалоба турка, а чистосердечное признание Ивана Кононова.

ик. Пойми: несмотря на «пробоины», мне всё всегда давалось легко. Я практически чудом попал на телевидение. Причём сразу в святая святых — программу «Время». Без особого напряжения сделал там карьеру…

юб. Фу, Иван Арсеньевич!..

ик. Никаких «фу». Я всего лишь привожу контрдоводы: вырос от помощника режиссёра до ответственного выпускающего. В начале перестройки перешёл в самую «продвинутую» редакцию Центрального телевидения — молодёжную. Был главным редактором вновь образованной студии, которая так и называлась — Новая. Успешным ведущим. Одна культовая программа «Третий глаз» чего стоит! Вице-президентом первой частной телекомпании — атв. Начинал, в буквальном смысле запускал на орбиту телеканал «Звезда». Параллельно написанная мной по наитию (я отвратительно играю на гитаре и совсем не знаю нот) песня «Левый берег Дона» в одночасье сделалась хитом. Но…

юб. Ну наконец-то!..

ик. Я никогда не лез, распихивая всех вокруг, к грузовику с подарками. Стихи пишу свободно и много, веря в то, что придёт и их черёд. И вообще руководствуюсь принципом: «Покажите мне, как это делается, и я сделаю это лучше всех». Что касается изгойства, то я сам изгнал из себя чудовищное по своей беспардонности телевидение…

юб. Интереснейший поворот! Стало быть, теперь телевидение — изгой Ивана Кононова?

ик. Я также изгнал любое конъюнктурное писательство и проживаю в литературном заточении, обожаемый женой и поддерживаемый друзьями, которые дают мне возможность зарабатывать. Благо знакомств и связей у меня немерено. Так что у изгоя есть кормильцы: любовь и дружба. Но я слышал, что ты на эту тему целую книгу сложил? Любопытно, насколько совпадают наши представления об изгойстве?

юб. Если б я не знал, что ты вёл программу «Третий глаз», то я бы поверил, что у тебя сию минуту он открылся! Ты сейчас практически воспроизвёл её название — «Кормильцы вечного изгоя». Это книга моих диалогов. Перечисляю кормильцев: Астафьев, Евтушенко, Битов, Проханов, Крупин, Гачев, Лимонов, Куняев, Курбатов, Есин, Владимир Орлов… Свиток, разумеется, можно разворачивать и дальше. Но теперь в этом свитке — Иван Кононов. То бишь, Иван Арсеньевич, отныне вы тоже — мой кормилец…

ик. Это почётно! Особенно — когда кормильцев много…

юб. М-да, из перечисленных в живых — примерно половина…

ик. Значит, как в фильме «Новые приключения неуловимых»? «Вам билетёр нужен? — Был нужен, да уже взяли. — А может, и я на что сгожусь? — Может, и сгодишься».

юб. Тогда я тоже озвучу весёлый рефрен из жизни изгоев. Однажды я был главным редактором. Но только однажды — во второй половине семидесятых. И знаешь, главным редактором чего? Стенгазеты «Горьковец» на филфаке Пермского госуниверситета, в те годы невероятно читаемой. Но снят с этой должности решением партийного факбюро. За что? Я Ленина рифмовал с Ленноном, а стихи иных авторов печатал на изображённой жёлтой ступне сорок пятого размера. С тех пор меня до главных редакторов не допускали. В начале девяностых я было вошёл в редколлегию журнала «Юность». Учредил и вёл там рубрику «Русская провинция». Но однажды мне было сказано: «Вы наводите смуту. Приходится выбирать: или вы — или журнал!» Подался в собкоры «Комсомолки». Однако вскоре услышал: «Вы слишком много внимания уделяли теме Космоса!» И, ставший на тот исторический момент одним из первооткрывателей Пермского треугольника, вынужден был уйти из редакции за связь с нло. Затем я, как ты знаешь, стал ведущим авторской программы в пермской телекомпании «VETTA», но года через два её генеральная директриса мне заявила: «Нам умные передачи не нужны!»

ик. Аплодирую!

юб. Однако самое моё последнее достижение (сейчас ты будешь уже тихо смеяться) — и. о. главного редактора «Лукоморья», литературного приложения к пермской краевой газете «Звезда»! Как видишь, всего лишь и. о. При этом и. о. без зарплаты. Потому что паузы с выплатами моего нищенского оклада доходили до полугода. Когда меня подкосила болезнь, задерживали даже оплату больничного… В общем, всё как в моём давнем стихотворении «Тверёзая закурганная»:

Расступилась мура, чтоб нагнать мишуру.
Там ты был без двора — здесь ты не ко двору…

ик. Ты так повествуешь о своём изгойстве, что во мне невольно запульсировало ахматовское:

Золотое клеймо неудачи
На ещё безмятежном челе…

юб. И вот когда это «клеймо» приобрело ослепительный блеск, моими кормильцами стали классики современной русской литературы. В прямом смысле этого слова. В некоторых изданиях

за «голову» того или иного классика мне платили в начале нулевых по двенадцать тысяч рублей. Если учесть, что я выдавал каждую неделю по «голове»… Хотя вижу по твоему «Третьему глазу», что это не деньги для телевизионщиков.

2. Аквариум, полный сердечек

юб. Ты нарёк себя «предтечей полозковых и орлуш», а я, представь, был предтечей предтечи. «Третий глаз» у Ивана Арсеньевича ещё пребывал в спячке, а ваш покорный слуга вместе с уфологом Эмилем Бачуриным уже отправился в аномальную Молёбку — тот самый Пермский треугольник, который ныне известен повсюду. Получил там первые сенсационные снимки «летающих апельсинов». Это был тысяча девятьсот восемьдесят девятый год. Потом опубликовал, пробившись сквозь цензуру (она тогда действовала — относительно нло и всего непознанного), свои «Записки сталкера» в пермской молодёжной газете. После этого любопытствующий народ со всего Советского Союза волнами повалил в Молёбку. В Перми возник не просто клуб уфологов, а — бери выше, до Космоса, — Международный комитет по сотрудничеству с внеземными цивилизациями! Во главе — теперешний автор умопомрачительных книг и гипотез, консультант и частый гость телеканала рен тв, а тогда мало кому известный биолог Владимир Шемшук. В общем, Нью-Васюки. У нас даже были соответствующие удостоверения… Но ведь Останкино тоже начало бредить чудесами? И, по сути, главным проводником их сделался Иван Арсеньевич?

ик. Паранормальные явления на телевидении стали обсуждаться не вдруг. В молодёжной редакции спецом по этой тематике был Вадим Белозёров. Именно он вывел на экран Алана Чумака. Он же приводил его к нам в курилку на двенадцатый этаж Останкинского телецентра, и мы, раскрыв рты, наблюдали за пассами Алана Владимировича, разгоняющего облака или читающего наши потайные мысли. Вершиной медийного колдовства Чумака я считаю его знаменитую радиопередачу, во время которой он довольно-таки подолгу просто молчал…

юб. Это круче, чем «Чёрный квадрат» Малевича!

ик. Вот-вот. И народ как заворожённый слушал его молчание и подставлял под радиоприёмники жидкости и мази для энергетической зарядки. Потом уже во «Взгляде» появился Кашпировский, с операцией без наркоза в прямом эфире, и вышла из подполья легендарная Джуна, у которой в её гостеприимном и хлебосольном доме на Арбате дневали и ночевали все мало-мальски известные в ту пору журналисты, артисты и общественные деятели. В тысяча девятьсот девяносто втором году к чудесам в прямом эфире мало-помалу приобщился и я. Поначалу всё происходило, как бы сейчас сказали, чисто по приколу. Меня познакомили с Юрием Лонго, и мы подружились. К его колдовству я относился как к выдающимся психологическим этюдам с элементами иллюзионизма. Юра был обаятельнейшей личностью, тонким знатоком человеческих душ и ловким манипулятором, умело и по-доброму распоряжавшимся своим даром медиума и гипнотизёра. Так вот, дабы избежать упрёков в пропаганде всякой чертовщины, я предложил Лонго спарринг с его антиподом — Юрием Горным. «Юрий Горный — мужик вздорный», — придумал я для него дразнилку, и тот не обижался. Потому что надо было ещё поискать более неистового, задиристого и несдержанного борца с чудесами, чем он. В общем, два Юры, горячо выясняя друг с другом отношения, стали еженедельно под моим началом задавать жару весьма респектабельным и звёздным гостям. Каждый со своей колокольни. К удовольствию всех присутствующих, включая телезрителей. Всё это я и обозвал «Третьим глазом». Дальше — больше. Вдруг выяснилось, что в нашей стране, на волне постоянных перемен и неожиданных поворотов истории, возникло огромное количество людей с паранормальными способностями.

юб. Вся страна стала паранормальной. Причём — снизу доверху!

ик. И все жаждали применить эти способности на практике. И все хотели в телевизор. И, что самое важное, телевизор, в лице своих зрителей, тоже страстно хотел их видеть, слышать и пытаться понять. Так я сделался дежурным по чудесам, честно пытаясь разглядеть пользу и рациональное зерно в своих новых иррациональных героях. Все мои гости были уверены, что я днём и ночью штудирую эзотерическую литературу и консультируюсь с закулисными гуру. На самом деле я просто писал стихи и до сих пор убеждён в том, что поэзия — самая что ни на есть абсолютная магия, позволяющая заглянуть туда, куда не добраться обычным путём.

Постепенно я привык к тому, что меня стали считать тем, кем я не являлся на самом деле, — экспертом в мире народных целителей и ворожей. И не удивлялся вниманию со стороны любимых артистов и других уважаемых людей. Правда, никогда и никому никого не рекомендовал. Никогда и никому.

Случались и забавные эпизоды. В студии «Третьего глаза» стоял огромный полукруглый аквариум, наполненный разноцветными стеклянными изделиями в форме сердечек.

В завершении программы мои гости заряжали их своей энергией, и я потом раздаривал эти амулетики наиболее активным телезрителям. Однажды мне позвонил один из боссов НТВ и извиняющимся тоном сказал: «Вань, ты ж понимаешь, как я к этому отношусь. Чушь всё это собачья! Но не мог бы ты мне выдать кучку своих сердец? Родственники и знакомые достали!»

ЮБ. Мне этот аквариум представляется образом идеального телевидения! Но говорят, его дежурный по чудесам даже впоследствии побывал у филиппинских хилеров?

ИК. Никогда не забуду этой поездки на Филиппины! Причём мы были не у городских цивилизованных специалистов по операциям с помощью пальцев, а в самой глубинке страны, где не ступала нога белого человека, у посконных целителей, которые заменяют там лечебные центры и ведут приём всего окрестного населения. Можете ли вы себе представить какое-нибудь наше медицинское учреждение, где бы врач осматривал больного на глазах у всех посетителей, и тот, нимало не смущаясь, публично бы обнажал при необходимости любые части своего бренного тела? Я ложился, раздевшись практически догола, на стол, и из меня вынимали какие-то кровяные сгустки в присутствии остальных страждущих, сидящих как на представлении. Уже в Москве разные специалисты объясняли мне этот метод лечения ритуальностью, выработанной веками. Кто-то даже говорил о проникновении под кожу на молекулярном уровне с помощью коллективной энергии. И только когда совсем недавно я попал в руки нашего отечественного уникального массажиста, до меня дошло, что хилеры реально добираются до любых внутренних органов, но не насквозь, а снаружи. Просто доскональное знание тела, сила и навыки их пальцев позволяют делать это точечно и целенаправленно. Остальное — психологический и религиозный фон, мобилизующий все скрытые резервы организма.

ЮБ. И однажды, Иван Арсеньевич, вы решили проверить эти резервы, оставшись в одиночку на абсолютно безлюдном острове?

ИК. Где соприкоснулся с настоящим и необъяснимым чудом! По приглашению одного из гостей «Третьего глаза», а именно итальянца Джорджио Бонджованни (знаменитого своими незаживающими стигматами в тех местах, в которых у Христа были раны от гвоздей при распятии), я очутился на берегу Адриатического моря. В поездке подружился с одним просветлённым буддистом из Питера. Его звали Саша. Принимали нас скромные итальянцы, и мы ночевали вдвоём в одном номере. Каждое утро я просыпался под монотонное чтение Сашиных мантр. Потом мы оказались на Сицилии. А когда настала пора возвращаться в городок под Римом, я заартачился и попросил оставить меня на острове. Добрые итальянцы пошли мне навстречу и разместили по-царски. Была осень, и под Катаньей пустовало целое поселение, состоящее из летних апартаментов для горожан. Я стал жить в одной из квартир. Один среди десятка пустых домов. Ночью начался страшный шторм. Вырубилось электричество. Я вышел на балкон. Прямо у моих ног с грохотом обрушивались на прибрежные камни огромные волны! Жутковато засосало под ложечкой. И вдруг я услышал Сашины мантры. Я не мог ошибаться, я уже привык различать их сквозь сон. Этого не могло быть, но это было. Я простоял на балконе до рассвета, написав под утро стихи:

Забился мотылёк о стёкла,
И сон спешит в небытиё,
Из головы восходит блёкло
Изображение моё.
Среди застывших в сладкой коме
Добротных, преданных вещей,
Один, в чужом пустынном доме,
Я стал бессмертным, как Кощей,
И, руки вытянув вдоль тела,
Вдоль Духа, Сына и Отца,
Гляжу туда, где ждать посмела
Душа от вечности гонца.

ЮБ. Можно, я попытаюсь объяснить необъяснимое? Произошло выворачивание, или инсайдаут, как сказал бы хорошо знакомый мне московский поэт и философ Константин Кедров. Бушующее море, подхватившее мантры, вывернулась в Ивана, а Иван, стоящий на балконе, вывернулся в море!

ИК. И дальнейшая встреча это подтвердила! Улетали мы с Сашей из Рима одним рейсом. Встретились в аэропорту как родные. Разумеется, первым делом я спросил его, помнит ли он тот день, когда я остался на Сицилии, а он уехал. «Ещё бы! — ответил он. — В ту ночь разыгралась страшная буря!» — «И как тебе спалось?» — спросил я, замерев сердцем. «Да никак, я пошёл к морю, сел на берегу и стал читать мантры перед бушующей стихией». — «Я слышал их! — заорал я возбуждённо. — У себя на балконе! За сотни километров! Представляешь?!!» — «И что тут такого? — сказал, улыбаясь, просветлённый буддист, даже не поведя бровью. — Ты же был практически рядом. А они доходят и до более далёких и высоких сфер».

Спустя какое-то время я стал продюсером нового молодёжного ток-шоу на российском телевидении. По рекомендации Саши мы назвали его «Акуна матата», что на суахили означает нечто вроде «Всё будет хорошо!».

3. Хороший мальчик в стане наглых

ЮБ. Помнишь из Саши Ерёменко: «И словно в помойную яму, в цветной телевизор глядит»? Среди моих знакомых всё больше тех, кто вообще не смотрит телевизор! Принципиально. То есть в их квартирах телевизоров нет как таковых! И это — интеллектуально развитые люди: композиторы, писатели… Или — другая, более распространённая картина: как-то я застал своего старинного, ныне покойного, друга Леонарда Постникова, создателя знаменитого Чусовского этнопарка и, между прочим, заслуженного работника культуры России, за весьма незатейливым и бесперспективным занятием — человек монотонно переключал на пульте один канал за другим, и нигде душа его не могла остановиться… Сколько теперь в нашей стране таких — безостановочно переключающих?

ИК. Телевидение умерло! Да-да, я не оговорился: оно мертво. И то, что твои знакомые принципиально от него отказываются, всего лишь констатация этого факта. Оно реально не существует в том всемогущем виде, в каком существовало в мою телевизионную бытность. Телевидение стало маленькой крупицей всепроникающего и вездесущего Интернета. А он, в свою очередь, — предтеча всемирной виртуализации как естественной среды обитания человека будущего.

Но я скажу о том, чем для меня был телевизор. С детства. Он был всевидящим оком. Инструментом познания мира. Это при том, что мои родители принципиально его не покупали. Мало того, они его презирали, совершенно справедливо видя в нём воплощение того, что было им противно и чуждо, — лицемерия власти (они никогда не были партийными), идеологической шелухи и тотального вранья. А я был активным пионером и комсомольцем и бредил возможностью запечатлевать пространство и время в движущихся картинках. Мысленно представляя зрительный образ Останкино, я спрашивал себя: «Что за счастливчики обретаются в этом гигантском магическом кристалле из стекла и бетона, в котором пересекаются миллионы судеб, куда стекается информация обо всей человеческой цивилизации и где визуально воплощается весь мир?!» Мне в сладких сновидениях являлись чередой многочисленные телевизоры, которых у нас, соответственно, отродясь не было. Смешно, но ещё маленьким мальчиком, сидя в туалете, я воображал себя телеведущим.

Сны, как ты знаешь, сбылись. В недосягаемый и вожделенный мир телевидения я попал до банального просто и практически случайно. Одна моя сокурсница по журфаку МГУ, с которой я был знаком весьма поверхностно, мимоходом услышав о моих мечтаниях, проявила вдруг необъяснимое великодушие и написала короткую и незамысловатую записку: «Владик, возьми мальчика на работу. Хороший». И объяснила, куда и к кому идти. Таинственный Владик, как полагается классическому телевизионщику, в вельветовой куртке, фирменных джинсах и с усами, выкатился ко мне навстречу из стеклянных крутящихся дверей Останкино, как счастливый шарик из лототрона. Задушевно со мной поздоровался, потом позвал ещё более классического телевизионного персонажа с благополучным пузиком и дымящейся трубкой в зубах, и они хором задали мне один вопрос: «Наглым быть умеешь?» Разумеется, я с жаром ответил: «О да!!! — не преминув добавить: — Для дела исключительно». Это и решило мою судьбу.

ЮБ. Как человек, несколько раз побывавший в Останкино, могу засвидетельствовать, что этот «гигантский магический кристалл из стекла и бетона» восхищает и подавляет одновременно ум и душу новичка. Кажется, здесь начальник на начальнике и начальником погоняет. Наверное, можно прожить целую вечность и так и не увидеть самого главного телевизионного босса?

ИК. Вспоминается, как однажды возле нашего с операторами столика в межстудийном холле, в самый разгар весёлого трёпа, остановился какой-то небольшого роста, одетый в костюм мышиного цвета, лысоватый дедок в очках. И ворчливым тоном, тыкая в воздух пальцем, стал отчитывать меня за то, что я сижу на подлокотнике кресла и тем самым наношу непоправимый урон государственной собственности. Я обалдел от таких нелепых нравоучений и хотел было уже вспылить, но вовремя увидел напрягшиеся лица своих разбитных собеседников, делавших мне за спиной у «пенька» (как я про себя его обозвал) отчаянные знаки, и молча сполз с подлокотника. «Пенёк» ещё раз погрозил мне пальцем и, сказав: «Чтоб это было в последний раз», — удалился в сопровождении молчаливой свиты. Мои операторы облегчённо заржали и объяснили мне, что я был на волосок от гибели. Лысоватый сварливый дедок, действовавший в лучших традициях классического дворника, оказался не кем иным, как великим и ужасным Сергеем Георгиевичем Лапиным — всемогущим председателем Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию. Это я уже потом узнал, что у него дома одна из самых больших частных библиотек,

что он большой знаток классической музыки, истинный ценитель высокого искусства и при этом отчаянный антисемит.

юб. У меня тоже была эпохальная встреча. Если вернуться к нашим с тобой трёхколёсным велосипедам, то как-то, катаясь в сопровождении папы и мамы на своём трёхколёснике по центру Чусового, я вдруг распознал на противоположной стороне улицы диктора Центрального телевидения Виктора Ивановича Балашова! И с восторгом сказал об этом родителям. Ну не привиделось же мне?! Не ведаю, какими путями Виктор Иванович оказался в уральском городе металлургов, где прошли мои детство и юность, но это был именно он. Он ведь чуть прихрамывает?

ик. Прихрамывает… Я очень хорошо знаком с Виктором Ивановичем. Патриарх дикторского цеха, с завораживающим баритоном и неповторимым чувством юмора, красивый, благообразный, высокий и всегда ходящий гордо и прямо, несмотря на ранения, полученные во время Великой Отечественной, он был одним из первых приверженцев экстрасенсорики. Мы ещё не знали этого слова, но уже знали, что если подойти к Балашову прямо в коридоре с любой проблемой по здоровью, то он, приговаривая своим неподражаемым голосом какие-нибудь ласковые слова, поводит вокруг тебя излучающими тепло ладонями, и недуг пройдёт, боль утихнет или исчезнет вовсе. От него мы впервые услышали имя профессора Спиркина, создавшего тайную лабораторию экстрасенсов. Сейчас Виктору Ивановичу уже за девяносто. Дай Бог ему здоровья!

юб. Понимаешь, что отличало телевизионщиков прежней формации от нынешних? Абсолютная узнаваемость. И не во фронтовой хромоте дело — в роскошном голосе, во внешнем и внутреннем благородстве, в профессионализме высшей пробы. Сходными же качествами, как мне представляется, отличался и Владимир Молчанов, пришедший к зрителям уже в перестроечную пору. В памяти — Эдуард Сагалаев, один из отцов-основателей новых молодёжных программ (в тысяча девятьсот восемьдесят шестом я учился в Высшей комсомольской школе при цк влксм на отделении журналистики, и он вёл у нас телевизионный семинар, судя по всему, уже приглядываясь к потенциальным «космонавтам» программы «Взгляд»). Мы помним «взглядовцев» — Листьева, Любимова, Захарова, Политковского, Мукусева, Ломакина, Флярковского, Артёма Боровика… Издевательскую кожанку Невзорова… Пролью бальзам и на твою душу — помним «12 этаж», «Пресс-клуб» и в целом атв. Само собой, это уже было другое телевидение — не такое, как при Балашове, оно так и осталось многообещающим во всех смыслах этого слова. Но — осталось.

Парадокс в том, что нынешнее тв взрастило себе подобных. Это — в целом по стране. Вынянчило собственную аудиторию, которая в дальнейшем частично стала студией. То есть запрос осуществился. Если брать только типажи федеральных каналов, иногда кажется: эфир рейдерским захватом прибрали к рукам братки из девяностых — тотальный Нагиев с его тухловатыми байками про деда, Аверин, вечно ужимающийся, как цирковая обезьянка, будто выскочивший из сержантской учебки Шейнин (примечательно, что его дублёр по ток-шоу «Время покажет» Кузичев обмолвился на голубом глазу: «Я не хочу, чтоб мы выглядели как какие-то гопники!»). В общем, если бы не Екатерина Стриженова из той же программы, напоминающая Аксинью из «Тихого Дона», зрительскому взгляду не на ком было бы отдохнуть. Но возникает вопрос: отчего, к примеру, до сих пор узнаваема диктор затонувшей советской Атлантиды Анна Шатилова, активно украшающая собой сегодняшние телешоу? А вы попробуйте провести рокировку во времени: мысленно переместите к «затонувшим» нынешних телеперсон и предложите им сделать то, что делали «затонувшие». Вы увидите, как они мгновенно потускнеют и потеряются на фоне «атлантов». Тут так и хочется — голосом Высоцкого: «Ой, Вань, гляди, какие карлики!»

ик. Юра, как я уже сказал, сейчас герои экрана (а точнее — монитора) появляются в Интернете, а не в телевизоре. Твой тёзка Дудь имеет аудиторию, сопоставимую с аудиторией большого федерального канала! Мне скучно говорить про сегодняшнее телевидение…

юб. Но ведь на сегодняшнем телевидении работает другой мой тёзка — Юрий Иванович Кононов, главный режиссёр утреннего вещания Первого канала! Все знают, что сын за отца не отвечает, но отец-то — за сына?

ик. Юра делает не передачу, а практически канал в канале. Он даже так называется — «Доброе утро» на Первом, каждый день — четыре часа эфира! Делает его по законам социальной сети. Короткие сюжеты, приближённые к повседневным заботам человека, эфир онлайн. Телевидение до сих пор — мощный разносчик сигнала. При этом делает он это здорово. Потому что профессионал. Но только кто сказал, что ему это очень нравится?

юб. Ага, значит, ты всё-таки хоть изредка, но телевизор смотришь? Тогда поймёшь мои во многом уже риторические, вопросы. Что и кого

я должен узнавать на теперешнем ТВ? Взаимное и многоканальное изнасилование Украины и России? Подлинность анализа мочи Бари Алибасова? Леворукого танцора диско Игоря Прокопенко, наводняющего на РЕН ТВ мультяшные ужасы «шокирующими гипотезами»? Экающего и мекающего Андрея Малахова, похожего на Аль Бано, недавно перешедшего с итальянского на русский? Может, для кого-то он — свет в окошке, однако царственная Элина Быстрицкая, принявшая участие в его ток-шоу, помню, заметила: «Андрюша, зачем вы так истошно кричите?!» Но, судя по всему, Андрюша уверовал в свою тотальную узнаваемость, и в самооценке ему не откажешь: «Если ты что-то делаешь хорошо, ты будешь вне конкуренции, ты — номер один». Ручаюсь за цитату, ибо эту отлитую в золоте фразу он обронил в «Прямом эфире» двадцать второго мая сего года. И она так меня позабавила, что я потрудился её записать.

ИК. Ну правда, вот как на духу: телевидение мертво. Но разлагаться будет ещё достаточно долго. Максимум лет пять. Кстати, когда я был проректором в институте телевидения и радиовещания «Останкино», то ещё в две тысячи девятом году пытался втолковать студентам, что им выпало счастье попасть в революционную эпоху смены приоритетов. Что вот-вот роль всепроникающего ока целиком и полностью перейдёт к Интернету. Каналов — тысячи. Каждый — сам себе телекомпания. Тогда они не прислушались ко мне, и я через пару лет покинул преподавательское поприще. Сейчас всё, о чём я говорил, — уже реальность. Поэтому способы поглощения видеоинформации сегодня практически не имеют отношения к телевидению как таковому. И процесс этот необратим. Следующий шаг — внедрение чипов внутрь человека. Тот же изобретательный миллиардер Илон Маск уже заявил об успешных испытаниях подобных технологий. А для меня это повод зафиксировать и осмыслить в слове всё происходящее в виртуальном пространстве:

Для единения сограждан
Порядок новый нынче дан:
В любом пространстве перед каждым —
Прозрачный сенсорный экран.
Будь ты плебеем или ВИПом,
То — в кайф, то — с горем пополам,
Тебя ведут внедрённым чипом
К великим мыслям и делам.

ЮБ. Благодарствуем, Иван Арсеньевич, за начертанную перспективу!

ИК. Это из поэмы «Операция „Резус-фактор“, или История одного бессмертия». Впрочем, для меня моё телевидение всегда было сродни поэзии. Поиск рифм и созвучий внутри полифоничной действительности. По-моему, Андрей Битов писал в «Улетающем Монахове» о рифмах судьбы и жизни. Так происходят открытия. В обществе рефлексирующую роль исполняет искусство, а задачу рефлектирующего рефлектора должна решать журналистика. Особенно — электронная. Особенно — усиленная Интернетом. Что, собственно, и происходит. Журналистами становятся все пользователи социальных сетей поголовно. Не успеет появиться какая-либо информация, тут же — море комментариев и версий…

ЮБ. Не смеши меня, Ваня! Называть журналистами всех пользователей соцсетей поголовно?! Мой друг и собрат по былому собкорству в «Комсомольской правде», живущий в Екатеринбурге, Сергей Авдеев намедни написал в тех же соцсетях, что он в одночасье сделался вдовцом. Ибо приказала долго жить его профессия — журналистика. И это не кокетство. Серёга, будучи мастером своего дела, получает пособие по безработице. Потому что мастера опасны, во всяком случае, невыгодны в среде дилетантов и подмастерьев, которые сегодня, по преимуществу, заняли все ниши. Мастера — изгои. А ты мне — про поголовную журналистику!.. Да, обнародованное в Интернете вдовство Сергея Авдеева тут же обросло тысячами солидарных онлайн-откликов и комментариев. Но считать эти отклики и комментарии журналистикой?! Извини. Тогда следует придумать какое-то другое название. Например, «Крики чаек». Это — когда с палубы летит голова вяленой воблы, а чайки — скопом! — на неё набрасываются. Что касается газет, то почти все нынешние газеты — клоны. Один формат, одна подача, один язык, точнее, полное его отсутствие. Всё — в остатке. «Мы — остаток России! / Золотой генофонд!» — как заметила поэт Людмила Щипахина. И наш сегодняшний разговор — не попытка ли вернуться в этот «остаток»? Потому что с журналистикой — то же самое, что и с твоим телевидением…

ИК. Моего телевидения нет. А нынешнее стало рефлектором в одну сторону. От экрана — в массы. Превратилось в кинобудку, в источник развлекаловки и разжёванных новостей. Исчезла мощная коммуникационная миссия с обратной связью. Общественный мозг, как и индивидуальный, без рефлексий управляем, но не самостоятелен и беспомощен перед новыми вызовами.

ЮБ. Я имел возможность посмотреть на ЦТ изнутри. Причём ещё во времена, когда там в литдраме работали Йонас Мисявичус и Максим Иванников. Они снимали «Поэтические вечера». С Максом мы сдружились. Сдружились

так. В тысяча девятьсот восемьдесят четвёртом году оказались в одном семинаре на восьмом Всесоюзном совещании молодых писателей. И поэтической гурьбой пошли выпить пива на чью-то фатеру. Сижу я на диване. Заходит Макс. Бледный. И, кривясь лицом, цедит сквозь зубы: «Пять таблеток анальгина!» И едва ли не спихивает меня с дивана. Само собой, мне это не понравилось. Я предложил помериться силой рук.

> Рука моя рухнула в пропасть мгновенно!
> Я оказался на полу вместе со стулом…

Это уже — из моего верлибра, написанного потом. Я его так и назвал — «Пять таблеток анальгина». С посвящением. Помню нашу последнюю встречу в какой-то московской кафешке. Это уже — где-то в середине первого десятилетия двухтысячных. Макс открывает подаренную ему книгу «Не такой» на странице, где те самые «Пять таблеток…». И не без гордости демонстрирует посвящение своей очередной пассии. Поскольку Макса больше нет (недавно я зашёл в Интернет, набрал его фамилию и с прискорбием это обнаружил), позволю себе ещё несколько строк:

> Он проходил по улицам —
> высокий, рыжебородый, пятнистый,
> и на него заглядывались
> лучшие женщины Города.
> А он
> не мог заглядываться на них.
> С осколком в животе
> он шёл мимо женщин…

Но, как мы видим, это женщины вонзались в него, как осколки. Макс вернулся из Афгана. Он показал мне, что такое ночные монтажи на ЦТ. Когда в конце восьмидесятых я создал группу «Политбюро» (Пермское объединение литературных бюрократов), ставшую лауреатом первого Всесоюзного фестиваля поэтических искусств «Цветущий посох» на Алтае, Иванников пригласил всех членов «Политбюро» с неофициальным визитом в молодёжную студию «Останкино». Был просмотр нашего выступления. На нём присутствовал Политковский. Затем «Политбюро» отбыло в места не столь отдалённые — кто в Пермь, кто в Екатеринбург, а через некоторое время мы с удивлением обнаружили, что на ЦТ появилась новая авторская программа человека в клетчатой кепке. Сам понимаешь, как она называлась…

ИК. «Политбюро»…

ЮБ. Члены «Политбюро» даже не поставили это Политковскому на «ВИD». Разница в чём? Над нашим «Политбюро» тяготела статья УК, так называемая одиннадцатая-прим — за публичные оскорбления или дискредитацию высших органов власти. Я, например, был «генсек», Слава Дрожащих — «секретарь по идеологии и сельскому хозяйству» (намёк на Егора Лигачёва), Юра Асланьян — «министр внутренних дел», Толя Субботин — «кандидат в члены Политбюро». Это сейчас вызывает снисходительную улыбку. А тогда, бывало, люди шёпотом переспрашивали: «Какое Политбюро вы имеете в виду — горбачёвское или, извините, пермское?» То есть мы рисковали. А с утверждением в эфире «Политбюро» Политковского эта статья уже фактически не применялась. Другая страна. Уже можно было всё. Без особой оглядки. Конечно, Политковский — герой. Кто спорит?

ИК. Сашу я притащил в молодёжку из спортивной редакции. Я видел его сюжеты, в которых всегда проступали свой почерк и тонкая ирония, и посоветовал Сагалаеву пригласить его к нам. Он не сразу раскрылся. Но однажды, в одном из материалов с мероприятия Московского фестиваля молодёжи и студентов (тысяча девятьсот восемьдесят пятый год), снял кадр, в котором во время показа мод шёл неузнаваемым, спиной к камере, вместе с манекенщицами. В той самой, ставшей потом знаменитой, клетчатой кепке. И вдруг обернулся, в его руке оказался микрофон, и он начал репортаж. Так начался фирменный стиль Политковского. Про твоё «Политбюро», естественно, никто в Москве не знал, и мы все восприняли его новый авторский формат на ура.

ЮБ. Ну как никто? А Макс Иванников? Тот же Политковский? Насколько мне известно, Макс уходил с Центрального телевидения. И не раз. Уезжал работать в Нижневартовск. Потом — чуть ли не в Мурманск. А ведь он участвовал в съёмках фильма «Лев Николаевич Толстой. Последние дни», сделал первые двадцать восемь эфиров «Взгляда», был режиссёром таких запоминающихся программ, как «Намедни», «Портрет на фоне», «Кремль-9», финалистом «ТЭФФИ». Почему штучные люди покидают «Останкино»? На слуху, кроме Максима Иванникова, пример Владимира Мукусева, который после «Взгляда» работал где-то в Сибири… Что это, если не форма изгойства? Или духовные метания здесь ни при чём и всем и всеми рулят пресловутые «бабки»?

ИК. Припомнил, как девятнадцатого августа тысяча девятьсот девяносто первого года мы с Максом Иванниковым поехали на Товарно-сырьевую биржу Кости Борового, прошлись вместе с представителями только зарождающегося класса предпринимателей и их пятидесятиметровым «флажком» по Лубянке и Тверской, потом двинулись к Белому дому. Вечером снимали нападение ОМОНа на «Эхо Москвы»

и отпугнули захват радиостанции. С Максом я работал и после того, как ушёл из АТВ. Это длилось довольно-таки долго, но ничем значимым, увы, не закончилось. Ни разу не слышал от него про Афган. Он вообще-то в годы этой войны работал в литдраме, и я не очень представляю, как он мог туда попасть…

ЮБ. Он даже мне стихи свои показывал — госпитальные, наполненные запахом йода, по-моему, в журнале «Смена» напечатанные… По приглашению Макса я участвовал во внутреннем вечере Останкинского телецентра, где среди прочих выступали Сергей Беликов и Юрий Беликов, а последний читал всё те же «Пять таблеток анальгина». Помню, ко мне по окончании концерта подошёл благодарный парнишка с медалью на груди, и я его свёл с героем своего стихотворения, то бишь с Максом…

ИК. Очень печально, что Макс так безвременно ушёл. Но, отвечая на твой вопрос, хочу сказать, что выпадение из телевизионной обоймы у каждого происходит по-разному. Иванников уезжал в Сибирь не от невостребованности. Он достаточно успешно в то время работал режиссёром над документальным сериалом «Кремль-9». Просто ему хотелось своего дела, где он был бы хозяином, в том числе и по финансовым вопросам. И он создал свою студию. С Москвой при этом связи не рвал, но в команде чувствовал себя белой вороной. Володя Мукусев пошёл с открытым забралом в бой на «взглядовцев». Опубликовал полный обид и претензий к своим бывшим коллегам материал в «Огоньке». За что и поплатился.

ЮБ. Представь, у меня этот материал — в памяти: он был, ко всему прочему, ещё и хорошо написан! Ну а что приключилось с тобой?

ИК. Приведу одну почти что притчу — об НТВ, чью аббревиатуру на какой-то годовщине компании я предложил расшифровать как «Ну Ты Ваще!».

Опускаю то обстоятельство, что нынешнее НТВ — это вам совсем не прежнее НТВ. О мощи именно того, первоначального, общественно-политического явления говорит тот факт, что его два главных действующего лица и по сию пору определяют медийную конфигурацию не только в России, но и за рубежом. Добродеев, подобно теневому Победоносцеву держащий в руках «духовные скрепы» Отечества, и Киселёв — этакий Герцен, пытающийся быть колоколом в Украине. Произошедший между ними разлом, как известно, был болезненным, но, увы, закономерным. В своё время команда НТВ также вклинилась в живой и развивающийся телевизионный организм. Как это было?

В девяносто втором году новый председатель Российской телерадиовещательной компании «Останкино» Егор Яковлев поручил команде «Авторского телевидения» вытащить из помойки четвёртый государственный канал. Канал повторов и заплесневелых учебных программ. Генеральным директором был назначен Анатолий Малкин, главным редактором — Иван Кононов, главным режиссёром — Дмитрий Дибров. Оставив у «Российских университетов» самые лучшие передачи, мы начали заполнять эфир нестандартными сериалами и оригинальным контентом. Именно тогда Львом Новожёновым было запущено легендарное «Времечко». Мы с Димкой ещё взяли на себя и ведение многочасовых прямых эфиров из студии с гостями и телефонными звонками. Канал стал заметным буквально за один год с небольшим. Тут и объявился Гусинский со товарищи. Те, кто начинал тогдашнее НТВ, — Малашенко, Киселёв, Добродеев, Цыварев — реально были моими товарищами и по-товарищески предлагали мне остаться главным редактором. За что я им очень признателен. Но я, будучи одним из создателей и вице-президентом АТВ, дважды отказывался от этого заманчивого предложения по соображениям корпоративной этики. До сих пор не могу понять: как я посмел и сумел отказаться? Думаю, что и мои друзья тоже этого не поняли и до сих пор считают меня, мягко говоря, странным.

Далее — беспрецедентный поворот событий. Сначала Ельцин подписал указ о передачи части «нашего» канала НТВ. Потом его отменил!!! И через какое-то время подписал заново!!! До сих пор так и неясно, кто и как боролся за дрожащую с похмелья руку Бориса Николаевича, какие деньги и с чьей подачи изменили ход событий. Гусинский провёл блестящий блицкриг, сломав государственную машину. Другое дело, что она уже сама дышала на ладан. У Ельцина был шанс реконструировать государство с помощью частного капитала, находящегося у первого под контролем, но он предпочёл (или, скорее, его принудили) спустить тормоза и отдать всё на откуп «дикому капитализму». При этом НТВ действительно совершило прорыв, особенно в информационном пространстве. Жаль только, что на удобренном нами поле. Мы остались друзьями. По-дружески довольно-таки долго ребята выпускали в эфир мой «Третий глаз». Выходило и «Времечко» до тех пор, пока не показало свой строптивый характер. Я и сам недолго проработал после этого в «Авторском телевидении». Будучи вице-президентом и членом редсовета, в один прекрасный момент ушёл в никуда, осознав, что «суета под заказчиком» стала главным движущим стимулом и залогом выживаемости компании. Я остался не удел.

На телеке всегда так: сегодня ты на коне, а завтра… Сам видел, как вчерашние телебонзы с зарплатой в пять кусков вдруг падали. Одна вот так рассылала своё монументальное резюме. Без копейки сидела, пока не устроилась помрежем во вшивенькую программу. Что уж говорить мне? Ты прав: опытные люди, да ещё с именем, опасны для тех, кто уже присел на какие-то деньги. Но у кого-то ведь получается продать душу дьяволу? Однако я кастинг не прошёл…

юб. Кажется, мы дописали песенку об изгоях?

4. Глубоководный аппарат «Россия»

юб. Знаешь, когда нечеловеческое в людях зашкаливает, я с этих телеканалов «спрыгиваю» на «Animal Planet»—«Планету животных»… Глубокоуважаемый Иван Арсеньевич, можно, я в связи с этим наступлю вам на хвост? Вы ведь у нас ещё и актёр? Снялись в нескольких игровых фильмах?

ик. А что, актёры… с хвостами?

юб. В известном смысле—да. Во всяком случае, их модно стало заводить, как кошечек и собачек. Раньше, в эпоху «отчаянного антисемита» Лапина, в телевизоре появлялись космонавты, передовики производства, даже некоторые поэты, а теперь на тв водятся исключительно актёры. «У нас что—страна актёров?»—недоумевает моя мама. Какое ток-шоу ни возьми—«Сегодня вечером», «Пусть говорят», «На самом деле», «Судьба человека», включая программу твоего друга-«миллионера» Диброва (я уж молчу про Малахова с его «Приветом»),—сплошные актёры артистовичи. Так и хочется крикнуть: «Ужо! Нет на вас царя Алексея Михайловича!» Недаром он своим приснопамятным указом изводил скоморохов как бесовское семя и те бежали в сторону будущей Украины. Но когда-нибудь количество должно было перерасти в качество? Вот и на той сторонушке скоморох сел в президентское кресло. Не кажется ли вам, Иван Арсеньевич, что русский царь-то был прозорливцем, и не самое ли время воротиться к его указу?

ик. Тут всё очень просто. И понятно без царских указов. На всех каналах у редакторов по гостям установка одна: нужны так называемые медийные лица. То есть зрители прежде всего, на их взгляд, реагируют на того человека, которого знают. На популярную физиономию. Всё остальное—производное. Если у него ещё язык подвешен да он на него остёр и несдержан, то вообще—находка.

юб. Сказать, как реагируют зрители? Одни продолжают смотреть, потому что зомбированы. Другие раздражены, но смотрят по инерции. Третьи исходят тихой злобой. А правду ищут в стихах Ивана Кононова: «Слабительным лечи свои запои, / Но только телевизор не включай!», «Краснела кнопка от стыда на пульте…», «Я сам стал Ксенией Собчак… Ведь нет других уже ни в ком, / Кругом—её манеры, вкус…». А вот и вовсе—как будто царь Алексей Михайлович взорвался во гневе и, потрясая скипетром, благословил изгнание телевизионных завсегдатаев:

> Бандюганы, бомжи и буржуи,
> Девки—выбриты, парни—гундосы,
> Говноеды, скоты, смехожуи,
> Фраера, упыри, соплесосы…

Ух! Прямо дрожь пробирает от этих «жи», «жу», «жо». И при этом ты со многими персонажами собственных стихов—на дружеской ноге?

ик. Недавно на тусовке встретился и обнялся со своими старыми друзьями и просто знакомыми. С Журбиным—почтительно, потому что он памятник. С Богомоловым—заискивающе, потому что хочу к нему на премьеру. С Вишневским—многозначительно, потому что… Конец одностишия. С Хакамадой—смущённо, потому что она мне сказала, что я хорошо выгляжу, а сама с кавалером. Со Свиридовой—нежно. Это даже объяснять не нужно. С Бильжо—тоже нежно, просто потому, что я так к нему отношусь. С Орлушей—не целовался. Потому что он однажды меня подъеднул. Ну, я и боялся, что опять подъеднёт. Мне оно надо?

юб. Небожители наши! Вань, тогда непонятно вот что: перечисление тех, с кем ты близко знаком, в том числе и из мира литературы, заняло бы неприлично много страниц. И, тем не менее, однажды ты обратился из Москвы в далёкую Пермь со своего рода челобитной—попросил принять тебя в дикороссы, Кстати, есть такие фирменные майки, на которых отпечатаны бородатые неприбранные мужики с топорами, а над ними так и значится: «Прошу принять в дикороссы!» То бишь—в сообщество неизвестных поэтов. Спрошу тебя, как ворон Вознесенского: «А на фига?»

ик. Юра, я знаком с огромным количеством знаменитых и высокопоставленных людей. В основном они знают меня как экс-телезвезду. Кто-то—как автора пары хитов, которые известны практически каждому. И почти никто не воспринимает меня как человека, пишущего стихи. При том, что со временем я понял: самое главное дело моей жизни—именно это. И мне крайне важно быть услышанным. Вот почему я сразу был готов записаться в дикороссы! Потому что ты создал уникальное сообщество людей, страждущих Слова. Настоящего

читателя и ценителя поэзии сейчас днём с огнём не сыщешь. Люди, пишущие стихи, растут не в культуре, не окультуренными растениями, а дикими. Не опылёнными, не политыми, не подстриженными, а непонятыми, одинокими, невостребованными. И тянутся друг к другу. Ты в своём пермском энергетическом аномальном треугольнике сконструировал эту удивительную поэтическую воронку, жадно всасывающую всё самое главное в жизни, выраженное словами. И через неё наполняется редчайший сосуд вечно живого и животворящего русского Слова. А что касается меня, то и телевизионная, и общественная, и бизнес-деятельность — это материал для поэзии. Я сейчас, уйдя на пенсию, чем только не занимаюсь. И Арктикой (я член правления Фонда «Артика сг»), и Евразией (один из авторов и создателей глобального выставочного проекта «Большая Евразия»), и отечественными товаропроизводителями (главный редактор одноимённого издательского дома). Занимаюсь, используя все мои многочисленные контакты и наработки. И всё это, как ты видишь, — глобально. И всё это — повод задуматься и высказаться о вещах основополагающих и глубоких. Я медленно, но верно пытаюсь перейти в другой статус узнаваемости. Глядишь, годкам к семидесяти окончательно созрею для этого! А пока больше всего радуюсь тому, что муза время от времени спускается ко мне и диктует вещи, расширяющие моё понимание бытия. Поэтому понаписал целый ворох больших вещей в стихах: от скоморошьего сказа «Русский человек» (привет царю Алексею Михайловичу!) до поэмы «Гиперборейцы. Воскрешение».

юб. Мне выпала честь стать одним из первых их читателей. Так, дважды прочитал «Гиперборейцев». Если бы я прочитал один раз, было бы худо. Потому что всё истинное притягивает и отталкивает одновременно. Это я такой закон вывел. Оттолкнуло — и больше не читаешь или не смотришь. Притянуло без отталкивания — тогда зачем ещё раз притягиваться? А когда притянуло и оттолкнуло — ага, есть что постигать. Наживка. Вообще, поэма — жанр опасный. А ты в этом смысле — как Твардовский и Сельвинский в одном лице. Сколько поэм ты уже наворотил?

ик. Сейчас посчитаю… Пять! Это только поэмы. Плюс четыре пьесы в стихах, два мюзикла и сценарий фильма со всеми моими ростовскими песнями.

юб. Опасность жанра поэмы в том, что уйдёшь в повествовательность — оттолкнёшь без притяжения. Напротив, затяжные эмоциональные вопли, где отсутствует хоть какой-нибудь сюжет, чаще всего остаются одноразовыми для чтения. В «Гиперборейцах» же всё как на весах приказчика (таким ты рисуешь образ качающейся палубы прибывшего на Соловки теплохода). Яркие персонажи. Смычка времён. Чекист-истязатель Когтев и заключённый писатель-оккультист Гордынин. Блогерша Груня и репер Дрыщ. Я так понимаю, все — вымышленно-собирательные?

ик. Когтев, он же Ногтев, — первый начальник Соловецкого лагеря…

юб. А также — Горький и Бокий, начальник департамента нквд. Исторические фигуры.

> Под расстрел подставляет голову
> Зачарованный монастырь.

Много визуального — изобличающего автора в телевизионной и кинематографической практике. Например, фуражки и бескозырки, лежащие на локтях. Или — отплывающий Горький на теплоходе «Глеб Бокий» и машущий ему с берега фуражкой Бокий, играющий желваками. Но главное — образы Арктиды, мифической Гипербореи, поиск которой в свете всех уже начавшихся природных катаклизмов, спровоцированных таяньем ледников, может в ближайшем будущем обернуться новым периодом развития Земли. И президент автором не обижен — он тоже действующее лицо поэмы. Как и положено, в курсе происходящего — думает над феноменом Воскрешения гиперборейцев и вообще феноменом Воскрешения. Образ пули, висящей во времени и пространстве. Образ глубоководного аппарата «Россия». Всё работает. И не просто работает — болит!

> То пули соловецкой злая сила
> Проделала смертельный свой кульбит.
> Глубоководный аппарат «Россия»
> Был временем безжалостно подбит…

ик. Ты знаешь, мне стало конкретно страшно, когда замысел, ещё не до конца оформившийся, вдруг стал на моих глазах воплощаться в жизнь. И именно это переплетение вымысла и реальности выстроило весь сюжет. Экипаж «Лошарика» в моей поэме стал командой глубоководного аппарата «Россия», которая состояла из прямых потомков палачей Соловецкого лагеря особого назначения и которая погибла от той самой расстрельной пули, пущенной из того времени и набравшей за этот период страшную разрушительную силу! А когда глава государства спустился на дно Баренцева моря в батискафе, мне совсем поплохело. Тем паче что я стал натыкаться на комментарии «специалистов», в которых всерьёз утверждалось, что все наши подводные, зачастую трагические, эпопеи были связаны с поиском некоего портала в иные миры. В том числе — за бессмертием…

Вообще, я переключился на большие тексты в стихах потому, что обнаружил в них удивительную способность выводить меня на какие-то обобщения, объяснения и прогнозы, недоступные моему обыденному пониманию. Они дисциплинируют мыслительный процесс, заставляют волей-неволей вытаскивать изнутри весь жизненный опыт и обрывочные знания, чтобы воспроизвести целостную картину мира. Прежде всего — для самого себя. К тому же уже написанные и возникающие вновь зарифмованные строчки не распыляются по отдельным стихотворениям, а существуют сообща, давая мне ощущение полноценного осмысленного бытия. И в этом процессе поиск и находка правильной, уместной, свежей рифмы абсолютно тождественны открытиям и озарениям естествоиспытателя. И теперь я уже точно знаю, что чем мучительней этот поиск, тем содержательней и проникновенней результат.

ЮБ. То бишь поэт — он же естествоиспытатель?

ИК. Для меня — да. Например, я обнаружил такой факт. Из Ростова-на-Дону мы с родителями переехали в Подмосковье, в село Мещерское. Тут я окончил школу, отсюда ушёл в армию, в этих местах мы потом построили дачу, папа с мамой похоронены теперь на местном кладбище. Так вот, мой дед по отцовской линии Арсений Арсеньевич Кононов — родом из Бежецка. А основатель «нашего» села князь Булат Михайлович (во святом крещении Иван) Мещерский был воеводой этого славного городка Тверской губернии. Прости, Юра! Смотрю назад, но вижу то, что впереди. Казалось бы — пустяк, но смысловые завихрения продолжают рифмоваться и дальше.

Взлетаю в космос, иду в забой,
Но центр Вселенной беру с собой.

Мой друг Виталий Сундаков, великий путешественник, исследователь протоцивилизаций и знаток отечественной истории и культуры, меньше десяти лет назад построил в километре от нас славянский кремль со своим княжьим домом. При этом у него есть стройная теория о том, что именно тут находится пуп Земли, о чём я написал в поэме «Умалишённые»:

Историй этих подоплёку,
Наверно, ангелы плели.
От графских мест неподалёку
Располагался пуп Земли.
Поэт, этнограф и философ,
Великий друг планеты всей,
Решив по ходу ряд вопросов,
Возвёл славянский дом-музей.
Он вычислил, что если вместе
Собрать материки, как сруб,
То ровно в этом самом месте,
Где дом стоит, и будет пуп.

ЮБ. Пермяки могут помериться с Сундаковым пупами! Ну, во-первых, в славном городе Кунгуре, что примерно в часе езды от Перми, есть скульптурная композиция, которая так и называется — «Пуп Земли». Во-вторых… Как-то я спросил приезжавшего в Пермь Андрея Вознесенского: «Какие ассоциации у вас вызывает слово „Пермь“?» Он быстро ответил: «Первый!» И был не просто недалёк от истины, а угодил ей прямо в пуп. Загибаю пальцы: есть предание, что на слиянии Камы и Чусовой родился один из первых пророков древности Заратустра; первый велосипед изобрёл умелец из Пермской губернии Ефим Артамонов; первую передачу информации в пространстве (радио) осуществил уроженец Перми Александр Попов; электросварку изобрёл пермяк Николай Славянов; даже первый в Российской империи частный ботанический сад был создан в нашенских пределах благодаря Григорию Демидову…

Но и это ещё не всё, как любят изъясняться на канале РЕН ТВ. В конце девяностых мне из Нью-Йорка в Пермь позвонила художник-испытатель российского происхождения Ирина Данилова: «Вы ведь сталкер Пермского треугольника? Прикамье — это единственное место суши, где пересекаются пятьдесят девятый меридиан с пятьдесят девятой параллелью. По моим расчётам, здесь — центр Земли!» Вот ты, Ваня, говорил о том, как всё рифмуется. Можешь себе представить: я тогда жил в доме номер пятьдесят девять «А»! По версии Даниловой, число «пятьдесят девять» закодировано во всех значимых исторических датах. Допустим, когда произошла Куликовская битва?

ИК. Если мне память не изменяет, в тысяча триста восьмидесятом году…

ЮБ. Делаем нехитрые вычисления: восемь минус три — пять, восемь плюс один — девять. Это — только те числа, которые в дате. В итоге — пятьдесят девять. Можешь проверить на других датах.

ИК. Была великая битва в соседних с Мещерским Молодях. По значимости её сравнивают с Куликовским и Бородинским сражениями. В правление Ивана Грозного сравнительно малочисленное войско под управлением князя Воротынского одолело ораву крымско-татарского хана Гирея, не пустив его дальше на запад и отстояв независимость и единство Руси. И произошло это в тысяча пятьсот семьдесят втором году. Давай прикинем: пятёрка имеется,

семь плюс два—девять. Опять пятьдесят девять? Любопытно.

ЮБ. И вот эта самая Ирина Данилова прибывает в Пермь со спутниковым навигатором «Магеллан» и с его помощью находит в уральской тайге точку пересечения пятьдесят девятой параллели с пятьдесят девятым меридианом. Это в шести километрах от посёлка Средняя Усьва Горнозаводского района Пермского края. На вкопанной в землю тесине Ирина укрепила число «59». Чем не пуп Земли?

ИК. Опупеть можно! И впору задуматься о высших силах. Необъяснимых и непознанных. Сакральных и божественных. Мы живём в координатах повседневного чуда, делая вид, что всё понимаем. А чудо между тем благоволит к нам, то и дело выводя страну, народ и каждого из нас из, казалось бы, безвыходных ситуаций.

ЮБ. На этот счёт у тебя есть великое, на мой взгляд, стихотворение, у которого, правда, страшноватенькое название—«Кровавый режим ожидания», но это стихотворение могло бы украсить любую отечественную антологию. Я хочу, чтоб ты сейчас его прочёл…

ИК. Мы народ свой не знаем, брат.

Потому и гадаем тут.
Слушай, как там они?
—Стоят.
А зачем хоть стоят-то?
—Ждут.
Вот уж сколько веков подряд—
Пьянство, блуд да тяжёлый труд.
Ну а после чего?
—Стоят.
А чего хоть хотят-то?
—Ждут.
Нет, пойду всё же выйду к ним,
Поболтаю о том о сём.
Чем вы заняты тут?
—Стоим.
Это ясно. А с целью?
—Ждём.
А зачем хоть? Вопрос простой.
—Так ведь все же стоят и ждут.
Я могу вам помочь?
—Постой.
И чего мы дождёмся?
—Чуд.

ЮБ. Здорово! Отношение к чуду зафиксировано у многих русских поэтов. Помнишь у Евтушенко:

Я не верую в чудо,
я не снег, не звезда,
и я больше не буду
никогда, никогда…

И прямо противоположное—у Ивана Жданова:

Надежды больше нет,
есть только вера в чудо—
и надо мною свет
неведомо откуда…

Куда качнуться? Тут каждый выбирает по себе. Но этот выбор—в одиночку. Народ же Ивана Кононова ждёт «чуд»—во множественном числе. Лет пять или семь назад ты прислал мне по электронной почте одно из ранних стихотворений Бродского «Народ»…

ИК. Было такое…

ЮБ. А я тогда этого стихотворения не знал. Оно одно из лучших:

Путь певца—это родиной выбранный путь,
И куда ни взгляни—можно только к народу свернуть…

Но когда погрузился в твою нынешнюю книгу «Эра Водолея» (а там—целый цикл о народе), мне подумалось, что кононовский народ вышел из одноимённого стихотворения Бродского, как все мы—из гоголевской «Шинели». Но если Иосиф всего лишь «припадал к народу» и в итоге к нему не свернул, то Иван-то, знающий, что «мой народ недвижим, как пространство, которого нет», встал и стоит—плоть к плоти—с собственным народом и вместе с ним ждёт чуда. Это—как стояние на Угре…

ИК. Я хочу прочитать тебе ещё один стишок, который написал совсем в юном возрасте. Я ещё не читал Бродского и даже не был знаком с Юрой Арабовым, с которым пришла ко мне поэтическая самоидентификация. Варился в собственном соку. Моим кумиром был Маяковский. Я шпарил его наизусть километрами. Поражал воображение девчонок, выдавая по памяти всю поэму «Флейта-позвоночник». Я почитал Вознесенского, Евтушенко, Мартынова, Левитанского, Винокурова, Самойлова, Кедрина, Заболоцкого. Выискивал золотые крупицы в ежегодных толстенных сборниках «День поэзии». Декламировал стихи со сцены и самому себе. У меня как раз начал ломаться голос, приобретая баритональные тона. И потихоньку что-то писал сам. Не понимая вообще, что в этом смысле со мной происходит:

Кто ты, зачем и откуда,
Купола свет голубой?
Весь в ожидании чуда
Молча стою пред тобой.
Но колокольного гуда
Слышится голос глухой:
«Сам-то ты взялся откуда,
Вставший теперь предо мной?»

ЮБ. Рубцову бы понравилось…

ик. И Рубцов—в том же ряду. Понимаешь, поэтическая колокольная многоголосица и была для меня тогда тем самым чудом и «гласом народа», среди которого я жил. Сначала—бабушкиным внучком в приблатнённом дворе Ростова-на-Дону, потом—увезённым родителями и отпущенным ими же на свободу подмосковным пацаном в посёлке при психиатрической больнице, где работала моя мама. Больница была дореволюционной, появившейся в бывшем имении барона Боде. Здесь бывали Толстой и Чехов, Чайковский и Поленов. Я мальчишкой ходил в библиотеку, сохранившуюся ещё с тех времён в графском дворце, который теперь занят отделением для душевнобольных. Тогда ещё были целы старинные книги в кожаных переплётах. Теперь всё разворовано…

Но вот что я хочу сказать: непонимание и незнание народом своих начал не означает отсутствия в нём этих самых начал на генетическом уровне. Иной раз кажется, что он, как некий единый гигантский организм, Левиафан, выброшенный на бескрайний берег под названием Россия, неповоротлив и беспомощен. Взирает то с недоумением, то с гневом вокруг себя и шевелит то хвостом, то плавниками. Голова может на что-то среагировать, разинуть пасть и проявить мозговую активность, но пока сработают нервные рецепторы, пока сигнал дойдёт до окраин туши, ситуация уже двадцать раз изменится, и долгие телодвижения в обратную сторону могут обрушиться на источник беспокойства в самый неожиданный момент.

Сейчас в каждой своей новой большой вещи я пытаюсь разобраться в той или иной составляющей этого огромного, неохватного человека, который именует себя русским и который является тем самым народом, выполняющим свою тяжеленную миссию—быть между Востоком и Западом, между небом и землёй, между низменным и высоким, между душой и телом. Недаром моя первая пьеса в стихах так и называется—«Русский человек». Он с рождения—великан. Его мутузят, гнобят, унижают, а он всё растёт и растёт, продираясь сквозь время и пространство. Наконец, его хотят низвести до нуля с помощью хитроумного оружия. Но забывают об одном: они сами—микроскопичны. И когда техника срабатывает, он всё равно остаётся, хоть и уменьшенный в размерах, а они исчезают вовсе.

И всё-таки он жив, хоть предан, и распят,
И пригвождён к стране, к истории, распаду,
Влачащими его веков тринадцать кряду,
Запятнанными им от головы до пят.
Он брошен, выжат, смят, и куплен задарма,
И высечен собой плетьми, а не в граните.
Используйте его, презрите, изгоните,
Ведь он—навоз, дерьмо, подножные корма,
Пристанище греха, чудовище, урод,
Обмен своих веществ сводящий к вечным мукам,
Не годный ни к любви, ни к вере, ни к наукам,
Живущий вопреки, назло, наоборот.
И всё-таки он жив, хоть бей его, хоть режь.
До дна хлебнув вина, вины, упрёков, горя,
Он вдруг зашевелит губами, небу вторя,
И просверлит, пробьёт в небесном склепе брешь.
И сам себе слуга, и царь, и божество,
Отец, и мать, и сын, и баловень Господень,
Он станет лишь Ему подобен и угоден,
Тому, кто создавал неверного его.
Кто он? Каприз? Словесный оборот?
Плод космоса? Услада материнства?
Он—знак и суть триады, триединства:
Отец, Сын, Дух—
Бог, человек, народ!

Николай Алешков

Горький нектар

● ● ●

Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ…
Сергей Есенин

Не стучи в холостую обитель,
Облетевший есенинский клён!
Помню—спьяну кого-то обидел,
Кем-то сам был в сердцах оскорблён…

Ночь постылая ждёт на пороге.
Льётся холод из звёздных прорех.
Я хотел полюбить очень многих,
Но души не хватило на всех.

Растранжирив её без разбору,
Я с пустыми руками стою.
Мне, наверное, с дьяволом впору
Расквитаться за душу свою.

Где ты прячешься, мой искуситель?
Покажись должнику своему!
Я даю представленье—ты зритель:
Скорчим рожи в табачном дыму!

На рога волчью шапку надвинув,
Чёрт с презреньем глядит на меня:
—Ты не Лермонтов, я не Мартынов,
Мы с тобою, приятель, родня.

Коли звал, так встречай словно гостя!
Бить башкою стеклянный овал
Не спеши—это зеркало тростью
Сам Есенин уже разбивал.

А поди ж ты—оно уцелело
И поныне висит на стене.
Нет во времени бесу предела—
Вот и ты отразился во мне.

Как две капли воды мы похожи—
Это зеркало сроду не врёт.
Я тебя, словно тварь, уничтожу,
Но покуда вкушай от щедрот.

Торопиться, пожалуй, не будем.
Я напрасно с другими спешил.
Стихоплёты—забавные люди:
Не один себя жизни лишил.

Интересны вы мне чрезвычайно!
Вот согнёшь вас, бывает, в дугу—
Остаётся какая-то тайна
В ваших душах—понять не могу…

Что-то главное, сколько ни бейся,
Ускользает, признаюсь тебе.
Вы умеете чувствовать беса,
Много значу я в вашей судьбе…

Пригласил—сам стоишь на пороге.
Грех какой не способен забыть?
Ты хотел полюбить очень многих
Иль во многих себя полюбить?

Что ж теперь? Поубавилось страсти?
Слаб в коленках? Хотел, да не смог?
Ты не всю ещё душу истратил.
Ты разматывай дальше клубок.

Не жалей ни таланта, ни силы.
Легче жить, никого не любя.
И учти, что до самой могилы
Твой двойник не оставит тебя.

● ● ●

Ветер волосы мои, как солому, трепал…
Сергей Есенин

Пахло в комнате чем-то горелым.
На рассвете—холодном и сером—
Я забылся болезненным сном
И увидел родительский дом.

Я увидел над крышею пламя.
За спиной у меня кто-то плакал.
И тогда закричал я во сне:
Дом родной пропадает в огне.

Я рванулся к крестьянскому дому.
Ветер волосы рвал, как солому.
Всё быстрее я к цели бегу,
Но никак добежать не могу.

Дом родной не становится ближе.
Я ни мать, ни отца не увижу!
Что со мною? Никак не пойму.
Пропадаю в угарном дыму.

Вновь послышался плач за спиною.
Кто-то там увязался за мною.
Оглянулся. За мной через ночь
Дочь бежит. Не рождённая дочь!

Вдруг запнулась она и упала.
Я — навстречу! Но… дочки не стало.
Лишь текут — ручеёк к ручейку —
Две слезинки её по песку.

Я проснулся и обмер со страху.
Ноги в валенки, руки в рубаху!
На знобящем, простудном ветру
Бред из памяти мигом сотру.

Я нагнулся, больной и бездомный,
Чтоб напиться над прорубью тёмной,
А оттуда — реальный вполне —
Дьявол фигу показывал мне.

Вверх взглянул — и на тверди небесной
Я увидел, как в зеркале, беса.
Понимать, что ты сходишь с ума, —
Это хуже, чем смерть и тюрьма…

● ● ●

Моя пьяная жизнь никому не нужна.
Да и мне самому-то она надоела.
И любовь умерла, и к другому жена
Собралась и ушла, но — какое мне дело?..

За угрюмым бугром чья-то песня слышна.
Я все песни свои недопел да забросил.
Разопью в одиночку бутылку вина.
Пусть залижет следы мои хмурая осень.

● ● ●

Просыпаться от липкого страха
И в ночную таращиться тьму.
Нос разбит. Я лежу на полу.
Чьей-то кровью намокла рубаха.
Где я? Кто я? Уж лучше в золу
Превратиться, чем жить после краха.
Я живу после краха. Зачем?
В окруженье ракетных систем
Вся Россия — медвежья берлога.
Как живётся без Бога? Убого.
Я себя потерял насовсем.
В преисподнюю манит дорога,
Тянет, тянет, как будто в трубу,
Без надежды на высшую милость.
Я летал в сновиденьях в гробу —
Вам такое вовеки не снилось…
Как вместилось всё это в судьбу?
И зачем это всё совместилось?

Прощальная песня

Ухожу со двора —
Мне в дорогу пора.
Не печалься, мой свет,
Пожелай мне добра.

Не сидится в избе,
Если ветер в судьбе.
Обещаю, мой свет,
Не забыть о тебе.

Если сгину в бою
За Отчизну свою,
Добрым словом, мой свет,
Вспомни душу мою.

Если в пьяном бреду
Ни за грош пропаду,
Нет прощенья, мой свет,
Мне за эту беду…

● ● ●

После выпитой водки —
В самый раз закурить.
Вот женюсь на молодке —
Перестану дурить.

Был недавно в деревне.
Приглянулась одна.
Бусы как на царевне,
Но… не любит вина.

— Завяжи в узелочек!
— Вам легко говорить…
(Есть для денег чулочек,
Что их зря-то сорить?)

— Брось скитаться, однако!
— От судьбы не уйдёшь…
И опять, как собака,
Я ныряю под дождь…

Всем Данаюшкам местным
Шлю горячий привет!
Жаль — не стану известным
Как непьющий поэт.

● ● ●

Пусть вдалеке останется родня —
Иду, в кармане мелочью звеня.
Любая придорожная пивная
И в дождь, и в снег открыта для меня.

В дыму табачном молча посижу
И на сограждан молча погляжу.
Достану молча книжку записную
И что-нибудь о жизни расскажу…

● ● ●

Не пей, не пей… Вот я не пил полгода.
И срок ещё не вышел — не боюсь!
Мне дорога, как Пушкину, свобода!
Сегодня я, наверное, напьюсь.

Детишки дома голосят оравой,
Жена убита горем наповал…
Я код пробью, как шведов под Полтавой
Великий Пётр когда-то пробивал.

Под кодом, как за проволокой в зоне,
Душа перед врачами — нагишом.
Простите, господа, но я не зомби.
Уж лучше я останусь алкашом!

● ● ●

В снег ли, в дождь ли — парень с гонором —
Я о близких забывал,
Путешествуя по городу,
С кем попало выпивал.

То весёлый шёл, то сумрачный
Мимо танцев и кино.
Путь от рюмочной до рюмочной
Мне известен был давно.

Там, коллегам-алкоголикам
Отпуская все грехи,
Я читал за каждым столиком
Гениальные стихи

Задушевным собеседникам
Наливая по чуть-чуть,
За Рубцова и Есенина
Предлагал принять на грудь.

Объяснял им, что поэзия —
Божий дар и тяжкий крест.
Путь поэта — путь по лезвию,
Но зато до горних мест.

И сосед с похмельной рожею
Вдруг трезвел: «Читал же я
В Книге книг, что царство Божие —
Цель земного бытия!»

● ● ●

Водка снимет стресс? Мели, Емеля…
Господи, помилуй и спаси!
Брат мой пьёт — я мучаюсь с похмелья.
Всякое бывает на Руси.
Если запил я, болит у брата
Целую неделю голова…
Водка-сволочь в этом виновата,
Как гласит народная молва.

Бродим, как побитые Мамаем,
Мы друг к другу в гости — тяжкий труд!
Две недели с братом стресс снимаем,
Пока жёны нас не разведут.

● ● ●

Подхожу к родному дому —
Дом невесело стоит.
Частушка

Где я был? Не помню точно.
Что я делал, хрен с бугра?
С кем я пил минувшей ночью?
Голова гудит с утра…

Тучи низкие висели
Над моею головой…
Возвращаюсь еле-еле,
Весь помятый, чуть живой.

Подхожу к родному дому —
Дом невесело стоит.
А супруга (грянуть грому?)
Даже губки не кривит.

Боже, как она красива!
И броня её крепка.
— Чемодан, вокзал!
Россия,
Спрячь от гнева мужика!

Погляжу, как враг народа,
На четыре стороны.
На какой мне хрен свобода
Без детей и без жены?

Помолчим. А время — к полдню.
Сердце ёкает в груди.
— Где ты был?
— Убей, не помню!
— Вспомнишь! Ладно, проходи…

● ● ●

Как барана ведут на закланье,
Так в больницу ведут алкаша:
— Откажись от бутылки, Коляня,
Аль жена тебе не хороша?..

Будто сам я об этом не знаю —
Двадцать лет, вспоминаю, не пил.
— Я согласен с тобою, родная,
Отказаться хватило бы сил…

Это зелье мне бес напророчил.
Не хочу я хвостатым служить!
И с надеждою смотрит сыночек —
Значит, хватит над бездной кружить.

В старом парке скрипят карусели,
А за Камой закаты тихи…
Нет, не все мои дни пролетели
И не все написались стихи!

Я хотел бы (признаюсь прилюдно)
Жизнь дожить — будто песню допеть.
И сломить злую волю нетрудно,
Надо только вполне захотеть.

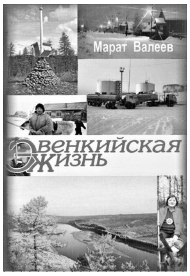
• • •

Просыпаться под пение птиц
И под рокот огромного моря,
Наблюдать, как пушинка с ресниц
Сорвалась, ощутив дуновенье…
И не надо ни счастья, ни горя—
Есть гармония, есть вдохновенье,

Лад, согласие, пение птиц,
Мерный рокот огромного моря,
Под диктовку которого я
Опишу и пушинку с ресниц,
И отсутствие счастья и горя,
И щенячий восторг бытия.

Я не сам эти строки пишу—
Их диктует огромное море.
И не надо ни счастья, ни горя—
Я пишу, никуда не спешу,
Чьей-то воле неведомой вторя,
Доверяясь карандашу…

1972–2017



Марат Валеев

Эвенкийская жизнь

Красноярск, «Палитра», 2019

Добрая душа

Как-то услышал вот эту прелестную байку об известном эвенкийском писателе Алитете Немтушкине, но вот только сейчас решился донести её до читающей общественности.

…Итак, однажды Алитет Николаевич шёл себе знойным летним днём по центральной красноярской улице Мира. Шёл он в глубокой задумчивости, шевеля губами—наверное, сочинял стихи на ходу, как это водится у поэтов. И потому не сразу расслышал, что кто-то его зовёт по имени.

Алитет, тряхнув головой, остановился, осмотрелся по сторонам: никого из знакомых. Может, ему показалось? Но нет, опять откуда-то послышалось:

— Алите-е-ет!

Алитета в Красноярске знали многие: у него к тому времени вышло больше десятка книг, его постоянно печатали местные и столичные газеты и журналы, время от времени его показывали по телевизору. Так что обратиться к популярному писателю из числа малочисленных коренных народов Севера, в том числе и вот так запросто, на улице мог кто угодно. Но кто? Пока что Алитет никого не видел.

И потому он пошёл дальше. И опять сквозь городской шум до него долетел отчаянный крик:

— Алите-е-ет!

Причём это был уже не один голос, а нестройный хор. И снова как будто с дороги.

Немтушкин пригляделся к проезжей части улицы с текущим по ней потоком машин: точно! Из окна остановившегося перед светофором маршрутного автобуса торчали чья-то черноволосая голова и машущая рука, а из других на него с любопытством и с улыбками смотрели ещё пассажиры. Это они поддержали своими голосами взывавшего к нему. И Алитет пока не мог узнать, кто же это.

— Алитет, займи червонец!—надрывался между тем этот черноволосый.

— Чего?—приложил ковшиком ладонь к уху Немтушкин.

— Десятку, десятку ему займи!—грянул весёлый хор поддержки из автобуса.

Алитет, наконец, узнал того, кто обращался к нему таким необычным способом за материальной помощью—это был один из жителей столицы Эвенкии Туры, откуда сам писатель уехал в большой город уже давненько. Но он при этом Алитет не утратил простоту отношений, царящих среди его соплеменников, отзывчивость и душевность (впрочем, таким он оставался до конца своей жизни—увы, его уже нет среди нас).

Алитет махнул рукой торчащей из окна голове в сторону остановки сразу за перекрёстком, где сейчас должен будет остановиться автобус. И сам торопливо зашагал туда же, на ходу проверяя содержимое карманов: а есть ли у него ещё этот червонец, в котором так нуждался сейчас его, видимо, крепко поиздержавшийся в городе земляк…

Елена Фролова

Незабудки

• • •

Это было в Сибири. Далеко-далеко.
В этом городе вечно цвели тополя.
Вы меня не любили. И забыли легко.
И в пуху тополином тонула земля.

Я пришла к вам сама. Это было весной.
И от счастья кружилась моя голова!
Вы по городу долго бродили со мной
И какие-то мне говорили слова.

Тополиный листок, ты похож на слезу!
Ну зачем ты цепляешься за провода?
Это было в дожде. Это было в грозу,
Ваше тихое: «Нет». И ещё: «Никогда…»

Много дней утекло. Много минуло лет.
И деревья другие, и город другой.
Это было давно—самый долгий рассвет
И туман над землёй, тополиный такой.

Незабудки

Саше Гольдману

Я карябаю будку.
Кусочек краски на память.
Рисую на ней незабудки
мысленно…
Наяву нельзя ведь.
Я закутываюсь в пальто,
вспоминаю прошлое лето,
и, как тогда, возле будки в метро,
вспоминаю, что есть ты где-то,
где-то там…
В непрозрачном вагоне,
зажатая чужими душами,
я сжимаю кусочек краски в ладони
и слушаю, слушаю, слушаю,

как сердце моё играет на скрипке,
а все вокруг слышат, но не
признаются…
Возле будки моя и твоя
прорастают улыбки
незабудками…
И пусть они там остаются.

• • •

Озимые снега идут над миром,
И мы идём, одетые в снега.
Я снова сотворю себе кумира
Из моего заклятого врага.

Как учит недочитанная книга,
Подставлю свою щёку и ладонь.
Смиренье, неизбежное, как иго,
Берет любого Каина в полон.

Прощённые становятся сильнее.
Прощающие канут в тишине.
И неприметно горько заалеет
Раздавленная клюковка в вине.

И к сердцу, как к забытому зимовью,
Протянется тропинка на снегу.
И враг мой, заклинаемый любовью,
Устанет ждать меня на берегу.

• • •

Привычно прокурена сигаретой
Квартира. Книги. Кот.
Но вот появляется женщина-лето
И за собой зовёт.

Нежностью голоса, рук и взгляда
Ты оглушён в ночи.
Надо тебе это или не надо?
Сердце твоё молчит.

Сердце твоё давно закрыто
На тысячи долгих зим.
Женщина пахнет чем-то забытым,
Запах непостижим.

Ночь перевёрнута во Вселенной.
Смыслы разбиты в прах.
Женщина спит у тебя на коленях
С горечью на губах.

А утром в её ожиданье посмотришь
Серым седым дождём.
Женщина выпьет холодный кофе
И растворится в нём.

● ● ●

На что похожа старая любовь?
На календарик выцветший в кармане.
На рыбака, забывшего улов.
На капельку вина в пустом стакане.
На что похожи старые мечты?
На серую вчерашнюю газету.
От прошлого — сожжённые мосты,
А в настоящем параллелей нету.
На что похож возникший старый друг?
На плюшевого мишку под диваном.
А в сердце только маленький испуг
И тающая дробь от барабана…
И ни к чему смотреть через плечо.
У прошлого нет будущего, точно.
А я тебя любила горячо.
И я тебя давно забыла.
Точка.

● ● ●

Положи мне руки на колени,
Посмотри в глаза мои устало.
Не гони задёрганное время,
Нам бы торопиться не пристало.

Поезда куда-то пролетают,
Унося обрывки наших лет.
И опять не в пору опадает
Розовый черёмуховый цвет.

Ну а может, кто-то догадался
Календарь изорванный поднять?
Положи мне руки на колени,
Я устала время обгонять.

● ● ●

Падает снег на город,
На бесконечность крыш.
Кто мне поднимет ворот,
Спросит: «Не мёрзнешь, малыш?»

Кто мне протянет руку
И уведёт в метель,
Там, где по переулкам
Стелет зима постель?

И полетят столетья,
Снежные города…
Кто со мной не заметит,
Как пронеслись года?

Всё заметёт однажды,
Канет наш долгий век.
Белый, как лист бумажный,
Падает, падает снег…

● ● ●

Пока ещё в сердце немного ушедшего лета,
Пока ещё ветер и листья танцуют по кругу,
Пока ещё осень в янтарные платья одета —
Мы ищем друг друга.

Сентябрь. Октябрь. Ноябрь. В его середине,
Когда от предчувствия снега становится зябко,
Нашедшие шарф и перчатки в прихожей в корзине —
Надеемся робко.

Мы ходим и ходим — и смотрим в случайные лица,
Касаясь ладонями и рукавами в вагонах,
Мы жмёмся друг к другу, как серые тихие птицы, —
И ждём на перронах.

Пока ещё где-то зима запоздала немного,
Пока ещё снег не засыпал дома и тропинки,
Пожалуй, не будем друг к другу придирчиво-строги,
Отыщем свои половинки.

А дальше пусть будут холодные снежные вьюги,
А мы завернёмся в пушистые тёплые пледы
И, чашками чая согревши замёрзшие руки,
Начнём друг о друге беседы.

● ● ●

Друзьям-поэтам

О милые и странные поэты,
Не выросшие мальчики земные!
Вы ищете ненужные ответы
На вечные вопросы роковые.

Раскачивая маятник Вселенной,
Способные на прочие отваги,
В юдоли этой маленькой и бренной
Любови ваши отданы бумаге

И девочкам застенчивым и робким,
Чьи имена не вспомните вовеки.
Гранёные стаканчики и стопки
Однажды закрывают ваши веки.

И, о друзьях горюя на поминках,
С улыбками усталых Арлекинов
Поэзию разорванной картинкой
Бросаете Всемирной паутине.

И Тот, кто Там тасует ваши строки
И ваши души складывает в пазлы,
Пускает вас, смешных и одиноких,
На маленьком кораблике бумажном.

Александр Степанов

Там, где востока нет

● ● ●

А здесь — никуда не денешься — за стенкой скребётся мышь,
и медленный дождь царапает покатые скаты крыш,
и ночь с очерствелым пряником черна в полуночный час —
на Млечном Пути вольфрамовом никто не услышит нас.

Ах, комнаты ваши низкие и песни осипших птиц,
мои города безвестные, без адреса и границ!
И ветреная, неверная, хватившая кистеня,
пропавшая чья-то молодость. Как некогда и моя.

● ● ●

С веретеном за пряжей, с вышивкой на коленях;
холодно, а зимою — тусклый короткий день;
в небе ночные стражи, в звёздах его нетленных,
спутанные дороги и голоса сирен.

Бледностью лунной пьяный вечером бессловесным —
нет ничего под небом этим теплей, чем шерсть,
связанная едино, как полотно Зевеса,
здесь, на твоих коленях, нитка за ниткой, здесь.

● ● ●

Флаги на тёплых проспектах и улицах тёплых,
крем шоколадный на шёлковом галстуке вышит,
и неизвестным, простуженным временем года
веет в цветочные шторы довольное утро.

Место, в которое мы никогда не вернёмся;
пепел, полёта которого мы не услышим,
между пустячным значением нынешних суток
и пирогами с повидлом из школьной столовой.

● ● ●

На стене рисунок красный, белый на стекле,
именем своим украшен, спит Борисоглебск.

Керосиновые лампы, выговор простой
и ударного помола в магазине соль.

Что ни рыба там — белуга, с бани — самовар,
в оснеженном поле гулко ухает сова.

Без дорог и без названий, раньше и теперь,
а вверху, под облаками, колокольный кремль.

И никто уже не помнит новоселья их:
вековая пыль на полках стиснула архив.

● ● ●

Я разминулся с летнею порою,
когда июньский воздух утончённый
владеет суматохой поднебесной
и все ему и каждый подчинён;
когда ещё от превосходства зноя
среди зверья никто не утомился,
обитель их чащобную, лесную
добытчик-зверобой не посетил.

Я разменял на медные жетоны
остатки все от переездов долгих,
стою, и мне за ворот с крыш зелёных
стекает грязь столицы островной.
Не будь я столь застенчивым и грустным,
уже б спешил на поиски верёвки
и напрямик признался бы шофёру:
— Почтеннейший, а после — в «Англетер»…

● ● ●

Две карты — земли и неба,
и ручка, в которой шарик,
и яблоко, и сентябрь
на жёлтом столе.
Ещё был когда-то компас
и порох в железной банке;
ещё был когда-то август
и жизни — сто лет.

● ● ●

Где был Санкт-Петербург,
малина и щаве́ль,
болотами вокруг
голодный ходит зверь.

У берега реки
коней — ни одного:
кувшинки, васильки,
дождливо и темно.

Один собор, как стог,
глядит который век
туда, где был восток
и где востока нет.

● ● ●

Топко становится — труден и долог
путь до конечной унылых прохожих;
шире, до крыш отдалённых, свой полог,
из прохудившейся будто рогожи,
небо откинуло; запад с востоком
встретились, и потекли дождевые,
по желобам и глухим водостокам,
тёплые грязные струи кривые.

Топко становится — пёстрые своры
выживших чудом собак осторожных
на животах из подвалов, как воры,
вылезли в мутную сырость творожных
серых дворов; обозначился эллипс
лунный сиреневый между домами
в пору, когда уже слышался шелест
трав, пробивающихся под ногами.

● ● ●

Не будь я восприимчив к обжитому,
пропахшему календулой и мылом,
простому бытию в патриархальной,
сугробистой по окна стороне,
не разглядел бы, как твои тюльпаны
среди февральской оттепели вышли
из-под земли в горшках за занавеской,
встречая отступление зимы.

Тогда ещё была пора метелей,
и солнце только изредка светило,
но лёд уже тончал, и наст ломался
под весом ненагруженных саней:
молчание природы истощённой —
проекты, перекрашенные наспех, —
тяжёлый снег и рыхлая дорога…
Пойдём сегодня вечером гулять?

● ● ●

Не было прежде такого рассвета.
Над разгорающимся небосводом
в выдохе первом ветра холодном,
в крыльях, захлопавших справа и слева.
Из оболочки туманной, землистой
двинулись в рост освещённые сосны,
быстрой мигая жемчужною искрой,
каждая на наконечнике остром!

Мой табурет, ты скрипишь бесподобно,
ловко туман оживил твою песню!
Серый глашатай метнулся по лесу
прочь от упрямых лучей небосвода
к руслу реки. Не желаете кофе?
Чайник у нас старомодный, но марши
все наизусть заучил он — сноровки
не занимать ему, к радости нашей.

● ● ●

На полянах с ярким маком в жарком августе хмелеет
голова, когда медовый полдень солнцем ослепит
и наполнит воздух звонким серебром и липким клеем
завершившегося лета — семена отцветших лип.

День незримых окончаний и начал: пустое небо,
поворот лесной дороги, паутина, щавель, мак;
и трава, уже сухая, и погаснувший мгновенно
далеко на горизонте первой молнии зигзаг.

Обними меня сильнее оттого, что одиноко
в наступающих потёмках на покинутой земле;
оттого, что нас коснётся наконец другая нота,
далеко на горизонте лишь блеснувшая во мгле.

● ● ●

Душу мою погубили жёсткие камни дорог:
ночи посконные, горький табак папиросный;
прутья столбов, бесконечных столбов пограничных дорог;
угольный дым паровозный и дым папиросный.

Камни катились по насыпи, бились по днищу машин, —
пасти щербатые, пляшущие мостовые, —
это по ним я вышагивал, ползал, подковы крошил,
выстужен насмерть, от пяток до мозга, — навылет.

Эти лекарства — сквозняк в подстаканнике, голод в висках —
несколько лет или вёсен бесплатны, и только.
Вены оставят следы за собой на протёртых висках.
Сбудется то, что не может не сбыться. И только.

● ● ●

Одним косым лучом январь отметил
снег вотчины своей, перебирая
картинки на лубке, со снеговым же
над ними покрывалом облаков.

Средь них, всегда гонимых восвояси,
и я мечтал, бывало, оказаться,
но лень у нас в роду превыше страсти
иных, способных запросто взлетать.

Где был бы я теперь с моей приязнью
к деревне с завалившимся забором
и, может быть, навеки ослеплённый
безлюдным алюминием равнин?

Забыл бы, для чего на самом деле
глядел через оттаявшие окна,
как Арктика над долгими холмами
заносит узкий месяца клинок.

Александр Поповский

Переход

* * *

Писал стихи, как будто между прочим
Жизнь незаметно пролетала прочь,
Земля вращалась, и электросчётчик
Без остановки диск крутил всю ночь.

В цепном угаре лаялись собаки,
Мембрану на окне бросало в дрожь.
По правде говоря, я ждал атаки
Стремительной в метеоритный дождь,

Чтоб брызги от вселенского потока
Потом искать в нескошенной траве,
Лоб потирать до просветленья стёкол
В изрядно запотевшей голове.

* * *

Время летит, закусив удила,
В общем и целом—нескучно.
Спрыгнула сытая тень со стола
На табуретку беззвучно.

Хватит, дружище, заглядывать в рот,
Вряд ли что этим изменишь.
На, получи минимальный комфорт—
Лучшее средство для лени.

Линию жизни щекочут лучи.
Что же творится на свете?
Запросто солнце к себе приручил,
Бац—и я снова в ответе.

* * *

На заднем дворе мокнут брёвна.
Злой ветер срывает медали
С деревьев, а те поголовно
Какими-то нервными стали.

Кустарник—известный как птичий
Насест—сжался весь в непогоду.
Теперь вот без знаков отличий
К любому готов повороту

Событий—торчащая палка
Царапает воздух бескровно.
И всё ничего, только жалко—
На заднем дворе мокнут брёвна.

* * *

Ржавею в погоду сырую.
Как будто будильник испорченный,
Приткнулся—лежу на обочине
И время для мёртвых ворую.
Карманы грехами набиты.
Осталось местечко—за пазухой.
Вот если б вприпрыжку над радугой,
Где ластятся метеориты,
Где край света—библиотека—
Заблудших всех учит приличию.

Меня не торопят с добычею,
Но—ждут уже больше полвека.

* * *

Поспешно бросил суету,
И за желаньем безграничным
Не просто так себе иду,
А в чём-то разобраться лично.

Перехожу пространство вброд.
Поодаль—не Пегас, а пони
Осуществляет переход
Со мною в мир потусторонний.

* * *

Кишит пространство—дронами
С мигающими точками,
Стихами с закидонами
И суперзаморочками,
Низвергнутыми мифами
С разбитыми коленями,
Всего на час—калифами,
Точнее—привиденьями.

А в круге мира бренного,
В квадрате заоконного
Так хочется—нетленного,
До винтиков знакомого.
Чтоб было всё отлажено
Навек. И, кроме прочего,
Чтоб у мехтока скважина
К утру замироточила.

• • •

Ты передал подарок мне, да ещё какой!
Целый день от радости не нахожу себе места—
Ношусь как с писаной торбою со строкой,
Уже и не помню себя таким, если честно.
Может, впервые, с волненьем нащупав дно,
Не оттолкнул подошвами часть опоры.
Жаль, что живым такого вот не дано.
Особенно утомительны те разговоры,
Которые повышают градус и вызывают зуд.
Читаю—как будто бы пью ароматные лекарства.
Периферическим зрением вижу, что там и тут
Зарубцевалась депрессия на «раз-два».

• • •

Закончился лимит на чувство долга.
Рассерженная совесть спать легла.
В капроновом чулке стоит метёлка—
Грозит всем без разбора из угла:
Пропущенной над люстрой паутинке
И мне. Но я почти что идеал—
За шифоньер в переводных картинках
В местах известных честно отстоял.

• • •

Когда не дышишь—молча ждёшь момента,
Чтобы его не прозевать случайно
И железобетонным аргументам
Дать выход, в час хотя б по ложке чайной.
Не важно, что тебя совсем не слышат
Те, кто стоит толпой с другого края,
Что постепенно проседает крыша,
В которой с детства ты души не чаял,
Что солнцу преграждают турникеты
Путь напрямую до чесночной грядки,
И в это ж время, может быть, планеты
Расположились в шахматном порядке.

• • •

В среде одушевлённых тел
Тянусь к карандашу.
Не написал, чего хотел,
И вряд ли напишу.
От тараканов и стрекоз
Рассудок помутнел:
Твержу заученно под нос,
Что это—мой удел,
Что это—скользкая стезя,—
До крови прикусил
Язык. Но отступать нельзя,
А наступать нет сил…
Родня подходит к стеллажу:
На «Пэ»—сплошная мгла.
Я неопознанным лежу
В чём мама родила.

• • •

Цедили туман через белую марлю—
Ловили от роя отбившихся мошек.
И в ковш раритетный с добротной эмалью
Ссыпали сухие остатки для кошек.

Бог знает откуда возникшая пена
За миг превращалась в молочные реки.
И волны плескались чуть выше колена,
С эскортом страниц из лесной картотеки.

• • •

С улицы зашёл—нажал на паузу,
Чтоб глаза привыкли к темноте.
Стал терпимей к мировому хаосу
И чуть-чуть добрее к пустоте.

Без проблем за миг собрался с мыслями,
Впопыхах предначертал свой путь—
Прогремел крылатым коромыслом. И
Как тут виновато не вздохнуть?

Гонор испарился весь на холоде—
Мой скелет не слушает меня.
За большим столом в передней комнате
Отмечает Новый год родня.

Я, к всеобщей новогодней радости,
На пороге как сюрприз возник,
Чтобы на щеках следы помад нести,
Расстегнув комфортно воротник.

• • •

Вот так не по-детски живём—
Тоску разгоняем усердно.
Зачах без дождей водоём
И сгинул куда-то бесследно.

Жара всё сгубила к шутам.
Пока не обуглилась местность,
За тенью бежим по пятам
И трепетно лайкаем вечность.

• • •

Гром среди ясного неба—
Незабываемый гром.
Вечно я путаюсь в скрепах—
Мучаюсь задним числом.

Грохнет и—самую малость
Светом кольнёт изнутри.
Сколько ж до встречи осталось?
Господи, лучше соври—
Скажем потом, что во благо.
А под прицелами линз
Стерпят перо и бумага
Этот мой жалкий каприз.

Егдже Велкаяйев

Дорогами странствий

Cape Peninsula

И с невозможностью проснуться и дышать
вечерним бризом у «Двенадцати Апостолов»
устало дремлет одинокая душа,
не находящая себя на полуострове,
где расцветает многоцветьем Kirstenbosch,
и где Атлантика с Индийским перемешаны,
и где я чувствовал томительную дрожь,
которой верил несказанно и помешанно.

И та любовь моя—как Бродского стихи
или его островитянская Венеция.

Я просыпаюсь, и во мне одни грехи.
А главный тот, что там оставил своё сердце я…

Пролётом

Дакар. Жара. Аэропорт.
Точёные фигуры.
Здесь каждый белый—будто лорд,
написанный с натуры;
многоголосье, суета,
французско-африканский
слоёный говор. Немота
здесь—лучшее лекарство
от обращений: кто ты есть,
когда лишь час для пира—
впитать в себя живую смесь
тропического мира…

Второй этаж: базарный зал.
По стенам, по прилавкам—
устанут тешиться глаза
(забудешь Рильке, Кафку,
и Пушкин, наш арап, не тот,
хоть кровь-то и отсюда),
когда стоишь, и льётся пот,
стоишь—вокруг и всюду
такие виды, образцы,
такие экспонаты,
что ты, как схваченный Янцзы,
уносишься куда-то
в небесный мир… и снов… и грёз…
И на душе—так сладко!
Но снова проза. Дрожь. Мороз…
Объявлена посадка…

Table Mountain

Задерживаясь на вершине горы Столовой,
я думал. Хотя это было зряшным.
Смотреть, любоваться и, право слово,
куда-то ввысь душой испаряться—
лишь это в себе ворошили скопом
сюда добравшиеся фуникулёром.
А я уходил на другие тропы
и даже думать не мыслил хором.

Внизу—словно карта—картина мира.
Земля. Океан. Небеса над ними.
И город, который как будто вырос
в секунду эту: полночный снимок
на карте памяти. А извлеку ли,
когда в тиши заполярной Память
устанет? Но—я быстрее пули;
я снова там. У обрыва. Замер…

Ночь в ирландском городке

Ночной залив, холмы, луга,
огни на тёмном берегу,
шумит какая-то река…
Я надышаться не могу
туманным воздухом страны,
где я вот так—стою и жду
необъяснимой глубины,
какая мыслится в ряду
других, но—родственных глубин
чужих краёв и берегов,
где пьян я был, и нелюбим,
и не рождён из долгих снов.

Спит Каслтаун. Нежный звук
(он миг живёт, но как не жил)
летит в ладони моих рук,
что я локатором сложил.
Смычок? Волынка? Не понять…
А вот ещё! Как высока
ночная трель (вся—для меня),
что прилетела с берега
и стихла!.. Я—и нем, и рад,
ведь тишь—мечта! Вселенная!
Чей надо мною звездопад—
как музыка нетленная…

● ● ●

И. В. К.—с благодарностью

Я уеду, уеду, конечно.
Я тебя никогда не дождусь.
А моя одинокая нежность
растревожит надежду и грусть…

Сумасшедшие мысли… Усталость…
Ах, глаза—удивительный взгляд!
Это всё, что на сердце осталось.
Остальное построилось в ряд:
бесконечные дни (но не вместе)
и созвучие душ (в тишине),
всё другое—волнения, вести—
словно наше, но в дымке, во сне.

И по этой хрустальной шеренге
жизнь ударила метким огнём,
как по людям, стоящим у стенки
и поющим—о ней и о нём…

● ● ●

Взгляни на это полотно
декабрьской ночью…

Уютный дворик, стол, вино
и многоточье
в конце ухоженной строки
на той салфетке,
что всё рвалась из-под руки,
как чиж из клетки.

За многоточьем—времена,
дороги странствий:
«Я так хотел испить вина!..»
в твоём убранстве
среди булыжных мостовых,
кафе и рынков,
среди причудливой листвы,
домов старинных,
среди мостов и площадей,
морских причалов
и света жёлтого в воде,
среди печали…

Моей печали оттого,
что всё умчится
куда-то—в зимний разговор,
во тьму… Но птицы,
родные чайки—там и тут…
Я не устану
любить и помнить твой уют,
ночной Кейптаун!

Я выпью белого вина
под ветер снежный.
А где-то там—моя весна
и—мыс Надежды!

Видение

Привычное моё ночное времечко
бессонницею вычертило круг.
Я в блюдечко морскому свину семечек
подсыпал, и привиделось мне вдруг:

«Иду по широченной тихой улице.
Прохлада. Никого. И тоже ночь.
Цикады по кустам. Какие умницы:
встречая, замолкают. Я же прочь
от этого молчания пугливого
иду хоть не спеша, но тороплюсь.
Как знать, а вдруг дыхание приливное
возьмёт и принесёт дождливый блюз?
А вымокнуть не хочется, поэтому
шаги быстрее. Город впереди,
воспетый музыкантами, поэтами,—
Буэнос-Айрес! Ночь! О Господи!…»

Я помню всё. И ночь ту бесконечную,
и менестрельных радостных бродяг,
и этот город, где в застывшей вечности
звучал не блюз, а танго из дождя!..

Истоки

(на перелёте в Кейптаун)

Аденский пролив. И темнота.
Африка по курсу, а внизу,
позади, остался навсегда
мною не расслышанный Файзул.

Что-то говорил и объяснял,
не торговец явно, но и не
пассажир. И нет, не из менял.
Я поспал немного, и во сне
он явился шейхом. Я опять
видел бедуинские глаза
и тюрбан, закрученный под five,
а в глазах, что странно,—бирюза.

Мы, наверно, братья были с ним
и похожи, точно! Лишь потом,
видя на земле, внизу, огни,
понял я, чем близок мне Восток:
где-то в исторической дали
(верно это—в зеркало смотрю)
предки—не из мест, где жил Дали,
но и не собратья лопарю;
а, скорее, мой далёкий дед
азиатский пил в степи кумыс
или с караваном шёл в Тибет:
гены странствий мне передались
и глаза раскосые, а к ним—
вечное стремление вперёд,
где встречают новые огни
и горящий светом небосвод…

Сергей Строкань

Больше, чем туча

Ныне Сергей Строкань, наверное, более узнаваем в качестве участника ток-шоу на федеральных телеканалах. Яркий и горячий спорщик, который за словом в карман не полезет. Между тем ведущие этих программ не раз подчёркивали, что публицистическое, телевизионное «Слово Строканя» выдаёт в нём поэта — своей метафорической образностью. Чтобы в этом убедиться, не надо пытаться искать его стихотворные сборники, потому что они стали уже библиографической редкостью. Достаточно заглянуть в юбилейный раздел нашего журнала — ведь Сергею Строканю, самому младшему российскому метаметафористу в поэтической плеяде Алексея Парщикова, Ивана Жданова, Александра Ерёменко и Марка Шатуновского, исполнилось шестьдесят. С юбилеем!

Редакция «ДиН»

Гора и волна

Медная кованая лоза не бывает побита садовою молью,
Осы исследуют гроздь, начинается сбор урожая,
Памятью, эпосом, страхом беременно море,
Брюхо воды надувая и тину рожая.
Тина. Так, кажется, звали мою здесь подругу,
Что уводила межножьем за дальние скалы.
Чайки терялись в догадках, я слушал их ругань
И отшатнулся от позднего неба оскала!
В сад, как в Распятье, вбивая незримые гвозди,
Медленный Крым выносил приговор
незалежным и вильным,
Понял ли кто-то, чем именно были те грозди?
Гневом, вином? Сок был отдан на откуп давильням.
Воздух нетрезвый, с осою танцующий танго,
Плыл средоточием дьявольской этой рутины,
И когда море запуталось в мутной болтанке,
Я побывал на вершине и вышел из Тины.
Волны со свёрнутой шеей, лишённые смысла,
Падали ниц — умирать в раскалённой молельне,
И, повторяя двугорбой волны коромысло,
Ненависть и любовь были ей параллельны.

Коломенское

Падением лета не тронут лишь кедр —
На клёне истлела рубаха.
Так жизнь отступает за стены.
И ветр
уходит на поиски праха.
Он рыщет по паркам, по дальним углам,
И гипса посмертные лики
Крышуют ничейный растерянный хлам,
Где тайны зарыли улики,
Где прятались ненависть, страх и любовь,
А нынче царит безразличье,
Где Бог не подымет усталую бровь,
Где свечи сухих ядовитых грибов
Горят на руинах величья.

Греция

Ход часов и цикады тик-тик
треплют сонную синь берегов
рядом с крошечной лавкой антик,
уценившей муляжных богов.
Диск, трезубец и весь инвентарь
не нашарят и корни олив…
Бюсты пыжатся, пухнет словарь,
только проку! Ведь кто из них жив?..
Впрочем, жизнь — это ноша мирян,
что плюются зрачками маслин,
а богам — предаваться морям,
расставлять иерархов глубин.
Их нежизнь не порвётся, как нить
старой снасти, что соль рассечёт,
боги явлены нам предъявить,
точно гамбургский, греческий счёт.
И часы не закрыть на засов,
у которых нет хода назад
на плацу, где пахнёт чабрецом,
где безумны цикады цитат.
Вот и падает цапля-пинцет
на терзаемый гландами порт,
чей насколько понижен процент —
вряд ли важно, коль близок дефолт.
Тонет лавочка лжестарины,
где китайская спит дребедень,
но рулит средь эгейской слюны
Посейдон, Посейдон по сей день.

Двойник

Меня парализуют кривотолки—
Всесильные, как прилагательное «супер»,
Как будто происходит в кровотоке
Системный сбой, и наступает ступор.

Покрыт болотной смысловою слизью,
Ты так и ходишь с травмой родовою,
А твой двойник, живя другою жизнью,
Исподтишка становится тобою.

Он сам себя клонирует в «Фейсбуке»,
В твоей фамилии оставив свой апостроф,
И всем народом дети и старухи
Его встречают, сделав перепосты.

Двойник мечтает братом стать или хотя бы
Фиктивным родственником, пусть из-за Урала.
Но как наполнить жилы кровью жабы,
Когда своя ещё не отыграла?

Как разорвать сверхпрочные волокна
Сюжетов, тянущихся от времён Софокла?
Ведь свет не проникает сквозь фальшокна—
Его съедят пупырчатые стёкла.

В причинно-следственные ввёрнуты рулоны
Лжи несгораемой и оттого прожжённой,
Мы еле-еле держим оборону
Последней высоты неискажённой.

Клязьма

В никуда свои воды неся,
Захлебнувшись тоской непечатной,
Шла река, посиневшая вся,
С круглым камнем на шее песчаной.

То внезапно менялась в лице,
То лежала с одним выраженьем,
То подобно утопленнице
Выбивалась из сил разложенья.

И глубин потаённая муть,
Не способная разом проснуться,
Зазывала в себя заглянуть,
Но без шанса уже отшатнуться.

Пробиваясь к небесной гряде,
Там, где берег слоится детально,
Шла река—и везде, и нигде,
И предметна, и трансцендентальна.

Поднималась трава без корней
Там, где русло равнину разгрызло,
И метались кузнечики в ней
В бесконечности поиска смысла.

Насекомых земные войска
Сделав армией, но без салюта,
Шла река
        и, дойдя до виска,
Утекала в проём абсолюта.

Маг долины

Где падшее небо, сорвав удила,
Ударилось в блуд с мясниками,
Там после соитья она родила
Покатый в утробе, где скрыта дыра,
Лоснящийся розовый камень.

Его пеленали простынные СМИ,
Несли телефонные трубки,
Волхвы и звезда скрыли чары свои,
Пока он водил хороводы семьи,
Из мрамора резались зубки.

Когда ж он обрушил свою колыбель,
То вздрогнул Израиль, а с ним Куршавель,
И время стояло задраенных Лун,
Когда веселился наш резвый шалун,
Наш розовый гладкий валун.

Он круче, чем Будда, отстроил свой дар,
Адептов сбивая в отару.
И, пестуя к камню привитый металл,
Свою расчехлил аватару.

Вот так, то вершивший сортир и тюрьму,
То кроткий, как сын Магдалины,
Он взмыл, и долина внимала ему,
Он был здесь один—маг долины.

Когда над низинами камень парит
И спят истуканы природы,
Не лучше ль стать ящерицей между плит,
Чем нишей лежачей породы?

Не лучше ль отдать себя жизни не так,
Которая тихо научит,
Что мясо—оно ведь не только «Спартак»,
А камень—он больше, чем туча?

Манифест

Мы тянемся внутри своих личин,
Не задевая бархат сверхидеи,
И только область экстремальных величин
Даёт почувствовать, кто мы на самом деле.

Вот так вода натрёт себе мозоль
От тренья об обыденную рамку,
И лишь вморожена в предельный ноль
Свою откроет тайную огранку.

Вот так берёзовый банальный лес,
В своей осенней тонущий нирване,
В себя приходит в сводке МЧС,
Когда его нагнёт до основанья.

Когда эфир струится ни о чём,
Когда претит мертвеющая норма,
Живого воздуха упругое плечо
Нас подопрёт на высшей точке шторма.

Столб

Только вперёд устремлённый и бьющийся лбом
В стену стеклянную или в железную дверь на запоре,
Ты можешь стать обездвиженным скорбным столбом—
Одномоментно стать изваянием каменной соли.

Для уходящих мгновений, построенных в ряд,
Как на торгах с молотка уходящего лота,
Недопустимо хоть раз оглянуться назад,
Ибо никто не отменит проклятия Лота!

Взглядом стреножена или безмолвием в нём сожжена,
Прежнее силясь обнять отсечённой рукою,
Клятвопреступница или святая жена
Будет убита привязанностью роковою.

Место, где в горестный столб обращается дым,
Ключик от рая тебе не подносит на блюдце.
Город, погрязший в себе,—хоть Содом, хоть Надым,—
Как бы ни звал тебя, главное—не обернуться!

Не подчинившийся в нём ни богам, ни ментам,
Не убоявшись стать изваяньем причудливой формы,
Помни: вот-вот под ногами взорвётся метан—
Тот, что в глубинах приводит в движенье платформы.

Помни, настигнутый ветхозаветной шпаной,
Вписанный в вечный сюжет не своими руками:
Если прошедшее воет, свистит за спиной,
Стоит тебе отозваться—ты уже камень!

Тихий омут

В чётком озере не утаится
Ни песчинка, ни рачья крепость,
Но когда неточна водица,
Дно разглядывать—это нелепость.

Дно разглядывать—это потуги
Досмотреться до смысла сквозного,
Потому что сюжет потух и
Всё во власти тёмного слова.

И упругий косяк метафор
Не пройдёт сквозь плёс, как по нотам,
В тихом омуте шин, а не амфор,
В тихом омуте водится кто там?

Нет, не черти, но сгустки мути,
Только их различишь едва ли—
Не поймёшь в небесной остуде
Место Бога и Божьей твари.

То с волною привстанет глыба,
Повинуясь обману зренья,
То в глубинах залипнет рыба,
Перепутав себя с теченьем.

Тихий омут—всего лишь модуль
Страшной тайны, в которой тонут.
В тихом омуте видится омуль.
В тихом омуле водится омут.

Евгений Минин

Вместо перца

Матерковое

Сижу теперь над рухлядью бумажной…
Проходят дни, короче этих строк,
И важное становится неважным.
Добавь сюда по вкусу матерок.
Дмитрий Мурзин

Копаюсь в этой рухляди бумажной…
Как будто борщ варю или харчо,
Чтоб изготовить труд малотиражный
И чтоб от строчек было горячо.
Стишок предстанет в самом лучшем свете,
Всё рифмою разбавлю—дайте срок,
И вместо перца капну матерок:
Стихи без мата—что слова на ветер.

Безвыходное

Курить бросаю, бросил пить,
Ночь потихонечку к исходу…
Арсений Ли

Решил характер применить,
Поскольку жизнь идёт к исходу,
Я бросил всё—курить и пить
Вино, коньяк—пью только воду.
Проблему не решу одну,
Она в душе моей витает:
Я бросить не могу жену—
Она ж мои стихи читает.

Станислав Минаков

Дневники Свиридова—русское трудное чтение

Выпущено в свет второе издание книги «Музыка как судьба»

Большая посмертная книга композитора Георгия Свиридова «Музыка как судьба» первый раз вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 2002 году. Она сразу стала фактически настольной у многих, ждавших её. В ней, составленной из «Разных записей» (девятнадцати тетрадей), дневниково охватывающей десятилетия, виден непростой внутренний путь художника, словно разгребавшего завалы безбожной русской жизни советского периода, о котором Свиридов с какого-то момента стал говорить как о времени геноцида русского народа и православия.

В своих записках великий композитор выступает как значительный русский мыслитель, острый публицист. Суждения его пронзительны, резки и глубоки, обусловлены сердечной думой, болью за Россию, русскую жизнь, русскую культуру. Читая Свиридова, вспоминаешь и «Окаянные дни» И. Бунина, и «Мысли о России» Ф. Степуна, и «Опавшие листья» В. Розанова. Изданные близкими и исследователями уже по кончине композитора, с напутствием А. Солженицына, записки эти, по меткому замечанию одного из московских учёных, являют собой «свод глубоких и страстных размышлений о духовной жизни эпохи, и по тону они даже вызывают в памяти пламенное, бескомпромиссное слово протопопа Аввакума».

Книга сразу стала библиографической редкостью, вызвала воистину шквал эмоций, что называется, с «обеих сторон», явившись внятным индикатором непреодолённого векового раскола в русском обществе, резко обострившегося в 1917 году.

Валентин Распутин, развивая самоопределительную реплику Свиридова «воспеть Русь, где Господь дал и велел мне жить, радоваться и мучиться», высказал важную мысль: «Именно для того чтобы проложить дорогу Гаврилину, озвучить Есенина и Блока, заново прочитать Пушкина, подхватить умолкнувшие песнопения и молитвы, для того чтобы не закрался „пустырь“ в души, и был „отставлен“ Свиридов из XIX в XX век». И—о книге дневников русского гения: «Свиридов как мыслитель, наблюдатель, человек огромной культуры, не только русской, но и мировой, „расшифровал“ для нас так много в искусстве, жизни, в известных личностях, событиях прошедших и текущих, даже в Родине нашей, которую, оказалось, мы знаем мало; так точно сказал он о красоте и таланте, о чистом и святом в художнике и вокруг него и так решительно отделил талант от соблазна, чистый порыв от модного искушения, что великой этой книге великого автора полагалось бы сделаться настольной для всякого, кто ещё не предался окончательно чужим богам в понимании прекрасного в искусстве».

Второе издание, коего ждали очень многие, состоялось через полтора десятилетия (серия «Библиотека мемуаров: Близкое прошлое»). И это ожидание, и сам факт выхода, и реакция на него словно опровергли суждение академика Д. Лихачёва: «Георгий Васильевич Свиридов—русский гений, который по-настоящему ещё не оценён». И подтвердили вторую часть этого высказывания: «Его творчество будет иметь огромное значение в грядущем возрождении русского народа».

В промежутке между двумя изданиями был выпущен замечательный сборник «Георгий Свиридов в воспоминаниях современников», вышедший в той же «Молодой гвардии» в 2006 году с предисловием В. Распутина.

Нынешний том включает и новые, прежде не публиковавшиеся тексты, а также комментарии, подготовленные музыковедом, президентом Национального Свиридовского фонда А. С. Белоненко и ведущим научным сотрудником Института мировой литературы РАН С. А. Субботиным.

Александр Сергеевич Белоненко, племянник композитора, на мой прямой вопрос, чем второе издание отличается от первого, ответил в частном письме: «Книга обновлена за счёт новых, более обстоятельных комментариев, которые мы поместили теперь в постраничных сносках, а не в конце книги, что затрудняло чтение. Есть новые тексты двух маленьких тетрадок 1963 г., которые дают возможность проследить за некоторой эволюцией взглядов Георгия Васильевича по музыкальным, да и не только, вопросам, особенно что касается, например, творчества Д. Д. Шостаковича, а также тетрадь 1984 г. Эта тетрадь восполняет лакуну между записями тетрадей 1982 и 1987 г. В этой тетради есть, на мой взгляд, любопытные мысли

для литераторов (некоторые новые соображения относительно Клюева, Есенина, Маяковского, Блока). Красной нитью в этой тетради проходит мысленный диалог Г. В. с В. В. Кожиновым, чью книгу о русской поэзии Свиридов внимательно читал, и эта книга вся исчиркана вдоль и поперёк. Причём он не только соглашался с Кожиновым, но и критиковал некоторые его соображения».

Остановимся кратко на некоторых страницах книги Свиридова, относящихся к дневникам 1984 года.

Главка «Активная бездарность как производное Зла»:

«Из бездарности человека, занимающегося художественным творчеством, и из сознания этой бездарности, того, что он бессилен пополнить сокровищницу мира своими деяниями и трудами, проистекает подчас испепеляющая ненависть интеллигента к культуре и даже миру. Заметьте — простой человек, рабочий, например, имеющий дело с созиданием, вряд ли когда говорил и говорит о всемирном разрушении и т. д. Это — дело так называемых „интеллигентных“ людей. Анархисты — Бакунин, Кропоткин, Равашоль, фашист Маринетти, нигилисты Маяковский и А. Белый… Даже Махно — не мужик и не рабочий — учитель! Особенно много „разрушителей“ было и есть в творческой среде. Искусство вообще несёт колоссальную ответственность за умонастроения общества. Так называемый „авангардизм“, богато субсидируемый, умело направляемый и железно руководимый, много сделал для ужесточения людских душ, он подготовил моральную почву для появления атомной бомбы, заранее оправдал её применение.

Авангардизм — органическое самовыявление Зла, бездарности, неспособности создания прекрасного. Это — псевдоискусство, которое внушает нам, что мир безобразен и разрушение и даже утрата его — естественны и закономерны. Идея людей, направляющих подобное „искусство“, — организация гигантской кровавой бани для всего человечества. Сами они пытаются этой бани избежать. Для этого у сверхвладык есть много возможностей».

Разве скажешь, что эта запись от первого февраля 1984 года — не про сегодняшний день, не на нынешнюю именно что злобу дня, в самую зеницу этой злобы?

Непривычно и нелицеприятно Свиридов порой говорит и об общепризнанных гениях в области культуры и искусства.

«Врубель — умозрительно декоративные композиции. Его гений заключён в его безумии, уничтожившем первоначальный рационализм замысла (рациональную задумку) и дававшем выход бессознательному…»

Чудесно сказано и о глубоко любимом им Блоке, на стихи коего композитор создал немало вокальных сочинений: «Он самым высоким образом оценил „Хованщину“ (впервые тогда поставленную, назвав её той тропинкой, над которой летит дыхание Святого Духа)…»

Или вот это, очень важное, на мой взгляд, от четвёртого февраля того же года: «Культура русского стиха, начиная с Пушкина и его современников, шла рука об руку с культурой русского романса, которую начали создавать Глинка, Алябьев, Варламов, Гурилёв, Верстовский. Чайковский писал на слова Апухтина, А. К. Толстого, К. Р., Фета, Случевского, Мея (дальше перечисляется большой ряд создателей русских романсов. — *С. М.*)… Романс — явление неоднородное, следует разделять в нём: образцы высокого, классического искусства, бытовой романс, лакейскую песню («Всю-то я Вселенную проехал…»), цыганское пение (с хором), «жестокий» романс (песня городских низов) и т. д.».

В год столетия «революции» мы въяве видим подтверждение правоты нашего великого прозорливца, прямо терминологически выраженной, — как для адски «европеизирующейся» Украины, так и для Российской Федерации: «Симфония — искусство буржуазного индивидуализма (говорю это, разумеется, без какого-либо желания „опорочить“ великое), особенно активно стало выдвигаться у нас после революции, в связи с общей идеей „европеизации“, „германизации“ русской культуры и идеологии, которая отождествлялась с самодержавием и православием. Этот процесс активно продолжается и теперь».

При этом про великого музыканта эпохи, титана русского симфонизма Свиридов находит и такие слова: «Жизнь Шостаковича — это жизнь борца… Я хотел бы прежде всего сказать о его непреклонном мужестве, вызывающем глубочайшее уважение. Мягкий, уступчивый, нерешительный подчас в бытовых делах — этот человек в главном своём, в сокровенной сущности своей был твёрд как кремень. Его целеустремлённость была ни с чем несравнима».

В размышлениях «О рекламе» Свиридов выдаёт такое суждение: «„Салон“ приобрёл размах общегосударственный». И общемировой, добавим мы. А уж если посмотреть наши телеканалы!..

Двадцать четвёртого января мыслитель записал: «Ложь вошла в сознание людей как правда. Вот в чём ужас!»

Сказано очень вдумчиво и по сути верно и может быть воспринято как трезвое продолжение посылов Вернадского и Циолковского: «Так называемое завоевание Космоса есть всего лишь один из новых способов завоевания Земли. Пока — не более того».

Запись «О большом и малом чувстве Родины» следует привести целиком:

«В наши дни (кажется, с руки Твардовского) распространилось малое, „местническое“ чувство

Родины как чего-нибудь приятного, симпатичного, милого сердцу: две-три берёзы на косогоре, калитка, палисадник, баян вдалеке, сирень в городском саду, деревенская околица и пр. Всё это, разумеется, очень симптоматично, но совершенно ничтожно.

Понятие Родины — очень объёмно, оно — всеобъемлюще, грандиозно. Оно включает не только всё, чем ты живёшь, но и самый воздух, которым человек дышит, его прошлое, нынешнее и грядущее, где суждено жить и нам (как и людям прошедших поколений) своими потомками, своими делами, хорошими и дурными.

Родина — это совсем не только симпатичное и приятное, но и горькое, и больное, а иногда и ненавистное. Всё есть в этом понятии, в твоём чувстве к ней, без которого жизнь почему-то теряет смысл. Во всяком случае, для меня… а между тем многие люди (русские) живут совсем без Родины, видимо, она составляла лишь малую часть их жизни, и, потеряв её, они мало потеряли».

Егор Холмогоров в статье «Творить по-русски», опубликованной по выходе нового издания, говоря, что язык Свиридова сочен и образен, подмечает: для этого гения культура — не пространство личностного самовыражения, а великое служение национальному духу. Публицист приводит дневниковое высказывание композитора, актуальность которого вызовет у многих радостное удивление: «Я русский человек! И дело с концом. Что ещё можно сказать? Я не россиянин. Потому что россиянином может быть и папуас. Во мне течёт русская кровь. Я не считаю, что я лучше других, более замечательный. Но вот я такой как есть — русский человек. И этим горжусь… Надо гордиться, что мы — русские люди!»

Публицист подчёркивает, что свиридовский отказ от умствования вовсе не означает отсутствие осмысления, и поражается тому, насколько и цельно, и продуманно философское мировоззрение Свиридова, «мало того — богословское», которому подчинена его эстетика. «Прежде всего это стопроцентное православие, глубокая и искренняя, сознательная вера в Бога, — настаивает Е. Холмогоров. — Западная музыка — музыка смерти, она не идёт дальше распятия, русская музыка устремлена к Воскресению, замечает композитор… Самые острые и болезненные рассуждения маэстро, где его талант достигает великой публицистической силы, связаны именно с отчуждением русского человека от родной культуры, произошедшим в XX веке под влиянием революции, безбожной диктатуры, под крылом которой размножились космополитические легионы». И цитирует Г. Свиридова: «Эти люди ведут себя в России как в завоёванной стране, распоряжаясь нашим национальным достоянием как своей собственностью, частью его разрушая и уничтожая несметные ценности».

Книга нашего русского гения «Музыка как судьба» — в самом деле, хоть и пронизана болью и потому нелегка для восприятия, всё же обязательна к прочтению.

Вот, к примеру, запись из тетради 1991 года — суждение о большевиках, истязавших народ России: «Они посадили его, этот народ, на железную цепь, бесконечно унижая его, третируя, истребляя его святыни, его веру Православную, его культуру, а главное — сам этот народ, который служил своей безликой массой своим палачам и тиранам, кровью своею питая их чудовищную, беспощадную власть. Падение России — как смерть Христа, убитого римлянами и евреями на наших глазах. Теперь эти собаки делят его тело и одежды. Кроят карту мира».

Строго? Но ещё Патриарх Московский и всея Руси Алексий II заметил: «…Свиридов — такой художник, который заслужил право высказывать свои мысли».

Ценный материал для понимания душевного состояния великого композитора мы находим в его сравнении своей судьбы с жизнью первых христиан в древнеримских катакомбах, посреди языческого бесчестья. Запись сделана накануне августовских событий 1991 года: «Это не жизнь, а „Ночь на Лысой горе“ — шабаш зла, лжи, вероломства и всяческой низости. Всё это происходит на фоне кровопускания, кровопролития пока ещё скромных масштабов, но имеющий глаза да видит: в любой момент может политься большая кровь, за этим дело не станет!»

В 1993 году за кровью дело не стало. Но за истекшее двадцатилетие эти полярности в русском обществе, похоже, лишь возросли. Внешне мы вроде бы видим восстанавливающиеся и новостроящиеся храмы, отсутствие гонений на веру, но свидетельствует ли это о подлинном духовном возрождении? Особенно если вглядеться, что же происходит в культуре, на телевидении, в печатных СМИ, на эстраде.

Когда читаешь у Свиридова: «Россия — это колония», — то вздрагиваешь, поскольку возразить и сегодня по сути нечего. Мы находимся под игом и гнётом транснациональных корпораций, расчленивших нашу Империю в её советской редакции и выкачивающих недра и ресурсы глобалистским насосом, а также осуществляющих, с целю более уверенного порабощения, гигантское растление русских душ.

Свиридов провидчески писал в 1991 году: «Мы переживаем эпоху третьей мировой войны, которая уже почти заканчивается и прошла на наших глазах. Страна уничтожена, разгрызена на части. Все малые (а отчасти и большие) народы получают условную „независимость“, безоружные, нищие, малообразованные. Остатки бывшей России будут управляться со стороны — людьми, хорошо нам известными. Русский народ перестаёт существовать

как целое, как нация. <…> Как быстро всё произошло. С какой быстротой оказалась завоевана „Великая“ держава. Чудны дела Твои, Господи. Начальные деятели перестройки, заработавшие миллионы и миллиарды на этом страшном деле, частично переселились в Америку. Подготовка тотальной войны велась здорово: всеми средствами массовой информации, дипломатией и прочим. Угодили в „крысоловку“».

И тем не менее — надежда: «Христос Воскресе! Смотрел по телевизору выступление перед заутреней Патриарха — грустное, но спокойное, потом водружение Святого Креста на купол Казанского собора… Боже, неужели это не фарс, а подлинное Возрождение, медленное, трудное очищение от Зла?!»

Книга Г. В. Свиридова «Музыка как судьба» приходит ко мне если не мистическим образом, то как послание. Первое издание — было подарено её научным редактором, на обороте титульного листа оставившим волнующую надпись: «Станиславу Минакову, чьи стихи были памятны великому автору этой книги. С. Субботин. Москва, 22 марта 2003 г.». Новое издание передал мне в подарок из свиридовского Курска лучший, на мой взгляд, исполнитель вокальных произведений Свиридова, солист европейских оперных театров москвич Владимир Байков. С благодарностью думаю об этих людях, читая Г. Свиридова: «Русская культура всечеловечна, обращена ко всем людям Земли, выполняя самую насущную свою задачу — питать душу своего народа, возвышая эту душу, охраняя её от растления, от всего низменного».

В книге Свиридова есть и такие философские строки:

«Ни простота, ни сложность сами по себе не представляют ценности. Однако же говорят: „Божественная простота“, — и я никогда не слышал, чтобы говорили: „Божественная сложность“. Сложность есть понятие человеческое, для Бога же мир прост. Простота является как следствие неожиданного озарения, откровения, наития, внезапного проникновения в истину. Но никто теперь не хочет быть простым, боясь прослыть „примитивным“».

«Слово и музыка, литература и музыка, музыкальное произведение может существовать только тогда, когда оно добавляет нечто к стихам или литературному сочинению. Иждивенчество: комиксы — вульгарный вкус и тон… Неточная, очень неожиданная и оригинальная рифма, которую теперь во множестве употребляют современные поэты, от какового употребления она становится либо заезженной, либо вычурной… Задача композитора совсем не в том, чтобы приписать мелодию, ноты к словам поэта. Здесь должно быть создано органичное соединение слова с музыкой. В сущности, идеалом сочетания слова и музыки служит народная песня».

Печально, что столетний юбилей композитора прошёл в декабре 2015-го практически незамеченным СМИ. Это вам не сплетни обсуждать в ток-шоу на центральных телеканалах и не «праздновать» полувековые юбилеи поп-звёзд, по три-четыре дня подряд заливая центральные телеканалы «контентом» попсы. Тут — огромные зрительские рейтинги. А слушать Свиридова — большой труд души. Музыковед М. Залесская в статье «Пророк в своём отечестве» («Российская газета») с горечью напоминает, что в наших столицах до сих пор нет ни музея, ни памятника великому Свиридову, нет даже мемориальной доски, увековечивающей его память.

У русского композитора Георгия Свиридова были свои «сто лет одиночества», видимо, присущие любому гению. Оттого он писал: «В своей профессиональной среде я — пария, чужой человек».

И всё же через два десятилетия по кончине наш русский гений приближается к нам, спасибо издателям.

Александр Астраханцев

Земные и небесные похождения Гены Пряхина

Фантасмагория-лубок

Действующие лица:

АВТОР, Иван Егорович, лет сорока.

РЕЖИССЁР, Александр Борисович, лет под шестьдесят.

СТАСИК, помощник режиссёра, молодой человек.

ГЕНА ПРЯХИН, рабочий авторемзавода, мужчина невысокого роста.

ТАМАРА, его жена, крупная женщина.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ, начальник Гены Пряхина.

ПЁТР, ТОЛЯН — приятели Гены Пряхина, рабочие авторемзавода.

ПАРЕНЬ И ДЕВУШКА — молодые актёры.

АЛЕКСЕЙ, СЕРГЕЙ — космонавты.

ГЕНЕРАЛ, руководитель космического полёта.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО, он же ХОЗЯИН, он же ТЕНЬ ОТВЕТСТВЕННОГО ЛИЦА (похожа на Ответственное Лицо, но только как карикатура на него).

ПОСТОРОННИЙ.

ГОША-БУЛЬДОЗЕР.

МИЛИЦИОНЕР.

Два САНИТАРА, они же два ТЕЛОХРАНИТЕЛЯ (разнятся с санитарами только одеждой).

Действие первое

В глубине сцены — макет токарного станка. Над ним — красный транспарант, на котором белой краской: «Пятилетку — в 4 года!» Справа, рядом с макетом станка, — зелёный травянистый бугорок с цветочками. На переднем плане сцены, слева — два кресла; в одном из них сидит РЕЖИССЁР, читая листы с текстами, делая в них пометки карандашом; за спинкой второго кресла стоит АВТОР. Из динамика среди характерных радиошумов звучат отдельные фразы: голос Н. С. Хрущёва: «Наше поколение советских людей будет жить при коммунизме!..» — затем голос Л. И. Брежнева: «Правильной дорогой идёте, товарищи!»

РЕЖИССЁР *(сокрушённо качая головой)*. Мда-а!.. Нет, не то. Не то!.. *(Поворачивается к Автору.)* Скажите, Иван Егорович: чего от нас требует время?.. Жизни! На сцене должна бушевать современная жизнь — а у вас что?..

В это время из динамика раздаётся невнятная речь М. С. Горбачёва: «Хочу, товарищи, со всей силой подчеркнуть: инициатива, живое творчество масс — вот условия для ускорения развития страны и созидания нового строя, вот в чём источник силы социализма...» Речь прерывается шумными аплодисментами.

РЕЖИССЁР *(отрывает глаза от чтения и вслушивается в речь из динамика)*. Ну-ка, ну-ка, что там такое?.. Сделайте, пожалуйста, погромче!

Автор уходит за кулисы; речь Горбачёва становится громче: «Я — за то, чтобы перестройка шла в демократических формах, под контролем народа, с участием всех трудящихся. Инициатива и живое творчество масс — вот в чём источник нашей силы. Я думаю, что перемены, проходящие в жизни нашего общества, затронут и культурную жизнь, благотворно скажутся на ней...» При этом Режиссёр устремляет взгляд в пространство и молча слушает, кивая головой. Речь Горбачёва прерывается аплодисментами.

АВТОР *(выходя на сцену)*. Так — хорошо, Александр Борисович?

РЕЖИССЁР. Да-да, спасибо, голубчик. Ведь это и для нас директива! Вы поняли? Так что давайте, давайте за работу!

АВТОР. Хорошо, Александр Борисыч, заказ принят. *(Уходит за кулисы.)*

Аплодисменты делаются тише и вовсе смолкают. В это время справа на сцену выходит Автор, ведя за руку ГЕНУ ПРЯХИНА; Гена — в спецовке, кирзовых сапогах и кепке.

АВТОР. Пойдём, пойдём, Гена.

ГЕНА *(упираясь)*. Да не хочу я на сцену, товарищ Автор! Неужели никого больше не нашли? Терёхин вон у нас хороший рабочий — возьмите его!

РЕЖИССЁР *(очнувшись от прострации, трясёт листами)*. Чёрт знает что такое! Халтура! Настоящая халтура!

АВТОР. Понимаешь, Гена, сцена — это не доска почёта. Мне не то что хороший, а живой человек нужен. Пошли, пошли… Ты ведь тоже, мне сказали, хорошо работаешь?

ГЕНА. Да пью я. Увидят вон зрители — что скажут? Возьмите Терёхина.

АВТОР. Видишь ли, Гена, искусство — это такая вещь…

РЕЖИССЁР. Мда-а… Ну что делать? Совершенно нечего ставить! Тем более что нам новое мышление предлагают…

ГЕНА *(Автору)*. А за это заплатят?

АВТОР. Гена, но ты же за сознательного у нас пойдёшь.

ГЕНА. А-а… Ну тогда хоть займите.

АВТОР *(останавливаясь вместе с Геной)*. Сколько?

Гена, хитро сощурившись, молчком показывает три пальца.

АВТОР *(вытаскивая из кармана и отдавая «трёшку»)*. О чём разговор! Бери!

Гена снимает кепку, прячет деньги в подкладку кепки и надевает её снова.

РЕЖИССЁР *(с негодованием швыряет текст на пол)*. Нет, нет и нет! Ну вот нечего ставить в духе времени — они разучились писать для театра! Это же театр, чёрт возьми, это же зрелище! *(Сидит, закинув ногу на ногу, барабаня пальцами по подлокотнику и нетерпеливо поглядывая на часы.)*

АВТОР. В общем, Гена, на сцене нужны теперь живые люди с недостатками — как в жизни. Скажи, а Терёхин — он что, без недостатков?

ГЕНА. Терёхин-то? Хэ! Послушать — так он самый правильный: вон на собраниях как чешет, да? А «Жигуль» начальнику цеха кто бесплатно перебрал? А начальник ему теперь химичит — хоть у кого спросите!.. Да я их вот так всех вижу! *(Показывает растопыренную пятерню.)* Правда, он тверёзый всегда. Потому что дома пьёт — никогда друзьям не поставит!

АВТОР. Вот видишь! Но вообще нехорошо о товарище злословить.

ГЕНА. Дак вы же сами сказали: можно с недостатками! А у Терёхина их — во, как грязи! *(Чиркает себя пальцем по горлу.)*

АВТОР. Ох, хитё-ёр! *(Грозит пальцем.)* А я всё же тебя выбрал — ты простой, открытый, режешь правду-матку. Так что пошли, пошли — я тебя сейчас познакомлю с Режиссёром. Только не ершись, ладно?

РЕЖИССЁР *(про себя, увидев Автора с Геной)*. Ну наконец-то!.. Опять какого-то совкового Гамлета тащит.

АВТОР *(критически осматривает Гену, одёргивает на нём одежду, подводит к Режиссёру)*. Вот, привёл нового героя: Геннадий Семёнович Пряхин.

РЕЖИССЁР *(сидя, оглядывает Гену, небрежно кивает ему)*. Интересно!.. Но позвольте — какой же это новый?

АВТОР. Новый в том смысле, что — не придуманный, прямо из жизни.

РЕЖИССЁР. Хм… Ну ладно, посмотрим. *(Гене.)* И что же ты умеешь?

ГЕНА. Всё умею.

РЕЖИССЁР. Ну что «всё»?

ГЕНА. Любую деталь выточить. Двигатель перебрать, коробку передач. Сварку, пайку, покраску.

АВТОР. Он на авторемзаводе работает.

ГЕНА. Вот если у вас, скажем, машина вдрабадан — сделаю лучше новой. Не бесплатно, конечно, — мне ж тоже надо расплатиться кое с кем.

РЕЖИССЁР. Хорошо, буду иметь в виду.

АВТОР. В общем, на все руки.

РЕЖИССЁР. Хм. Ну что ж, можно попробовать. Даже кстати — у нас с производственной темой слабовато, а управление культуры требует.

ГЕНА *(полушёпотом, боязливо озираясь)*. Могу самогонный аппарат сделать по дешёвке. Из авторадиатора — во получается! *(Показывает большой палец.)*

РЕЖИССЁР *(брезгливо)*. Нет-нет, не надо! Вы что, пьёте?

ГЕНА. Да не так чтобы…

РЕЖИССЁР *(Автору)*. Э-э, знаете, алкогольная тема нынче…

АВТОР. Но ведь перестройка же — нет запретных тем!

РЕЖИССЁР. Голубчик мой, вы наивный человек! Партия пока ещё никуда не делась, так что — нет-нет-нет, нужна чисто производственная тема.

АВТОР. Но он, мне кажется, потянет. Сможешь, Гена? Мы же с тобой говорили!

ГЕНА *(мнётся, пожимает плечами)*. Н-ну… если заплатите!

РЕЖИССЁР *(в сторону)*. Да-а, на Гамлета, даже на совкового, не тянет.

ТАМАРА *(входит с хозяйственной сумкой в руке, останавливается поодаль)*. Ген, а Ген! Чегой-то скажу!

ГЕНА. Извините. *(Подходит к Тамаре.)* Чего тебе?

РЕЖИССЁР *(про себя)*. А вот и Офелия.

АВТОР. Что вы сказали?

РЕЖИССЁР. Так, ремарка в сторону. Идёте проторёнными путями.

АВТОР. Нет! Почему же?

РЕЖИССЁР. Ладно, посмотрим… Та-ак, а где мой помощник? Стасик! Ста-аси-ик!.. *(Жалуется Автору.)* Ну вот как тут работать с помощниками? То у них женитьба, то жена рожает…

АВТОР. Так молодое—оно и есть молодое. Чего вы хотите?

РЕЖИССЁР. То шабашка у него срывается—по детсадикам, видите ли, зайчиков с медведями играть… Полная профанация искусства!

АВТОР. Да, да, Александр Борисыч, согласен—профанация!..

Дальше диалог Режиссёра с Автором не слышен. Во время их неслышной беседы Тамара что-то шепчет на ухо Гене; оба смеются. Затем Тамара берёт Гену на руки, как младенца, целует и тетёшкает.

ГЕНА. Том, отпусти, неудобно—люди же.

ТАМАРА. А что люди? Пускай видят, как я тебя люблю.

ГЕНА *(строго)*. Отпусти, говорю!

ТАМАРА *(бережно опускает его на ноги и снова целует при этом)*. Ладно, бегай… А премию-то хоть дадут?

ГЕНА. Обещали сегодня.

ТАМАРА. Только ты не пей, ладно, Ген?

ГЕНА. Одну, Том. Всего одну. Можно?

ТАМАРА. Ладно! А я тогда кофточку новую куплю, а то уже и выйти не в чем. *(Кокетливо передёргивает плечами.)*

ГЕНА *(обнимает и гладит Тамару по спине, крепко шлёпает пониже спины)*. Да ты у меня и без кофточки что надо. Особливо когда совсем ни в чём.

ТАМАРА *(хихикает)*. Ген, ну не выражайся—люди же!

ГЕНА. А что люди? Это—свои; пойдём, познакомлю. *(Берёт Тамару за руку, подводит к Автору и Режиссёру.)* Знакомьтесь: это Тамара, жена. Она тут недалеко работает. *(Тамаре.)* Они—из театра, мной интересуются. Герой, мол, и всё такое.

РЕЖИССЁР *(встаёт, расшаркивается)*. Очень, очень приятно. Какая милая у вас супруга! Тамара, вы не против, если мы и вами тоже заинтересуемся?

Тамара растерянно сморит на Гену.

ГЕНА. Ладно, ты иди, они шутят. У нас тут мужской разговор.

РЕЖИССЁР. Почему—мужской? Женщина—как вино для беседы! Автор, непременно оцените фемину.

ГЕНА. Но-но, «вино»! Иди, иди, Тома, не слушай их, мы сами тут…

Тамара уходит. Все трое провожают её взглядами.

ГЕНА. Ну что? *(Смотрит на часы.)* Мне ведь работать надо идти.

РЕЖИССЁР. А-а, хорошо, иди, Гена, мы тут пока посоветуемся. *(Автору.)* Да-а, вполне типичен. Попробуем. Бог не выдаст—свинья не съест.

Гена идёт к станку, включает. Станок гудит. Гена начинает работать на нём.

РЕЖИССЁР *(смотрит на Гену, энергично потирая руки)*. А неплохо, однако! *(Поворачивается к Автору.)* Теперь нужны завязка и конфликт.

Гудение станка прекращается.

ГЕНА *(Автору и Режиссёру)*. Ну вот, т-твою мать-то, энергию какой-то х-х… кто-то отключил! *(Кричит за сцену.)* Где энергия, в-вашу мать? Мне же работать надо—сколько можно груши околачивать? *(Начинает копаться в станке, чинить его.)*

РЕЖИССЁР *(растерянно смотрит на Автора)*. Что такое?

АВТОР. Ну вот, конфликт сам в руки идёт!

РЕЖИССЁР. Я понимаю. Но—нецензурщина!.. Кто ж её нам пропустит?

АВТОР. Да, проскакивает. Но, я думаю, подчистим, справимся.

Входит ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО.

РЕЖИССЁР *(Автору—негромко, увидев Ответственное Лицо)*. Ведь говорил же! Вот вам, пожалуйста!

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО *(важно раскланиваясь с Автором и Режиссёром)*. Здравствуйте. Шёл мимо, слышу: на сцене выражаются.

АВТОР. Видите ли, мы хотим взять человека прямо от станка. Живого.

РЕЖИССЁР. Производственная тема в плане — вы же сами утвердили!

АВТОР. Он рабочий! Простой рабочий.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО *(Автору)*. Товарищ! Не знаю, как вас…

РЕЖИССЁР. Это — Автор.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Тем более! Конечно, ваше дело — сочинять как сердце подсказывает, иначе закричите, что кто-то покушается на вашу свободу творчества. А наше дело — редактировать, потому что вы люди безответственные. Но мы не имеем права показывать простого человека *таким*.

АВТОР. А почему, собственно?

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Вы что, притворяетесь? Кого вы хотите выставить здесь дураком?

АВТОР. Я? Никого. Ну, срывается у него нечаянно — дурная привычка.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. И вообще, я даже не к вам обращаюсь. *(Режиссёру.)* Мы вам доверили театр, этот, с позволения сказать, храм искусства. Чему мы научим зрителя?

РЕЖИССЁР. Мы почистим. Мы обязательно почистим!

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО *(насмешливо)*. Ну почистите — а характер-то куда денете? Они же чуть что — сразу за горло: дай! Чему он научит зрителя?

РЕЖИССЁР *(согласно кивая)*. Характер, да, да… *(Вдруг взрывается.)* Но позвольте, а если мы «Отелло» поставим — что же, они все пойдут своих жён душить? Поводов у них для этого не меньше, чем у Отелло!

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Ну, «Отелло» — классика, а с вами-то пока ещё можно справиться. И вообще, «Отелло» мы вам тоже не разрешали.

РЕЖИССЁР. Позвольте, но ведь нам теперь дали некоторую свободу?

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО *(грозит пальцем)*. Но — в определённых рамках! И если вы их не ощущаете, мы вынуждены будем…

РЕЖИССЁР *(взрываясь)*. Оргвыводы? Да делайте! Уйду! Надоело!

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Что вы всё так близко к сердцу? Нельзя так распускаться! Мы вам доверили, понимаете… И вообще, мы же ничего не запрещаем, мы советуем.

РЕЖИССЁР. Да понял я вас!

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. И прекрасно. Желаю смелых творческих замыслов. Но — в рамках! *(Поднимает указательный палец.)* До свидания. *(Уходит.)*

АВТОР *(Режиссёру)*. Зачем вы, в самом деле, так близко к сердцу?

РЕЖИССЁР. Но ведь это же ужасно, когда тебя всю жизнь тычут мордой! *(Взвинчивается по мере монолога.)* Я же, чёрт возьми, художник, а не мочалка, о которую любой чинуша может ноги вытирать!

АВТОР. Да не берите так близко к сердцу!

Вбегает, запыхавшись, СТАСИК.

СТАСИК. Сан Борисыч, вы меня звали?

РЕЖИССЁР *(раздражённо)*. Звал! Потому что ты, Стасик, всегда должен находиться рядом и быть моей тенью, исполнителем моих замыслов. А ты?.. Смотри, отправлю, откуда пришёл!

СТАСИК. Извините, Сан Борисыч, я больше не буду! Но у меня ребёнок заболел…

РЕЖИССЁР. У тебя, смотрю, что ни неделя, ребёнок болеет. Но ведь у тебя же, по-моему, ещё жена есть — так что давай работать. Иди — будем менять сценическую атмосферу!

СТАСИК *(идёт в глубину сцены, убирает красное полотнище, вместо него вешает другое — с текстом: «Перестройка — в действии!»; затем подходит к Режиссёру)*. Сан Борисыч, видите, как я стараюсь? Пожалуйста, замолвите за меня словечко в управлении культуры: пусть мне молодёжный театр дадут; там место главного режиссёра освобождается — я ведь уже созрел!

РЕЖИССЁР. Нет, Стасик, пока ещё не дозрел… А как же я? Я ж без тебя — как без рук. Вот уйду на пенсию — можешь претендовать…

СТАСИК. Когда ещё уйдёте!..

РЕЖИССЁР. Годы быстро бегут. А пока учи систему Станиславского.

СТАСИК. А можно, я тогда ещё отлучусь — с ребёнком посидеть? Последний раз, Сан Борисыч!

РЕЖИССЁР. Ну что с тобой делать? Дети — это святое; беги. Но чтоб последний раз!

СТАСИК. Хорошо, Сан Борисыч! Спасибо! *(Убегает.)*

РЕЖИССЁР *(Автору)*. По-моему, опять врёт. Готов спорить, калым нашёл.

АВТОР. Да-а, видите, какие они нынче — все ловчат, изворачиваются.

Появляются ПЁТР *и* ТОЛЯН, *подходят к Гене, о чём-то тихо говорят.*

РЕЖИССЁР *(про себя).* Это что ещё за чучела?.. Ах, ну да, Гильденстерн и Розенкранц! Штампы, штампы…

АВТОР *(внимательно следя за рабочими и откликаясь на реплику Режиссёра).* Что? Нет, это Генины дружки подошли.

ГЕНА *(дружкам).* Чего там случилось-то?

ПЁТР. Говорят, кабель порвали. Долго теперь.

ТОЛЯН. Если даже починят, всё равно заготовок нет. Может, скинемся?

ГЕНА. Мне нельзя. *(Показывает на Автора и Режиссёра.)* Вон…

ТОЛЯН. Кто это?

ГЕНА. Из театра, интересуются.

ТОЛЯН. А-а! Я думал, нормировщики — нормы резать будут. *(Поворачивается к Автору и Режиссёру.)* В конце месяца к вам в культпоход повезут! С отгулом! Поедем, если у вас в буфете пиво будет! *(Хохочет и отворачивается, стараясь загородить спиной товарищей.)* Ну чо телитесь?

Появляется НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Почему не работаем?

ПЁТР. Так энергии же нет, Николай Иваныч.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Значит, идите на уборку территории. Через час дадут.

ТОЛЯН. Так вчера же убирали!

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. А разве за сутки мусор не мог накопиться?

ГЕНА. А платить как будете?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Пусть у тебя голова об этом не болит. Заплатим.

ГЕНА. По среднему, да? Вы мне работу дайте! Чего мне с шестым разрядом балду пинать по среднему?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Что, смелый стал? Давно на коллективе не разбирали?

ГЕНА. Чего вы меня всё коллективом пугаете?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Кстати, языкастых мы не держим.

АВТОР *(Режиссёру).* Вот вам и конфликт! Я пойду пока за кулисы, покурю.

РЕЖИССЁР. Хорошо, идите. *(Потирает руки.)* Так, так!

Автор уходит.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ *(оглядываясь на Режиссёра).* Кто это?

ГЕНА. Из театра. Спектакль про нас хотят ставить.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ *(подходит к Режиссёру).* Извините, я тут с ними немного пособачился… Это что, начальство заказало?

РЕЖИССЁР. М-можете считать, да.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Понятно… Вообще культурные мероприятия уважаю. Но если вы про них — какая же это культура? Эта троица давно у меня на счету… *(Вынимает и листает записную книжку.)* Вот, пожалуйста, тут у меня всё про них: пьянка, прогул. Советую вам взять Терёхина: передовик.

РЕЖИССЁР *(мнётся, разводит руками).* Видите ли, это воля Автора. К сожалению, режиссёр не всё может.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Ну, смотрите — хотел как лучше. И вообще, не вовремя вы, ей-богу, — у нас тут ЧП.

РЕЖИССЁР. Ничего-ничего, мы мешать не будем.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ *(рабочим).* А вы давайте на уборку! *(Уходит.)*

ТОЛЯН *(кричит ему вслед).* Мы щас, Николай Иваныч! *(Обращается к товарищам.)* Ну чо, мужики? Давайте шурупьте — щас погонят.

ГЕНА. Трояка хватит?

ТОЛЯН. Не жмись.

ГЕНА. Запомни: Пряхин не жмётся! *(Достаёт из кепки трояк, отдаёт Толяну.)*

ПЁТР *(тоже отдаёт Толяну деньги).* Давай чеши. Мы тут подождём.

ТОЛЯН. Опять я? Ну, ёкарбай!

ПЁТР. Так ты ж у нас самый молодой.

ТОЛЯН. Ладно, бес с вами. Я мигом. *(Убегает.)*

РЕЖИССЁР. Ну, это уже чересчур: ещё и пьянка на сцене! Где у меня Автор? Он же мне производственный сюжет обещал!.. Чёрт знает что! *(Достаёт листы бумаги, что-то пишет и одновременно поглядывает на рабочих.)*

ГЕНА *(Петру).* Нет, ты видал, что начальник говорит? Где, скажи, правда, а? Не любит он правды в глаза.

ПЁТР. А кто её, Ген, любит-то?

ГЕНА. Да сосёт он! Уйду я — брошу заявление на стол и уйду!

ПЁТР. Ты не шебаршись. Сейчас Толян принесёт — вмажем без этих, без свидетелей *(кивает в сторону кресел)*, успокоишься. Нервы нынче тоже дорогие… Ты видал когда-нибудь хорошее начальство?

ГЕНА. Да по мне — лишь бы работа была, а не балду пинать.

ПЁТР. То-то и оно.

Входит ПОСТОРОННИЙ *и идёт к Гене.*

ПОСТОРОННИЙ. Здравствуйте, Геннадий Семёныч. Вот я вам тут принёс… Всё до копейки — как договаривались. *(Отдаёт Гене толстую пачку денег.)*

ГЕНА *(не считая, суёт пачку в карман)*. Ну как, бегает машина?

ПОСТОРОННИЙ. Как новенькая! И двигатель, и тяги — всё нормально. Спасибо. В автосервисе больше бы взяли и сделали бы кое-как.

ГЕНА. Эт точно… Ну, катайся на здоровье. А если кому из корешей столб тоже дорогу перебежит — ко мне отправляй; моя фирма чисто работает!

ПОСТОРОННИЙ. Обязательно — теперь я вас уже знаю. До свидания. Спасибо вам большое! *(Уходит.)*

ГЕНА. Ага! *(Машет ему вслед рукой, затем вытаскивает деньги. Они сыплются на пол. Он поднимает их.)* Во, видал? Как навоз: сегодня нет, а завтра воз! Интересно, сколько бы я заработал, если бы в самом деле фирму открыл, а?.. Та-ак, это себе. *(На глазок отделяет часть денег, суёт в один карман.)* Это — на пропой. *(Отделяет от пачки ещё одну часть.)* Хватит?

ПЁТР. Хва-атит!

ГЕНА. То-то! Пряхин для друзей ничего не жалеет, понял? Посидим вечерком. *(Прячет вторую часть пачки в другой карман.)* А это — Тамарке, на тряпки. *(Трясёт оставшейся частью пачки.)* Ну и детям там чего… *(Снимает кепку, суёт туда деньги и снова её надевает.)*

ТОЛЯН *(входит, достаёт из карманов две бутылки и отдает Петру)*. Держи, банкуй. Бегом сквозанул, аж вспотел.

ПЁТР. Давайте быстрей, а то щас начальник явится.

РЕЖИССЁР *(глядя на рабочих, морщится, возмущённо плюётся)*. Ну что за безобразие! Куда он делся-то? Опять, поди, в буфете? *(Встаёт с кресла и уходит за кулисы.)*

Гена достаёт из-под станка стакан. Он, Пётр и Толян уходят на зелёный бугорок, садятся на него. Пётр наливает Гене.

ГЕНА *(задумчиво смотрит на наполненный стакан)*. Ох, ребята, чегой-то нехорошо на душе. Чую, не добром у меня сегодня кончится.

ПЁТР. Пей быстрей, освобождай тару. *(Подмигивает Толяну.)* Получил сейчас калым, вот такую пачку денег *(показывает преувеличенно большой размер)*, и нехорошо себя чувствует!

Гена пьёт. Отдаёт пустой стакан Петру. Пётр наливает снова.

ТОЛЯН *(обдувает вынутый из кармана пряник и суёт Гене)*. Вот, Ген, пряничек на сдачу взял.

В это время в глубине сцены появляется ТЕНЬ ОТВЕТСТВЕННОГО ЛИЦА. *В то же самое время из-за кулис появляется Режиссёр, ведущий под руку Автора. Режиссёр, заметив в глубине сцены Тень Ответственного Лица, испуганно пятится, тяня за собою Автора. Тень исчезает.*

РЕЖИССЁР *(вытирает платком пот со лба)*. Фу-у! Мне что-то показалось.

АВТОР. Мне — тоже!

РЕЖИССЁР. Странно…

Режиссёр и Автор рассаживаются в креслах.

АВТОР *(смеётся)*. Да, уже призраки мерещатся. И отнюдь не тень отца Гамлета.

РЕЖИССЁР. Смеётесь?.. *(Про себя.)* Надо бы заставить здание театра проверить. *(Обращается к Автору.)* И чего вас так в буфет тянет? Тоже пьёте?

АВТОР. Н-не больше других.

В это время Пётр передаёт стакан Толяну. Толян пьёт.

ГЕНА *(отдаёт Толяну надкушенный пряник)*. Держи закусь.

РЕЖИССЁР *(показывает на них Автору)*. Вот, пожалуйста! Это что, по-вашему, производственный сюжет?

АВТОР. Я понимаю: вам, Александр Борисыч, хочется, чтобы здесь были умные дебаты, мысли о перестройке! Но дебаты эти, Сан Борисыч, ничего не стоят, пока не заработает Генин станок!

РЕЖИССЁР. Но ведь предлагал же Николай Иванович какого-то Терёхина!

АВТОР. Да видел я этого Терёхина… Николай Иванович подсовывает его, потому что Гена ему вот так нужен *(чиркает себя пальцем по горлу)*: у него руки золотые. Потерпите ещё: вдруг наш Гена раскроется?

РЕЖИССЁР *(раздражённо)*. Да, я — терпеливый. Господи, кто на мне только не ездит! Потому и загораю в этой дыре, что терпеливый… Кстати,

эти новые ваши персонажи — совершенно безликие, без выраженных характеров.

АВТОР *(рабочим)*. Друзья мои, вы слышали претензии Режиссёра? Давайте-ка чётче ваши характеры!

ПЁТР *(отвечает Автору)*. Да нету у нас никаких характеров! Отстань!

Пока они препираются, Пётр забирает пустой стакан у Толяна, выливает остатки из бутылки, забрасывает пустую бутылку за бугорок и пьёт. В это время входит Николай Иванович. Автор жестом просит Режиссёра помолчать.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ *(рабочим)*. Опять? Да я вам знаете что за это?..

ГЕНА. Ну выпили. Пойдём сейчас воздух гонять! Только покажите, откуда и куда.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Поступил госзаказ, а вы тут — пьянку на рабочем месте! Немедленно к станкам!

ГЕНА. Да какое оно рабочее? Где энергия, где заготовки?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Потому и нет, что в другом месте такие же разгильдяи!

ГЕНА. Это кто, мы разгильдяи? Нечего на рабочий класс валить!

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Это вы, что ли, — рабочий класс? Вы позорите рабочий класс! Завтра же — собрание! Посмотрим, как вы там запоёте!

ГЕНА *(заплетающимся языком)*. А я могу и заявление подать! Пьём за свои, и нечего нас тут оскорблять! Прямо щас — заявление, и пошло оно всё на х...

АВТОР. Тише, тише! Мы договаривались, Гена: только без мата!

ГЕНА. А-а, товарищ Автор! У вас есть бумага — заявление написать?!

АВТОР. Нету чистой.

ГЕНА. Какой же вы писатель, раз бумаги нет? И ставьте ваш спектакль без меня — всё, ухожу на другой завод! Пошли, ребята, обмоем это дело! Во! Не у вас заработано!

Гена вытаскивает из обоих карманов пачки денег. Деньги сыплются на пол. Толян подбирает их, суёт себе в карманы. Гена, Пётр и Толян уходят.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Ну вот скажите: как с ними работать? Чуть что — «уйду»!

АВТОР. Мы, Николай Иванович, помочь ничем не можем. У вас власть в руках.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Да нету у меня никакой власти! Надо мной знаете сколько надсмотрщиков? Скажите об этом хотя бы в вашей пьесе!

РЕЖИССЁР. Хорошо, скажем. Только не обольщайтесь!

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. А мне что делать? Мне ж за них и влетит!.. Это вы их подзуживаете! Пойду сейчас в партком доложу! *(Уходит.)*

АВТОР *(сидя в кресле, довольно потирает руки)*. Ну вот, это уже интересней!

РЕЖИССЁР. Ну-ну, посмотрим... Что-то мне всё это не нравится... Ну и где они, ваши герои?

АВТОР. Сейчас явятся!

РЕЖИССЁР. Время, время! *(Показывает на часы.)* Нельзя же позволять им так бессовестно тянуть время!

АВТОР. Сейчас пойду потороплю *(пытается встать)*.

Входят Гена, Пётр и Толян, сильно навеселе. У каждого в руке по бутылке; бутылки торчат из всех карманов. Пётр в одной руке держит полиэтиленовый пакет, другой рукой поддерживает Гену. Толян плетётся сзади, пытается петь: «Бежал бродяга с Сахалина звериной тайною тропой...»

ГЕНА *(Петру)*. А я не боюсь начальника! Я его просто послал...

ПЁТР. Ты, Ген, держись, мы — с тобой! Толян, ты где там? Не отставай!

РЕЖИССЁР *(расстроенно)*. Ну что это опять?

АВТОР. Да, запили мужики! Но заметьте: закваска у них здоровая.

РЕЖИССЁР *(безнадёжно машет рукой)*. Ай, бросьте вы про здоровье — это же деградация...

АВТОР *(полушёпотом, прикладывая палец к губам)*. Тс-с... Потом доспорим.

ПЁТР. Вот он, наш бугорок. Давайте здесь.

ГЕНА. Годится.

ТОЛЯН *(подходит, поёт)*. «А на кладбище всё культурненько, и закусочка на бугорке».

Садятся на бугорке, расставляют бутылки. Пётр достаёт из пакета и расстилает газету, выкладывает нарезанные куски колбасы и хлеба. Гена откупоривает бутылки.

РЕЖИССЁР *(зевает)*. Ещё скажите: народная нравственность, чистота Святой Руси...

ГЕНА. Вот что я тебе говорил? Нету правды. Нету ведь? Скажи!

ПЁТР. Выпей, полегчает. *(Наливает стакан, подаёт Гене.)*

ТОЛЯН. Не надо спорить, ребята!

ПЁТР. А кто спорит-то?

ТОЛЯН *(пьяно тянется к Гене)*. Генаша, знаешь, что я тебе скажу? Я тебя люблю и уважаю. Ты—во мужик! Верно я говорю? Давайте лучше споём! *(Запевает, дирижируя себе: «Привыкли руки к стопарям!»)*

РЕЖИССЁР. Н-ну, знаете… Это уже полная пошлость и безвкусица.

АВТОР. А что я могу? Я тут бессилен!

ГЕНА *(оборачивается на голоса)*. А-а, это вы? Давайте подруливайте! *(Поворачивается к дружкам и, смеясь, показывает на Режиссёра и Автора.)* Они про нас спектакль ставят.

Пётр и Толян тоже смеются.

ТОЛЯН. А пусть ставят. *(Встаёт и пытается плясать, хлопая себя по ляжкам и подпевая: «Ах ты, сукин сын, камаринский мужик, заголив штаны, по улице бежит. Он бежит-бежит, попёрдывает, свои штаники поддёргивает!».)*

Входит Ответственное Лицо. Увидев его, Режиссёр и Автор, до этого сидевшие в креслах, развалившись,—съёживаются.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО *(обращается к Режиссёру)*. Позвольте, ведь мы же с вами беседовали. Что опять за вакханалия на сцене? *(Показывает указательным пальцем в пол.)* Это государственное предприятие или нет, я вас спрашиваю?

РЕЖИССЁР. Да я, собственно… *(Озадаченно смотрит на Автора.)*

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Нет, но мы именно вам сцену доверили! У вас нет чёткой позиции—вам навязывают что хотят, и вы всё принимаете!

АВТОР. Но я же вам объяснял: мы народную жизнь показать пробуем! Ну что делать, если она такая?

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО *(раздражённо—Автору)*. Народную? Да вы издеваетесь над народом! Вы знаете, что за этим следует?

РЕЖИССЁР *(одной рукой дёргая за рукав Автора)*. Погоди, погоди! *(Вторую руку прикладывает к сердцу и обращается к Ответственному Лицу.)* Дайте немного времени, и мы всё-всё утрясём…

ГЕНА *(прислушивается к разговору и обращается к дружкам)*. Погодите, мужики, моего кореша затирают. *(Подходит и обнимает Автора.)* Тебя обижают, да? Кто? Он? *(Показывает на Ответственное Лицо и затем обращается к нему.)* А в чём дело? Мы *(тычет себя пальцем в грудь)* имеем право! Имеем или не имеем, скажи?

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Насчёт права ещё надо поспорить. И не тыкайте мне!

ГЕНА. Хэ, видали? Сам-то ты на всё право имеешь, да?

Подходят Пётр и Толян.

ТОЛЯН. В чём дело?

ПЁТР. Гена, мы с тобой.

ГЕНА. Погодите, мужики, я сам. *(Крепко берёт Ответственное Лицо за локоть.)* Послушай, друг.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО *(вырывая локоть из Гениной руки)*. Я вам не друг! Ведите себя как следует, если выпили!

АВТОР *(Ответственному Лицу, встав между ним и Геной)*. Извините, но я бы вам посоветовал не вмешиваться в дела героев. Они сами по себе… *(Обращается к Гене.)* У вас, Гена, свой базар, у нас—свой.

ГЕНА. Ах, у вас—свой? Тогда вот что, мужики… А ну валите отсюда!

ПЁТР. Правильно, в шею их!

ТОЛЯН. Только отдыхать культурно мешают!

Гена, Пётр и Толян пытаются вытолкать за кулисы Режиссёра, Автора и Ответственное Лицо.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Это что ещё за произвол?

ГЕНА. А у тебя—не произвол, да?

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Почему на «ты»? Не позволю!

ГЕНА. Вали-вали, толстомордый!

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Я на вас жаловаться буду!

ГЕНА. Только и умеешь жаловаться! Гони их в шею, ребята!

Толкотня на сцене продолжается.

АВТОР. Ребята, да я же—свой! Я—с вами!

ПЁТР. Ха, «свой»! Попей с наше, тогда и будешь свой! Вали давай!

РЕЖИССЁР *(про себя)*. Интересно: а я-то тут в какой роли? Полония, что ли?

ТОЛЯН. Иди-иди, ты тут без всякой роли!

Потасовка продолжается. В это время по радио раздаётся голос Б. Н. Ельцина: «Моральное рабство кончилось. Нам надо переходить от прямого давления, от использования силовых методов к созданию условий для свободной деятельности людей. Наступают, понимаешь,

другие времена. Сколько же они принесут нам нового!..» Раздаются аплодисменты.

РЕЖИССЁР. Тихо! Давайте послушаем!

Все замирают и слушают. Продолжает звучать голос Б. Н. Ельцина: «Бюрократический аппарат чувствует, понимаешь, свою безнаказанность. Нужны, понимаешь, кардинальные перемены в жизни России. Тут огромное поле творчества людей в центре и на местах…» Когда далее Режиссёр начинает говорить, речь Б. Н. Ельцина становится тише.

РЕЖИССЁР. Ну вот, слава Богу, наконец-то от диктата партии освободились. Как давно я об этом мечтал! Свободен! Наконец-то свободен! *(Обращается к рабочим.)* Так что прошу извинить нас за беспокойство, но мы вас отпускаем: больше вы театру не нужны — можете заниматься своими делами.

ГЕНА *(Петру и Толяну)*. Ладно, ребята, ну их, в самом деле, этих интеллигентов занюханных. Пойдёмте — там у нас ещё осталось.

Гена, Пётр и Толян возвращаются на бугорок и продолжают выпивку, о чём-то беседуя; однако их голосов не слышно. Толян встаёт, идёт к станку, мочится на него (повернувшись к зрительному залу спиной), снова садится в кружок друзей.

РЕЖИССЁР *(обращаясь к Ответственному Лицу)*. Но, выходит, и вы нам не нужны — так что прощайте! Желаю найти более достойное занятие.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО. Позвольте!..

РЕЖИССЁР. Не позволю! Всё, свободны… Извините, мне некогда — у меня уйма планов. Прощайте! *(Машет рукой Ответственному Лицу.)*

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО *(с угрозой)*. Смотрите, Александр Борисович, как бы не пожалели об этом. Без нас вам не обойтись! *(Резко поворачивается и уходит.)*

РЕЖИССЁР *(вслед ему)*. Спасибо, обойдёмся. Прощайте! *(Автору, приглашая его сесть и довольно при этом потирая руки; оба садятся.)* Ну наконец-то, Иван Егорович, у нас с вами руки развязаны. Как давно я мечтал поработать без диктата! Но пока вы принесёте мне что-нибудь этакое — знаете, в духе нынешних событий, — хочу поработать над Шекспиром. Всю жизнь мечтал поставить «Гамлета». Нет, не того, которым зрителя закормили, — он у меня будет ярче, динамичней, под стать эпохе, и вы, Иван Егорович, должны мне помочь: чуть-чуть осовременить старичка Шекспира. Что-нибудь этакое, вроде: «Гамлету — быть!» Каково, а?.. Но — и без нынешней, как говорит молодёжь, «отвязности»; всё должно быть тонко, интеллигентно — и вы, я уверен, справитесь. А потом мы повезём его в Европу, и старушка-Европа будет нам аплодировать…

Входит Стасик; за ним идут ПАРЕНЬ *в кроссовках, рваных джинсах и куртке и* ДЕВУШКА *в мини-юбке и тоже в кроссовках и куртке.*

РЕЖИССЁР *(Автору)*. А вот и наш Стасик! Наконец-то! *(Обращается к нему.)* Ты нам будешь сейчас очень-очень нужен.

СТАСИК *(раздражённо)*. Знаете что? Я вам больше не Стасик, а Станислав Эдуардович — прошу запомнить это!

РЕЖИССЁР. Хорошо, хорошо, Станислав Эдуардович. Но объясни: что случилось?

СТАСИК. Вы что, телевизор не смотрите? В стране — великие перемены, а вы замкнулись в своём тухлом мирке и ничего не хотите менять! А вот мы, молодая часть труппы *(показывает на Парня и Девушку)*, решили произвести в нашем театре революцию: вас, стариков, на пенсию отправить! Езжайте на дачи, морковку поливайте и не мешайте нам делать современное искусство! Прошу освободить помещение!

РЕЖИССЁР. Как? Мне — освободить?

СТАСИК. Да, да, вам — освободить! Кончилось ваше время с вашими дурацкими героями!

РЕЖИССЁР. Станислав Эдуардович, миленький, да куда же я пойду? Мне семью кормить надо — у меня маленький ребёнок на руках…

СТАСИК. Между прочим, у меня — тоже маленький, но я же как-то крутился! Знаем мы вас: живёте с бездарной Самохиной, тащите её на заглавные роли, ребёнка с ней прижили!.. Освобождайте место!

РЕЖИССЁР *(вставая с кресла вместе с Автором)*. Да как же?.. Мне три года до пенсии осталось; я ничего больше не умею! Может, всё же позволите — хотя бы… вашим помощником?

СТАСИК. Хорошо. Помощником — можно. *(Усмехается.)* Помните моё уважение к вам и учитесь у меня строить концептуальный режиссёрский театр! *(Садится в кресло Режиссёра, на минуту делает лицо сосредоточенным, затем обращается к Парню с Девушкой.)* Ладно, не будем терять время — начинаем! Мои уроки не забыли? Запомните: будем играть жизнь и играть правду на сцене, что одно и то же! Итак, «Чайка», действие первое. Репетируем сцену, где Треплев остаётся вдвоём с Ниной Заречной возле озера — эта сцена существенна для нашей интерпретации: мне здесь нужен половой акт. Начали!

Парень и Девушка выходят перед Стасиком.

ДЕВУШКА *(подбегает к Парню)*. Я не опоздала?! *(Смотрит на наручные часы.)* Конечно же, я не опоздала!

ПАРЕНЬ *(многократно целуя её)*. Нет, нет, нет…

СТАСИК *(оживляется)*. Так, хорошо, хорошо! Постепенно раздеваешься!

Девушка далее по ходу монолога резко снимает куртку и швыряет её на пол, оставшись в топике; затем срывает с Парня куртку, следом — его рубашку, тоже швыряет их на пол и страстно вцепляется пальцами в обнажённую грудь Парня.

ДЕВУШКА. Весь день я так беспокоилась, мне было так страшно! Я боялась, что отец не пустит меня… И я гнала лошадь, гнала… Видите, как мне тяжело дышать?.. Через полчаса я уеду, надо спешить! Бога ради, не удерживайте! Отец не знает, что я здесь!.. Но я рада!..

ПАРЕНЬ *(оглядываясь вокруг)*. В самом деле, пора начинать. Мы одни.

ДЕВУШКА. Отец не пускает меня сюда. Говорит, что здесь богема… А меня тянет, тянет сюда! Моё сердце полно вами! *(Пытается расстегнуть парню ремень на джинсах и валит его на разбросанные куртки.)*

СТАСИК. Стоп, стоп, стоп! *(При этом Парень и Девушка встают и поднимают свою одежду.)* Неплохо, неплохо! Но надо бы сюда ввернуть ещё немного ненорматива — чуть-чуть, для остроты сюжета. Сейчас я подумаю. *(Опять изображает сосредоточенную мину на лице.)*

РЕЖИССЁР *(робко)*. Станислав Эдуардович, позвольте! Какой же это Чехов?

СТАСИК *(раздражённо)*. К чёрту Чехова! Это будем я и Чехов! И вообще, вы мне мешаете!

С неспешной важностью входит Ответственное Лицо, он же — ХОЗЯИН. Теперь на нём — красный пиджак и красный галстук с белой сорочкой. За ним следуют два ТЕЛОХРАНИТЕЛЯ; оба — в белых кроссовках, синих шароварах с белыми лампасами и кожаных куртках, сквозь кожу которых топорщится что-то острое.

ХОЗЯИН *(останавливается и осматривается кругом; замечает Режиссёра и Автора, говорит с усмешкой)*. А-а, старые знакомые? Ну-ну… *(Обращает внимание на Стасика.)* А ты кто такой?

СТАСИК *(почтительно встаёт)*. Я — режиссёр. Пьесу репетируем. «Чайку».

ХОЗЯИН. Военная, что ли? Такая героиня была, Чайкина. Или про космос? «Я — „Чайка“, я — „Чайка“»?

СТАСИК. Нет, это пьеса Чехова.

ХОЗЯИН *(пока разговаривает со Стасиком, разглядывает Девушку, обходя её кругом)*. Это она, что ли, Чайка?

СТАСИК. Да.

ХОЗЯИН. Мгм… Ничё, подойдёт… *(Отходит от Девушки и обращается ко всем.)* А теперь слушайте меня внимательно! Театр закрывается.

СТАСИК И РЕЖИССЁР *(одновременно)*. Почему?

ХОЗЯИН. Потому! Я его приватизирую. Теперь здесь будет ночной клуб. Со стриптизом. *(Смеётся.)* И с добрыми услугами. Ты *(тычет пальцем в Стасика)* останься; остальные — свободны. *(Никто не двигается.)* Я сказал: свободны! Я дважды не повторяю! Р-раз!..

Все, кроме Стасика, покорно уходят.

ХОЗЯИН. Как тебя зовут?

СТАСИК. Стас.

ХОЗЯИН. Вот что, Стас. Эти *(кивает на ушедших Режиссёра и Автора)* — старьё, труха, всё равно ничё не смыслят, а ты, я смотрю, умеешь артисток раздевать! *(Шутливо грозит ему пальцем.)* Так что приглашаю тебя режиссёром в ночной клуб: поставь-ка мне как следует — на уровне чтобы, значит, — стриптиз, ну и всё остальное, в общем. И раздевай кого хочешь! Согласен?

СТАСИК. Н-не знаю. Н-надо п-подумать.

ХОЗЯИН. У нас, знаешь, долго не думают. Имей в виду: мы тебя всё равно найдём. А пока иди, рожай мне свежие идеи. *(Шутливо бьёт его по плечу.)* Всё, свободен.

СТАСИК. До свидания.

ХОЗЯИН. Будь здоров, не кашляй. *(Снова осматривается. Обращает внимание на висящий лозунг и на макет станка.)* Ну-ка, что там такое?

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ *(подходя к станку)*. Да какая-то хиромантия стоит.

ХОЗЯИН. Убрать!

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Бу сделано! *(Вместе со Вторым Телохранителем срывают лозунг, тащат макет станка за кулисы.)*

ВТОРОЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ *(возвращаясь вместе с Первым, показывает на пьющих на бугорке рабочих)*. А с этими чё делать?

ХОЗЯИН. Эти-то, пролетарии? Они нам пока не мешают — пусть пьют, если есть на что. Пока… Раз пьют — значит, руки заняты. *(Далее — оглядывая пространство и обращаясь к Телохранителям.)* Ну, всё, ребятки, потрудились хорошо — давайте отдыхать. Завтра большая работёнка корячится.

Все втроём идут со сцены, но пока идут — из-за сцены раздаётся выстрел. Хозяин падает замертво. Телохранители сначала, испуганно озираясь, разбегаются, затем осторожно подходят и склоняются над его телом.

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Смотри, как садят: точно в сердце. Хорошая, видать, оптика. Немецкая.

ВТОРОЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Ага. Ну чё, может, пока это… обшмонаем?

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Ага. Если чё, пополам.

Второй Телохранитель лезет рукой в нагрудный карман убитого, достаёт толстый бумажник и суёт в свой карман. Первый Телохранитель шарит на поясе убитого, достаёт и прячет в карман пистолет.

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Ну чё, следователя теперь звать, что ли?

ВТОРОЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Ну да. Нам-то он зачем?

Первый Телохранитель достаёт сотовый телефон, набирает номер.

ВТОРОЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ *(смотрит за кулисы)*. Погоди. Вон Гоша-бульдозер подъехал. Чует, волчара, кровь — тут как тут.

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ *(опуская руку с сотовым телефоном)*. Он не чует — он её заказывает.

ВТОРОЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. А нам-то чё делать? Он же по наши души приехал. *(Достаёт из кармана пистолет, передёргивает затвор.)*

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Погоди, не ёрзай. Может, договоримся?

ГОША-БУЛЬДОЗЕР *(выходя на сцену)*. Здоро́во, орлы.

ВТОРОЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ *(успев сунуть пистолет в карман)*. Привет, Гоша.

ГОША-БУЛЬДОЗЕР. Чё у вас тут?

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ *(кивает на тело)*. Да вот, Хозяина шмальнули.

ГОША-БУЛЬДОЗЕР. Жалко мужика. Но надо было делиться, а он не хотел. И чё вы теперь?

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Дак следователя звать, оформить чин чинарём.

ГОША-БУЛЬДОЗЕР. Погодите. Слушайте сюда. Здесь будет теперь автосалон «Тойота». Хотите работать? Пора, орлы, учиться торговать. Это вам не из нагана шмалять. Да и выгоднее. Мне нужны надёжные ребята. Если да — базара нет.

ПЕРВЫЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Да.

ВТОРОЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Да… А с Хозяином — чего?

ГОША-БУЛЬДОЗЕР. Уберёте. Когда стемнеет — за забор, а там разберутся кому надо. Чтобы здесь всё чистенько было. Зачем нам тут кровь, верно?

Телохранители молча кивают головами.

ГОША-БУЛЬДОЗЕР. Если, в случае чего, следователи копать начнут и тёрки у вас с ними будут — звоните мне. Утрясём. Всё, действуйте. *(Уходит.)*

Телохранители волокут тело Хозяина за кулисы. При этом рабочие на бугорке, занятые выпивкой и разговором, который не слышен, не обращают на сценическое действие никакого внимания и при этом всё больше пьянеют… На сцену выходит и приближается к рабочим Николай Иванович.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Почему сидим? По какому поводу опять водка? Пока вы тут пьёте, там наш завод разворовывают!

ГЕНА. Да фиг с ним — свобода же, Николай Иваныч! Забил я, в общем, Николай Иваныч, на ваш завод большой болт — бизнесом хочу заняться: собственный цех по ремонту машин у меня будет. Мы тут уже планчик прикинули, чего и как. Завтра начнём.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Ну, смотрите. Только как бы вам обратно на завод не вернуться… Только его уже не будет — некуда будет возвращаться.

ГЕНА. А сами-то вы как?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ *(вздыхает)*. На пенсию ухожу. Чтобы глаза мои не смотрели на это безобразие. *(Уходит.)*

ГЕНА. Жалко всё же Николая Иваныча.

ТОЛЯН. Да-а, не бери в голову… Нет, но скажи, Петро: Генаша у нас — голова! Мы за тобой хоть в воду! Люблю таких! *(Обнимает и целует Гену.)*

ГЕНА. И я вас тоже! Знали бы вы, как я вас люблю! *(Обнимает Петра и Толяна.)* Пейте, ребята. Пряхин ничего для друзей не жалеет, душу за них вынет, понятно? Никого у меня ближе вас нету!

ТОЛЯН. А Томка?

ГЕНА. Да Томка — баба! За что её любить-то?

ТОЛЯН *(хохочет)*. За мягкое место.

Входит ТАМАРА, *останавливается поодаль.*

ПЁТР *(видит её и толкает локтем Гену)*. Атас, прокурор идёт! Легка на помине.

ТАМАРА *(угрожающим тоном)*. Ах вот вы где, голубчики!

ГЕНА. А-а, Тома, боевая подруга моя! Давай к нам!

ТАМАРА. Генка, а ну иди сюда!

ГЕНА. Чего я там забыл?

ТАМАРА. Я что сказала?!

ГЕНА *(пьяно покачиваясь, подходит, пытается обнять и поцеловать жену)*. А я, Том, с начальством поругался. Сгоношился тут с ребятами…

ТАМАРА *(отталкивая его)*. Где премия? Говори!

ГЕНА *(напевает)*. Премия, премия — у отца Еремия… Да заработаю я тебе эту премию! *(Снова пытается обнять жену.)*

ТАМАРА *(опять отталкивает его и при этом ещё бьёт по щеке)*. Говори, алкаш несчастный: где премия?

ГЕНА. Тома! *(Хлопает по карману, в который клал деньги, потом по другому, затем выворачивает их — оба кармана пусты. Он озадаченно вспоминает, куда делись деньги.)*

ТАМАРА. Я уже тридцать лет как Тома. Что ещё хорошего скажешь? А эти ханыги опять на твои деньги пьют? *(Решительно направляется к Петру и Толяну. Те вскакивают и трусливо убегают за кулисы.)* Убью гадов!

ГЕНА *(оглядывается на убегающих товарищей)*. Ребята, да куда же вы? Бросаете? Эх вы-ы!

ТАМАРА *(возвращается, с плачем хватает Гену за грудки, трясёт, валит на пол)*. А-а, про дружков ты помнишь, а про жену и про детей ты забыл? Я тебе напомню, гад такой, ты у меня ещё наплачешься за пропитые деньги!

ГЕНА *(вырывается, отбегает, снимает кепку; из неё сыплются на пол деньги)*. Вот твоя премия! *(Нагибается, хочет собрать их.)*

Тамара идёт к нему. Гена бросает деньги и убегает вслед за дружками.

ТАМАРА *(вслед ему — плачущим голосом)*. Я тебе покажу Тамару! Я тебя в дурдом засажу! *(Всхлипывая, садится на колени, собирает рассыпавшиеся деньги, не забывая при этом и считать их.)* Чтоб ты провалился! Чтоб тебя черти взяли!.. Та-ак, это на пальтишко Славику, это Вовке на ботиночки… На кофточку опять не хватит… Чтоб вы все подавились этой водкой! Господи, да забери Ты его у меня — не нужен он мне: надоел совсем! *(Так причитая и собрав все деньги, Тамара уходит.)*

Пустая сцена. Выбегает пьяный Гена.

ГЕНА. Э-эй, погодите! Петька! Толян! Где вы?.. *(Останавливается посреди сцены, крутится на месте.)* Куда они делись-то?.. *(Вдруг его охватывает порыв пьяного отчаяния; он всхлипывает и рвёт рубаху на груди.)* Бросили, гады! Кореша называются! Жалел я для вас что-нибудь? *(Вытирает локтем слёзы; снимает с головы кепку, утирает ею лицо; из кепки выпадает случайно оставшаяся денежка. Он поднимает её; настроение его заметно улучшается.)* Хэ, смотри-ка! Во везёт — ещё осталась! Пойду-ка добавлю. *(Уходит, напевая про себя.)* «Встретились мы в баре ресторана…»

Пустая сцена. Выходят Режиссёр и Автор.

РЕЖИССЁР. Какое безобразие! Все как взбесились всё равно с этой свободой! И вы меня подставили со своим Геной.

АВТОР *(тащится позади)*. Простите, но я сам не ожидал такого! Как-то всё вместе свалилось: и этот пьяный разгул, и приказ рынок создавать!

РЕЖИССЁР. Так вам и надо, наивный вы человек! А ведь я вам говорил: осторожнее — они непредсказуемы. *(Показывая на кресла.)* Ладно, давайте передохнём — устал я с этими героями. *(Оба садятся в кресла.)* Вот подсовываете вы мне простого человека, а ведь его ещё осмыслить надо. Русский человек, батенька мой, — самое загадочное явление в мире: сам не знает, чего хочет, куда его тянет, отчего ему грустно или весело. Помните, как в сказке: «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что». Это же театр абсурда в чистом виде! Его фантазии, мечты, характер — всё есть абсурд. И с горя он пьёт, и с радости пьёт. Зачем? Самый счастливый человек в наших сказках кто? Бездельник: всё идёт и идёт куда-то в тридевятое царство, ищет молочные реки с кисельными берегами. А зачем? Чтобы вкусно есть, сладко пить и ничего не делать! Каков менталитет, а? И ведь это, батенька, в нас с молоком матери…

АВТОР. Да, да, конечно… Но нам-то что теперь делать?

РЕЖИССЁР. Как что? Идти в бюро по безработице — или как оно у них там называется? — вставать на учёт и получать пособия. Или у вас другое предложение?..

Через сцену, оглядываясь, бежит Гена.

РЕЖИССЁР *(увидев Гену, трясёт Автора за рукав)*. Вон он, вон он! Ну-ка попробуйте его задержать!

АВТОР *(вскакивает и бежит за Геной)*. Гена, постой!.. Да постой же ты!

Гена, оглянувшись на Автора, припускает быстрее и исчезает.

РЕЖИССЁР. *(встаёт)*. Нет, так нельзя! Надо разыскать его, а то ведь он что-нибудь натворит. Мы, интеллигенция, ответственны за него. Пойдёмте!

Режиссёр берёт под руку Автора, и они бегут трусцой вслед за Геной, но на середине сцены останавливаются:

в глубине сцены появляется Тень Ответственного Лица в первоначальном виде.

РЕЖИССЁР *(громко шепчет Автору)*. Стойте! *(Режиссёр и Автор замирают. Тень Ответственного Лица медленно проходит в глубине сцены, ощупывая рукой пространство вокруг, как слепая, и исчезает.)* Видели?

АВТОР. Да!

РЕЖИССЁР. А я уже понял, как быть, когда она является: надо ничего не делать, и тогда она тебя не видит!.. Ладно, идёмте.

Через сцену снова пробегает Гена, уже в обратном направлении. Следом слышен милицейский свисток. Режиссёр и Автор останавливаются.

АВТОР. Гена, да постой же ты, что-то скажу!

Гена исчезает. Следом бежит МИЛИЦИОНЕР.

МИЛИЦИОНЕР. Стой! Гражданин, остановитесь!.. *(Режиссёру и Автору.)* Почему задержать не помогли?

АВТОР. Не успели. Что он там натворил?

МИЛИЦИОНЕР. Витрину разбил—водку хотел похитить! Держите его! *(Убегает.)*

РЕЖИССЁР *(Автору)*. Пойдёмте следом. Надо же его выручить!

Режиссёр и Автор поворачивают вслед за Геной и быстро уходят. Пустая сцена. Снова появляется Гена, пробегая в обратную сторону. Когда он скрывается, за ним пробегают два САНИТАРА *с носилками. Когда скрываются санитары, появляется Тень Ответственного Лица. Снова через сцену бежит Гена, видит Тень, шарахается от неё в крайнем испуге, беспорядочно отмахиваясь руками, как от роя пчёл.*

ГЕНА. Кыш! Не хочу! *(Пытается перекреститься правой рукой, но она не поднимается. Он удивлённо смотрит на неё. Наконец неимоверным усилием поднимает её и осеняет себя крестом. Тень исчезает. Гена с удивлением рассматривает руку.)*

За сценой слышны далёкие приглушённые крики: «Держи-и! Держи-и!» Гена убегает. Пустая сцена. Темнеет. Слышны топот и пыхтение бегущего человека. Затем на заднике сцены проступает решетчатая мачта. При очень слабом свете Гена снова вбегает на сцену, падает и ползёт на четвереньках. Добравшись до мачты, карабкается на неё и исчезает вверху. Всё это он проделывает в болезненном возбуждении и страхе, постоянно озираясь. Когда Гена исчезает вверху, наступает тишина. Свет полностью гаснет.

Действие второе

Тишину и темноту нарушает мощный рёв реактивного двигателя… Постепенно рёв стихает. Раздаётся весёленькая ритмическая музыка… Затем музыка постепенно стихает, раздаётся сигнал настройки точного времени по радио, а затем—громкий и торжественный голос из радиорепродуктора: «Говорит Москва! Передаём последние известия! Сегодня, в четыре часа пятнадцать минут по московскому времени, произведён запуск космического корабля! Корабль выведен на заданную околоземную орбиту. На борту корабля—два космонавта: командир корабля полковник Иванов Алексей Степанович и бортинженер Петров Сергей Фёдорович. Самочувствие у космонавтов хорошее. Все приборы работают нормально!..» При последних словах диктора вспыхивает свет. В верхней части сцены в виде большого телеэкрана—интерьер космического корабля с пультами и приборами. В креслах—космонавты АЛЕКСЕЙ *и* СЕРГЕЙ *в лёгких спортивных костюмах с эмблемами и различными датчиками, работающие в невесомости. И вообще все последующие сцены в космосе—в условиях невесомости: герои как бы «плавают» в кабине. На сцене внизу справа—пульт наземного управления космическим полётом. За ним в кресле перед пультом—* ГЕНЕРАЛ, *руководитель космического полёта. Связь с космическим кораблём у него—через микрофон.*

ГЕНЕРАЛ. Внимание! Корабль входит в зону прямой телесвязи! Приготовиться всем, начинаем сеанс! Станция, ответьте: как слышите?

АЛЕКСЕЙ. Слышим вас хорошо.

ГЕНЕРАЛ. Как самочувствие?

АЛЕКСЕЙ. Спасибо, нормальное! *(Улыбается, приветливо машет рукой.)* Докладываю: положение станции на орбите стабилизировано, пробуем ручное управление, идём в параметрах. Начинаем программу.

ГЕНЕРАЛ. Ну, давайте. Корректировку мы ведём… Тут мне докладывают, что система автоматического обеспечения у вас сигналы неточно даёт—какая-то помеха всё время. Проверьте сами.

СЕРГЕЙ. Сейчас займусь. *(Встаёт с кресла, садится на корточки, открывает шкаф, потом другой, у пола, удивлённо смотрит в него.)* Ни-че-го себе!

АЛЕКСЕЙ *(оставаясь за пультом управления, не оборачиваясь)*. Что там?

Сергей вытаскивает из шкафа сонного Гену. Гена—всё в той же рабочей спецовке, сапогах и кепочке. Вид у него очень помятый, на лице—синяки.

СЕРГЕЙ. Сейчас… Тут нам земной подарочек подсунули. *(Трясёт Гену.)* Эй!

ГЕНА. М-м… *(Качаясь, поднимается на ноги, протягивает руку Сергею.)* Здоро́во.

АЛЕКСЕЙ *(оборачиваясь в кресле)*. Это что такое?

ГЕНЕРАЛ. Что у вас там случилось?

алексей. Сейчас разберёмся. Какая-то тут… галлюцинация с нами!

сергей *(не замечая протянутой Гениной руки)*. Ты кто такой?

гена. Гена я, Генаша. Во даёт! Не узнаёшь, что ли?

сергей. Нет.

гена. Мы же вчера вместе квасили! Или позавчера?.. Ну ты чё, в натуре?

сергей. Ни вчера, ни позавчера я с тобой не квасил. Это—точно.

гена *(Алексею, показывая на Сергея и крутя пальцем у виска)*. Хэ! Ну даё-ёт!

генерал. Немедленно доложите, что у вас там!

алексей. Не поймём: или галлюцинация, или что? Человек на борту!

генерал. Что за человек? Членораздельно можете?

алексей. Не знаю. Говорит, Гена.

генерал. Кто он такой? Как попал? Немедленно уточните! Мы тут у себя тоже разберёмся. *(Переключает кнопку на пульте.)* Разберитесь с охраной космодрома и доложите: как мог попасть в аппарат посторонний? Что за личность? *(Переключает кнопку.)* Немедленно пересчитайте мощности двигателей, возможное изменение траектории с учётом дополнительной нагрузки! *(Переключает кнопку.)* Рассчитайте запасы биоресурсов—питания, воды, кислорода—с учётом в аппарате пассажира… Да-да, пассажира, т-твою м-м… чёрт побери! Я не оговорился: пассажира!.. По чьей халатности?.. Влетит нам этот пассажир! *(Переключает кнопку.)* Объявите, что на Центральное телевидение прямые репортажи из космоса давать не будем!.. «Почему-почему»… По техническим причинам, вот почему!

гена. Где я?

сергей. В космосе.

гена. Хэ! Шутни-ик!.. Какая-то лаборатория.. Не-е, в натуре: как я к вам попал? *(Спохватывается.)* Мне ж, мужики, домой надо!

сергей. Честное слово, в космосе. Вон, посмотри, какая Земля отсюда *(показывает в иллюминатор)*.

гена *(заглядывает в иллюминатор, хватается за голову, падает, медленно встаёт)*. Ой-ой-ой! Да как же это? Тамарка-то что мне скажет?.. Стой! *(Выворачивает карманы, срывает с головы кепку.)* Деньги! Нету! Всё пропили, что ли? Томка, дети… Ой-ой-ой! *(Хватается за голову.)* Голова трещит. Глоточек бы! Чего-нибудь!

сергей *(достаёт из шкафа туб, отвинчивает крышку, подаёт Гене)*. Вот, попей.

гена *(прикладывается, жадно пьёт, морщится)*. Тьфу, кислое, зараза. Что это?

сергей. Яблочный сок.

гена *(морщится)*. Тьфу, не могу!

сергей *(глядя на него, удручённо)*. Господи, неужели это—сапиенс?

гена. Не-е, я не сапиенс—я Пряхин. Гена…

генерал. Ну как, Алексей, выяснили что-нибудь?

алексей. Пока нет. Приводим в чувство. Он с глубокого похмелья.

сергей. Ты кто такой? Откуда взялся?

гена. Хэ, ишь какой! Я вам скажи, а вы меня заложите, да?

сергей. Как ты сюда попал?

гена. Витрина… Менты… Носилки… Ночью… Вот убей, не помню, как было!

алексей *(Генералу)*. Говорит, не помнит, как попал. Что с ним делать?

генерал *(подумав)*. Пока продолжайте программу. Постарайтесь занять, чтоб не мешал. У нас тут все службы на ноги подняты. Будем решать… Интересно, как же он перегрузки-то выдержал?

алексей. Ничего, говорит, не помнит.

генерал. Тут отдел медобеспечения просит взять под наблюдение.

алексей. Подступаемся, товарищ генерал.

гена *(осматривается, легко подпрыгивает на ногах, удивляется невесомости)*. А чегой-то меня так качает?.. Смотри-ка! Пол уходит!

сергей. Это невесомость.

гена. Во пробирает! *(Шарахается по тесному отсеку, хохочет.)* Ой, балдёж!

сергей. Осторожней, тут кругом приборы.

гена. Приборы? Дак в них же спирт есть!

сергей. Не про твою честь!

гена *(всматривается в один прибор)*. Во, мля! *(Кидается, пытается выломать прибор.)*

сергей. А ну не смей! *(Оттаскивает Гену, сшибает с ног, наваливается, связывает ему руки сзади куском провода.)*

гена *(дёргается, связанный)*. Сильный, да? Натренировался? Мужики, ну не буду больше! Ей-бо, не буду! Развяжите, а?

СЕРГЕЙ. Полежи, охолонись.

ГЕНА. Говорю, не буду… Чё, неужели вам водочки в дорогу не дают?

СЕРГЕЙ. Нет, конечно. Зачем? Нам и без неё хорошо. *(Садится в своё кресло.)*

ГЕНА. Ну, мля, тоска-а!

ГЕНЕРАЛ. Что там у вас опять?

АЛЕКСЕЙ. Связали.

ГЕНЕРАЛ. Он — свой или иностранец? Выяснили?

АЛЕКСЕЙ. Да свой — хотел прибор выломать. Спирт ищет.

ГЕНЕРАЛ. Значит, свой!.. Может, спустим вас, а? Пока не натворил чего-нибудь?

АЛЕКСЕЙ. Да вы что, товарищ генерал! Столько готовились… Из-за одного ханурика… Мы готовы продолжать полёт!

СЕРГЕЙ. Как-нибудь управимся, товарищ генерал! И не с такими перегрузками справлялись.

ГЕНЕРАЛ. Ну хорошо… Тут мне докладывают первые перерасчёты: топливный ресурс у корабля — с запасом. Сейчас должны дать перерасчёт биоресурса. Пока продолжайте полёт. Пробуйте войти в контакт с пассажиром.

ГЕНА. Мужики!

СЕРГЕЙ *(полушёпотом, показывая кулак)*. А ну не мешай — у нас сеанс связи!

ГЕНЕРАЛ. Значит, так: орбита — нормальная, биоресурс маловат. Полёт придётся сократить. Расчёт дадут чуть позже. А пока — ладно, продолжайте программу.

Пауза.

ГЕНА. Мужики, а со мной-то что делать будете?

СЕРГЕЙ *(полушёпотом)*. Замолчи!

ГЕНЕРАЛ. Внимание! Время прямой телесвязи истекает. Тут мне ещё доложили результаты перерасчётов: ресурс жизнеобеспечения сократится у вас на две недели. Завтра утром будет готов перерасчёт ваших рабочих программ в связи с сокращением времени полёта. Во время следующего сеанса через семьдесят минут доложите ваши первые намётки по пассажиру.

АЛЕКСЕЙ. Хорошо, товарищ генерал!

ГЕНЕРАЛ. Ну а если биопсихосовмещение не получится, придется вас спускать. Дело серьёзное.

СЕРГЕЙ. Справимся, товарищ генерал!

ГЕНЕРАЛ. Ну, счастливого вам полёта! *(Усмехается.)* И приятного соседства!

АЛЕКСЕЙ. Спасибо!

ГЕНЕРАЛ. Не за что. Конец связи.

Генерал выключает кнопки на пульте и уходит. Пауза.

ГЕНА. Не-е, в натуре, мужики: что вы делать-то со мной будете?

СЕРГЕЙ. Съедим, как только продукты кончатся. На что ты ещё годен? Так раньше пираты пленных с собой брали, на всякий случай. Слыхал?

ГЕНА *(недоверчиво)*. Хэ-э!

АЛЕКСЕЙ. Кончай, Сергей, шуточки: нас весь мир слушает, юмора не поймут.

СЕРГЕЙ (Гене). Не хочешь, значит, чтоб съели? Перевоспитывать будем.

ГЕНА. Меня? Да меня сто человек в цеху перевоспитать не могли! Я трудный, морально неустойчивый. Плохо влияю на окружающих. Хватит? Я же вас морально разложу.

СЕРГЕЙ. Ну вот что тогда *(подмигивает Алексею)*. Раз ты такой неисправимый, мы тебя сейчас затолкаем в скафандр, привяжем за трос, выведем в открытый космос, и болтайся там до конца полёта. Остынешь маленько — там минус двести семьдесят, абсолютный ноль. *(Решительно встаёт и достаёт скафандр.)* Вставай, пошли!

ГЕНА. Не хочу я в открытый космос!

СЕРГЕЙ *(тормошит Гену)*. Пошли, пошли.

ГЕНА *(дёргается, связанный)*. Не хочу я!

СЕРГЕЙ *(с наигранной угрозой в голосе)*. Не хочешь, значит?

ГЕНА. Нет! Я домой хочу!

СЕРГЕЙ. Ах, домой? Ладно!.. Тогда вот что, Гена: надо потерпеть до конца полёта. Зато прилетишь здоровеньким. Сейчас я тебя развяжу, и для начала умоешься, чтобы нам не смотреть на твою грязную рожу…

ГЕНА. Не имеете права оскорблять!

СЕРГЕЙ. Ах, тебя ещё и оскорблять нельзя? А я с тобой по-свойски, без всякого права. Ещё и поддам.

АЛЕКСЕЙ *(Сергею, негромко)*. Не надо с ним так. Помягче.

СЕРГЕЙ. Ничего, потерпит. Знаешь, Лёша, у меня батяня такой был, царство ему небесное, и мне в четырнадцать приходилось вот так же с ним возиться. А миндальничай я с ним — и был бы сейчас как этот фрукт… Значит, так, Гена: умоешься, приведёшь себя в человеческий вид, сделаешь зарядку…

ГЕНА. Не хочу я зарядку!

СЕРГЕЙ. Тогда — в космос!

ГЕНА. А как её делать?

СЕРГЕЙ. Я покажу. Без зарядки здесь, брат, нельзя — ослабеешь и до дома не дотянешь. Усёк? У нас условия тяжёлые.

Свет внутри аппарата медленно гаснет. Дальнейший диалог Сергея с Геной — в темноте и через микрофон.

ГЕНА. Усёк.

СЕРГЕЙ. Прекрасненько! Значит, с тобой всё не так безнадёжно… Сделаешь, значит, зарядку, позавтракаешь… Что ты умеешь делать?

ГЕНА. Гена Пряхин всё умеет!

СЕРГЕЙ. Ещё лучше! И начнём, Гена, здоровый образ жизни. Трудиться будем.

ГЕНА. А почему темно-то так?

СЕРГЕЙ. Вошли в тень Земли. Энергию экономим…

Последние слова доносятся всё слабей и слабей. Когда диалог Сергея с Геной заканчивается, на сцене появляются Автор и Режиссёр.

РЕЖИССЁР. Вот видите, Иван Егорович, времена меняются, на этот раз — к лучшему: наконец-то возникает интерес к культуре, к социальным, к нравственным проблемам. Снова меня пригласили в главрежи, и я вспомнил о вас. Прошу! *(Приглашает Автора в кресло; они проходят и садятся. В это время слышен тихий, невнятный голос В. В. Путина: «Если вы помните, в „Послании“ я говорил, что все на своих местах должны работать с полной отдачей сил. Но одно дело — призывы, а другое — реалии».)* Вот, кстати!.. Сделайте-ка, пожалуйста, погромче!

Автор уходит за кулисы. Речь В. Путина начинает звучать громче: «Нет ни одной темы, которую мы могли бы и хотели бы скрыть, глаза куда-то спрятать. Нам нечего стесняться, мы открыты для любой дискуссии…» Автор входит снова и садится. Голос В. В. Путина продолжает: «Для выполнения исторических задач, стоящих перед нами, мы должны сосредоточиться на ключевых проблемах общества. Россия возродится; мы сможем удивить себя, удивить мир…» Режиссёр, слушая, кивает головой; когда он начинает говорить, голос В. В. Путина смолкает.

РЕЖИССЁР. Вот вам — подтверждение. Похоже, новая политустановка… Всё, так сказать, в свете веяний.

АВТОР. Спасибо, Сан Борисыч, что вспомнили обо мне… А где, интересно, сейчас Гоша-бульдозер? Живой?

РЕЖИССЁР. Сбежал, естественно, и Интерпол никак не может его найти, хотя все знают, что он в Африке — негров жить учит. Теперь, после него, надо полмиллиарда, чтобы восстановить театр, репертуар, труппу. Но, слава Богу, власти деньги дают, так что нам с вами предстоит большущая работа.

АВТОР. А Стасик, интересно, где?

РЕЖИССЁР. Стасик? О, с ним уже много чего случилось в наше смутное время! Свою «Чайку» он всё же поставил…

АВТОР *(удивлённо)*. Малый — не промах!

РЕЖИССЁР. Издержки времени. Каждый зарабатывает в мутной водичке свой, так сказать, трудный хлеб… Короче, увёз он свою «Чайку» в Берлин, взял там первое место на театральном фестивале…

АВТОР. Тот вариант, что с ненормативом, что ли?

РЕЖИССЁР. Да. Ещё и половой акт туда ввёл, так что немцы упи́сались от кайфа, пригласили его работать, и теперь он показывает свои театральные какашки потомкам Шиллера и Гёте.

АВТОР. Да-а, маразм крепчал. Вот, оказывается, чем их побеждать-то надо, а мы!.. Но неужели они не понимают, что это издёвка над ними?

РЕЖИССЁР. Думаю, понимают — но из какого-то, наверное, неутолённого садомазохизма, прошу прощения, хавают и похваливают… Впрочем, что нам Гекуба? Нам, дорогой мой, надо в свои игры играть… Ну, и где же ваш герой? Он то появляется у вас, то исчезает неизвестно куда!

АВТОР. Я сам его потерял!

РЕЖИССЁР. А вот Шекспир, между прочим, знал, куда Гамлета посылал.

АВТОР. Что вы меня всё Шекспиром бьёте? Имею я право быть самим собой?

РЕЖИССЁР. Да делайте что хотите — мне уже всё равно, только бы концы с концами сошлись.

АВТОР. Сейчас, между прочим, должна появиться его жена… Может, она знает, куда он делся?

Входит Тамара с тяжёлой сумкой в руке, за ней — Толян. Автор хочет пойти ей навстречу, но Режиссёр жестом удерживает его и прижимает палец к губам.

ТОЛЯН. Том, а где Генка-то твой?

ТАМАРА. Это у вас, алкашей проклятых, спросить надо, где его черти носят! Как тогда убежал — и с концом!

ТОЛЯН. Том, а мы-то тут при чём? Он и от нас сбежал. То-то я смотрю: одна и одна. Дай помогу.

(Пытается забрать у Тамары сумку. Тамара не даёт.) Ну дай! *(Пытается отнять сумку.)*

ТАМАРА *(отталкивает его)*. Пожалел, что ли?

ТОЛЯН. Конечно, пожалел: симпатичная женщина — и одна. *(Суетится около Тамары, хихикает, загораживает ей дорогу.)*

ТАМАРА *(отстраняя его)*. Ага, пожалел волк кобылу…

ТОЛЯН *(смеётся)*. Да нет, мы же люди, Тома, должны заботиться друг о друге. Может, чем-то его заменю? Друг всё же. Чего уж, не сгожусь?

РЕЖИССЁР. Смотри-ка, что он делает, подлец!

АВТОР. Да старая история: пошляк пытается соблазнить жену товарища.

ТАМАРА *(Толяну)*. Ишь ты, какой заботливый стал!

ТОЛЯН. Тамара, да я к тебе с чистой душой, а ты нехорошо подумала. Подумала ведь?

ТАМАРА. Да иди ты в лапоть!

ТОЛЯН. И пойду. Можно рядом? Мне в ту же сторону.

ТАМАРА. Мне-то что? Иди. Дорога никому не заказана.

ТОЛЯН. А сумочку? Тебе же тяжело. Дай.

ТАМАРА *(устало)*. Отвянь, надоел.

РЕЖИССЁР. А ведь она и в самом деле недурна, а? Молода, здорова. Рабочие женщины — они такие мускулистые, крепенькие… Нет, как хотите, я этого не могу допустить… *(Выходит на середину сцены, загораживает дорогу Тамаре и Толяну.)* Здравствуйте, уважаемая Тамара. Помните, нас с вами знакомил ваш муж? Я режиссёр из театра. *(Обращается к Толяну.)* А вы, молодой человек, что тут делаете?

ТОЛЯН. Д-да н-нет, я н-ничего.

РЕЖИССЁР. Вы приятель её мужа, а пристаёте к ней — я же вижу. Как вам не совестно? Я вынужден её защитить.

ТОЛЯН *(уходя)*. Да я только про Генку узнать — её спросите. Надо мне…

РЕЖИССЁР. Спрошу, спрошу. *(Тамаре.)* А вы, Тамара, любите театр? Театр! Каким магическим словом ты был… Впрочем, не о том я… Ведь женщины неравнодушны к театру. И знаете почему? Потому что каждая в душе — актриса, да, да, актриса! Небесталанная, я бы даже сказал, актриса — и вознаграждён бывает тот, кто талант этот в ней открывает!.. Позвольте сумочку?

ТАМАРА *(смущённо)*. Ой, да не надо, я привычная.

РЕЖИССЁР. Как джентльмен, в некотором роде… Вы помните наш разговор в присутствии мужа? Мне бы в самом деле хотелось приобщить вас к театру. Одеть вас со вкусом, нанести тончайший грим — поверьте моей интуиции, вы были бы неотразимы, несравненная Тамара! Нужен художник, ювелир, который огранил бы вас, заключил в золотую оправу, как драгоценный камень!

ТАМАРА *(нерешительно)*. Да у меня дети…

РЕЖИССЁР *(всплёскивая руками)*. Но, Тамара, дети никогда не были помехой в приобщении к прекрасному!

На втором плане появляется Тень Ответственного Лица.

РЕЖИССЁР *(раздражённо, увидев Тень)*. О проклятье, ну нигде от него спасенья нет! *(Сухо.)* Простите, Тамара: всё это невольно вырывается, глядя на вас, — но мы с Автором, собственно, к вам по делу. Скажите: где ваш муж? Он нам очень-очень нужен.

ТАМАРА *(грубовато)*. Откуда я знаю? Нужен — так сами и ищите!

РЕЖИССЁР. Простите великодушно. *(Направляется к Автору.)*

Тень Ответственного Лица исчезает.

ТАМАРА *(уходя со сцены)*. Что вы все ко мне пристали? Не знаю ничего! Как вы мне надоели, кобели проклятые! Никакого толку от вас!

Пауза.

РЕЖИССЁР. Ну, что скажешь, Автор? Где герой?

АВТОР. Спросите что-нибудь попроще… Пойдём сейчас искать.

РЕЖИССЁР. Искать? На меня не рассчитывайте. Когда, знаете, я был молод — да, я искал своего героя. Но я устал его искать… Послушайте, вы видели давеча Тень?

АВТОР. Видел.

РЕЖИССЁР. Слава Богу! А то я уж думал, схожу с ума. И вас она не беспокоит?

АВТОР. Я даже не успел — думал о новом сюжетном ходе.

РЕЖИССЁР. Счастливый! А я устал сражаться с тенями — дают себя знать годы. И Тамара вот… Ну зачем мне кого-то искать, когда к моим услугам — неиссякаемый Островский, милый Чехов, великий Шекспир, суровый Ибсен?.. А вы мне, батенька, — какого-то зачуханного Гену, с которым одни неприятности.

АВТОР. Но его же всё равно надо найти, хотя бы для этой несчастной женщины!

РЕЖИССЁР. Друг мой, думаете, она, как Сольвейг, будет сидеть и горевать о своём забулдыге? Плохо знаете женщин! Хотите пари? Не далее как сегодня этот Генин собутыльник вползёт в её дом и тихой сапой заберётся к ней в постель, со всеми вытекающими последствиями... Она после недолгих колебаний отдастся ему, получит краткий миг забвения, и покажется ей, что миг этот и есть счастье.

АВТОР *(раздражённо)*. А хотите знать, что я о вас думаю?

РЕЖИССЁР. Знаю! Вы думаете так лишь потому, что я лучше вас знаю женщин.

АВТОР. И всё-таки — хотите знать?

РЕЖИССЁР. Извольте.

АВТОР. Вы, Александр Борисыч, боитесь жизни! И Гена с Тамарой раздражают вас: они для вас — лишь недоразумение, сор, который в глаза лезет.

РЕЖИССЁР *(угрожающе)*. Ну-у, милый мой!

АВТОР. А меня вы, конечно, презираете, хотя ждёте от меня современных сюжетов, которые, кстати, тоже презираете, и прячете свою голову в вашу классику, потому что там — всё известно и не надо рисковать...

РЕЖИССЁР. А вы, вы, милый мой, — вы жалкий пачкун! Вы примитивный, бескрылый копиист жизни, и никогда вам не подняться над вашими Генами и Тамарами — вам слабó парить в высотах духа, погружаться в глубины характеров! Так вам ли судить о классике и моём отношении к ней? Желаю благополучно отыскать вашего Гену и приятно провести остатки вечера в обществе ваших *прэлестных* героев! Оставайтесь, а мне скучно — я пошёл!

АВТОР. Нет, минуточку! Да, я их разыщу, но позвольте, раз уж такой случай, сказать вам всё!

РЕЖИССЁР *(взглянув на часы)*. Валяйте! Вы с вашими сентенциями меня просто развлекаете... Только короче.

АВТОР. Хорошо, короче! Вам не понять, что всякая жизнь, всякая душа, и Генина тоже, — бесценны, бессмертны, наконец!

РЕЖИССЁР. Что значит «бессмертны»? Я материалист!

АВТОР. А я говорю — бессмертны! Потому что каждый из нас носит в себе, как золотые пылинки, частицы душ других людей, что были с нами, и мы, даже не ведая этого, передаём эти пылинки от души к душе, в даль веков! И пока человечество не иссякнет — оно будет нести золотые пылинки наших душ, сливать их в удивительные смеси и питать ими души потомков. Это и есть наше бессмертие, вопреки вашему материализму!

РЕЖИССЁР. Ну, батенька, я же говорил: вы форменный идеалист!

АВТОР. Да, идеалист, поскольку художник!

РЕЖИССЁР. А я кто, по-вашему? *(Пауза.)* Впрочем, мне скучно спорить. Хотя мне и нравится ваш пафос. В вас я узнаю себя, того... Ладно, давайте не ссориться — мы ещё пригодимся друг другу... Вы меня убедили: Гену надо разыскать. Хотите, я пойду с вами?

АВТОР. Хочу!

РЕЖИССЁР. Пойдёмте. Дайте руку, мой горячий друг!

Режиссёр берёт за руку Автора. Уходят. Снова на сцене вверху в виде большого телеэкрана — интерьер космического корабля. В нём — Алексей и Гена. Алексей — за пультом в кресле. Гена, обвешанный датчиками, крутит ногами педали велоэргометра. Связь с Сергеем — через микрофон.

ГЕНА *(тихо поёт, крутя педали)*. «Покидая нашу Землю, обещали мы, что на Марсе будут яблони цвести...»

АЛЕКСЕЙ *(Сергею)*. Ну что у тебя там, Сергей?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Не получается — не хватает мощности сварить стык! Держать надо — третьей руки не хватает.

АЛЕКСЕЙ. Не торопись! Подумай, что ещё для этого потребуется.

ГЕНА. Вот! Я же говорил — меня пошлите.

АЛЕКСЕЙ. Не мешай. Я тебя заставил заниматься делом — и занимайся.

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Это ты мне?

АЛЕКСЕЙ. Нет, это я с Геной тут... Сергей, попробуй ещё раз — сейчас я тебе напряжение добавлю. *(Передвигает рычажок на пульте. Свет в космическом корабле тускнеет.)* Вот всё, что могу!

ГЕНА *(всматривается в датчики на теле, записывает показания в журнале)*. Та-ак, давление — сто тридцать на восемьдесят. Пульс семьдесят шесть. Дыхалка — двадцать два. Норма... Да наука мне спасибо скажет: человек из народа такие показатели в космосе даёт! *(Слезает с велоэргометра и снимает с себя датчики.)* Лёша, приступаю кормить водоросли... Товарищ командир, ну выпусти, а? Серёгу жалко! Я же

сварщик по шестому разряду, любой металл варю!

АЛЕКСЕЙ. Ну что ты, Гена, как маленький — это же не на улицу погулять! Там на Солнце двести градусов, а в тени — минус двести с лишним. К этому долго надо готовиться.

ГЕНА. А я не готовился? Да я бензобаки на сорокаградусном морозе варил! А мои самогонные аппараты брал один инженер, так говорил: тебе бы их, Гена, на международную выставку! Патентовать, говорит, можно… И скафандр я надевал; Серёга меня инструктировал. Он настоящий друг: поверил в меня.

Пока Гена препирается с Алексеем, на сцену выходит Генерал, садится за пульт управления полётом, включает одну за другой кнопки.

ГЕНЕРАЛ. Приготовиться всем службам!

АЛЕКСЕЙ (Гене). Ну всё, Гена, хватит. Займись водорослями, а потом понаблюдай сверхновую Лебедя в инфракрасном излучении. Да не увлекись опять и не забудь записать в журнал. И молчи — у меня сейчас сеанс связи начнётся!

ГЕНА. Да не могу я на сверхновую смотреть, когда друг за бортом!

ГЕНЕРАЛ. Внимание! Корабль входит в зону прямой телесвязи! Приготовиться всем, начинаем сеанс! Станция, доложите обстановку! Что со второй солнечной батареей, выяснили?

АЛЕКСЕЙ. Товарищ генерал, согласно визуальному осмотру Сергея, метеоритный осколок разрушил шарнирное соединение батареи и разорвал токопровод. Сергей сейчас на месте. Нами принято решение стянуть и сварить стык наглухо. Но энергии для сварки не хватает.

ГЕНЕРАЛ. Через час температура в вашем рабочем отсеке начнёт падать; ситуация критическая.

АЛЕКСЕЙ. Знаем, товарищ генерал.

ГЕНЕРАЛ. Если к следующему сеансу связи не найдёте компромиссного решения, готовьтесь к эвакуации: сворачивайте программу согласно варианту номер два, консервируйте станцию и переходите в транспортный блок — будем спускать.

АЛЕКСЕЙ. Да хотелось бы закончить как следует.

ГЕНЕРАЛ. Тогда думайте, думайте скорей. И мы будем думать.

ГЕНА *(бросаясь к микрофону)*. Товарищ генерал, ефрейтор Пряхин готов выполнить свой долг, послужить Родине! Сварщик по шестому разряду, всё могу!

ГЕНЕРАЛ. Не понял: что такое?

АЛЕКСЕЙ. Извините, товарищ генерал, это Пряхин, наш третий, так сказать… член экипажа. *(Незаметно показывает Гене кулак.)*

ГЕНЕРАЛ. Как он, кстати?

АЛЕКСЕЙ. Адаптация к условиям невесомости хорошая. Физиологические функции после отравления алкоголем восстановились. Реакция — в норме. Обстановку воспринимает адекватно. Обучили тренингу, медицинскому самоконтролю.

ГЕНЕРАЛ. Ну а включили его в работу, как договаривались?

АЛЕКСЕЙ. Да, по основным программам помогает на уровне лаборанта. С поставленными задачами справляется, проявляет интерес к работе. Уход за мышами, выращивание хлореллы — на нём. Вот просится в космос, помочь Сергею.

ГЕНЕРАЛ. Н-ну-у… Принимайте решение сами — вам там виднее. Положение у вас всё равно критическое, сами понимаете. Слышишь меня, ефрейтор Пряхин?

ГЕНА. Так точно, товарищ генерал! Прямо как будто вы рядом.

ГЕНЕРАЛ. Так, говоришь, готов выполнить долг?

ГЕНА. Я, товарищ генерал, как юный пионер — всегда готов!

ГЕНЕРАЛ. А ты, однако, с юмором! Если готов — убеди своего командира. Что ж он в тебя не верит?

ГЕНА *(Алексею)*. Вон видишь, генерал верит в простого солдата.

ГЕНЕРАЛ. Время прямой связи истекает. В общем, срочно давайте ваши решения по солнечной батарее — или готовьте станцию к консервации. Всё у меня!

ГЕНА *(Алексею)*. Ну, что я говорил? Генерал в меня верит! *(Сергею в микрофон.)* Серёга, держись, иду в космос!

Гена достаёт и начинает надевать оранжевый скафандр. Генерал в это время выключает кнопки на пульте и уходит.

АЛЕКСЕЙ. Сергей, ты слышал наш разговор с руководителем полёта?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Слышал.

АЛЕКСЕЙ. Как ты считаешь, Гена сможет тебе помочь?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Конечно! Мне тут как раз ещё одной пары рук не хватает! Как пользоваться скафандром, я ему показывал. И аварийные ситуации с ним проигрывали. Считаю,

необходимый минимум я ему дал. А дальше — его рабочая смекалка. Представляешь, какой будет уникальный эксперимент — Генин выход в космос? Только ради этого стоило лететь!

ГЕНА *(продолжая надевать скафандр)*. Серёга — настоящий друг, не то что некоторые.

АЛЕКСЕЙ *(помогая экипироваться Гене)*. Ладно, хватит запускать рака за камень!.. Только так, Гена: никакого самовольства, докладывать мне каждый свой шаг. Беспрекословно слушать наши с Сергеем команды…

Гена уже одет в скафандр; на голове у него защитный круглый шлем со стеклянным щитком впереди. Алексей жестами показывает ему, что делать дальше; Гена кивает ему; Алексей хлопает его по плечу.

АЛЕКСЕЙ. Ну, ни пуха ни пера!

ГЕНА *(через микрофон)*. К чёрту!

АЛЕКСЕЙ. Меньше чертями кидайся; космонавты — народ суеверный.

ГЕНА. А-а, где наша не пропадала!

АЛЕКСЕЙ. Ладно, с Богом! *(В микрофон Сергею.)* Сергей, выпускаю Гену!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Жду!

Алексей пожимает Гене руку в перчатке, крутит задвижку в задней стене, открывает дверь, выпускает Гену, закрывает её и завинчивает задвижку, снова садится за пульт и работает кнопками; на пульте мигают цветные лампочки.

АЛЕКСЕЙ (в микрофон). Пошёл, Гена! Сергей, помоги ему выбраться!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Иду!

АЛЕКСЕЙ. Гена, камеру разгерметизировал?

ГОЛОС ГЕНЫ. Да. Выхожу… Серёга, привет в открытом космосе! Помнишь, как ты меня им пугал? Ха-ха-ха… *(Вдруг — удивлённо.)* Ё-моё! Ни фига!

АЛЕКСЕЙ. Что там такое?

ГОЛОС ГЕНЫ. Ой, балдё-ёж! Это где ж мы пролетаем, Серёга?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Париж только что пролетели, где-то слева сейчас Вена будет.

ГОЛОС ГЕНЫ. Ни х… хрена себе! Вот бы Тамарка узнала, как я запросто над Парижем летаю!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Да, Гена, впечатляет. Особенно в первый раз… Но — некогда любоваться, время идёт… Осторожней, шланги не запутай… Вот, держись за скобы — и за мной. Осторожно!

ГОЛОС ГЕНЫ. Вижу.

АЛЕКСЕЙ *(сидя за пультом)*. Сергей, не торопи его, пусть немного адаптируется.

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Хорошо! Слушай, Гена: «Небесный свод, горящий славой звездной, таинственно глядит из глубины, и мы плывём, пылающею бездной со всех сторон окружены». Как это тебе?

ГОЛОС ГЕНЫ. Здóрово! Похоже! Ты, что ли, сочинил?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Нет, Тютчев.

ГОЛОС ГЕНЫ. Он что, тоже здесь был?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Не успел. Но где-то тут, поди, летает, ручкой машет… Та-ак, подгребай сюда… Вот этот стык. Видишь, разворочено? Вон ту хреновину надо сварить с этой вот фиговиной. Ты подтягивай, а я буду варить… Берись вот здесь.

ГОЛОС ГЕНЫ. *(с напряжением)*. Та-ак… Держу. Подтягиваю!.. Силы не хватает.

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Давай вместе.

Пауза. Слышно тяжёлое дыхание.

ГОЛОС ГЕНЫ. Погоди, т-твою мать, в крестителя и заместителя, — палец защемило!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Отпустил. Убери пальцы! Больно?

ГОЛОС ГЕНЫ. Ну да. Тоже, что ли, испытать хочешь?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Ищи дурака… Только ты, Гена, не матерись, не засоряй космос — учти, каждое твоё слово на Земле слышат. И записывают для истории.

ГОЛОС ГЕНЫ. Ну, ё-ё… Что ж ты сразу не сказал?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Не успел.

ГОЛОС ГЕНЫ. Тут бы ломик надо. Как у нас говорят, против лома нет приёма. *(Смеётся.)* Давай вари… Да кто ж так варит? Э-э, да у вас напруги не хватает!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Алексей, прибавь силу тока!

Алексей переключает рычажки на пульте. Свет в космическом корабле гаснет совсем, светится только пульт управления. Дальше слышны лишь голоса в темноте и видно слабое перемигивание цветных лампочек на пульте.

ГОЛОС АЛЕКСЕЯ. Всё подал на вас! Оставил только на приборы!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Всё равно не хватает. Залипает.

ГОЛОС АЛЕКСЕЯ. Больше нет. Пробуйте на этом.

ГОЛОС ГЕНЫ. Т-твою мать-то с пирогами, кто ж так варит? Дай сюда! Держи!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Ну, держу. Ещё раз говорю: не матерись!

ГОЛОС ГЕНЫ. Извини. Мат, он, понимаешь, душу магнитит. Как песня всё равно.

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Так ты лучше пой. Если ещё раз сматеришься — дам пинка. Знаешь, как полетишь? С космической скоростью.

ГОЛОС ГЕНЫ. Намёк понял. Ты держи давай!

Пауза.

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Смотри-ка ты! И в самом деле…

ГОЛОС ГЕНЫ. А ты как думал? Когда всё есть — так и дурак сумеет, а ты без ничего сумей! Поработал бы у нас в цеху, так тебя не то что в космос — на Альфа Центавра пускать можно.

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Кончил? Можно отпускать? Руки затекли.

ГОЛОС ГЕНЫ. Погоди, вот здесь ещё маленько. Чтоб потом не говорили, что Гена Пряхин халтуру гонит… А кончают, Серёга, только в определённый момент… У тебя баба есть?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Есть.

ГОЛОС ГЕНЫ. Хорошая?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Да не жалуюсь.

ГОЛОС ГЕНЫ. А у меня баба — во! Вот за что бы ей меня любить, да? Врежу иногда под этим делом — а любит! Щас приеду — она бутылочку мне на стол, закусончик!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Нет, Генка, не пошла моя наука впрок! Ты мне что обещал?

ГОЛОС ГЕНЫ. Насчёт бутылки-то? Да маленько, Серёга! Как без неё с бабой, а?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Насчёт «маленько» есть такой анекдот…

ГОЛОС АЛЕКСЕЯ. Вам что там, в открытом космосе, кроме как о бабах и о выпивке, поговорить не о чем? Доложите обстановку!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Чуть-чуть осталось, Алексей. Как у нас тут, Гена?

ГОЛОС ГЕНЫ *(отдуваясь)*. Всё-ё!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Ура-а, Алексей, — узел сварен! Приступаем сращивать токопровод!

Пауза.

ГОЛОС ГЕНЫ. Э-эх, перекурить бы… Земля-то, Серёга, какая красивая! А как люди на ней паскудно живут…

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Ну не все же так.

ГОЛОС ГЕНЫ. Ты, может, и нет, а я — да. Паскудно я жил, Серёга…

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Всё, Алексей, отключай сварку! Пробуй подачу со второй батареи!

В кабине космического корабля вспыхивает яркий свет.

АЛЕКСЕЙ. Есть подача! Молодцы!

ГОЛОС СЕРГЕЯ *(с тревогой)*. Гена, ты что? Жить надоело?

Пауза. Слышно тяжёлое дыхание.

АЛЕКСЕЙ. Что там случилось?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Гена сорвался! Оторвался от корабля на максимум страховочного троса! Я подтянул его… Ты что это, Гена?

ГОЛОС ГЕНЫ. Да не знаю. Захотелось. Руки бы вот так — и полететь.

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Такими шутками, Гена, тут не шутят! Останешься навсегда спутником — школьники тебя потом, как Луну, в телескопы изучать будут. И не поймаем — горючка у нас на такие манёвры не рассчитана.

ГОЛОС ГЕНЫ. Извини, Серёга.

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Что-то часто ты извиняться стал. Прямо как парикмахер.

ГОЛОС ГЕНЫ. Ты ж меня научил! Скажи, Серёга, честно: а тебе не скучно так жить?

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Как?

ГОЛОС ГЕНЫ. Н-ну… всегда по правилам?

АЛЕКСЕЙ. Сергей, вы закончили? Ваше время пребывания в открытом космосе истекает. Возвращайтесь! А то, я смотрю, вас уже на лирику потянуло!

ГОЛОС СЕРГЕЯ. Да, возвращаемся, Алексей! Держись, Гена, крепче вот за эту скобу и — вот сюда… Понимаешь, Гена, какая штука? Тебе скучно жить по правилам, взял и полетел — а нас за это вздрючат! Взрослый человек, Гена, должен сам отвечать за всё на свете. Знаешь, с кого спросу не бывает? С детей, стариков и полоумных. Ты же не входишь в их число?.. А теперь — вот сюда…

Пауза. Над дверью загорается лампочка. За дверью в переходной камере загорается свет. Алексей крутит задвижку на двери, открывает её и впускает Гену и Сергея в скафандрах. Закрывает дверь, помогает им снять скафандры.

АЛЕКСЕЙ *(помогая Гене)*. Сергей, вы такое дело сделали! Как командир корабля объявляю вам благодарность!

СЕРГЕЙ. Гену вон благодари — он у нас сегодня герой.

ГЕНА. Да ну, чё там… Раз надо — я всегда.

СЕРГЕЙ. Скромник ты у нас!

АЛЕКСЕЙ. Ладно, на Земле будем разборками заниматься. Хорошо, что электроэнергия есть,—можно будет нормально закруглиться. Начинаем, Сергей, консервировать станцию. Возвратные установки снимаем, пакуем—и в грузовой отсек. Гена, будешь помогать Сергею.

ГЕНА. Как скажете.

АЛЕКСЕЙ. Давайте! *(Снова садится за пульт управления.)*

Сергей начинает паковаться: снимает некоторые приборы, заворачивает в полиэтилен, складывает в картонные ящики. Гена помогает ему. В это время на сцену выходят Автор и Режиссёр. В руках у них—котомки и посохи. На груди и спине у Автора—транспаранты из картона с надписями: «Ищу героя!»

РЕЖИССЁР. …И вот, представьте себе, я эту женщину раздеваю и беру! И она отдаётся мне со страстью. Огонь! Восторг!.. Я думаю, вам как автору эта история будет интересна. Но это надо пережить самому… А давайте-ка отдохнём?

АВТОР. Давайте.

Подходят к креслам. Автор снимает с себя транспаранты и ставит на пол, прислонив к креслу. Оба садятся.

РЕЖИССЁР. А у меня тут кое-что есть. *(Достаёт из котомки стопку и фляжку и трясёт ею.)* Коньячок-с. Примете?

АВТОР. Можно немного.

РЕЖИССЁР. А много я и не дам. *(Смеётся. Отвинчивает колпачок фляжки, наливает стопку и подаёт Автору.)* Только так, чтобы зрители не видели, а то подумают невесть что… Вот бутерброды с икоркой. Берите!

АВТОР. Спасибо. Ваше здоровье! *(Выпивает и, вернув стопку, берёт бутерброд.)*

РЕЖИССЁР *(потрясая своим бутербродом)*. А я люблю с икоркой. С красной. Каждая икринка, знаете, как маленькое солнышко, светится. А мы его—ам!—и каким-то чудодейственным образом энергия икринки превращается в нас в энергию любви, творчества, в жажду прекрасного. Это да, это жизнь! Такая жизнь, я согласен, священна—только она имеет право быть целью искусства! *(Снова наливает стопку и подаёт её Автору.)* Пожалуйста!

АВТОР. Благодарю. *(Выпивает и возвращает стопку Режиссёру.)*

РЕЖИССЁР *(наливает её и держит в руках)*. Да, так вот: а другой пришёл и нас с вами—ам! И наше с вами искусство—ам! И вы хотите меня убедить, что жизнь этого человека тоже священна? Нет, мой друг, сколько ни убеждайте, а я не пойму: как может быть священной душа, которая воняет, потому что она—из дерьма?.. Но я поднимаю сей фиал за здравие прекрасной и свободной дамы—Мельпомены, которой мы оба имеем честь служить! *(Поднимает стопку.)*

В это время на сцене появляется Тень Ответственного Лица, прислушиваясь к разговору и явно сердясь. Режиссёр, увидев её, опускает стопку.

РЕЖИССЁР *(Автору—испуганно)*. Видите?

АВТОР *(смеясь)*. Да вижу. По-моему, она влюбилась в вас и ревнует к Мельпомене… А давайте-ка прогоним её?

РЕЖИССЁР. Хм. Вам-то легко: написал—и в стол. А я—лицо официальное.

АВТОР. Да плюньте на это! Во имя Мельпомены—будем рыцарями на час! Смелей!

РЕЖИССЁР. Чёрт возьми… А ведь и правда!

Режиссёр ставит стопку на пол, кладёт на неё бутерброд, затем они вместе с Автором встают, берут посохи и, взмахивая ими и крича: «Кыш! Кыш!»—направляются к Тени. Тень мечется между ними. Автор и Режиссёр лупят её палками, изгоняют со сцены и, отдуваясь, возвращаются в кресла. Режиссёр поднимает свой бутерброд и стопку и с наслаждением пьёт глоточками. В это время Автор взглядывает наверх и видит вверху космический корабль, а в нём космонавтов и среди них—Гену Пряхина.

РЕЖИССЁР *(не видя корабля)*. Ну наконец-то прогнали! А ведь в самом деле легче стало дышать! Как трудно, знаете, избавляться от страхов… Так на чём мы остановились?.. Ах да, законы сцены требуют: в финале ружьё должно выстрелить—иначе зачем огород городить? А у нас ни то ни сё: мы не только действие, а даже главного героя потеряли!

АВТОР. А я уже знаю, где он! *(Хохочет.)*

РЕЖИССЁР. Ну и где?

АВТОР *(хохоча)*. Как я и думал, он и правда непредсказуем: он улетел…

РЕЖИССЁР. Как? Куда улетел?

АВТОР. Он улетел… в космос!

РЕЖИССЁР. Ну, знаете!.. Я понимаю: авторская фантазия и всё такое,—но всему же есть предел! Скажите: вы знаете, как показать на сцене космос, космический корабль? Ни вы не знаете, ни я… Это же расходы; в смету не влезем.

АВТОР. Скажите: а чтобы «Змея Горыныча» поставить, вам надо знать его в лицо?

РЕЖИССЁР. Оставьте свои глупые шутки: Змея Горыныча знает каждый!

АВТОР. Никаких шуток: вон он, наш Гена! *(Показывает на космический корабль.)*

РЕЖИССЁР *(встаёт, проходит к рампе, оборачивается спиной к зрителям, чтобы лучше разглядеть космический корабль, смотрит вверх, качает головой, бормочет про себя).* «Корабль у берегов. Подул попутный ветер; команда ждёт не дождётся в Англию отплыть…» Хм-м, смело… *(Снова садится в кресло, поглядывая вверх.)* Мда-а… А что, в самом деле? Можно воспользоваться и таким поворотом! Надо подумать…

А между тем внутри космического корабля Алексей работает за пультом, Сергей продолжает паковать вещи; Гена отвлёкся: смотрит в окуляр телескопа.

АЛЕКСЕЙ. Гена, ты куда смотришь?

ГЕНА. На Землю.

АЛЕКСЕЙ. Кончай — дома ею налюбуешься. Помогай Сергею!

ГЕНА. Пожалуйста, последний разик! Сколько ни гляжу на неё сверху — не могу наглядеться. А приедешь домой, посмотришь — тоска ж зелёная! Ну почему мы такие, в натуре, — ни черта беречь не умеем?

АЛЕКСЕЙ. Ты об этом потом земляков спроси.

СЕРГЕЙ. Слушай, Лёш, а давай, когда вернёмся, подадим на Гену рапорт: за сварку в открытом космосе в экстремальных условиях ему, по-моему, орден полагается? Решительность проявил, рабочую сметку…

АЛЕКСЕЙ. У меня тоже такая мысль.

ГЕНА. Да вы что, ребята?! Я же не о наградах думал! Неудобно как-то.

СЕРГЕЙ. Удобно. Я даже думаю: попробуем добиться, чтобы тебя оставили работать на космодроме. Жену бы перевёз. Как её у тебя? Маша? Или Нюра?

ГЕНА. Тамарка.

СЕРГЕЙ. Тамара, значит… Ты — не против?

ГЕНА *(отрывая взгляд от окуляра).* Я-то? Нет. Где-то же надо притыкаться — там меня, поди, уже потеряли.

АЛЕКСЕЙ. Работать на космодроме, Гена, — большая честь. Люди проверку проходят.

ГЕНА. Да мне только с Томкой посоветоваться — она у меня главное начальство.

СЕРГЕЙ. А ты что, не мужик?

ГЕНА *(снова глядит в окуляр).* Мужик-то мужик… *(Кричит изо всех сил.)* О, вижу, вижу! Это же Толян с Петькой балдые идут, кренделя выписывают! Точно — Толянова кепка! Во гаврики, ни х… *(с опаской оглядывается на Сергея)* ничего не понимают! Все люди как люди, а эти… Ну, я им покажу козью морду!.. Интересно, что там Томка делает?.. А-а, вон, вон, ей-богу она, ребята! Да не одна, кажись. Ё-моё! Неужели фраер приклеился, а? Ну-ка, ну-ка, резкость поярче… А-а, да это же она опять сумку тяжеленную тащит, а мне сверху — будто фраер за руку держит! Вот это техника, а? Всё видать! Ну-ка, ещё разик глянуть… Э-эх, пролетели! *(Отрывает глаз от окуляра.)* Не-е, ребята, Томка у меня с кем попало не пойдёт… Ох и домой охота! *(Вздыхает.)* А человек-то, ребята, как посмотришь — вот как мурашик по земле ползёт; даже жалко его.

СЕРГЕЙ. Но мыслящий, Гена, мурашик. Мыслящий, отважный и мечтательный. Мурашик, который дерзнул стать Титаном, а Титану, Гена, негоже водку глотать. Ты вот зачем пьёшь?

ГЕНА. Да дружбаны всё…

СЕРГЕЙ. Вот мы теперь — дружбаны по космосу, но я же с тобой не пью!

ГЕНА. Ох, Серёга, не выворачивай душу, а? Я же в детстве страсть как любил на звёзды смотреть. В лётчики собирался. Пьянка всё. Чуть-чуть до аттестата зрелости не дотянул: собрались с дружками, выпили, потом вынули ножики — и полосоваться. И вместо аттестата мне, значит, этап вышел. Вот такие, брат, кренделя.

СЕРГЕЙ. Да-а, история. Не пей ты её больше.

ГЕНА. Томка моя то же самое тарахтит.

СЕРГЕЙ. Вот и послушал бы.

ГЕНА. Но она же — баба! Что я — совсем? *(Крутит пальцем у виска.)*

СЕРГЕЙ. Ты в науку веришь?

ГЕНА. Теперь — верю.

СЕРГЕЙ. Так вот, брат, наукой доказано: женщина кое в чём даже поумнее мужчины… В общем, Гена, тебе теперь не отвертеться от космоса.

ГЕНА. А мне за это ничё не будет — ну, что, в общем, без спроса к вам?

СЕРГЕЙ. Думаю, обойдётся. Мы расскажем про твои заслуги.

ГЕНА. Спасибо, мужики! Никогда не встречал таких, как вы! Э-эх, если бы раньше-то!.. Вот гад буду, душу готов… Не забуду! Говорите: что консервировать?..

Во время последнего диалога свет в космическом корабле медленно гаснет; одновременно последние слова Гены звучат всё тише, причём и слова его, и свет в космическом корабле гаснут до полной темноты.

РЕЖИССЁР. Ну что ж, посмотрим, как дальше пойдёт, а пока неплохо, неплохо. Ей-богу, неплохо! Надо только ещё…

Дальше Режиссёр продолжает объяснять что-то Автору с мимикой и жестами. Автор кивает. В это время свет на сцене гаснет до полной темноты. В темноте слышны рёв вертолётов, вой сирен и голоса радиопереговоров, перебивающие один другой: «Внимание: с северо-востока движется фронт холодного воздуха, скорость ветра—девять метров в секунду»… «Первый слушает, первый слушает!»… «Первый, первый, займите квадрат шестьдесят восемь—тринадцать!»… «Есть шестьдесят восемь—тринадцать!»… «Как видимость? Как видимость?»… «Миша, Миша, не в службу, а в дружбу: захвати пять пачек сигарет! Хорошо?»… «Бу сделано!»… Все эти звуки перекрывает густой захлёбывающийся голос радиорепортёра: «Через несколько минут спускаемый аппарат коснётся поверхности Земли, и наши посланцы в космос снова шагнут по ней! Сквозь редкие облака уже виден серебристый шар спускаемого аппарата, а над ним—гигантский оранжевый купол парашюта. Незабываемое зрелище! В зоне приземления зелёными стрекозами зависли вертолёты, по земле к предполагаемому месту посадки спешат машины… Вот аппарат скользит в голубом воздухе! Тысяча метров… Ярко-оранжевый купол быстро увеличивается в размерах и неудержимо движется вниз! Его сносит ветром… Пятьсот метров. Десятки глаз напряжённо впились в него… На лицах людей, встречающих наших дорогих посланцев в космос,—радость и одновременно волнение от предстоящей встречи. Сердца их бьются в такт! Сто метров! Как-то там чувствуют себя наши герои? Легко представить себе их волнение от предстоящей встречи с Землёй. Держитесь, товарищи, мы с вами!.. Пятьдесят… Вспышка тормозной системы… Есть касание!»

На сцене вспыхивает свет. В глубине сцены—большой серебристый шар. К нему с разных сторон бегут Генерал, Автор, Режиссёр, милиционер, два санитара с носилками, Посторонний с огромным букетом цветов. В шаре открывается люк. Санитары под окрики Генерала: «Осторожней! Осторожней!»—вытаскивают Алексея вместе с креслом, переносят ближе к рампе, ставят кресло на пол. То же проделывают и с Сергеем. Все столпились вокруг космонавтов. Генерал со словами: «От имени Родины поздравляю вас с выполненным заданием!»—целует и обнимает обоих. Вокруг взволнованная суета, возгласы: «Поздравляем!.. С успешным завершением полёта!.. С возвращением вас!..» Посторонний вручает Алексею и Сергею цветы. Космонавты, полулёжа в креслах, уже без шлемов, улыбаются всем и машут руками. В это время, никем не замеченный, из шара вылезает Гена; он в своём старом костюме рабочего: телогрейка, сапоги и кепка с пуговкой. Грустно смотрит он на встречу космонавтов. Поворачивается и незаметно уходит со сцены.

СЕРГЕЙ. Постойте, а Гена-то где?

АВТОР. Гена? А в самом деле, Гена где?.. Гена, где ты? *(Прислушивается.)* Тебе никто не хочет плохого!.. Кто видел, куда он делся?

Милиционер и санитары пожимают плечами.

АВТОР *(разочарованно)*. Убежал.

МИЛИЦИОНЕР. Чего это он?

АВТОР. А то вы не знаете! Это—вечный страх нашего человека: вдруг да в чём-то виноват? *(Машет рукой.)* Ладно, пускай. Может, даже к лучшему, что ушёл.

Все уходят; шар катят за кулисы. На сцене появляется Гена. Он бредёт, тихо напевая про себя: «Звёзды встретятся с Землёю расцветающей, и на Марсе будут яблони цвести…» Останавливается, срывает несколько ромашек, нюхает их.

ГЕНА. Ох, как пахнут—пылью, солнышком! *(Широко распахивает руки.)* Э-ге-гей, Земля-а! Гена Пряхин вернулся!.. *(С грустью.)* Нет, не могу. Почему так плакать охота? Причём, интересно,—трезвому! Я ли это? *(Бодро встряхивается.)* Нет, Гена, мы ещё поживём, пободаемся, ещё потопчем Землю!

Входит Тамара. В руках у неё—по тяжёлой сумке.

ТАМАРА *(роняет сумки)*. Гена! Вернулся?

ГЕНА. Тома!

Крепко обнимаются. Тамара берёт его на руки, целует и тетёшкает, как младенца.

ТАМАРА. Родненький ты мой!

ГЕНА. Ну отпусти, Том,—неловко.

ТАМАРА. Нет, Геночка, ещё немножко.

ГЕНА. Вот, цветочки тебе несу. *(Подаёт ей цветы.)* Вспоминал тебя часто.

ТАМАРА. Ой, спасибочки! Где ж ты, родненький, пропадал-то? Ты прости меня, дуру.

ГЕНА. Ничего, ничего. Как дома-то? Ребятишки как?

ТАМАРА. Всё, Гена, нормально. Ждут тебя, спрашивают: где это наш папка?

ГЕНА. Ну-ну. Сама-то как? Не приставал никто? Держала себя?

ТАМАРА. Конечно, Геночка! Только Толян приходил один раз.

ГЕНА *(настораживаясь)*. И что?

ТАМАРА. Посидел, про тебя спрашивал.

ГЕНА. Ишь, «посидел»! Как же ты позволила? Не приставал?

ТАМАРА. Ну что ты, Ген! Кому я нужна?

ГЕНА. Смотри мне! Это я так, для надёжности… Чего уж ты у меня—так никому и не нужна? Ты мне нужна.

ТАМАРА. Один ты у меня, родненький. Пошли домой, Геночка. Господи, как я соскучилась по тебе!

ГЕНА. Ну отпусти, Том,—неудобно.

ТАМАРА. Да чего уж—своё ведь, не чужое. Своё плеч не тянет.

ГЕНА *(строго)*. Отпусти—я ведь мужик!

ТАМАРА *(удивлённо-весело)*. Точно—мужи-ик! *(Отпускает его.)*

Тамара и Гена берут в руки по сумке.

ГЕНА. Теперь я, Тома, в рот—ни капли.

ТАМАРА *(подозрительно)*. Странно как. А где ж ты всё-таки был?

ГЕНА. Ой, Том, не спрашивай.

ТАМАРА. А всё ж таки?

ГЕНА. Тебе, Том, по секрету говорю: в космосе я был. Слыхала, корабль запускали?

ТАМАРА *(роняет сумку)*. Как—в космосе?

ГЕНА. Честное слово, Том.

ТАМАРА. Ах вот ты как? В каком таком космосе? Лагерь, что ли, какой? *(Вдруг хватает его за воротник и трясёт.)* У какой бабы был, говори?!

ГЕНА *(пытается вырваться)*. Да поверь—честное слово!

ТАМАРА *(продолжает его трясти)*. Говори, где был? А я-то уши развесила! У Агафонихи отсиживался? Ещё спрашивает: не приставали ли? Эх ты-ы!

ГЕНА *(отталкивает её)*. Ну дура! С тобой нельзя по-культурному. Ещё цветы дарил.

ТАМАРА. Ага, в соседней канаве нарвал, да? *(Отшвыривает цветы.)*

ГЕНА. Где тебе понять, что мужик может не только водку пить и у Агафонихи отсиживаться? *(Отряхивается, поправляет одежду.)* Руку поднимать на тебя больше не могу, чтобы вразумить, а иначе ты не понимаешь. Чувствую, не жить нам с тобой. Прощай. *(Поворачивается и уходит.)*

ТАМАРА *(бросается на колени)*. Геночка! Не уходи, детей родных пожалей! Прости меня, дуру! Ну, ударь, только не уходи! *(Падает и рыдает.)*

ГЕНА *(останавливается)*. Встань, не унижайся. *(Подходит к лежащей Тамаре, поднимает её.)* Не могу! *(Трёт глаза.)*

ТАМАРА *(робко обнимает его)*. Чего, Гена? Чего не можешь?

ГЕНА *(тоже обнимает её)*. Не могу видеть, как ты вся на нерве. Душа разрывается.

ТАМАРА. Чтой-то с тобой, Геночка? Ты какой-то другой стал—странный!

ГЕНА. Я такое видал, Тома! Я звёзды вот так видел, Землю всю как на ладони.

ТАМАРА. Алконавт ты мой миленький. *(Гладит его по голове.)*

ГЕНА. Не веришь?

ТАМАРА. Я, Ген, поверю, правда, только дай срок. Пошли домой, а?

Гена и Тамара подхватывают по сумке, медленно идут в обнимку.

ГЕНА. А мне на космодроме остаться предлагали. Ты, говорят, Гена, способный. Поедем, а?

ТАМАРА. Ты успокойся, не думай об этом.

ГЕНА. Только ты, Том,—никому пока! Я тебе одной, по секрету.

ТАМАРА. Само собой, Ген… *(Неожиданно бросает сумку и начинает рыдать.)*

ГЕНА. Ты что, Том? Что с тобой?

ТАМАРА *(сквозь рыдания)*. Что они с тобой сделали? Я не могу! Не могу!

ГЕНА *(растерянно, опуская сумку)*. Ничего, Том, ничего—привыкнешь. *(Обнимает её.)* Успокойся.

ТАМАРА *(постепенно успокаиваясь)*. А я всё думала-гадала: придёт—не придёт, придёт—не придёт.

ГЕНА. Переживала?

ТАМАРА. Спрашиваешь!

ГЕНА. Ну, пойдём, Томочка, пойдём домой.

Подхватывают сумки, берутся за руки и уходят. Появляются Пётр и Толян.

ПЁТР *(продолжая начатый за сценой разговор)* …А вот неохота, настроения нету.

ТОЛЯН. Появится. Я бы уж сбегал. Жалко, Генки Пряхина нет—умеет его поднять: как-то это у него сразу, слово за слово.

ПЁТР. А слыхал? Вернулся Генка.

ТОЛЯН. Да ну? А что-то не видать.

ПЁТР. Залечили мужика: говорит, будто в космосе был.

ТОЛЯН. Да ясно: закодировался.

ПЁТР. А фиг его знает.

ТОЛЯН. Точно, залечили! Ну, мы его поправим. Как говорится, что не лечится водкой — не лечится уже ничем. А кто про космос-то говорил?

ПЁТР. Тамарка евонная болтает: «Мой, — говорит, — алконавт вернулся. В космосе, — говорит, — летал». Может, правду скрыть хочет?

ТОЛЯН *(мечтательно)*. А Тамарка, скажи, бабец, а?

ПЁТР. Ты-то откуда знаешь?

ТОЛЯН. Да уж знаю. Расскажу, когда настроение будет.

ПЁТР. Балаболка ты, вот что… *(Смотрит за кулисы. Далее продолжает дурашливо, растопырив руки.)* А кто это к нам идёт, лёгок на помине?!

ТОЛЯН *(смотрит туда же)*. Да это же наш алконавт Гена подлётывает!

Входит Гена, подаёт руку Петру, потом Толяну. Те хлопают его по плечам.

ГЕНА. Привет.

ПЁТР. Здоро́во, коль не шутишь.

ТОЛЯН. Всесторонне приветствую!.. Чего это ты такой официальный стал?

ПЁТР. Так он у нас в космосе побывал. Как там, в космосе? Подают?

ГЕНА. А ты откуда знаешь, где я был?

ПЁТР. Местное радио доложило. Сарафанное.

ГЕНА. От дура! Ну как её не перевоспитывать?

ПЁТР. Да плюнь ты на них. Выпить хошь?

ГЕНА. Завязал, ребята. Всё.

ПЁТР. Где был-то? Космос, как я понимаю, отмазка для жены? То говорят, будто тебя менты скрутили, другие — что в психушку загремел. Чё, ампулу вшили?

ГЕНА. Не-а, ребята, я правда в космосе был.

ТОЛЯН. Ни фига навороты! Это чё, получается, каждый из нас может туда полететь?

ПЁТР. Но нам-то, Гена, зачем заливать про космос?

ГЕНА. Да думайте что хотите, только уж так получилось. Государственных секретов, конечно, не выдаю — но что ж я молчать-то буду?.. А как у вас тут дела?

ПЁТР. Как в Польше: у кого мошна толще, тот и пан. Николай Иваныч свою ремонтную фирму открыл. Хотели к нему — не берёт, брезгует.

ГЕНА. А не знаете, меня в цеху не уволили?

ПЁТР. Они нам не докладывают. Сходи сам да узнай.

ГЕНА. Вот и иду.

ТОЛЯН. Может, вмажешь с нами? Для храбрости?

ГЕНА. А я и не боюсь. Как всё равно снова народился.

ТОЛЯН. Но, может, просто для разговора?

ГЕНА. Да я и так поговорю. Вспомню, как квасили, — тоска, мужики. *(После неловкой паузы.)* Ну, пошёл я. Пока. *(Небрежно взмахивает рукой и уходит.)*

ТОЛЯН. Во, бляха, жись пошла — скоро и выпить не с кем будет!

ПЁТР. Да, странный какой-то.

ТОЛЯН. Я ж говорю: во! *(Крутит пальцем у виска.)* Испортили мужика.

ПЁТР. Нет, Толян, тут что-то не то…

ТОЛЯН. А что? Что?

ПЁТР. Непонятно пока… Но Генка всё же — человек.

ТОЛЯН. А мы кто, хламидомонады, что ли?

ПЁТР. Вот именно — хламидомонады.

ТОЛЯН. Не-а, Петь, кроме шуток… Давай вмажем на двоих — чего нам головы ломать? Мы же в космосе не были.

ПЁТР. Да пошёл ты с этой пьянкой, хламидомонада!

ТОЛЯН. Сам ты туда пошёл! Тоже умный стал, да?

ПЁТР. Помолчи.

ТОЛЯН. А чего мне молчать? Что я, недоразвитый?

ПЁТР. Ладно, говори, но только чтобы я не слышал. Что ты умного сказать можешь?

ТОЛЯН. Зря ты так, Петь. Обижусь и уйду.

ПЁТР. Вот и обидься. Обидься и уйди с глаз долой.

ТОЛЯН. И уйду! Подумаешь!.. *(Поворачивается и уходит.)*

Пётр уходит в другую сторону.

ТОЛЯН *(остановившись, кричит вслед Петру)*. Все тверёзые, все психические стали, все чего-то думают! Тьфу! Сколько я с вами водки

выжрал, сколько бегал за ней — и я же плохой? Я-то найду себе компанию — вот вы, трезвые, найдите! *(Уходит.)*

Появляется Николай Иванович. Его догоняет Гена.

ГЕНА. Здравствуйте, Николай Иваныч.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. А-а, Пряхин! Здоро́во, коль не шутишь.

ГЕНА. Я шучу через раз. На этот раз — всерьёз.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Ну, дай наглядеться, пока ты серьёзный. Чего тебе?

ГЕНА. Говорят, вы ремонтную фирму открыли?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Есть такое дело.

ГЕНА. Может, примете? Я же — знаете — по шестому разряду работаю.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Знаю только, что ты пьёшь и дерзишь много.

ГЕНА. Пить я завязал. В прошлом раскаялся.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Да каяться вы мастера… Откуда, интересно, ты такой хороший? Прямо узнать не могу. Люди болтают, будто в космос летал?

ГЕНА. Было дело.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ *(протягивает руку)*. А документ?

ГЕНА. А там без документов. Просто с местом повезло — люди хорошие попались. Звали работать, но мне не хотелось вас подводить.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Болтун ты, Пряхин. Всё у тебя, смотрю, по-прежнему.

ГЕНА. Ну, считайте, что я пошутил с космосом.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Вот-вот. То ты всерьёз, то пошутил.

ГЕНА. Правда, что работать буду честно. Только работа и семья — так жить думаю.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Уже за то, что так думаешь, тебе — два с плюсом.

ГЕНА. Издеваетесь?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. А ты надо мной сколько издевался?

ГЕНА. Я-то место найду — просто хотелось возле дома. Ещё думал лекции коллективу почитать. Скажем: «Сверхновые звёзды и чёрные дыры», — или: «Человек как созидающий фактор в космосе». Как я могу при этом плохо себя вести?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ *(недоверчиво)*. А ты откуда про это знаешь?

ГЕНА. Умные люди заинтересовали. Тайны науки доверили.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. А зачем мне про эти дыры в космосе, когда тут, на Земле, дыр полно?.. Ну вот как с тобой работать? Только и норовите зубы заговорить, да выпить, да урвать побольше!

ГЕНА. Не надо, Николай Иваныч, пургу гнать — сами хороши! Нам-то на заводе видно было, где кто всерьёз работал, а где замазку лепили! Мы-то ведь тоже не чурки — нас бояться не надо, не такие мы и страшные.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Ну, ты, Пряхин, прямо философом стал!

ГЕНА. Просто на умных людей нарвался. Мог бы и ещё кой-чего рассказать.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Расскажи. Умные слова люблю слушать.

ГЕНА. В другой раз. Эффекта не будет, если всё сразу.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Ишь ты! Ну ты точно философом стал! А у начальства знаешь какое правило? Умных — гнать в шею: только народ разлагают.

ГЕНА. Думаете, я один такой? Умных у нас — через одного, просто помалкивают. А гнать — ума не надо. Только с кем работать-то будете?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. А тебе какая забота?

ГЕНА. Х-хэ, «какая забота»! Да изменился я, Николай Иваныч! Или не заметно?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ *(вздыхает)*. Заметно.

ГЕНА. Так берёте или нет?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Думаю, Пряхин, думаю… Пожалуй, дешевле для себя — не связываться с тобой: чую, крови ты мне ещё попортишь.

ГЕНА. А чего там портить — там и так уже всё испорчено. Ну, спасибо и на этом, дай вам Бог ещё сто лет такой жизни.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Угрожаешь, что ли?

ГЕНА. Да нет. Просто я знаете что подумал?.. Помните, как Козловский арию пел? «Вся жизнь — борьба. Сегодня ты — а завтра я».

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Намёк понял. В общем, давай так: чтобы я тебя, в самом деле, больше не видел.

ГЕНА. Да пошёл ты!..

Оба уходят со сцены в разные стороны. С разных сторон выходят Гена с Тамарой и посередине сцены встречаются.

ГЕНА. Том, зачем же ты про меня разболтала всем?

ТАМАРА. Да я только Светке.

ГЕНА. Ой дура! Теперь все знают.

ТАМАРА. И пусть знают! Это же правда, Ген?

ГЕНА. Умница ты — поверила… А меня, Том, уволили. Завод развалили. А Николай Иваныч даже доволен, что развалили, — свою ремонтную фирму затеял. Только меня не берёт.

ТАМАРА. А что ж мы, Гена, делать-то будем? На мою зарплату нам не прожить.

ГЕНА. Не боись, проживём — на мой горб работы хватит! Я ж тебе говорил: меня на космодром работать звали. Поедем, а?

ТАМАРА *(со слезами в голосе, обнимая его)*. Геночка, ты опять за своё? Забудь ты про это! Знаешь, как люди говорят? Где родился, там и пригодился.

ГЕНА. Ничего, Том — как говорится, и за горами люди живут.

ТАМАРА. А другие говорят: за горами теплее, а у нас веселее.

ГЕНА. Ага. А ещё говорят: тот ещё не родился, кто бабу переспорит. А меня правда, Том, на космодром звали. Только у меня мысль есть — просто не хотел тебе сразу…

ТАМАРА *(настороженно)*. Ген, какая ещё мысль?

ГЕНА. Я, Том, свою ремонтную фирму открою. Даже название придумал: «Рассвет трезвой жизни». Как тебе, а?.. Да слабó Николаю Иванычу ремонтом заняться: они же, Тома, работать не умеют — только погонять! А я всё умею! Ещё и Петьку с Толяном позову — у них тоже руки есть.

ТАМАРА. Опять своих алкашей? Не надо, Ген, Петьку с Толяном!

ГЕНА. Нет, Том, я их теперь — вот так!.. *(Сжимает кулак.)* Вот увидишь: они у меня тоже людьми станут!..

ТАМАРА *(гладя его волосы)*. Смотри, Ген, тебе видней. Какой ты у меня умный!

ГЕНА. Только — знаешь что, Том? Когда деньги будут, я большой телескоп куплю; будем вместе на звёзды смотреть, и я тебе буду рассказывать про космос: какой он красивый, Тома! И Петьку с Толяном заставлю смотреть!

ТАМАРА. Ой, Геночка, как здóрово! Только ты, Ген, водку с ними не пей, ладно?

ГЕНА. Я же сказал — не буду, у меня теперь слово твёрдое!.. И пацанов наших научим смотреть — глядишь, людьми вырастут.

ТАМАРА *(страстно обнимая его)*. Ой, Ген, ты просто не знаешь, какой ты у меня молодец!.. А правда, Ген, говорят, будто там инопланетяне летают?

ГЕНА. Я не видал.

ТАМАРА. А Петька — помнишь? — говорил: когда шёл с поминок — так прямо перед ним инопланетяне сели.

ГЕНА. Знаешь, когда я выпью пол-литра — так ещё не то вижу… А давай, Том, прямо сейчас смотреть, и я тебе буду рассказывать, а? *(Поднимает глаза вверх.)*

ТАМАРА *(продолжая страстно обнимать его)*. Потом, Геночка, потом посмотрим. Знал бы ты, как я тебя люблю! Я так соскучилась по тебе!

ГЕНА *(увлекаемый ею, наконец обращает взгляд на неё, сам обнимает её и улыбается)*. Знаешь, чего хочу?

ТАМАРА. Чего, Ген?

ГЕНА. Ребятишек с тобой делать. Много ребятишек! Помнишь, как?..

Вспоминая что-то приятное, оба улыбаются, толкают друг друга и хохочут.

ТАМАРА *(посерьёзнев)*. Ген, а я боюсь. Как жить-то будем?

ГЕНА. Не боись, проживём! На мой век работы хватит, а об остальном — не твоя забота… Понимаешь, Том, как вспомню, какие там звёзды… А Земля такая большая, такая красивая — просто обалдеть!

ТАМАРА. Ну и что, что большая, Ген?

ГЕНА. А то, что на ней жись надо устраивать, Том, детей растить, а мы… Я хочу, Том! Пошли, а?

ТАМАРА. Пойдём, родненький мой.

Крепко обнявшись и целуясь на ходу, они уходят. Выходят Автор и Режиссёр.

АВТОР. Как вы думаете, получилось у нас?

РЕЖИССЁР *(показывая на зрителей)*. У них надо спрашивать. *(Пристально всматривается за кулисы и призывно машет рукой.)* Гена! Можно тебя на минутку?

Выходит Гена. Он — в спортивном трико, в майке и тапочках на босу ногу.

ГЕНА *(недовольным тоном)*. Ну чего? Некогда мне — я это… С супругой я…

РЕЖИССЁР. Разрешите только поблагодарить вас! *(Пожимает Гене руку.)* И поздравляю вас с серьёзной совместной работой. Театр нашёл в вашем лице любопытного героя!

ГЕНА *(увидев стоящего в стороне Автора и показывая на него)*. Он-то тоже виновник. По-честному надо. *(Пожимает руку Автору.)*

РЕЖИССЁР *(с иронией)*. Ну как же! Разумеется, режиссёру в театре делать нечего!

В это время из-за кулис выходит Тамара в лёгком разлетающемся халатике и тапочках на босу ногу, берёт Гену под руку и тащит за кулисы.

ТАМАРА *(Гене, нетерпеливо)*. Да ну их, Ген, в пим дырявый — пойдём скорей!

ГЕНА *(Режиссёру и Автору)*. Ладно, заканчивайте тут сами — извините, меня ждут.

Увлекаемый Тамарой, Гена разводит руками, и они с Тамарой исчезают за кулисами.

РЕЖИССЁР. А чего тут ещё тянуть? Финита ля комедиа!

АВТОР. Конец!

ДиН СИММЕТРИЯ

Предупреждение начинающего ясновидца

19-й год в России ещё не сошёл с дистанции, но уже сейчас можно сказать, что он запомнится зеркальным проявлением двух соперничающих стихий — огня и воды. Они словно вступили в сговор — горящая сибирская тайга и затопленные деревни и города — такие, как Тулун. Взрывы (опять огонь!) артиллерийского склада под Ачинском, на полигоне — под Архангельском и немногим раньше — на пороховом заводе в Перми. Слышите рифму? А взрыв глубоководного аппарата во глубине Баренцева моря? Опять рифмуются вода и огонь. Не происходят ли тектонические сдвиги, когда наступает симметрия Времени? Назовут ли наши дни через век так, как мы говорим, оглядываясь на минувшее столетие: «19-й год»?

ЮРИЙ БЕЛИКОВ

Леонид Мартынов

Суббота

Суббота бегала на босу ногу,
чтоб не стоптать воскресных каблучков,
кой-кто ещё хотел молиться Богу
и делал книгу целью для очков…
Но вообще рождалось опасенье
у всех, кто бросил думать о труде,
что будет жарким это Воскресенье
и даже пламень грянет кое-где.

1919

Георгий Маслов

Родине

Застыли слёзы в синем взоре
Твоём, измученная мать.
Какие горести и хвори
Ещё начнут тебя терзать?

От края до другого края —
Сухая полевая жердь —
Идёт в плаще неурожая
Твоя осклабленная смерть;

Спокойно подымая посох,
Работает и ночь и день
Среди убогих, жалких, босых
Забытых Богом деревень.

А на кровавом горизонте
Седые облака плывут
Рыдать за тех, кто там, на фронте,
Под ядра и штыки идут.

Но ты, молчальница, не стонешь —
Привыкла на своём веку.
В безлюдных церковках хоронишь
Свою щемящую тоску.

И я уверен — мне простится,
Что я, тоскуя и любя,
Не мог ни верить, ни молиться,
А только плакать за тебя.

1919

Валентина Мельникова

Сквозь морозы и мглу

Отрывок из романа «*Серебряный звон поднебесный*»

Ах, какая стоит тишина!
Мир окутал таинственный сон.
Бледным диском нависла луна.
Но откуда тогда этот звон?

Еле слышен, он льётся с небес —
Колокольцев серебряный звук,
Заполняя собой всё окрест —
И притихшее поле, и луг.

Колыбельную небо поёт,
Погружая в дремоту и сон
Землю грешную. Пусть отдохнёт
Под мелодию вечных времён…
Светлана Селиванова

Глава 1

Воришки. Побег из детдома. 1954 год

Лёха торопливо спрятал закоченевшие руки в карманы телогрейки — старой, с клочьями грязной ваты, торчавшими из дыр, — и, постукивая для сугрева один о другой огромными валенками, подшитыми резиной, мотнул головой в сторону столовой:

— Глянь! Вон Яшкин «Студер». Говорил же, сёдни в район рванёт. За товарами в магазин.

Мишка, в таком же рваном ватнике и в картузе со сломанным козырьком, натянутом на уши, недоверчиво посмотрел на приятеля.

— Яшка за копейку удавится! Ни в жисть не повезёт задаром! Ещё и легавым сдаст…

Лёха шмыгнул носом и надвинул ниже солдатскую шапку с давно оторванным в драке ухом. Оба пацана выглядели лет на десять, хотя и тому, и другому недавно исполнилось тринадцать. Худые, кожа да кости, с бледными до синевы лицами, они напоминали шелудивых щенков с помойки. Ещё три недели назад они числились воспитанниками детдома, где их били за малейшую провинность, а за крупную запирали в карцер с ледяным полом и мокрыми стенами, покрытыми жирной плесенью. Но и это можно было бы вытерпеть ради крыши над головой и скудной казённой кормёжки. Особенно посреди зимы, когда детдомовский народ оставлял мечты о свободе до весны. Куда бежать в лютую стужу, если кругом на сотни километров стылая тайга и снега, в которых тонешь с головой?

Но Лёха с Мишкой сбежали, не успев прихватить котомку с сухарями, которую стянули из чулана директорского дома. Из-за этой котомки и разгорелся весь сыр-бор. Сначала ребята получили по паре подзатыльников от кухарки директора, затем за них взялся детдомовский физрук. Иван Дмитриевич потерял на войне правую руку, но одной левой отходил мальчишек ивовым прутом по тощим спинам так, что кожа лопнула и в штанах стало мокро. Только Лёха и Мишка и после расправы не признались в воровстве, потому что хорошо представляли последствия: колония для малолетних, или «малолетка», как называли её ребята постарше.

Котомку они спрятали надёжно, поэтому решили держаться до последнего, хотя о жестоких нравах «малолетки» знали пока понаслышке. Воспитатели частенько грозились отправить отъявленных нарушителей режима в колонию, а старшие ребята рассказывали после отбоя всякие страсти, в том числе — как опускают новичков на зоне и какие мерзости заставляют выполнять тех, кто не умеет постоять за себя.

Словом, Лёха и Мишка упорно не признавали вину, но директор детдома Семён Фокич Тяпкун, бывший сотрудник нквд, как он любил говорить — «чекист старой закалки», решил во что бы то ни стало вывести воришек на чистую воду. Но пацаны молчали, как партизаны, и только шмыгали носами, размазывая сопли и слёзы по чумазым лицам. Тогда с них стянули портки и выставили голышом на веранде детдома. Лёха и Мишка, очумев от холода и позора, переминались с ноги на ногу, ладонями прикрывали стыдные места. Руки им не связали, а ведь и такое бывало, зато повесили на шеи картонки с надписями чернильным карандашом: «Вор и предатель Родины!»

При чём тут Родина, никто особо не задумывался. Зато весь детдом сбежался поглазеть на синих от холода воришек. В том числе и девчонки. Они покатывались со смеху, что было вдвойне обидно, потому как детдомовские девчонки недалеко ушли от мальчишек. Так же хрипло ругались матом, втайне от воспитателей покуривали за конюшней, где стояла единственная на детдом лошадь — кривая на один глаз доходяга — кобыла Кашка. А ещё

дрались не на жизнь, а на смерть между собой. А случалось—и с пацанами, причём те не всегда выходили победителями. Но даже в этой стае, где правили острые зубы и крепкий кулак, встречались свои симпатии и что-то похожее на любовь.

Кира Правоторова была из тех девчонок, которые вроде ничем не пытаются выделиться, а замечаешь издалека. Невысокого роста, худенькая, почти прозрачная, с тихим голосом, такой на раздва очутиться в самом низу иерархии волчат, но, как ни странно, этого не произошло. Девчонки слушались её беспрекословно, хотя в драках Кира не участвовала и никогда не ругалась матом. Её единственную называли по имени и не остригли наголо.

Остальные же воспитанники привычно откликались на «дармоедов» и «поганцев», а также на клички—обидные и не всегда приличные, на которые не скупились ни сам директор, ни воспитатели.

Как-то в начале лета Мишка видел, как Кира, встав на цыпочки, обнимала через забор высокого, заросшего седой щетиной мужика в фуфайке и кепке со сломанным козырьком и что-то быстро-быстро говорила ему. Мужик достал из котомки небольшой свёрток и всё совал и совал его девочке в руки, а она свёрток отталкивала и опять что-то говорила—на этот раз сердито. Заметив, что Мишка наблюдает за ними, Кира соскочила с забора, махнула старику рукой: «Иди!»—и тот, сгорбившись, поплёлся, шаркая ногами, по тропинке к лесу.

— Твой дед, что ли?—спросил Мишка.

Кира окинула его презрительным взглядом:

— Тебе какое дело? Иди куда шёл!—и побежала к девчонкам, которые затеяли лапту на спортивной площадке.

Мишка и пошёл своей дорогой—вскапывать вместе с другими пацанами детдомовский огород.

Так вот Кира единственная не пришла полюбоваться на то позорище. Её появление на террасе Мишка просто не пережил бы. Он и так уже собирался порезать себе вены куском стекла. И место на запястьях отметил, где полоснёт острым, как бритва, осколком по тонким синим ниточкам. Но представил, как потечёт по ладоням тёплая липкая кровь, и задохнулся от тошноты, подступившей к горлу. Поэтому мысли о самоубийстве отошли на второй план. И всё-таки стыд, который он переживал, стоя без штанов перед девчонками, не шёл ни в какое сравнение с тем наказанием, что придумал им директор. Семён Фокич был неистощим в своих желаниях вывести детский дом в образцовые и получить за то награду—переходящее Красное знамя районо. А бездельники и воришки вроде Мишки и Лёхи портили все показатели, не поддавались перевоспитанию, учились из рук вон плохо, да ещё старались стянуть всё, что плохо лежит.

Котомка с сухарями сама по себе была не столь великой потерей. За счёт тёплой дружбы с бухгалтером Марьей Сергеевной и её мужем—завхозом детдома—Тяпкун жил припеваючи и даже начал строить дом на усадьбе матери, хотя и проживал в казённой квартире, в так называемом «офицерском доме». Шестиквартирный барак построили ещё до войны, когда вблизи посёлка возвели лагпункт, сгоревший во время восстания заключённых в пятьдесят втором году.

Отстраивать заново лагерь не стали—возможно, потому, что со смертью Сталина пришли другие времена. Зэка́, оставшихся в живых после подавления восстания, раскидали по другим лагерям, офицеров—кого осудили за халатность и промахи, кого просто выгнали в шею из органов, начальника расстреляли, как и зачинщиков восстания, а конвоиров растерзали ещё заключённые. Тяпкуна, начальника политчасти, тоже уволили и даже вроде исключили из партии. Но странным образом он вскоре возник из пепла в должности директора Синегорского детского дома, расположенного за триста километров от краевого центра и в доброй полусотне от районного. Что и определило ту методику образовательного и воспитательного процесса, которой Семён Фокич владел в совершенстве.

Наказание, что придумал директор не только воришкам, но и для острастки другим воспитанникам, было крайне постыдным и унизительным. На вечерней линейке-поверке Тяпкун зачитал приказ о том, что воспитанники Легостаев и Пинчук отныне переводятся в женское отделение. А это означало, что ночевать они будут в девчоночьей спальне, и в баню ходить, и на занятия в школе, и за обеденным столом сидеть вместе с девчонками. Чуть раньше, на педсовете, Семён Фокич, вдобавок ко всему, предложил переодеть пацанов в девчоночьи платьишки, но тут неожиданно получил отпор от учительницы русского языка и литературы Дарьи Макаровны—старой большевички, сосланной в Сибирь ещё при царизме.

Впрочем, она только произнесла брезгливо:

— Фу, как гадко!

И Тяпкун неожиданно отказался от этой затеи, хотя никому в коллективе не прощал неповиновения.

Приказ выслушали при гробовом молчании. Не только взрослые, но и дети понимали, что наказание несоразмерно преступлению, совершённому их товарищами. Поэтому даже известный трус и ябеда Ганька Абросимов не сразу побежал докладывать директору, что Лёха и Мишка дали дёру из детдома. А помогла им Кира. После отбоя она подкралась к Мишкиной кровати и торопливо прошептала:

— За конюшней третья доска в заборе…

И быстро вернулась на своё место, пока её не застукала ночная нянечка.

Сдвинув головы, мальчишки посовещались и под утро прошмыгнули мимо уснувшей нянечки, выбрались на улицу и, пригнувшись, рванули к конюшне.

Кира не обманула. Доска болталась на одном гвозде. Мишка и Лёха отвели её в сторону и один за другим пролезли сквозь дыру в заборе. Вернули доску на место, и вот она — свобода! И пахла она морозом, свежим бельём и печным дымком.

Со всех ног они бросились к лесу. Шустрая метель быстро замела следы. Мальчишки долго плутали по тайге, но потом вышли на какую-то дорогу и по ней едва дотащились к вечеру до лесопункта, что находился в пятнадцати километрах от Синегорска. Закоченев от холода, они постучались в ворота крайней избы посёлка, абсолютно не представляя, что их ждёт впереди. Но одно знали точно: если их даже порежут на куски и скормят голодным псам, в детский дом они никогда не вернутся.

Но им повезло. В избушке жил бобылём Трофимыч — старый и нелюдимый. Отворив калитку в воротах и смерив суровым взглядом из-под мохнатых седых бровей двух заиндевевших пацанов, старик буркнул:

— В избу проходите!

Повернувшись к ним широкой спиной, направился через двор, засыпанный соломенной трухой и катышками конского навоза, мимо длинных поленниц дров и горы сучковатых чурок, к крыльцу — новенькому, в отличие от избы с её просевшей крышей и гнилыми оконными наличниками. Мишка и Лёха, подскакивая от холода, как воробьи, двинулись следом.

Глава 2

Земляк из Ленинграда. Сало и щи.
Арифметика лесоповала

В избе было тепло. Возле пузатой печки на железном листе громоздились берёзовые поленья, из чугунка на плите торчала деревянная поварёшка. А ещё по кухне витал запах наваристых щей с мясом, отчего у мальчишек и вовсе захватило дух, а рты наполнились слюной.

— Вши есть? — буркнул старик.

— Н-нет! — с трудом выдавил из себя Мишка.

— Тогда скидывайте фуфайки и — к столу!

Старик склонился к печной дверце и затолкал в неё пару поленьев.

Мальчишки, не дожидаясь второго приглашения, торопливо сняли фуфайки, кинули в угол, постеснявшись определить на вешалку рядом с хозяйским полушубком.

Усевшись на лавку, бросили быстрые взгляды по сторонам. Старая керосиновая лампа коптила. Крохотного язычка пламени не хватало, чтобы осветить всю избу. Причудливые тени метались по стенам, копились в углах. Хозяин — огромного роста, жилистый, с чёрными, навек просмолёнными руками лесоруба, — передвигался по единственной комнатёнке, наклонив голову и ссутулив плечи. Из мебели у него были лишь топчан, стол и лавка вдоль стены. Да в углу у порога стояла высокая кадка с водой, рядом — ушат с грязной водой, а над ним, на стене, — рукомойник, под которым мальчишки торопливо ополоснули руки.

— Беглые, что ли? — старик пододвинул к ним глиняную миску, полную щей, бросил две деревянные ложки; прижав к груди буханку, нарезал хлеб толстыми ломтями.

— Не-а! — мотнул головой Лёха, не сводя глаз с миски. — Заблудились мы!

— Заблудились? — хмыкнул старик. — В такой одежонке тока в тайге плутать! — и приказал: — Ешьте ужо, бедолаги!

Мальчишки схватили ложки, и миска вмиг опустела. Только есть захотелось ещё сильнее.

Они молча глянули на старика — виновато и просительно, словно котята, потерявшие мамку. Дед понял. Крякнул, но снова наполнил миску щами, а затем, подумав, вышел в сени и вернулся с добрым шматом сала, завёрнутым в тряпочку. Не проронив ни слова, отрезал по ломтю и припечатал ими куски хлеба.

— Оголодали совсем, пацаны?

Уписывая хлеб с салом, мальчишки дружно кивнули головами.

— Из детдома утекли? — старик вздохнул и, заметив, что его нежданные гости испуганно переглянулись, добродушно усмехнулся. — Не бойтесь, не сдам! Тока приютить не могу! В лесопункте каждый человек на виду, сразу участковому доложат, что у Трофимыча неизвестные пацаны объявились. А тот живо вас в детдом оттартает!

Мальчишки снова переглянулись.

— Мы уйдём, дедушка, — тихо сказал Лёха. — Вот только обогреемся чуток!

— Спасибо, что накормили, — подал голос Мишка. — Давайте мы вам за то воды наносим или дров наколем!

— Сидите уже! — махнул рукой Трофимыч. — Кто же ночью дрова колет? — и сверкнул глазами из-под мохнатых бровей. — Переночуете у меня! Вон на печке места хватит!

Мальчишки встрепенулись и повеселели.

— Спасибо, — Мишка тоже вспомнил забытое слово. — Только не говорите участковому…

— Ох, вижу, шибко вам неохота вертаться в детдом?

— Шибко! — вздохнули беглецы. — Теперь непременно на «малолетку» отправят.

— Так вы натворили, выходит, бед и смылись? — нахмурился дед и поднялся из-за стола.

Мальчишки вскочили следом и торопливо, перебивая друг друга, поведали свою историю.

— Ей-богу, не врём! — неловко перекрестился Мишка.

Надо же, семь лет прошло после смерти бабушки, а он вспомнил, как она крестилась перед иконой, которую привезла с собой в эвакуацию.

— Не кощунствуй! — буркнул старик. — Нехристь небось? Пионер?

— Я — крещёный! — Мишка вздёрнул подбородок. — Меня в церкви Смоленской иконы Божьей Матери крестили, в Ленинграде. Бабушка велела только никому не рассказывать. А в пионеры нас с Мишкой не приняли, потому что плохо учились.

— Так ты питерский, получается? — дед взглянул на него с интересом. — Земляк, значитца! А я на Путиловском заводе когда-то служил, да в тридцать втором контрреволюцию пришили и в Сибирь сослали! Тогда завод «Красным путиловцем» назывался, и выпускали мы первый советский трактор «Фордзон».

Трофимыч улыбнулся и развёл руками.

— Виданное ли дело — земляка встретил! А земляков надобно выручать! — и посмотрел на Лёху. — А ты, малец, тоже из эвакуированных?

— Не, мы из спецпоселенцев, — шмыгнул носом Лёха. — Аж с самой Украины нас сюда пригнали, жили в трудпоселении Новошадрино. Недалеко отсюдова. Папка с дедом во время войны за дровами в тайгу поехали и на дезертиров напоролись. Те и порешили весь обоз. Мамка после с горя в речке утопилась. Вот нас с сёстрами по разным детдомам и разбросали. Я маленький совсем был. Четыре года, кажись.

— А меня в год бабушка в Сибирь привезла, так что ни папку, ни мамку не помню, — вздохнул Мишка. — Потерялись они на фронте. Без вести!

— Эх вы, птахи бесприютные, — Трофимыч неожиданно обнял их за плечи, притянул к себе. — Оставил бы я вас при себе, всё веселее было бы остаток дней доживать… Но не дадут ведь! Да ещё пособничество пришьют.

— Мы понимаем! — шмыгнул носом Мишка. — Завтра уйдём!

— Да куда тут уйдёшь? — вздохнул дед. — Многие пытались… Енисейский тракт на костях каторжных лежит. И вдоль него — тьма тьмущая безвестных могилок! А по берегам скока их, бедолаг, полегло. Сам видывал: идёт по Енисею баржа — до отказа набита спецпоселенцами. Остановится возле пустого берега — одна тайга кругом да зверьё дикое, высадят десяток-другой семей — как хочешь, так и устраивайся. Если Господь не оставит, то как-нибудь и выживешь, а ежели помрёшь, то не сразу. Ни хлеба тебе, ни варева, ни крыши над головой. Народ поначалу в шалашах мыкался, а к зиме землянки рыть стали, чисто кроты, в норы закапывались. Мёрли, как мухи, от холода-голода, от цинги. Зато леспромхозы вокруг росли, как грибы… Научились у местных вялить на зиму рыбу, а потом на рыбу меняли кое-что из одежонки. Картошки почти ни у кого не было. Попробуй отвоюй у тайги хоть сотку земли — кровавым пóтом изойдёшь! С одним только кедровым пнём, чтобы его выкорчевать, пять-шесть крепких мужиков мучились по нескольку дней.

Трофимыч поднялся с лавки и снял с плиты глиняную кринку, поставил на стол, сдёрнул прикрывавшую её тряпочку:

— Вот, молоко в печи топлёное. Сам редко потребляю, а тут точно почуял, что гости нагрянут.

Мальчишки принялись за молоко, а дед скрутил цигарку из газеты, закурил. Обвёл их задумчивым взглядом.

— Эх, ребятня, ваше горе — полгоря, а что люди в здешних местах испытали, за что мёрли, как мухи, вам и неведомо. Я до поселения в Юрзинском лагпункте десять лет день в день отпахал, и всё на лесозаготовках. Вон пальцы скрючило, будто топор до сих пор не выпускаю. Бывалоча, на улице морозяка под пятьдесят градусов, по стылому дереву топором вдаришь, а он вдребезги разлетается. Металл холода не выдерживал, а тут люди… Э-эх, край белых ночей да чёрных дней! И жизни здесь край: кто попал сюда, обратно вертается редко!

Дед помолчал, втянул в себя табачный дым, сильно закашлялся, а потом перекрестился на тёмный угол и окинул притихших пацанов мрачным взглядом.

— Пытался кое-кто бежать, но кругом — тайга да болота, жрали они людишек, точно звери. Мало кого из когтей выпускали…

— Дедушка, страшное рассказываете, не боитесь? — Лёха опасливо покосился на окна. — Запросто могут настучать…

— Вы, што ль, настучите? Так я своё отбоялся, — усмехнулся Трофимыч. — Да и недолго мне осталось. Чахотка поедом ест. Доживу ли до лета — неведомо! А в лагпункте держался изо всех сил. Думал, лишь бы домой вернуться, к детишкам своим, к семье. Тока не дождались они. В блокаду сгинули. И матушка моя, и детки, и жена Вера Матвеевна. Здеся таперича мой дом. Здеся и на кладбище снесут.

Дед крякнул и отвернулся. Мальчишки молча наблюдали за ним, не решаясь заговорить. Не глядя на них, дед снова достал клочок газеты, негнущимися пальцами долго сворачивал самокрутку, просыпая табак, и что-то сердито ворчал в седые усы. Затем заговорил снова:

— Валка деревьев — тока вручную. По пояс в снегу тонули, лес валили двуручными пилами — попробуй их потягать весь световой день! Рубили сучья, стволы пилили на брёвна трёхсаженные, а затем сортировали: комель, другач и третьяк — отдельно. Лошади, бывало, околевали от бескормицы и морозов, а люди держались!

Лёху и Мишку разморило в тепле, веки слипались, и так хотелось растянуться прямо на лавке,

подложить под голову кулак и забыться впервые за многие годы в спокойном, безмятежном сне. Но дед, уставившись в одну точку, продолжал рассказывать, словно напрочь забыл об их существовании.
— Самое трудное — лес вывозить. Кубометр мёрзлой сосны без малого тонну весит. Так вот, каждое бревно комлем — самой толстой его частью — надобно чокером зацепить, на сани уложить, а тонкий конец, хлыст по-нашему, уже волоком по снегу, по пням да колдобинам. После придумали подсанки под него подводить. Дело быстрее пошло. Во время войны лесовозные дороги водой стали заливать. Тока сани мотались шибко в разные стороны, лошади уставали. Тогда в чью-то умную голову мысля удачная пришла — колеи во льду делать. А в сорок шестом узкоколейку проложили, и вовсе жизнь покатилась весёлая. Сейчас на лесосеке чё не работать? Лесовозы, трактора трелёвочные, лебёдки, лес бензопилами валят. В нашем лесопункте узкоколейки аж две — выше Шерчанки да на Восьмом плотбище. На поезде и смену на деляны доставят, и назад отвезут, а раньше прям на лесосеке жили. Три барака, сушилка — робу и валенки просушить — да конный двор. Зимой лапник водой обливали — конюшню из него строили. Посреди барака — печка чугунная, а по стенам топчаны в два яруса — места спальные за занавесками. Кроме раскулаченных, работали с нами большие мастера по сплаву. С Вятки их пригнали. Медпункта, как сейчас, не было. От цинги спасались ягодами, грибами да отваром хвойным. Кедровые орехи мешками заготавливали. А по весне тока черемша, колбá по-местному, в тайге поднимется — и стар, и млад как на покос выходили. Не зря говорили: «Дожили до колбы́ — пережили год войны!» Оттого, наверно, победным луком и назвали. Мы её на зиму и сушили, и солили, а скока на фронт отправили, в госпиталя… Наша колбá и раненого, и доходягу — любого на ноги мигом ставит…

Тут Лёха, который, облокотившись на стол, поддерживал отяжелевшую голову ладонью, видно, задремал. Рука подломилась, и он с маху ударился лбом о столешницу.

Трофимыч вздрогнул и, возвращаясь в реальность, недоуменно уставился на непрошеных гостей. Лёха, потирая лоб, смутился:
— Простите, деда! Я не спал!

Хозяин покачал головой, буркнул сердито в бороду:
— Старый болван! Замучил совсем пацанов! — и скомандовал: — Давайте на печь! Утро вечера мудренее!

Задёрнул за ними выцветшую ситцевую занавеску, прикрывавшую лежанку, и пояснил:
— Не дай Бог, кто утром забежит, заметит!

Повозившись под старым лоскутным одеялом, беглецы притихли.

Дед задул лампу и пробурчал из своего угла:
— Завтра отвезу вас на лошади в Дивный. Там посёлок большой, не скоро заметят. Оттуда машины в край идут. Авось кто из шофёров и подбросит в город по доброте душевной. А на постой определю к тётке Тараканихе. Она в столовой посудомойкой работает. Так что с голоду не помрёте. А взамен по хозяйству поможете. Одинокая она. Сына на лесосеке деревом убило…

Разомлевшие на тёплой лежанке мальчишки промычали в ответ что-то нечленораздельное и тут же засопели носами. Трофимыч усмехнулся и снова свернул из газеты самокрутку — ловко даже в темноте. По избе поплыл запах крепчайшего табака. Мальчишки на печке чихнули, но не проснулись.

Некоторое время красный огонёк словно плавал в воздухе, но вскоре погас. Заскрипел топчан, дед что-то пробормотал, и вскоре в избе воцарилась тишина, изредка прерываемая сонными детскими вскриками и стариковским глухим кашлем…

Глава 3

*«Студер», водитель Яшка
и капитан госбезопасности Барай*

До Дивного — крупного посёлка с судоверфью, на которой строили баржи для Северного морского пути, — добрались без происшествий. Трофимыч набросал в сани соломы, а сверху накинул на мальчишек огромный тулуп, как и сам дед, насквозь провонявший табачным дымом. Мальчишки пригрелись и проспали всю дорогу. Проснулись они от пронзительного женского голоса:
— Ну, удружил, старый! И что прикажешь делать с этой бедой?

Чья-то рука стянула с них тулуп, и они зажмурились от яркого солнца. Когда же открыли глаза, то увидели, что сверху вниз на них смотрит высокая худая женщина с измученным морщинистым лицом. Лёха и Мишка сжались в комок. Но женщина улыбнулась, и они поняли: прогонять их никто не собирается.
— Ишь, заморыши! — вздохнула женщина. — Какие из них помощники?
— Откормишь — за первый сорт сойдут, — добродушно пробасил дед и упал в сани.

Уже отъезжая, погрозил кнутом:
— Будете озоровать — непременно в милицию сдам!
— Да ладно тебе, старый! — отмахнулась от него женщина и обняла мальчишек за плечи. — Айда в дом! Отогреетесь, а я пока картошки сварю.

Женщина велела называть себя Евдокией Марковной. Она от души накормила их картошкой с квашеной капустой, щедро политой подсолнечным маслом. А к вечеру протопила баню, настряпала оладий. Втроём они долго гоняли чаи, уплетая

толстые оладьи со сметаной, и к ночи беглецы совсем разомлели от чистоты, тепла и обильной еды.

Евдокия Марковна оказалась словоохотливой и невредной женщиной. Спать уложила их на печке, а утром, отправляясь на работу, велела за ворота не высовываться, но если кто-то из соседей заметит да начнёт расспрашивать, кто такие и откуда, надобно ответить, что они её племянники и приехали помочь по хозяйству. Мол, тётушка одинокая и больная, одна не справляется.

Спозаранку она убежала на работу, но мальчишки не бездельничали, добросовестно отработали свой хлеб. Очистили двор от снега, натаскали в сени дров про запас, накормили поросёнка, десяток кур, бросили сена старой козе с кривыми жёлтыми рогами, протопили печь и даже помыли полы в избе. А затем отправились на разведку.

Дивный стоял на горе, и улица, где жила Евдокия Марковна, располагалась выше всех. Дальше—только тайга и скалы, заваленные снегом. По узкому переулку они спустились до главной улицы посёлка—имени Героя Советского Союза Молокова, полярного лётчика, спасавшего челюскинцев вместе с Водопьяновым, Ляпидевским и Каманиным. Эти фамилии все советские мальчишки знали назубок, но первым в ряду мужественных лётчиков стоял, конечно, Валерий Чкалов.

В самом центре посёлка находились столовая, двухэтажный клуб и контора судоверфи. Напротив конторы, на горке, виднелись два бревенчатых корпуса училища ФЗО, чуть дальше—приземистый, обшитый досками барак, в котором располагалась геологическая партия, а за ним—длинное, в десяток окон, здание школы-семилетки.

Только возле конторы, школы и училища деревянные тротуары были расчищены от снега. Народ большей частью передвигался среди сугробов по узким тропинкам да по дороге, наезженной до блеска. Мальчишки добрались до столовой, прицепившись к хлыстам «макаронника»—длинным горбылям, которые перевозил на санях узкоглазый возчик. Заметив пассажиров, он погрозил им кнутом:

— Пошла вон, разбойника! Шибка-шибка зопа бить!

Но они уже спрыгнули с саней возле столовой и огляделись по сторонам.

Похоже, это было самое оживлённое место в посёлке. Подле нескольких трёхтонок (их называли «Захарами Ивановичами», или попросту—«Захарами») , чьи моторы заботливо укрывали ватные попоны, толпились шофёры в промасленных телогрейках, коротких полушубках и валенках. Сбив на затылок ушанки или каракулевые кубанки, они курили ядрёные папиросы «Север» и «Прибой», весело переговаривались и сплёвывали жёлтую слюну на грязный снег. Тут же крутились два фэзэушника в чёрных шинелях и выпрашивали окурки. Возле крыльца столовой на чурбаке устроился одноногий инвалид на деревянном протезе и, растягивая меха гармошки, тоскливо выводил, устремив взгляд в серое, затянутое низкими тучами небо:

Перебиты, поломаны крылья,
Тихой болью мне душу свело,
Кокаином отравленной пылью
Все дороги мои замело.
Я иду и бреду, спотыкаясь,
И не знаю, куда я иду.
Ах, зачем моя участь такая?
Кто накликал мне злую судьбу?

Лёха и Мишка прошлись по улице между клубом и конторой, перебежали дорогу перед трактором КТ-12, пыхтевшим на склоне и от натуги стрелявшим очередями белого пара от газогенератора. «Котик», как ласково называли его лесорубы, тащил на горбу в сторону пилорамы пучок толстых неошкуренных стволов.

Оказавшись на противоположной стороне улицы, мальчишки потоптались возле здания с красной вывеской «Геологическая партия №17», в мелкие буквы, что виднелись выше и ниже, вглядываться не стали и, не сговариваясь, повернули обратно. Мимо училища ФЗО они пройти не насмелились. Трудовые резервы в ушанках с кокардами и в чёрных шинелях, перетянутых ремнями с латунными пряжками, сновали по просторному двору, толкались, орали, пока на крыльцо не выкатился мужчина—коротконогий крепыш в дублёном полушубке—и не рявкнул:

— Становись!

Буйная ватага фэзэушников мигом присмирела и выстроилась в длинную шеренгу. Шинели, ремни, кокарды и эта покорная шеренга очень живо напомнили Мишке и Лёхе детдом. Мужчины-воспитатели и сам Тяпкун продолжали носить армейские шинели, правда, со споротыми лычками и погонами. И так же рявкали: «Становись!»—загоняя детдомовцев на утренние и вечерние поверки.

Поэтому, что было дальше, мальчишки не увидели. Чуть ли ни бегом они направились к столовой. Но не тут-то было! Дойти до неё они не успели, хотя оставалось шагов двести, не больше. Дорогу им преградил один из тех фэзэушников, что стреляли окурки у шофёров.

Был он на добрую голову выше Лёхи и Мишки и в плечах шире, а уж кулаки, торчавшие из коротких рукавов шинели, не шли ни в какое сравнение с кулаками пацанов, даже вместе взятыми. Вдобавок щёку верзилы пересекал свежий багровый шрам. Мальчишки намётанным глазом мигом определили: по щеке полоснули ножом. По всему выходило: перед ними стоял закалённый в битвах боец. А у таких пощады просить бесполезно. Здесь только драться—до крови и даже до смерти. У Лёхи

тоже имелся шрам над бровью, похожий чем-то на маленький лист папоротника, но получил он его отнюдь не в сражениях. Петух напал на него в малом возрасте и едва не выбил глаза. Петуха батя пустил в расход, но шрам остался навечно.

Мальчишки затравленно оглянулись. Слева — сугроб, и справа — сугроб, а через дорогу — столовка, где курят, гогочут и весело матерятся водители «Захаров».

— Кто такие? — спросил верзила. — Чёй-то не встречал вас раньше.

Мальчишки промолчали, понимая, что драться придётся по-любому.

Но верзила вытащил из-за пазухи мятую пачку «Беломорканала», полную окурков, и неожиданно предложил:

— Курнуть не желаете?

Прозвучало это вполне миролюбиво, а маленькие глазки из-под низкого лба смотрели добродушно. И пацаны поняли: бить не будут. Но всё-таки отступили на шаг.

— Не-а, — сказал Лёха, — не курим. Тётка поддаст, если запах учует!

— Ну, как хотите, — не огорчился фэзэушник. — Мне больше достанется!

Он сунул пачку в карман шинели и, протянув поочерёдно Лёхе и Мишке красную от мороза руку, важно представился: — Васильев Николай. Вон там, — кивнул он на ФЗУ, — маюсь!

Мальчишки пробормотали свои имена. Уже смеркалось, и надо было срочно бежать до дома Евдокии Марковны, чтобы вернуться до её прихода. Ведь тётка строго-настрого приказала им не покидать двор, а они ослушались в первый же день. Но новый знакомец заступил тропинку, а попросить его посторониться они не решались: вдруг сочтёт за оскорбление и полезет в драку?

— А кто тётка ваша? — продолжал допытываться Колька. — Где живёт?

Вопросы пацанам не понравились, но отвечать не пришлось. Мимо них проехал грузовик, грохоча пустыми бочками в кузове. И новый знакомый, развернувшись корпусом к дороге, сверкнул глазами и восторженно выдохнул:

— Яшка проехал! На «Студере»! — и махнул рукой: — Айда, парни! «Студер», скажу вам, это вещь!

И чуть ли не бегом припустил к столовой. Лёха и Мишка переглянулись и, недолго думая, направились следом. О «Студебекерах» — американских грузовиках, полученных СССР по ленд-лизу, — они слышали, но вот так, вживую, видеть не приходилось. «Студер» и внешне отличался от «Захара»: выглядел мощнее — с большой кабиной, металлическими бортами, наращёнными деревянными решётками, и двумя скобами для облегчения посадки и высадки людей. Передние крылья у него были высокими и прямоугольными. При необходимости на каждом из них вполне могли уместиться по два человека. Фары тоже располагались высоко, над крыльями, и были защищены решётками. Конечно же, в военное время от пуль они не спасали, но при езде по бездорожью защищали от камней и веток, которые могли прилететь из-под колёс шедшей впереди машины.

Кроме того, у «американца» имелся брезентовый тент, и по ходу Колька объяснил, что на «Студере» можно добраться до района и стоит это удовольствие десять рублей. Но ездит на нём в основном начальство, а простой люд прёт пешком на левый берег, а дальше уж как придётся… Или за пятёрку на попутных «Захарах», или за трёшку на лошадях. Но только зимой, когда имеется ледовая переправа. А как вскроется Енисей, то перебраться через него можно только на лодках…

Но мальчишки и без Кольки знали, что в Дивном долго не задержатся. Очистится река ото льда — и отсюда им уже не смыться. Расстояния и морозы, конечно, пугали, но они понимали, что оставаться надолго в посёлке гораздо опаснее. Тяпкун наверняка уже оповестил милицию об их побеге.

— «Студер» на керосине или солярке не работает, тока на чистом бензине. Это тебе не полуторка, — важно сообщил Колька, притормозив напротив столовой рядом с грузовиком. — Яшка внутри кабины всё бархатной тряпкой протирает, чтоб сверкало. Говорит, осерчает машина на грязь и не заведётся…

Мальчишки приподнялись на цыпочках и заглянули в кабину. В глаза бросилось большой рулевое колесо с четырьмя спицами, отделанное пластмассой. На кнопке клаксона красовалась надпись «Studebaker».

Водитель, который уже открыл дверцу, чтобы выйти, заметил пацанов и нахмурился:

— Шо трётесь, шпана? Сопрёте шо — башку оторву и скажу, шо так и было!

Колька льстиво улыбнулся:

— Та мы ничего! Мы тока посмотреть!

Лёха с Мишкой предусмотрительно отступили за Колькину спину и продолжали с интересом разглядывать чудо иноземного автомобилестроения, на котором даже ватная попона, укрывавшая мотор от холода и не замызганная, как у ЗИС-ов, была сшита из толстого, подбитого ватой блестящего материала и простёгана суровой ниткой. Яшка и впрямь холил и берёг свою машину, неведомо какими путями попавшую в глухой сибирский посёлок.

На «Студебекере» ещё сохранились американские номера А483726, выведенные белой краской на бампере. И были они как послание из другого пространства — незнакомого и чужого.

Мишка перевёл дыхание. Сердце колотилось быстро-быстро. Нет, не от бега или от страха, а от внезапного осознания того, что мир вокруг

огромен и чудесен и только на время ограничен стылой тайгой, холодными скалами и застывшей под обрывом рекой. Но придёт время, этот мир откроется и для него — светлый, тёплый и гостеприимный. Именно в тот момент Мишка отчётливо понял, что никогда не вернётся в детдом, а этот грузовик, разбитый на фронтовых дорогах, с облупленной кабиной, вдруг стал для него олицетворением свободы, другой, совсем незнакомой жизни, где он никогда не испытает горя и унижений. Той самой жизни, в которой он обязательно встретится с Кирой…

Водитель открыл дверцу и спрыгнул на снег. Колька вытянулся стрункой и заискивающе улыбнулся:

— Яков Иванович, наше вам…

— Глянь пока! — кивнул снисходительно Яшка. — Залезешь в кабину — ухи оторву!

Шофёр «Студебекера», смуглый жилистый крепыш, сильно отличался от чумазых водителей «Захаров». Носил он круглую шапку-«финку», нерпичью куртку на меху, чистые ватные штаны, заправленные в белые фетровые бурки. Ох уж эти бурки! Кто их помнит сейчас? Шикарные сапоги из белого войлока. Края голенищ обшиты кожаной лентой, головки и пятки тоже кожаные. Откуда взялось название «бурки» — непонятно. Возможно, с Кавказа, где на плечах носили бурку, тоже из войлока. Помните Чапаева? Киношного, конечно! Именно в такой бурке он вёл в атаку своих конников… Бурки, как тогда казалось, были у каждого начальника, выше и ниже рангом, если судить по газетным снимках, даже у нового генсека КПСС Хрущёва, занявшего место Сталина.

Видно, этот наряд позволял Яшке чувствовать себя на высоте. Да и машина у него была особенная — «мериканская», не чета ободранным работягам ЗИС. Он и к шоферам подошёл странной, чуть вихляющей походкой и, блеснув золотым зубом, раскрыл коробку «Казбека». К ней тотчас потянулись пальцы — чёрные, с обломанными ногтями, и коробка почти опустела.

— Во! — прошептал восторженно Колька. — «Казбеком» угощает! — и удручённо добавил: — Тока окурки мужики с собой уносят. Не поживиться!

Яшка картинным жестом резко поднёс и отбросил два пальца от виска и направился к столовой. Инвалид, завидев его, расплылся в радостной улыбке.

— А ну, Гришаня, давай мою! — Яшка достал из коробки ещё одну «казбечину», припасённую явно для такого случая, и подал инвалиду.

Тот привычно пристроил папиросу за ухо, растянул меха трёхрядки и, притопывая в такт здоровой ногой в растоптанном валенке, выдал весело, разухабисто, так, что вздрогнул морозный воздух:

Как на Дерибасовской — угол Ришельевской
В десять часов вечера разнеслася весть,
Как у нашей бабушки, бабушки-старушки
Шестеро налётчиков отобрали честь.
Гоп-цоп-перверцоп! Бабушка здорова!
Гоп-цоп-перверцоп! Кушает компот.
Гоп-цоп-перверцоп! И мечтает снова —
Эх! Гоп-цоп-перверцоп! — пережить налёт…

Яшка с довольным видом присвистнул и, сбив «финку» на затылок, прошёлся этаким кандибобером перед инвалидом, выделывая ногами затейливые коленца. Водители загоготали, а Яшка вытер шапкой разгорячённое лицо и похлопал гармониста по плечу:

— Эх, Гришаня, растревожил ты мою душу!

— Развлекаемся? — строгий мужской голос вторгся в весёлый галдёж возле столовой.

Водители молниеносно смолкли, расступились и, дружно развернувшись, почти побежали к своим грузовикам. А Яшка остался один на один с высоким мужчиной в светлом полушубке, перетянутом крест-накрест портупеей с кобурой на боку. Незнакомец был в таких же, как у Яшки, фетровых бурках и в серой офицерской фуражке с васильковым околышем. Галифе с кантом — того же весёлого василькового цвета, а на погонах с капитанскими звёздами — синие просветы. И сам он был из себя красавец — розовощёкий, русоволосый, с ярко-голубыми глазами.

— Ой, не надо мене уговаривать, Пал Степаныч, я и так соглашусь! — Яшка согнулся в полупоклоне и развёл руки в стороны.

— Опять кривляешься? — процедил сквозь зубы офицер. Щека его дёрнулась, и он, прищурившись, окинул Яшку сердитым взглядом. — Пошёл вон!

Яшка резко выпрямился, глаза его недобро сверкнули, но произнёс с показушным смирением:

— Вы шо, спешите пообедать скорее, чем я? Так наше вам пожалуйста! Проходите, как герой фронта, вне очереди!

Колька отступил за капот «Студебекера»:

— Линяем!

Мишка и Лёха мигом оказались рядом, кожей почувствовав угрозу. Но любопытство оказалось сильнее страха. Притаившись за машиной, они наблюдали за развитием событий.

Офицер цапнул Яшку за отвороты куртки, притянул к себе и лениво процедил:

— Оборзел, Яков? Или опять паспорт отобрать?

В его словах прозвучала угроза, даже мальчишки это почувствовали. Яшка махом сник, а лицо его приняло угодливое выражение.

— Та я себе знаю, а вы себе думайте шо хотите, гражданин начальник! Я же как весь народ! — и оглянулся по сторонам.

Но водителей вместе с машинами словно ветром сдуло, а редкие прохожие, пряча взгляды, спешно переходили на другую сторону улицы.

— Я те покажу «весь народ»! — посуровел офицер. Губы его сжались в тонкую полоску. — Я покажу, кто тут думает, а кто языком полощет!

И лапнул рукой кобуру.

Яшка насупился и, не поднимая глаз, промямлил:

— Чи повеселиться нельзя? Погуторить с товарищами?

Капитан не ответил и перевёл взгляд на инвалида, который торопливо заталкивал гармонь в грязную торбу. Руки у него дрожали, а глаза затравленно бегали.

— Бандитские песни распеваешь, урка поганый? — процедил сквозь зубы офицер. — А ну вали отсюда! И чтоб духа твоего возле столовой не было! Не посмотрю, что калека!

— Сей момент, сей момент! — засуетился инвалид и, закинув торбу на плечо, засеменил, хромая, в сторону от столовой, с трудом выдирая протез из снега…

Офицер проводил его взглядом и снова уставился на Яшку. По виду они были ровесниками, но водитель «Студера» скукожился, как старая картофелина, и постарел за пару минут.

— Барай это! Вертухай местный, энкавэдэшник, — прошептал Колька. — Тут он главная власть, даже директор судоверфи перед ним на задних лапках ходит. Сматываться надо, пока не прищучил. Он мне раз чуть ухи не открутил за то, что курил рядом с лесопилкой.

Дальнейшее пацанам не нужно было объяснять. Забыв попрощаться с Колькой, они пригнулись, проскочили за машиной мимо столовки, нырнули в переулок и задали стрекача. Бежали до тех пор, пока не перехватило дыхание. Свалившись в сугроб, они судорожно втягивали студёный воздух в распалённые глотки и долго не могли прийти в себя от страха.

Глава 4

Евдокия Марковна, возчик Тянь-фу
и «Театр у микрофона»

Лёхе и Мишке пока удавалось скрывать от Евдокии Марковны, что в нарушение запрета иногда покидали её двор. До центра они добирались на своих двоих, пару раз их подбрасывал до столовой уже знакомый возчик — китаец Тянь-фу, которого все называли Тимошкой. В отличие от поселковой детворы, они не дразнились: «Китаёза-манза, где твоя фанза?» — а однажды помогли Тимошке вытолкать из сугроба застрявшие сани. По этой причине он больше не гонял их, а, завидев на обочине, приветливо махал рукой, здоровался по-китайски: «Тсин цзуо!» — и предлагал: «Садися, капитана!» Мальчишки на ходу заскакивали в сани и устраивались поверх хлыстов «макаронника».

У столовой, как обычно, толпились водители. Калека-гармонист, по обычаю, разводил меха гармошки, но пел теперь или «Тёмную ночь», или «Песню фронтового шофёра»:

Эх, путь-дорожка фронтовая,
Не страшна нам бомбёжка любая.
А помирать нам рановато,
Есть у нас ещё дома дела…

Шофёры изредка угощали его папиросами. Фэзэушники по-прежнему клянчили окурки, но Кольки среди них не было. Лишь однажды мальчишки заметили его в колонне среди чёрных шинелей трудовых резервов. По сторонам он не смотрел и, похоже, их не заметил. Уполномоченный Барай возле столовой появлялся исправно — видно, приходил обедать, но Лёха и Мишка старались на глаза ему не попадаться и, завидев издалека белый полушубок и серую фуражку, удирали без оглядки в ближний переулок.

Яков на своём «Студере» подъезжал редко, чтобы перекусить на скорую руку, но мимо гармониста проходил с мрачным видом и быстро, «Казбеком» не одаривал, хотя инвалид всякий раз приподнимался со своей чурки и заглядывал Яшке в лицо.

Мальчишки успели выяснить, что раз в неделю «Студебекер» отправляли в район за продуктами для магазина и столовой. Иногда Яшка брал пассажиров, но в морозы мало кто рисковал путешествовать в кузове. А в кабине ездили только главврач больницы, начальник геологической партии да иногда уполномоченный КГБ Барай. Директор судоверфи раскатывал на «Победе», директор леспромхоза — на «Бобике», так что в услугах Яшки они не нуждались. Остальное население перемещалось на лошадях.

С горы от дома Евдокии Марковны мальчишки не раз наблюдали, как небольшой обоз из трёх-пяти лошадей двигался вдоль вешек ледовой переправы через Енисей. Возчики утопали в огромных тулупах и мохнатых шапках, а пассажиры кутались в шубы, шали и одеяла так, что виднелись только глаза в обрамлении пушистого инея — куржака. Попасть в сани-розвальни для Мишки и Лёхи было так же неосуществимо, как покинуть посёлок в Яшкином «Студере». Но они прекрасно понимали, что скоро ловушка захлопнется: не за горами весна, река очистится ото льда. И куковать придётся до следующей зимы, если, конечно, директор детдома не выйдет на след раньше…

Енисей возле посёлка разливался километра на два. Широкая белая лента, рябая от снежных застругов, с тёмными пятнами наледей и голубоватыми — ледяных торосов, на горизонте плавно заворачивала вправо, теряясь среди высоких,

поросших тёмным лесом сопок. На противоположном берегу угадывались какие-то строения, по ночам там светились огоньки. Иногда люди пересекали реку пешком или на лыжах, но ветер, гнавший позёмку вдоль реки, чуть ли не сбивал с ног, поэтому желавших перейти Енисей в одиночку находилось немного.

Местная ребятня, расстегнув фуфайки и сбив на затылок ушанки, съезжала на самодельных санках с высокого откоса прямо на лёд, а недалеко от переправы расчистила от снега пятачок и рассекала там на коньках, привязанных к валенкам сыромятными ремнями. Мороз никого не пугал, а побелевшие носы и щёки тут же оттирали снегом.

Лёха и Мишка поглядывали на сверстников с завистью, но подойти не решались. Неизвестно ещё, как встретят чужаков. Мимо дома Евдокии Марковны проходила лыжня, по ней почти ежедневно пробегали школьники во главе с учителем физкультуры. В отличие от детдомовского физрука, местный был высоким, жилистым, и весёлым. «Не отставай! Сопли подбирай! Вперёд, славяне!»— кричал он, не оборачиваясь, и мчался первым, в любую погоду—в выцветшей на плечах армейской гимнастёрке, а за ним стремглав летели на неуклюжих лыжах мальчишки и девчонки в валенках и фуфайках—с раскрасневшимися и счастливыми лицами. На крутом вираже всегда находился тот, кто не вписывался в поворот,—чаще девочки, падал в сугроб, и на него, не понять—нарочно или случайно, валились бежавшие следом…

Сквозь щели в заборе Мишка и Лёха с завистью наблюдали за весёлой вознёй. Учитель и его воспитанники хохотали так, что окрестные ели вздрагивали и роняли снег с мохнатых лап, а мальчишки переглядывались. Их удивляло то, что ученики воспринимали учителя как товарища…

Во время одной из вылазок в центр посёлка Мишка чуть было не столкнулся лоб в лоб с высоким худым стариком с жёлтым измождённым лицом и потухшим взглядом. Тот, в старой фуфайке, засаленных ватных штанах и в огромных, подшитых резиной валенках, вышел из барака, в котором находилась геологическая партия, и, похоже, не заметил, что Мишка едва не влетел головой ему в живот, поскользнувшись возле крыльца на раскатанной полоске льда. Старик молча обогнул его и побрёл по улице, загребая снег валенками и прижимая к груди брезентовую полевую сумку. Мишка смотрел ему вслед, напряжённо вспоминая, откуда ему знаком этот человек. И вдруг словно вспышка пробила сознание. Именно он навещал Киру в детдоме. Только с той поры стал ещё немощнее и худее—немудрено, что Мишка не сразу его узнал. Впрочем, он мигом забыл об этой встрече, так как мысли о побеге из посёлка занимали гораздо больше. И даже Кира вспоминалась теперь всё реже и реже.

Евдокия Марковна, возвращаясь с работы, едва передвигала ноги от усталости и не слишком интересовалась, чем они занимались днём, хотя Мишка и Лёха избавили её от множества больших и малых хлопот. Вскоре они научились топить печь и готовить скудный ужин, который зачастую состоял из отварной картошки, политой подсолнечным маслом, квашеной капусты или пары селёдок, а хлеб Евдокия Марковна приносила из столовой, чаще надкусанные куски, но мальчишки не были брезгливыми. Жизнь в детдоме приучила: сегодня ешь что дают, а завтра могут и не дать.

С работой по дому они справлялись легко и быстро, так что хватало времени, чтобы послоняться по посёлку; но тут ударили лютые морозы. Посёлок затянуло сизым маревом, а в тайге с треском лопались деревья, отчего казалось, что в лесу идёт перестрелка. Топить приходилось много, и, чтобы не угореть, мальчишки следили за углями в печке. И только когда исчезало скакавшее по ним синее пламя, задвигали заслонку в трубе.

Евдокия Марковна особо их не хвалила, но и не ругала. Правда, ворчала иногда, что выбегают в уборную раздетыми. Но что тут сказать в оправдание? Из-за холодов терпели до последнего, а затем стремглав летели к убогому строению в конце двора. Вечерами, прижавшись спиной к печному обогревателю, она молча наблюдала, как Лёха и Мишка сновали по кухне, накрывали стол к ужину: вываливали из чугунка в большую миску крупную разваристую картошку с розовыми прожилками, ставили рядом тарелку с капустой, раскладывали вилки… И лишь однажды вздохнула:

— Что бы я без вас делала?

После ужина она снова садилась к обогревателю, латала их бельишко и одежонку и о чём-то тихо вздыхала, в то время как Лёха и Мишка, запинаясь, читали по очереди вслух толстую книжку про детство и юность великого советского писателя Максима Горького. По четвергам втроём приникали к чёрной тарелке репродуктора и сквозь шум и треск помех с упоением слушали «Театр у микрофона». Мальчишки хохотали над похождениями героев «Свадьбы в Малиновке», а Евдокия Марковна вытирала слёзы после спектакля «Таня».

— Вот она какая, Таня Рябинина,—говорила она всякий раз по окончании постановки.—Не сломалась, когда её Герман предал. Бедная, ребёночка потеряла, но не спилась…

Свет в посёлке выключали рано, поэтому спать ложились после спектакля в кромешной темноте. Керосин тётка Евдокия берегла на тот случай, когда электричество гасло по причине аварии, а это случалось довольно часто. Но однажды, после очередного прослушивания «Тани», она зажгла лампу, подошла к комоду, вытащила шкатулку, в которой хранила документы, старые справки, пожелтевшие почётные грамоты, и достала

фотографию — мутную, с едва проступавшими контурами мальчишеского лица. Прижала её к щеке, мелко перекрестила и, повернувшись к Лёхе и Мишке, тихо пояснила:

— Сынок мой, Ванюшка! Сёдни десять годков миновало, как убило его на лесоповале…

И заплакала.

Мальчишки стояли возле неё, не зная, что делать. Они и слов таких не знали, которые могли бы утешить, и предпочли молчать, хотя сердца разрывались от жалости и сострадания.

Евдокия Марковна опустилась на скамеечку возле обогревателя, смахнула слёзы и виновато улыбнулась:

— Чего стоите? Садитесь за стол, я вон блинков из столовой принесла. Чаю попьём, Ванюшку мово помянем, царство ему небесное!

Спать они легли уже за полночь, когда выгорел керосин в лампе. А перед этим Евдокия Марковна достала припрятанную чекушку водки, выпила стопку и неожиданно заговорила, подперев ладонью щёку и уставившись взглядом в чёрный проём окна:

— Мы ведь тоже из спецпереселенцев. С Волги нас пригнали. У мово отца дом большой был и хозяйство справное, но в начале тридцатых, когда страшный голод случился, всё извели. Говорили: засуха мол, недород, — а на самом-то деле хлеба́ хорошо вызрели, просто солдат пригнали и велели урожай сдать до последнего зерна, под метёлку всё государству вывезли. Деревня наша в колхоз вступила ещё в тридцать первом году, но зерно и муку всё равно отняли, даже на подворьях амбары вычистили. Помню, соседка спела вечером частушку: «В тридцать третьем году всю поели лебеду. Руки, ноги опухали, умирали на ходу», — а ночью забрали её, так и сгинула где-то. Братишка младший на поле торбу зелёных колосков нарезал. Тоже увезли незнамо куда. Закон тогда суровым был. За пять колосков уже тюрьма. Отец мой — старой веры, упрямый был. В тридцать четвёртом вышел из колхоза: «У меня свой колхоз, — говорит, — четыре сына, невестки, внуки… Дай Бог, прокормимся». А утром пришли энкавэдэ, приказали: собирайте пожитки и — на станцию! Ванятка, помню, спросил: «А куда поедем?» Солдат ответил: «На кудыкину гору, оленей пасти!» Сынок обрадовался, он у меня грамотный был, много книжек читал: «Ура! На Север!» И меня успокаивает: «Там, мама, Северный полюс совсем близко, на собаках можно доехать. Я, может, доберусь, чтоб с героями-полярниками встретиться».

Евдокия Марковна всхлипнула, махнула рукой.

— Девятый годок ему шёл, совсем ещё дурачок был! Здесь ему уже не до полюса стало. Выживали из последних сил. Слава Богу, не довезли нас до оленей…

Она помолчала мгновение и вновь заговорила с тем же отрешённым взглядом, устремлённым в окно:

— Ночью подогнали подводы, погрузили, а скотина вроде спать должна, а тут как принялась орать. Корова дверь в хлеву вынесла и — к нам, петухи голосят, кони ржут… Мы и оставили стайки открытыми… На станции в теплушки затолкали, часть вещей прям возле вагонов побросали. Не позволили много взять. На перевалочном пункте в Красноярске из теплушек выгнали и погрузили на баржу. Неделю по Енисею плыли; когда высадили на берегу, снег уже падал… Шалаши из лапника построили, одеяла подстелили, устроились абы как и стали землянки копать. Сынок у меня ещё один был, младше Ванюшки, от голода и холода помер. А перед смертью всё просил: «Мамка, поехали домой… Там тепло…» К зиме нас в Дивный перевезли за десять километров, тут по баракам да избам расселили. По Енисею уже шуга шла. Муж мой плоты разбирал да багром брёвна на берег таскал. Поскользнулся, в реку упал, да так и ушёл под плот. Не нашли его…

Евдокия Марковна судорожно перевела дыхание. Мальчишки с испугом смотрели на неё, боясь пошевелиться, чтобы неловким движением не прервать горькую исповедь.

— Картошка нас, конечно, спасала, но хлеба не хватало. Многие болели цингой, особенно мужики. Зубы выпадали, из дёсен кровь шла. Одевались и обувались кто во что горазд: лапти плели, ноги тряпками обматывали. Мамка моя всё время мучилась с ногами, так калекой и померла. Батя ноги отморозил и тоже от гангрены загнулся. А вскорости война началась… Почти всех мужиков сразу отправили на фронт. Остались бабы, старики да дети. На лесоповал пошли пацаны вроде вас. С десяти годков уже гоняли. Ванюшке моему едва пятнадцать исполнилось. Ребятам-то работа была не в новинку, они и раньше помогали взрослым мужикам валить лес. Но доставалось им вдвойне. План валки леса оставили, как взрослым — война ведь. Вот и рубили они лес на делянах до изнеможения, помогали друг другу, как могли. Многих ребятишек в то время убило или покалечило. Чуть зазевался, не увернулся — хлестнёт кедровой веткой либо сучком зацепит. Правда, детям в ту пору платили хорошо, а вот взрослым почти ничего не доставалось. Со спецпоселенцев брали шестьдесят процентов военного налога да ещё спецналог, как с подучётного лица, вот и получали мы копейки. Но терпели и ждали победу как манну небесную. А чего нам оставалось? Куда бежать? Тайга здесь глухая, дорога одна — через Енисей. Уполномоченный НКВД в посёлке за нами присматривал, к нему и отмечаться каждый месяц ходили. Хорошим человеком был, Жарков его фамилия, не злым, пил тока много. Когда Ванюшку моего

деревом убило, он мужиков прислал, чтоб могилу выкопали. А морозы стояли страшные, почитай как сейчас. Три дня землю кострами отогревали. А недавно вот Барая вместо Жаркова поставили, от него жалости не дождёшься. Сейчас, после смерти Сталина, немного хвост прижал, а то сколько слёз из-за него пролили…

Голос её звучал глухо и монотонно, словно не пацанам она рассказывала о своей горькой доле, а самой себе. И останавливалась лишь тогда, когда подливала в стопку новую порцию водки. Но не пьянела, только говорила всё тише и тише, пока не уткнулась лицом в скрещённые на столе руки и не замолчала. Видно, уснула, решили мальчишки и на цыпочках прокрались на свою лежанку.

В тот момент лампа погасла окончательно, и в темноте прозвучало на удивление громко и ясно:
— Эх, ребята, ребята! Что с вами делать, ума не приложу! Сегодня эта сволочь Барай ко мне привязался: мол, что за пацаны у тебя объявились? Велел с вами и вашими документами к нему явиться. Видно, кто-то из соседей настучал…

Мальчишки перестали возиться на жёсткой лежанке и замерли от страха. Да и что они могли сказать в ответ?

Евдокия Марковна тяжело вздохнула. Затаившись, мальчишки слушали, как она ворочалась на кровати, что-то бормотала, пока не захрапела с надрывом и присвистом, как храпят пьяные. А Лёха и Мишка, сдвинув головы, принялись обсуждать, как поступить дальше. Ничего путного не придумали, потому что выход предполагался только один: бежать! И бежать немедленно! Иначе пропадут ни за грош, и Евдокии Марковне уж точно не поздоровится. Но даже своим ещё детским умом они понимали, что шансы остаться в живых при таких морозах равнялись нулю…

Глава 5

Вербное воскресенье. Отчаянное решение. Снова Яшка и капитан Барай…

Утро в тот день выдалось на удивление солнечным и тёплым. Снег налипал на валенки, кора на деревьях потемнела, заплакали сосульки под крышами. А тёплый ветер принёс запахи, неясные пока, но то были запахи весны — чуть горьковатые и тревожные. Так пахнут молодые сосновые побеги и верба. Пучок красноватых веток с пушистыми и серыми, как беличьи лапки, шишечками накануне принесла Евдокия Марковна и поставила в банку с водой. Перекрестившись на чёрную тарелку репродуктора — за ним скрывалась крохотная икона Божьей Матери, — вздохнула:
— Вербное воскресенье скоро, а там, глядишь, через неделю и Пасха! В церкву бы съездить, в район, так кто ж с работы отпустит? — и неожиданно улыбнулась: — Ничего, мы как-нибудь и дома управимся. Яиц накрашу, кулич испеку…

Мишка вспомнил о вербе, когда увидел старушку возле крыльца столовой с таким же пучком веток в сухоньком кулаке.
— Глянь! — Лёха торопливо спрятал закоченевшие руки в карманы телогрейки — рваной, с торчавшей из дыр грязной ватой. — Вон Яшкин «Студер». Я же говорил, сёдни в район рванёт. За товарами в магазин.

Мишка недоверчиво посмотрел на приятеля.
— Яшка за копейку удавится! Ни в жисть не повезёт задаром! Ещё и легавым сдаст…

Тем временем «Студебекер», громыхая пустыми бочками в кузове, остановился напротив столовой. Яшка выглянул из кабины и крикнул мужику, курившему возле крыльца:
— Эй, Петро! Грузи коробки!

Петро рысью направился к складу — деревянной халабуде за столовой. Мальчишки переглянулись и, не сговариваясь, схватились за скобы и махом оказались в кузове под брезентовым тентом. Хватило мгновения, чтобы укрыться за железными бочками. Следом в кузов полетели картонные коробки и деревянные ящики, а также несколько мешков из-под муки — это постарался Петро. Пути назад были отрезаны, и мальчишки, прижавшись друг к другу, затаились, больше всего желая, чтоб Петро не залез в кузов, а Яшка не подобрал других пассажиров. Но «Студер» двинулся с места и покатил по главной улице посёлка, только почему-то не к ледовой переправе.
— Куда он? — прошептал Мишка, хотя за шумом мотора Яков вряд ли расслышал бы его голос.
— Заткнись! — рассердился Лёха. — Закудыкаешь дорогу! Может, за кем заехать решил?

Лёха оказался прав. «Студебекер» остановился возле здания конторы судоверфи и просигналил.
— Ёлки зелёные! — тоскливо выдохнул Лёха. — Смотри!

Они слегка приподняли край брезента и в узкую щель между бортом и тентом увидели, что из конторы вышел уполномоченный Барай с толстым кожаным портфелем в руках. Яшка выскочил из кабины и с угодливой улыбкой открыл дверцу кабины со стороны пассажирского сиденья:
— Будьте ласка, гражданин начальник! Домчим с ветерком!

Барай что-то пробурчал в ответ. Хлопнула дверца кабины. Мальчишки облегчённо вздохнули. И тут же едва не описались от страха, заметив чьи-то руки, схватившиеся за край заднего борта. На фоне светлого проёма лица они не разглядели. И забились в угол, больше всего желая раствориться, провалиться сквозь землю, растаять — словом, исчезнуть незаметно и бесследно куда бы то ни

было, потому что человек был в шинели. А в их короткой жизни всё самое страшное было связано с людьми в шинелях.

Но новоявленный пассажир, похоже, тоже попал в машину без ведома Яшки. Хватаясь за борт, он направился к кабине и, обогнув вонявшие керосином бочки, едва не свалился на головы пацанов.

— Твою мать!—вскрикнул он испуганно и отшатнулся назад.

— Колька!—обрадовались пацаны.—Ты, что ли?

— Я,—буркнул Колька.—Напугали до смерти!

Подстелив под себя пару мешков, он устроился рядом с неожиданными попутчиками.

— В район едешь?—поинтересовался Лёха.

Колька смерил пацанов угрюмым взглядом. Под глазом у него отсвечивал большой фингал.

— В район,—нехотя сообщил он.—А вы куда лыжи навострили? От тётки сбегли?

Машину тряхнуло, пустая тара сместилась к кабине. Чтобы не придавило, бочки пришлось удерживать руками и ногами, так что было не до ответов.

Но тут «Студебекер» миновал крутой спуск, выехал на лёд, и бочки повели себя спокойнее.

— А я сбежал,—Колька шмыгнул носом.—Отбуцкал одну крысу, чтоб по тумбочкам не шарил, а он—стукачок, донёс директору. А тот, гад, поддал мне крепко да ещё грозил на зону отправить. Мне это надо? Я ведь тумбочки не шмонал, чужие письма не читал и сало, что из дома прислали, под одеялом не жрал…

Он помолчал мгновение и мечтательно произнёс:

— В Одессу поеду! Мастер наш там на флоте служил. Говорит, тепло, еды много, и море кругом, синее-синее. Наймусь на корабль матросом, а мамке фотку вышлю: бескозырка, тельняшка, штаны-клёш! Красота!

— Я тоже в Одессу хочу,—вздохнул Лёха.—Помните, как Марк Бернес пел?

И почти беззвучно затянул:

Шаланды, полные кефали,
В Одессу Костя приводил,
И все биндюжники вставали,
Когда в пивную он входил…

Колька хлопнул себя по колену и тихонько подхватил:

Я вам не скажу за всю Одессу,
Вся Одесса очень велика…

К ним присоединился Мишка, и уже втроём они допели припев:

Но и Молдаванка, и Пересыпь
Обожают Костю-моряка…

Тут бочки с грохотом покатились к заднему борту.

— Всё! Кажись, Енисей перевалили!—прошептал Колька.—На берег въезжаем! Теперь без остановки помчим до самого района!

Глава 6

Смерть над яром. Старинная фотография. Ни шанса на спасение

«Студебекер» мчался по накатанной лесовозами дороге сквозь глухую черневую тайгу. Мальчишки молчали и жались друг к другу. Ветер проникал сквозь щели кузова, пробирался под тент, а усилившийся мороз—сквозь худую одежонку. Тут уж было не до разговоров, тем более не до пения. Они скрючились в три погибели, но согреться не получалось.

Колька покосился на них, а затем подтянул с пола несколько мешков и набросил на посиневших пацанов. Стало чуть теплее—мешки защищали от ветра, но мальчишки всё равно стучали зубами от холода.

— Д-долго ещё?—не выдержал Лёха.—А то околеем совсем!

Колька пожал плечами:

— В январе ездили в район на соревнования, за два часа домчались. Правда, из заносов долго выбирались…

И не договорил.

Мотор зафырчал, «Студебекер» выстрелил выхлопными газами и остановился.

— Чёрт!—выругался Колька.—Что там?—и приподнял край брезентового тента.

Втроём они припали к узкой щели. Ветер гнал позёмку по дороге, с обеих сторон её обступали огромные заснеженные ели. Автомобиль остановился на краю высокого яра. Внизу сквозь редкие ёлки и бурелом едва угадывалась речушка, чьи берега густо заросли красноталом.

Яшка открыл дверцу, спрыгнул с подножки и направился к капоту.

— Что случилось?—из кабины показался Барай.

Он, несомненно, очень дорожил портфелем, потому что прихватил его с собою.

Яшка сплюнул в снег.

— Подача топлива барахлит, чёрт бы ею пообедал. Малька усилий, и заработает, как ваши часы «Победа».

— А если не наладишь, тогда что? Пешком добираться? До района, считай, ещё километров десять?

— Да вроде того!—бодро ответил Яшка и, подняв крышку капота, добавил:—Не боись, гражданин начальник! Всё чин чинарём!

— Долго это?—недовольно спросил Барай.

— Минут пять-десять. Идите пока погуляйте.

— Хорошо сказать—погуляйте!—проворчал Барай.—Вон какой ветрище! Живо уши отморозишь!

Он приподнял воротник полушубка, присел на подножку и, не спуская портфеля с колен, достал из кармана пачку папирос, закурил.

— Вы бы осторожнее, гражданин начальник! — Яшка выглянул из-под крышки капота. — Пары бензина, то, сё… Взорвёмся к ежовой маме!
— Не взорвёмся! — отрезал чекист, но всё-таки встал и отошёл в сторону.

Продолжая курить, прошёлся взад-вперёд по дороге и нетерпеливо спросил:
— Чего возишься? Не мог раньше проверить насос?
— Так проверял, — раздалось из-под капота. — Тока машинка американская, к нашим морозам не приучена…
— Вот попали, — прошептал Колька. — Ещё немного — и окочуримся.

Мальчишки промолчали, потому что и без того не попадал зуб на зуб от холода.

Резкий треск снаружи заставил их насторожиться. Колька прильнул к щели и испуганно выдохнул:
— Глянь! Легавый на мотоцикле!

И правда, из-за поворота вынырнул мотоцикл с коляской, на котором восседал усатый милиционер в чёрной шинели с двумя рядами латунных пуговиц, перетянутой крест-накрест портупеей. Он притормозил возле машины, заглушил мотор и поинтересовался:
— Поломался? Может, помочь?
— Ничего, справлюсь! — показал чумазое лицо Яшка. — Делов-то!
— Ну смотри! — сказал милиционер и сбил на затылок чёрную цигейковую кубанку.

Придерживая кобуру рукой, он рысцой направился к Бараю и поднёс ладонь к виску:
— Сержант милиции Смирнов. Позвольте поинтересоваться, товарищ капитан: в район следуете?
— Следую. И что с того? — буркнул Барай. — Вам-то какое дело, сержант? Езжайте куда ехали! — и смерил милиционера хмурым взглядом. — Что-то я тебя не припоминаю…
— Так я недавно из Енисейска перевёлся, — бодро ответил сержант. — По семейным обстоятельствам.

Мальчишки, которые видели только спину милиционера, напряжённо прислушивались.
— Если что, сигаем с правого борта — и в обрыв, — одними губами прошептал Колька. — По снегу они не станут колготиться, а стрелять тоже не с руки. Мы ведь не урки какие…
— Не полезет он в машину, — сказал Лёха. — Чё ему тут искать? При Барае не насмелится.

Милиционер снова вскинул ладонь к виску:
— Разрешите следовать дальше?
— Постой, — Барай уставился на него, раздумывая, затем спросил: — Подбросишь до района?
— В чём вопрос? — обрадовался милиционер. — Меньше чем за полчаса управимся. У меня в коляске тулупчик есть. Укутаю, не замёрзнете.
— Ладно, пошли! — Барай направился к мотоциклу.

Милиционер, придерживая кобуру, резво затрусил следом.

Мальчишки наблюдали за их передвижением, всё ещё не веря, что два самых страшных для них человека вот-вот уберутся восвояси. Яшка, обтирая грязные руки ветошью, облокотился на высокое крыло грузовика и с кривой ухмылкой наблюдал за обоими, но помалкивал.
— Когда загрузишься, заедешь в отдел! — крикнул ему Барай.

Яшка отсалютовал двумя пальцами:
— Как прикажешь, гражданин начальник!

Милиционер взгромоздился на сиденье, а чекист занёс было одну ногу в коляску и вдруг замер, стоя другой на снегу.
— Эй, сержант! — голос его прозвучал сердито и удивлённо одновременно. — С чего вдруг у тебя вохровские погоны?
— Погоны? — лапнул себя за плечо милиционер и вдруг вытянул руку и радостно закричал: — Смотри, смотри, лиса бежит!

Барай бестолково завертел головой, а милиционер продолжал кричать:
— Да не крутись ты! Дальше, вон! Левее пригорка, смотри!
— Какая лиса?

Барай ступил на дорогу второй ногой. В тот же момент сержант выхватил из-за пазухи толстый железный прут и наотмашь ударил чекиста по голове. Тот, не издав ни звука, свалился под колёса.

Портфель выпал из рук и, как салазки, откатился к противоположному краю дороги.
— Ничего себе! — прошептал побелевшими губами Колька. — Тикать надо!
— Куда? — прошипел Лёха и толкнул его в плечо. — Сиди уже! Заметят!

Затаившись, мальчишки наблюдали, как милиционер торопливо расстегнул на груди убитого полушубок и вытащил, видно, какие-то документы и красную книжечку — удостоверение, затем отстегнул кобуру от портупеи, проверил наличие пистолета и всё это добро затолкал себе за пазуху. Потом подхватил Барая под мышки и, оставляя узкий кровавый след на снегу, потащил тело чекиста к машине.

Яшка, скомкав в руках ветошь, с ошалелым видом наблюдал за ним.
— Чего пялишься? — прикрикнул милиционер. — Того гляди, кто мимо поедет! Помогай, живо! Чего заробел?
— А по-другому не могли придумать? — Яшка, видно, пришёл в себя. — Говорили, что в тайге закопаете!
— Лезь в кабину! За ворот тяни! — орал милиционер, подпихивая тело снизу.

Вдвоём они едва запихнули убитого в кабину. Милиционер захлопнул дверцу и торопливо обтёр руки снегом. Затем обежал машину и снова заорал, когда Яшка выбрался наружу:

— Куда? Солярки плесни! Или чего там? Бензин? Давай лей!
— Как же так?—растерянно лопотал Яшка, доставая из кабины небольшую канистру.—«Студер» мой жечь? Шо удумали, босяки! Шоб я? Своими руками?
— Тебе чё, жить надоело?—милиционер грубо толкнул его в грудь.—Всё на мази, прокурор не подкопается. Тебя выбросило взрывом, ему не повезло. Всё? Лей, говорю! Чтоб полыхнуло так полыхнуло! Быстрее! Времечко жмёт.

Яшка плеснул в кабину, затем, выругавшись, облил кузов.
— Зажигай!—орал милиционер.—Нет! Стой! Чё там такое?
— Где?—Яшка уставился на него.—Едет кто?
— Где-где—в Караганде!—рявкнул сержант.—Вон, под колесом! Чё ещё за хреновина?
— Под колесом?

Ящка в недоумении наклонился и заглянул под машину—и тут же получил по затылку тем самым прутом, которым милиционер прикончил Барая. И так же молча упал в снег.

Беглецы, бледные от страха, переглянулись. В тот момент, когда милиционер, матерясь, заталкивал Яшку в кабину, они бросились к заднему борту и спрыгнули в снег. Колька и Лёха удачно, а Мишке не повезло. В ноге что-то хрустнуло, она подвернулась, и он ткнулся лицом в сугроб. Дикая боль пронзила тело, но сдержался, не заорал. Пацаны подхватили его под руки и так, втроём, скатились в яр, в самый бурелом. Слёзы заливали лицо, Мишка скрипел зубами, но заорать сейчас—значило принять верную смерть. Они уже поняли, что убийце свидетели не нужны.

Спрятавшись за толстым выворотнем, беглецы наблюдали, что происходило наверху, но «Студебекер» загораживал обзор, и видели они мало. Убийца, похоже, крутился поблизости, потому что треска мотоцикла они тоже не слышали. Милиционер и впрямь скоро показался. В руках он держал раскрытый портфель Барая и на ходу что-то искал в нём. Наконец вытащил мешочек из серого холста, наполненный чем-то тяжёлым, взвесил его на ладони и с довольным видом тоже затолкал за пазуху. Затем кинул портфель в кузов. От броска тот снова открылся. Выпала толстая тетрадь в клеёнчатой обложке, посыпались какие-то бумажки, которые тотчас подхватил ветер и разметал по склону, запутал в кустах тальника. Тетрадь скользнула вниз и застряла в сугробе.

Милиционер попытался достать её палкой—не получилось. Тогда, хватаясь за ветки, решил дотянуться, но поскользнулся, упал на спину и едва не скатился в обрыв. С проклятиями он поднялся к «Студебекеру», оглянулся. Махнул рукой, с трудом—спички гасли на ветру—запалил ветошь и бросил горящий комок в кабину.

— Счас жахнет!—ахнул Колька, и мальчишки вжались в снег, прикрыв головы руками.

И, вправду жахнуло так, что в небо взлетели бочки, обломки досок и железяк, а «Студер» вмиг превратился в огромный костёр. Горящие бочки разметало по дороге. Одна свалилась в яр и зачадила, растопив вокруг себя снег. Мишку трясло от страха, Колька матерился сквозь зубы, а Лёха подвывал тихонько:
— О Боженька, если ты есть на небе, спаси и сохрани! Пожалей, Ты ведь всё можешь!

Завеса из огня и чёрного дыма металась на краю обрыва. Пламя с остервенением пожирало тент, кабину, деревянные борта, ящики и коробки. Оно трещало, гудело, заглушая прочие звуки. Жирные хлопья сажи усеяли снег. Горячие головешки с шипением вонзались в сугробы. Один из углей прожёг Мишкину фуфайку, другой приземлился Кольке на плечо. Противно повеяло палёной шерстью.

Наконец огонь опал, лишь на железном скелете «Студебекера» плясали оранжевые сполохи, дымили почти сгоревшие покрышки, а в кабине горела низким синим пламенем чёрная масса с торчавшим вверх, точно сухие ветки, тем, что недавно было человеческими руками. Но мальчишки старались в сторону кабины не смотреть.
— Чи уехал, чи нет?—с трудом прошептал Лёха.
— А чё ему тут околачиваться?—бросил Колька.—Ждать, когда настоящие менты привалят? Смылся сразу, как «Студер» вспыхнул. Не слыхали, как мотоцикл заводил? Тр-р! Тр-р!

Пацаны, потрясённые случившимся, окоченевшие от холода, а Мишка ещё и с покалеченной ногой, кроме гудения огня, ничего не слышали, но облегчённо перевели дух. Мишка от счастья, что остался жив, забыл даже о ноге, но, повернувшись, вскрикнул от боли и заметил кровавое пятно на снегу. Штанина смёрзлась, и оттого стало ещё больнее.

Он виновато улыбнулся:
— Кажись, ногу сломал!
— Вот не было печали!—насупился Колька и потянулся к ноге.
— Не трожь!—вскрикнул Мишка и попытался подняться, но повалился в снег и, уже не скрываясь, заплакал.

Пацаны снова подхватили его под руки и с трудом, но вытянули на дорогу. Попутно Колька подобрал из сугроба тетрадь—ту самую, что выпала из портфеля Барая и которую неудачно пытался достать убийца чекиста. Обложка её изрядно обгорела.
— Уходить надо,—Колька с угрюмым видом посмотрел на Лёху.—Стемнеет скоро! Говорят, тут волки ночами балуют!..
— Не смогу я идти!—всхлипнул Мишка.—Давайте без меня! А то всех повяжут. Скажут, что это мы…

их…— и махнул рукой в сторону догоравшей машины.

— Замёрзнешь,— скривился Лёха.

— Ничего, выдюжу!— попытался улыбнуться Мишка.— Тут пока тепло, а потом авось кто-нибудь мимо проедет.

— Пацан дело говорит, уходить надо. И быстрее, пока не застукали. Как только прознают, что чекиста грохнули, такой шмон объявят— мама не горюй!— Колька кивнул на Мишку.— Авось пацан выкрутится,— и бросил ему на колени тетрадь и коробок спичек.— На вот! Будешь жечь, если невмоготу станет.

Тетрадь раскрылась, и из неё выпали две картонки. На одной— фотография девушки в чёрном платье и белом фартуке, на второй— картинка с целующейся парочкой, пухлым сердечком и надписью: «Люби меня, как я тебя!» Сама же тетрадь была исписана мелким красивым почерком и заполнена чертежами, чем-то похожими на карты в учебнике географии, но утыканные цифрами, как ёжик иголками…

Колька затолкал картонку с парочкой в карман шинели и усмехнулся:

— Хорош трофей, а?

Лёха взял фотографию и покосился на Мишку:

— Глянь, Кирка Правоторова! Точь-в-точь!

Со снимка и впрямь смотрела девушка, очень похожая на Киру, только волосы у детдомовской подружки были русыми, а у той, на фото,— тёмными. И выглядела она лет этак на восемнадцать.

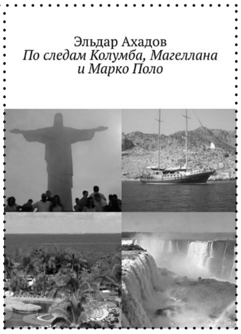
— Дай мне!— прошептал Мишка и потянулся к фотографии.

Но Колька отвёл его руку.

— На кой тебе? А Лёхе сгодится…

На что Лёхе сгодится фотография, Мишка не понял. Но спорить не стал. Не было сил даже говорить.

Перед уходом пацаны подтянули его ближе к машине и, не оглядываясь, быстрым шагом направились в сторону районного центра. Сильно воняло горелым металлом и страшно— жжёным мясом. Поднявшаяся метель быстро занесла все следы и затушила огонь. Мишку тошнило и тянуло в сон. Нога словно окаменела и уже не болела. Стараясь спасти остатки тепла, он обхватил себя руками, закрыл глаза и приготовился умирать…



Эльдар Ахадов

По следам Колумба, Магеллана и Марко Поло

Издательские решения, 2019

Вместе с автором— очевидцем и участником увлекательных путешествий— вы совершите полёт над Бермудским треугольником, пройдёте горной партизанской тропой Че Гевары по Сьерра-де-Эскамбрай, встретитесь с индейцами племени гуарани в бразильской сельве, посетите гигантский водопад Катаратас Игуасу, окунётесь во влажную туманную Глотку Дьявола, посетите необитаемый остров Кайя Бланка, пробежите по жарким пескам Копакабаны и окунётесь в ласковые волны Южной Атлантики, станцуете танго-милонга на узкой аргентинской улочке Каминита, подниметесь на гору Корковадо к исполинской фигуре Христа-Искупителя, будете отбиваться от стаи диких носух и кормить обезьян-игрунок, пройдёте пешком в Парагвай по мосту над широкой рекой Параной. Сопровождаемые дельфинами, вы проплывёте на двухмачтовом парусном бриге между островами Эгейского моря под песни итальянских матросов. Вы искупаетесь в чистейших тёплых источниках горной реки Боржоми, посетите древний Дманиси, рядом с которым были обнаружены останки людей, живших один миллион восемьсот тысяч лет назад. Вы окажетесь на извилистой тысячекилометровой Великой Китайской стене и на бывшей самой юго-восточной окраине Российской империи у берегов Жёлтого моря…

Вас ждёт встреча с новой книгой документальной прозы и стихов Эльдара Ахадова— «Странствия поэта», о его путешествиях по земному шару— по следам Колумба, Магеллана и Марко Поло.

Оксана Мурзина

Жизнь

Анна

Сон, каждый раз один и тот же сон.

«Да сколько же можно-то?»

Аня проснулась вся в поту. Этот сон снился ей часто, вот уже на протяжении нескольких лет. Старая, полуразвалившаяся церковь, лики с икон смотрят в самую душу, аж холодок внутри. И рассказать-то кому страшно, не так поймут ещё.

В церкви Аня была единственный раз в своей жизни, когда ей было восемь лет. Они с матерью заезжали в село Сухобузимское, Аня уж и не помнила, что они там делали, но накануне мать потеряла ребёнка, которому едва исполнилось несколько месяцев от роду.

— Мам, а что мы делали в Сухобузимо, в церкви, ты не помнишь?—спросила она вечером мать.

Мария только горестно вздохнула, но ничего не ответила.

Испытав множество лишений в своей жизни, эта женщина замкнулась в себе и редко проявляла какие-либо чувства. Муж её, Сергей, помер от дизентерии ещё до войны, а детей в живых осталось лишь несколько человек. Остальные, а было их одиннадцать, давно уж умерли—кто в младенчестве, а кто с войны не вернулся. Жизнь была, да и оставалась до сей поры, трудной. Анна, дочь, жила при ней, дочь Мария и ещё двое сыновей жили в Красноярске со своими семьями.

— Ну вот, мама, опять ты молчишь.

Аня давно уже ничего не ждала от матери. Ей, как и в детстве, не хватало материнской любви, ласки, нежности. Но мать, видимо, не понимала этого, да и не считала нужным проявлять свои чувства.

— Ты бы пошла корову подоила.

— Да, мама, сейчас, иду уже.

Взяв подойник и чистое полотенце, она выбежала на улицу. Пахло свежескошенной травой, на небе повисла чёрная тьма—собиралась гроза.

«Ой, батюшки, а где ж Чернуха-то?»

— Валентина, а ну давай беги за коровой.

Аня прокричала на всё село:

— Чернуха! Чернуха!

Вдали, откликнувшись, замычала корова. Валентине даже вставать не пришлось. Она сидела на крылечке, чистила грибы, которые принесла из леса.

«Совсем ещё ребёнок,—подумала Анна,—и не растёт почти: уж десять лет, а она всё как Дюймовочка».

Маленькая и тихая Валентина была похожа на свою бабушку Марию. Такая же неприметная и малопривлекательная, только без платочка на голове—вечного атрибута бабы Мани.

Окинув дочку недовольным взглядом: опять вся перепачкалась,—Анна пошла загонять подошедшую Чернуху.

Сарайчик вот-вот завалится, корова прошла туда, едва не сняв крышу на рога. Кругом царило запустение. Да и откуда порядку-то взяться? Мужик-то, Михаил, не вернулся с войны, дочь росла безотцовщиной.

«Дай, Господи, сил довести до ума единственное дитя».

С этими мыслями Анна плюхнулась под корову. Табуреточка, рассохшаяся от времени, едва держалась, но Аня была лёгкой, как пушинка, и при всех тяготах, выпавших на её долю, она оставалась неисправимой мечтательницей. Мужа она давно уж оплакала, а выйти замуж снова оставалось только мечтать, и Аня мечтала.

Но в деревне и взглянуть не на кого было, только дедки да инвалиды, которые вернулись к своим жёнам, а тем и такие были в радость. Корова тихонько фыркала, травы она наелась вволю, весь день паслась, стояла, послушно помахивая хвостом, отгоняя комаров от себя и от Анны.

Цик-цик-цик—и вот уже пена доходит до краёв ведра. Помассировав вымя ещё пару минут, Анна поднялась и пошла к дому. Процедила молоко, дала дочке напиться и занялась домашними делами. Нужно было ещё порезать грибы да повесить их на просушку. Какая-никакая, а еда, зимой всё сгодится.

— Мама, я спать пошла, спокойной ночи.

— Да, иди.

Анна воспитывала дочь в строгости; не получившая ласки и любви сама, она не могла дать её и дочери.

— Завтра я пойду устраиваться на работу. А ты утром иди помогай бабушке картошку копать.

— Хорошо, мам.

Комнатка была совсем небольшая; вообще дом состоял из одной комнаты, но двух квартир. За стенкой в соседях жила Мария, мать Анны.

Из мебели только две кровати, да стол с табуретками, да ещё сундук. Вот и весь быт.

Анна отлила в крынку молока, понесла матери. У Марии было темно, Аня поставила молоко в сенях и пошла прогуляться по улице. Улицы в Павловщине были широкие, просторные. Из дворов кусты, деревья прям на дорогу вываливаются листвой. Небо постепенно затягивало, накрапывал дождь.

«Ничего не поделаешь, пойду спать. Утром вставать рано».

Анна зашла в дом. Валентина уже спала сладким сном. А Анна боялась спать панически. Почему ей эта церковь не давала покоя? Может, о чём-то хотела предупредить? В Бога Анюта не верила, хотя у Марии была маленькая иконка, которую она бережно хранила в сундуке, на самом дне, и доставала только по большим праздникам, на Пасху в основном. Несмотря на всеобщий советский атеизм, Пасха справлялась всегда, пусть негласно, непышно, но на булочки всегда припасали продукты.

Наскоро сполоснувшись в тазике, Анна всё-таки легла спать. В эту ночь ей впервые ничего не снилось.

Утром ни свет ни заря Анна поднялась, подоила корову, выпустила:
— Иди, Чернуха, гуляй. Тебе нужно сил набираться на зиму.

В который раз Анна вспомнила, что сена на зиму мало наготовили в этот год. Тяжело ей было одной, мать уже не помощница, слабая совсем, а Валентина мала ещё, да и по дому ей хватало работы. За день всё девчонка успевала: и обед приготовит, и бельё постирает, а про посуду и полы и говорить нечего — это были её каждодневные обязанности. А не так что сделает, не дай Бог, где пылинку оставит, так тут же от матери оплеух наполучает. Жалко Анне было девку, да куда ж деваться-то, жизнь — штука сложная, пускай привыкает.

Анна шла по улице к реке. Незаметно подкрадывалась осень, и хотя был ещё конец августа, на деревьях уже кое-где проблёскивали жёлтые листочки. Сибирь — суровый край. Уже начинались первые заморозки по ночам, но днём всё так же нещадно пекло.

Солнце взошло, отдавая своё тепло, нежно играя на домах своими световыми бликами. «Господи, как хорошо-то! Какое же это счастье — жить!»

Первый день на работе прошёл ничем не примечательно. Аня потихоньку училась управлять небольшим хозяйством, изредка приходили гружёные баржи или рыболовецкие суда.

Домой возвращалась уставшая, и жизнь уже не казалась такой радужной, как утром. Нужно было ещё корову загнать, подоить.
— Как дела, Валентина?
— Да хорошо, мам. Картошку начали копать. Как твоя работа?
— Ничего, привыкну, справимся. Чего полы плохо помыла?
— Да где же плохо? Всё вроде бы чисто!
— Да вон, посмотри, в углу мусор какой-то.

Дочь, вздохнув, взяла тряпку, пошла по новой протирать полы, иначе мать задаст жару опять.

Денёк выдался жаркий, Аню мучила сильная жажда, она подошла к бачку в коридоре налить воды и увидела его! Всё поплыло у неё перед глазами.
— Николай!
— Что?
— Николай, говорю, меня зовут. А вас как?
— Анна, — сказала как выдохнула — и быстрее с глаз.

Вечером, добираясь с работы домой, она услышала шаги за спиной и, не поворачиваясь, поняла, что это он.
— Разрешите, я провожу вас до дома?
— Да уж всё равно идёте, — только и нашлась что сказать Анна.

В её жизни, кроме мужа Михаила, других мужчин-то и не было, да и с ним она прожила несколько лет до войны, не успела ни налюбиться, ни намиловаться.

А Николай — просто красавчик, глаз невозможно отвести. Ещё до встречи с ним Анна слышала про молодого повесу. Говорят, что он женат, а здесь на заработках и ни одной юбки не пропускает.

Молча дошли до Анютиного дома.
— Ну вот мы и пришли. Всего хорошего, — сухо обронила она. — Завтра увидимся.

Валентина увидела в окно мать с молодым человеком, и почему-то сильно заколотилось сердце. «Ох, не к добру это», — подумала девочка.
— Кто это, мам? — спросила она вошедшую Анну.
— Не твоё дело. Покорми меня. Корова пришла?
— Да, стоит, мычит. Что, не слышала?
— Как ты с матерью разговариваешь?

Где ей было услышать Чернуху, когда она ног-то под собой не видела?

Валентина приготовила на ужин свежей картошки с укропом. Анна поела с аппетитом, как будто ничего вкуснее раньше не ела, запила всё простоквашей вприкуску с лепёшками.
— Ты у бабушки была?
— Да она сама заходила. Лепёшек напекла свежих: ты поела?
— Конечно. Как картошка? Удалась нынче?
— Да ничего, мелкой почти нет.
— Ну и ладно, на выходные докопаем. Пошла я в стайку.

— Привет, Чернуха. Ну как ты тут, моя хорошая? — разговаривала Анна с любимицей, пока обмывала вымя. — Ну что же мы такие разнесчастные-то? Каким же ветром нас занесло в эту Сибирь? От комаров и мошки ни днём, ни ночью проходу нет. Вон и у тебя вся шея покусана.

Слепни уже оставили свои следы на шее и спине, оводы позабрались под шкуру и отложили личинки, скоро вся спина коровы покроется бугорками.
— Кормилица ты наша, что бы мы без тебя делали-то? Как бы выжили?

Напоив корову и почистив сарай, так как утром не успела, Анна пошла во двор, села на лавочку возле берёзы. Ветерок обдувал её нежную кожу. По-девичьи тонкий стан и упругую высокую грудь обтягивало давно уже изношенное серое платье. Опять нашла тоска, стало жалко себя, свою неустроенную личную жизнь. По щеке потекла тихая скупая слеза. Плакала Аня редко, при всей своей хрупкости она была очень сильной духом. Только и утешало, что не она одна так живёт, в послевоенное время мало кому жилось хорошо. Освободив и очистив душу слезами, она пошла спать. В эту ночь ей опять приснилась старая церквушка, Богородица нежно смотрела на неё с иконы, будто жалея.

Жизнь понеслась, закрутилась, в сердце неожиданно ворвалась любовь. С Николаем всё у неё сладилось быстро. По выходным, когда его соседи по общежитию разъезжались домой, она бегала к нему вечерами, прячась от людского глаза, огородами, но в деревне не скроешься от любопытных глаз. Люди косо поглядывали на Анну, осуждали, а может, и завидовали: такой красавчик, да ещё моложе на пару лет. Один недостаток был всё же у него: женат да с детьми. Но Аннушке было всё равно, что люди говорят. На каждый роток не накинешь платок.

«Сколько её, той жизни? — рассуждала она. — А с той семьёй Николай сказал, что покончил отношения. Да и на выходные он никуда не уезжал».

Постепенно люди попривыкли к их отношениям, и Николай перебрался жить к Анне в дом, к всеобщему недовольству Валентины и матери Анны, Марии.

Наступила зима. Длинными холодными ночами Анюта прижималась к Николаю под предлогом погреться, а сама надышаться им не могла, как будто предчувствуя своё недолгое счастье.

По дому Николай мало чем им помогал: дров наготовил на зиму, и ладно. Так и жили потихоньку, пока не грянула гроза среди ясного неба. В январе месяце Анна поняла, что понесла. Мать уже заметила её состояние и только осуждающе смотрела, ничего не говоря. Да и что тут скажешь? Связалась с женатым, только и жди, чего доброго, что сбежит. На чужом несчастье счастья не построишь.

Анна не переживала: как-нибудь сладится, ведь любимый рядом. Прошло уже два месяца, она испытывала жуткий токсикоз по утрам вперемежку с сильной изжогой, спала в основном сидя, чтобы не угореть от собственного жара, льющегося из желудка. Она держалась, но однажды заметила, что Николай стал куда-то отлучаться: сначала ненадолго, потом всё чаще и дольше, стал уезжать на выходные. На все вопросы только нечленораздельно мычал что-то, потом-таки признался:
— Жена родила недавно третьего ребёнка, надо возвращаться. Не могу же я их бросить на произвол?
— А как же я? Как же наш ребёнок?
— Ну что он у тебя — первый? Аборт сделаешь, ещё не поздно, делов-то.
— Уходи и никогда больше не возвращайся.

Николай молча собрал свои пожитки и ушёл. Больше она его никогда не видела.

Сердце Анны рвалось на части, душу обуревали сомнения, но, наревевшись вдоволь за ночь, она пришла к выводу, что от ребёнка нужно избавиться.

Утром она собрала узелок с чистыми вещами, оделась…
— Мама, ты куда собралась?
— Не спрашивай, дочь. Пойду я. Если не вернусь к утру, корову покормишь, да смотри: телиться начнёт — бабушку зови. Вдвоём, поди, управитесь…
— Мамочка, родненькая, что ты надумала? Не ходи туда, прошу тебя.

Валя хоть и мала была, да поняла, куда мать собралась — в соседнюю деревню, аборт делать, не иначе. Валентина упала на колени, обняла ноги матери, уткнулась в них головой и запричитала:
— Мама, одумайся. Милая моя, бедненькая, я не пущу тебя. Пусть он родится, этот ребёночек, очень тебя прошу. Не убивай его. Чёрт с ним, с этим дядей Колей, без него справимся. Пожалуйста, ради меня оставь.

Анна подняла зарёванную дочь: ну куда ж деваться-то?

Прошла зима, а затем и весна промчалась. Летом, потихоньку передвигаясь, Анна ещё как-то управлялась с делами, даже бегала за коровой, та не хотела ходить домой. Телёнок почти всё высасывал, а зачем ей домой-то идти? Ляжет да и лежит в лесочке, в теньке. С наступлением осени Анюта уже кое-как переставляла ноги, а нужно было копать картошку, мать с Валентиной одни не справятся. Копали почти целыми днями напролёт, не разгибая спины. Мошка нещадно съедала, пот струился под грудью, ребёнок постоянно давал о себе знать — видно, тоже несладко ему там приходилось. Анна торопилась: вот-вот роды начнутся, а нужно ещё высушить всё и убрать. Седьмого числа они всё закончили, и Анна стала собираться

в больницу. Девятого числа она произвела на свет ещё одну девочку.

«Ну вот, ещё одна забота на мою голову. Для чего ты пришла в этот мир? Что ждёт тебя?» — думала она, глядя на девочку, когда ту принесли на кормление. За окном чирикали воробьи, предчувствуя холода, а на душе у Анны было пусто. Даже когда поднесла дочку к груди и та жадно зачмокала, она не испытала никаких эмоций: то ли усталость сказывалась, то ли депрессия наваливалась чёрной тучей.

Дома Валентина ожидала долгожданную сестрёнку, очень радовалась новому члену семьи.
— Мам, давай её Галей назовём. Я Валя, она Галя — похоже.
— Давай. Ты поможешь мне помыть её? Бельё приготовила детское?
— Да, мама, соседи на днях принесли пелёнки, распашонки. Я всё постирала. Ложись, отдохни. Я всё сделаю.

И проворная маленькая Валя засуетилась, забегала. Помыла сама Галинку, положила её рядом с матерью и пошла стирать грязное бельё, то, что мать принесла с больницы. Сколько сил таилось в этой маленькой девочке, но она была благодарна матери за то, что та подарила ей такое чудо.

Шли годы, жизнь лучше не становилась. Галина росла бойкой девчонкой, вечно носилась где-то всё лето напролёт. То на речку убежит и плюхается там весь день, то по заборам лазит. «Вот шельма неугомонная, — сокрушалась Анна, — бестолковая растёт совсем».
— Галя, иди сюда, покажу чего, — Анна возилась на грядках.
— Что, мам? Ой, это лягушка? А где у неё детки?
— Да какие детки-то? Лягушка случайно сюда забралась между грядками, а детки её вон там, в канаве, иди глянь.
— Пойдём покажу, — сказала Валя.

Она была всё такой же миниатюрной, Галина в свои семь лет уже догоняла её, девятнадцатилетнюю девушку. Но зато красотой Валю Бог не обделил: большие красивые глаза, густые шикарные волосы каштанового с кофейным оттенком цвета, уложенные в косы на голове, тонкие, но очень чувственные губы — присмотревшись, их можно было бы назвать даже пухлыми. От девчоночьей неприметности ничего и не осталось. Парни уж давно на Валентину заглядывались, но она не торопилась. Был даже ухажёр один, да, видно, не к душе.
— Валь, ну пошли уже быстрее, покажи, где эта лягушка деток бросила.
— Идём, идём, — проворчала сестра. — Вот, смотри.
— И что, это детки, что ли? Зёрнышки какие-то.
— Да не зёрнышки это, а икринки, которые лягушки откладывают.
— А детки где? — не унималась Галина.
— А вот когда созреют эти яйца, детки и появятся.
— Ну это сколько ждать ещё?

Но тут Галину заинтересовали воробьи на заборе, и она бросилась со всех ног к забору, но пока забиралась, воробьи с шумом разлетелись.
— Ух, неугомонная, — снова проворчала Валентина. — Пойдём есть, я сырники пожарила.

Сырники Галя любила и поплелась за сестрой в дом.

Мать целыми днями пропадала на работе. Валентина тоже работала, она устроилась сопровождающим в почтовый вагон и целыми неделями колесила по стране. С наступлением холодов Галю оставляли дома одну. Мать закрывала её под замок и уходила на целый день. Почему-то с бабушкой её не оставляли. Та вообще никакого участия в её воспитании не принимала.

Короткими морозными днями даже в окно было не выглянуть. Окна замерзали насквозь. Печку Анна с утра протапливала, весь день было более или менее тепло, но под вечер Галину начинал колотить озноб. Тогда она забиралась на печку и грелась там. О чём думала эта бедная девочка, одному Богу известно. Так и проходило её детство. В школу её не взяли, потому что ей семь лет исполнилось только в сентябре. Мать приходила с работы уставшая, раздражённая.
— Ты ела что-нибудь? Сейчас печку растоплю, и будем ужинать.

Управившись со всеми делами, Аннушка еле доползала до кровати. А дочка весь день одна, даже поговорить-то не с кем.
— Мам, а мам, расскажи мне сказку.
— Сказку? Да я же тебе уже все сказки порассказывала, — прошептала полусонная Анна.
— Мама, ну пожалуйста, а?
— Ну ладно, слушай. Жила-была одна маленькая девочка. И не было у неё ни мамы, ни папы.
— А где она жила-то, мам?
— Да уймись ты, слушай дальше. Жила она в сказочном лесу, где никогда нет снега. Солнышко светит ярко-ярко, тепло, хорошо там. С утра девочку согревало солнышко своими нежными лучиками, даря ей свою любовь. На лугу пели птички, охраняя в траве свои гнёзда. Над цветами порхали бабочки, стрекозы. Но как-то прилетел огромный орёл, распугал всех птах, но не они были ему нужны.
— А кто ему был нужен, мамочка?
— Нужна была ему маленькая девочка, по имени Галка. Орёл был волшебником и превратил Галку в птицу. И полетели они за моря, за высокие горы, в тридесятое царство. А там орёл превратился в прекрасного принца и женился на Галке. И стали они жить дружно и счастливо. У них всегда было много еды, красивой одежды. Весь двор утопал

в цветах, повсюду росли диковинные фрукты: апельсины, мандарины.

Галина аж чуть слюной не подавилась — так красиво мама рассказывала.

— Мам, а что это за мандарины такие?

Но Анна уже спала, а Галя, довольная тем, что героиня сказки носила её имя, тоже сладко засопела.

Так бы они и жили дальше, но Анна всё чаще стала болеть: то простуда, то ещё хворь какая. Стала болеть грудь. Однажды, надавив на грудь, Анна увидела, как что-то серое потекло из соска, похожее на гной. Дождавшись старшую дочь, она поехала на обследование в Красноярск.

Там она остановилась на ночлег у брата Василия. Он с женой Марией жил в частном домике на Красномосковской улице. Домик был такой же, как и у Анны, только к имеющейся комнате Василий достроил сени, кухню и спальню для девчонок. У них с Марусей было трое девчат. Марусей все близкие звали Марию. Видимо, надо было как-то их различать: бабушка Мария, сестра у них Мария.

Семья у Василия была крепкая, дружная. В жене и дочках он души не чаял. Маруся держала в руках его, детей, да и всю родню.

— Ну, рассказывай, сестра: чего приехала? Аль беда какая? Как там мама?

— Да помаленьку, прибаливает, старая уж, чего там. А вы тут как?

— Да тоже потихоньку, живём — хлеб жуём!

— Я в больницу, Вась, на обследование отправили. Вот с утра и поеду. А там уж как будет, — Аня не любила показывать свой страх на людях, даже перед братом она не расчувствовалась.

Пройдя все процедуры, словно круги ада, Анюта узнала, что у неё рак и нужно лечиться, пока не поздно.

«Не поздно для чего?» — подумала она, выходя из больницы. Взглянув на голубое небо, она проглотила горький спазм, рвущийся из груди наружу. «Господи, за что мне всё это? Ведь и не жила ещё. Как я оставлю девчонок одних, кому они нужны, Господи?» Но небо молчало, все ответы были глубоко внутри, только Аня их не видела.

Корову пришлось продать.

— Прости меня, родная. Не свидимся уж с тобой, служила ты нам верой и правдой, никогда не подводила. Стара уж стала: куда тебя определят?

Проводив взглядом до поворота уходящую Чернуху, Аня вернулась в сарай. В углу, в оставшейся копёшке, она и дала волю чувствам. Тихо и беззвучно плакала Анюта, уткнувшись лицом в солому, слёзы лились рекой, уходя в самые глубины Вселенной.

Забрав Галину, Аня поехала в город. Там она сняла квартирку в частном секторе у какой-то бабульки и стала лечиться. Дни проходили совсем безрадостно. Галя ходила в школу, но то ли от перемены места, то ли от страданий, выпавших на их долю, ничего из своей школьной жизни она не помнила.

Аня постепенно угасала. Сделали операцию, грудь отняли, но и это не помогло, смерть уже нависла над ней своей тенью. Всё труднее приходилось Галине, матери нужно было помогать в обычных повседневных делах, даже помыться сама она уже не могла. Волосы у Анны были почти до пят, но стричь она их не разрешала. Валентина наведывалась только на выходные, в перерывах между работой, тогда и мыла мамины волосы.

— Галя, подойди ко мне, скажу чего.

— Что, мамочка?

— Иди к Василию, позови его, пусть придёт.

Галина стремглав помчалась через весь город к дому дяди Васи. Идти нужно было через всю Николаевку. Она шла, торопясь; конечно, она понимала, что мать не просто так её отправила, но повсюду было столько соблазнов! Вся Николаевка была усыпана ранетками. Повсюду росли деревья — и во дворах, и возле. Галина налопалась от пуза маленьких яблочек и постучала в калитку к родне. Никто не открывал, а ворота были высокие, ей не достать задвижку. Галя пробралась по палисаднику к окнам, постучала в закрытые ставни. Но тут прибежала Надя, двоюродная сестра, почти ровесница Галины, и отперла огромные ворота.

— Надь, позови дядю Васю.

— Да нет его дома, у соседей он, что-то празднует.

— Ну, пошли к соседям.

Надя довела её до соседнего дома, а сама побежала обратно.

— Дядюшка, пойдём, мама зовёт, плохо ей.

— Да, сейчас иду. Подожди немного на улице.

Сколько Галя там просидела, только дядюшки всё не было. Уж вечер наступил, ей бы домой бежать: как там мама? — а она сидит как вкопанная.

— Чего сидишь? — спросила подошедшая тётя Маруся.

— Да вот дядюшку жду, маме плохо.

Тётя Маруся рассвирепела, в два шага она зашла в дом. Через минуту они уже шагали все вместе к Анне. Дядя Вася косо поглядывал на свою жену, боялся он её как огня, да и не пил в основном никогда, а тут случайно на огонёк зашёл да и засиделся за стопкой. Чувствовал, что вечером будет буря, но тихо, понуро шагал за Марусей.

— Мария, позаботься о моей Галинке. Умру я скоро, отдай её в детский дом. Валя не справится с ней, у неё своя жизнь, да и работа, по неделе дома нет. Кто за ней смотреть будет?

— Да не переживай, к себе заберём, — сказала сердобольная Мария, хотя у самой места едва хватало для своих детей.

— Нет, Манечка, говорю тебе, отдай в детский дом, там за ней присмотрят, исполни мою волю.

Галя лежала, отвернувшись к стене, на своей кроватке, слёзы текли от горьких слов мамы. «Как в детдом? Почему?» От обиды на мать её захлёстывало гневом.

На следующий день Анны не стало.

Галина сидела у кровати матери. Та уже еле дышала, жизнь постепенно уходила с этого красивого и родного лица. Обидные мамины слова всё ещё стояли в ушах, Галя хотела задать маме вопрос, но, взглянув на мать, увидела только её последний вздох.

Она ушла тихо, без слёз и прощаний. Волосы ей Маруся с вечера распустила, и теперь по этим волосам, струящимся до самых ног Анюты, уходили какие-то мелкие насекомые — тонкой полоской, ровным рядком, как будто отряд.

Галина испугалась и побежала за соседкой.

На похороны собралась вся родня: братья, сестра, приехала Валентина из поездки и привезла с собой бабушку.

Вынесли гроб, несколько минут постояли, прощаясь, потом понесли по улице, соблюдая дань последней дороге. Надя и Галина шли, громко причитая: то ли насмотрелись на скорбящих родственников, то ли просто сама процессия вызывала у них расстройство, но только ревели они на всю округу.

— А ну заткнитесь обе, — шикнула на них Маруся. — Вот бестии окаянные, разорались.

Галина

Дальше было всё как в тумане.

Сердобольная тётя Маруся позаботилась, чтобы Галину отдали не в детский дом, а в школу-интернат. Всю неделю Галина жила и училась там, а на выходные приходила домой. Теперь дом её родственников стал домом и для неё. Но, к сожалению, вторым. Гале пришлось привыкать к новым условиям жизни. Коллектив класса, школы — одно, а коллектив в интернате — другое. И там, и тут были воспитатели, учителя. С виду заботливые, но на самом деле такие же измученные жизнью, как и её мать, тётки.

Первый день в интернате показался Галине адом, ей казалось, что на неё со всех щелей смотрят любопытные глаза. Всем интересно знать, кто ты, как попал сюда. Многие дети были из неблагополучных семей. К лицам этих бедных детей навсегда прилип отпечаток неблагополучия. Таких детей всегда легко узнать. А Галя была чистенькая, светящаяся изнутри. Конечно, она была подавлена смертью матери, но в свои десять лет она оставалась живым ребёнком. У неё были горячо любимая сестра, которая обещала её навещать, и семья дядюшки. Но таких вот благополучненьких-то как раз и не любили в детском доме.

В первую же ночь она узнала все прелести совместного общежития. Девчонок в комнате было восемь человек. Весь вечер они не давали ей уснуть. Началось всё с того, что кто-то подложил ей под одеяло лягушку. Ничего не подозревающая Галина подняла одеялко, все приготовились уже к представлению, но для неё лягушки не были противными существами — вот если бы паука подложили, тогда бы точно насладились её воплями во всей красе. А так только ехидный смешок протянулся по комнате. Галя взяла лягушку и вышла в коридор, собираясь пройти на улицу, но в коридоре сидела злая вахтёрша.

— Куда собралась?

— Лягушку вынести на улицу.

— Какая улица? А ну быстро спать пошла. Ишь, расходилась тут как у себя дома. Выкинь её в ведро. Я утром вынесу на улицу.

Галя подняла на вахтёршу умоляющие глаза, но та была непреклонна:

— Иди, иди, а то утром накажу, оставлю тебя без завтрака.

Галя не знала, что вахтёрша не может ещё и завтраками заниматься, и поэтому, бережно опустив лягушку в ведро, пошла в комнату. Слёзы капали из глаз, но перед входом в комнату она растёрла их кулаком — не хотела, чтобы все видели, как она плачет. Показывать свою слабость на людях она не любила — наверное, от матери ей достался этот стержень.

Спать легла, когда все угомонились. Но, несмотря на это, утром, едва спустив ноги с кровати, она наступила на что-то липкое и поздно поняла, что падает. Какая-то зараза раздавила лягушку и положила ей прямо под ноги. Тут уже её нервы не выдержали, и она расплакалась — от боли, от унижения и от жалости к бедной лягушке. Ну и к себе, конечно. Все по-дурацки хохотали, только одна девочка не участвовала в общем веселье.

Галя подошла к ней, когда успокоилась.

— А ты чего такая грустная? Тебе тоже тут достаётся?

— Не обижайся на них, они добрые, только несчастные.

— И от этого такие злые?

— Да не злые, не переживай, просто не обращай внимания. Когда они поймут, что тебе всё равно, то отстанут, а если будешь постоянно реветь, то раззадорятся ещё пуще. Пойдём завтракать.

Кормили в детском доме, как и в любом режимном учреждении, строго по часам.

Завтрак состоял из манной каши и кусочка хлеба с чаем. Иногда давали масло или повидло, но только в редких случаях.

Галя немного поела и хотела выйти, но получила лёгкий подзатыльник сзади.

— Ешь, — сказала воспитательница, — тебе ещё в школу идти, обед не скоро будет.

Скоро она поняла, что съедать нужно всё, потому что голод мучил её постоянно. Питание было скудным, в определённые часы. И если дома она могла хоть сухарик погрызть в перерывах между принятием пищи, то тут таких привилегий не было.

На выходные она уходила к дядюшке и там уже ела впрок, чтобы на всю неделю хватило. Тётя Маруся не жалела для неё еды, но постоянно переживала:

— Что ж ты как голодная-то? Иди погуляй, потом придёшь — ещё поешь, а то того и гляди заворот кишок будет.

Но тётушка так вкусно готовила, что остановиться было невозможно. Чего только стоили её квашеная капуста и мочёные помидоры! У них в сенях постоянно на зиму засаливали целыми деревянными бочками огурцы, помидоры, грибы и капусту. Галя даже, бегая по улице с девчонками, нет-нет да и заскочит в сени, чтобы огурчик стянуть из бочки. А рядом с домом и в палисаднике росли ранетки и черёмуха — вот где объедение-то!.. Так бы там и сидела целыми днями.

Каждый день начинался с утренней гимнастики. Так не хотелось выкарабкиваться из-под одеяла, но строгие воспитатели не давали проходу. Одно радовало: по утрам здесь не было холодно. Когда они жили с мамой, с утра в доме всегда стоял лютый холод, печка к утру остывала, стыла и хата.

«Надо бежать к умывальнику, — подумала Галя, — а то потом придётся дожидаться всех, ещё на завтрак опоздаю». Она провела в интернате уже почти два с половиной года. Её группу приставили к малышам. Кто-то из взрослых детей убирал комнаты, мыл посуду, помогал в прачечной стирать. А Галине повезло: работать с детьми — одно удовольствие. И ребятишки любили её, ждали всегда с нетерпением.

— Галь, почитай нам сказку, — заканючил Васька, двухлетний малыш.

— Сказку? С удовольствием… В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. Любил всех детишек безумно, и поэтому у самого царя детей было аж пятнадцать. Как-то раз заболел он страшной болезнью, позвал к себе детей своих и говорит: «Всё, помираю я, детишки. Если хотите, чтобы я выздоровел, то пойдите и принесите мне огненной воды, чтоб я взбодрился, сладкого банана, чтобы я насытился, и травы-муравы, чтобы я окреп». Дети стали кричать наперебой: «Я, батюшка, я пойду!» — «Идите с миром», — сказал царь и уснул долгим сном. А дети посидели, подумали: «А как искать-то всё это? Ведь бананы-то у нас не растут, да и с водой туго дело». Разошлись по разным сторонам света, некоторые и до сих пор бродят. И только один, самый младший, никуда не пошёл. «Что толку, что я буду бродить по свету, а отец умрёт тем временем?» Чтобы вылечить отца, ему понадобилась только любовь к нему. Заварил он обыкновенной крапивы, настоял в тепле и дал отцу напиться. «Что это, сынок?» — «Дак трава-мурава, батюшка-государь, всё как ты просил». — «А, да-да, спасибо, сынок. А огненная вода-то будет?» — «Да будет, конечно же». К вечеру натопил сын баньку и повёл отца париться. Парил-парил, всего веником исхлестал, а потом на улицу в снег его выкинул. Повалялся царь на снегу, замёрз, а сын его обратно в баню, да кипяточком ошпарил, чайку горячего налил, да всё это с любовью да с терпением. На следующий день порядком подлечившийся батюшка кричит: «Сын, а бананы-то где? Есть хочу». — «Будут тебе, батюшка, и бананы. Только глаза-то закрой, а я тебя и покормлю». Наварил сын картошки в мундирах, посыпал сахаром сверху — ну и чем не бананы? Наелся дед и сразу вылечился. Вот и сказке конец.

— Соломатова, тебя спрашивают в коридоре, иди быстрее, — прокричала снизу вахтёрша.

Галя со всех ног полетела на выход. Внизу стояла Валентина. Скупо обняв сестру, она повела её в город.

— Пойдём погуляем, я тебя отпросила на сегодня.

— Валь, что случилось-то?

— Замуж я выхожу, в другой город уезжаю.

Валентина уже была замужем, и от первого брака у неё рос сынишка.

Галя заплакала:

— Опять ты меня одну оставляешь?

— Ну будет, будет, не реви. Я буду приезжать, а как выучишься, ко мне переедешь.

Галя обняла сестру; правда, ей пришлось наклониться, она уж давно переросла её. Валентина по-прежнему была малюсенькой, метра полтора ростом, не больше.

Жизнь шла своим чередом. Интернат был позади, Галине исполнилось уже пятнадцать лет, и дальновидная тётушка отправила её учиться в педагогическое училище на воспитателя.

— И в тепле всегда будешь, и опять же уважение тебе и почёт!

Так и порешили. Все четыре года учёбы Галина жила в доме у родных, на лето уезжала к Валентине, в другой городок.

Ох, свобода! Позади несколько лет учёбы, а впереди целая жизнь…

Теперь у Галины были образование и билет в будущее! Спасибо доброму и светлому ангелу во плоти — тётушке Марусе за её бескорыстную помощь и любовь всеобъемлющую!

Но всё хорошо в меру, и Галина понимала это. Надо самой дальше устраивать свою жизнь. Купив билетик на поезд, она понеслась к своей любимой и единственной сестре, самому дорогому человечку на этой земле.

Валя жила в небольшом городке со всей своей дружной семьёй. У неё был самый чудесный муж на свете, Владимир. Человек-гора, потому что и ростом его Бог не обделил, и статью, да и души был необыкновенной. В это время Валентина родила уже дочку, и дом был полная чаша. Конечно, в те времена это громко сказано: скорее, «полная чаша» означало — богатство духовное, хорошие отношения, любимые дети. А что ещё надо для тихого семейного счастья? Галина наконец попала в атмосферу любви и взаимопонимания, чего ей так не хватало в интернате.

Маленький любознательный сынишка Вали постоянно вился вокруг Галины.

— Галя, а ты мне игрушку какую-нибудь привезла?

— Андрюшечка, да где я тебе игрушки-то возьму? У меня же и денюжек-то нет. Вот заработаю и куплю тебе целый вагон игрушек!

Но Андрюшка уже убежал с глаз, чтобы любимая тётушка не увидела его слёзы. Галя пошла искать его и нашла возле забора. Андрюшка стоял, прислонившись носом к щели в заборе, и почти не дышал от страха, но тем не менее смотрел не отрываясь.

— Заяц, ты чего там увидел?

— Ничего я не заяц, — нехотя отстраняя нос от забора, ответил мальчуган. — Там собака, огромная!

— Смотри, откусит нос-то!

И тут Андрюшка завопил как подорванный, на его ор сбежалось всё семейство.

— Галина, ну ты даёшь, только приехала — и уже ребёнка обидела, — проворчала сестра.

— Да я ему и не сделала ничего. Ты чего орёшь? — строго прикрикнула на племянника Галя.

— Собаку хочу-у-у-у! — затянул Андрюшенька.

— Ах ты, паразит такой! А ну иди домой быстро, я тебе покажу собаку. Вот напугал-то.

Все, дружно расхохотавшись, пошли в дом, одному Андрюше было невесело. Страшно хотелось собачку, которая весила почти полцентнера.

— Андрюша, пошли в огород за морковкой.

И вот уже бежит малец за тёткой в огород, позабыв про все свои несчастья.

— Галя, смотри, там что-то шевелится в кустах.

В небольшом палисаднике росли кусты сирени, черёмухи и рябины. А под ними — крыжовник, почти в тени, и смородина. Пробираясь через царапающийся крыжовник, они пошли смотреть, что там за чудовище притаилось, но там спряталась маленькая Оля. Сидела и тихонько ела смородину.

— Пойдём, я выведу тебя отсюда. И как ты только забралась-то сюда?

— Нет, я сама пойду.

Оля побаивалась эту незнакомую тётю, она ведь её ещё толком и не знала. Галя приезжала к ним только на лето, но в прошлом году Олечка была совсем ещё маленькой и не помнила её.

Но потихоньку ребёнок привыкал к своей тётушке, так нежданно-негаданно свалившейся на её бедную голову. Мама и папа работали круглые сутки и Ольку поручили Галине. Она устроилась работать в детский сад воспитательницей, а Олю на радостях туда же определили, и Валя с чистой совестью вышла на работу.

Подружившись с девчонками на работе, Галя стала пропадать по вечерам.

Подходило лето к концу, августовские денёчки были ошеломительно-прекрасными, потому что молодость, потому что всё плодоносит и радует последним цветением. В садах опадали ранетки, яблоки. На грядках дозревали последние пупырчатые огурчики.

— Галь, идём гулять, вечер такой замечательный, — завлекала подружка Вера.

— Да, сейчас Ольку отведу домой и приду к вам.

— Ну давай, будем ждать на нашем месте.

А место было на крыше старого сарая у Веры во дворе.

Забрав Ольгу из садика, Галя побежала домой.

— Тёть, а тёть, на ручки возьми, — канючила девчушка.

— Ну вот ещё! У тебя ноги-то для чего?

— Хочу на ручки, — горланила Ольга до самого дома.

Валентина опять начала ворчать на сестру: роди, мол, сама и воспитывай своих детей.

Но Галя её и не слушала уже. На ходу схватив пару оладий, она стремглав понеслась на улицу.

На улице Галина вдохнула аромат вечернего воздуха и понеслась к своей дружной компании. Парни, Роман и Василий, уже сидели на заборе, дожидаясь девчонок.

— Привет, Галь! Чего одна?

— А что, Веры нет ещё?

Оглядываясь назад, Галина увидела бегущую Веруню. Девчонки обнялись, как будто век не виделись.

— Ну чего замерли? Чем займёмся? — спросила Вера.

— А пойдём грабить огороды? — произнёс Василий. — Я видел, у соседей огурцы прям у забора растут.

— Что, у тебя огурцов дома нет? — спросила Галина.

— Есть, но то ж свои, надоели.

И они понеслись на поиски приключений.

— Так, девчата, я перелезу через забор и буду вам огурцы кидать, а вы ловите, — сказал Ромка и полез за ограду.

Вера перелезла вслед за ним.

— Ты чего? А если нас увидят?

— Рви давай, а я передавать буду.

Ромка с упоением начал обдирать огурцы, а Вера перекидывала их на ту сторону. Вдруг из будки

не спеша вылезла хозяйская собака и огласила округу заливистым лаем.

На шум выбежала хозяйка.

— Эй, кто там? — спросила она, вглядываясь в темноту.

Молодые люди бегом рванули через забор. Вера зацепилась платьем за гвоздик в заборе, и послышался характерный звук рвущейся ткани.

— Блин, я платье порвала. Как я теперь дома покажусь? Влетит мне.

— Ладно, потом об этом подумаем. Бежим.

И, схватив огурцы, они помчались на свой чердак.

— Галь, а платье-то моё испорчено совсем, и, наверное, по кусочку смогут догадаться, что я там была. Мы ж с тобой всё-таки воспитатели, попадёт нам.

— Да таких платьев пруд пруди в нашем городишке. Воспитатели что, не люди?

— Девчат, хорош страдать, давай в дурака поиграем, — Ромка раскладывал карты, громко хрумкая огурцом.

Гале не везло в карты.

— Надоело уже. Сколько можно меня в дураках оставлять? Вась, сыграй нам что-нибудь на гитаре.

Василий взял гитару, и полилась чудесная музыка. Пел Вася почти так же хорошо, как и играл.

Ты меня своим назови,
Разгони всю печаль-тоску,
Поцелуй для тебя — лови,
Мы с тобою ничем не рискуем.

Загляни в мою душу — печаль
Наполняет озёра синие.
Мне с тобой ничего не жаль,
Мы с тобой параллельные линии.

Галя слушала его, обмирая сердцем, и понимала, что поёт он ей одной.

«Неужели это моя судьба? Как знать, а вдруг ошибусь? Ведь так сложно разобраться в этой жизни. Да и люблю ли я его?» Галя прислушалась к своему сердечку, но оно молчало.

Провожал в этот вечер её почему-то Роман. Василия поволокла за собой Вера, им было по пути.

— Галина, у тебя такие красивые глаза, — невнятно пробормотал Ромка. — Ты вообще сама вся такая красивая и светлая.

А Галя и сама знала, что она красивая. Большие карие глаза, брови вразлёт, пухлые губки и каштановые густые волосы. Фигуркой тоже ладная: тонкая талия, слегка полноватые, но стройные ножки.

Он потянулся губами к своей спутнице, но Галя увернулась и со смехом понеслась в ограду.

— Пока, Ромка, спокойной ночи!

Укладываясь спать в этот вечер, Галя всё никак не могла успокоиться. «Они как будто оба в меня влюблены. Что же делать, кого выбрать-то?»

Но примерно так же думала и Вера в этот вечер. Девчонки такие существа: каждый взгляд в свою сторону они принимают как воздыхание на свой счёт.

Осень пролетела незаметно. Зимними вечерами девчонки редко выходили на улицу, да и с парнями им обеим встречаться было неохота. Просто ходить по улицам, взявшись за ручки им было неинтересно, а слушать песни на чердаке зимой не очень романтично. Однажды Вере попалась статья, в которой приглашали молодых девушек и парней для работы в порту в городе Владивостоке.

— Галь, смотри что я нашла, — Вера показала вырезку из газеты. — А давай с тобой рванём туда? На работу устроимся на корабль, будем плавать по морям-океанам, страны разные, города.

У Галины заколотилось сердце, как будто она уже и вправду попала на корабль; воображение рисовало морские пейзажи, заморские страны. Да и терять-то ей было нечего.

— Валя, я еду во Владивосток, работать, — в этот же вечер выдала Галина сестре.

— Да ты что, с ума сошла? Кто тебя там ждёт-то? Тут у тебя и работа, и семья. Мы уж к тебе привыкли. Да и как я без твоей помощи-то? На кого я теперь Ольгу-то оставлю, кто её из садика забирать будет?

— Ну Валечка, ну пожалуйста, отпусти меня. Андрюша уже большой, он о сестрёнке позаботится. А я к вам, как и раньше, приезжать буду, подарки привозить из-за границы.

— Да кому ты там нужна, за границей-то? Кто тебя туда пустит?

Но Галина уже заболела романтикой путешествий, и остановить её мог только всемирный потоп.

Веру родители вообще заперли под замок. Пришлось дожидаться, когда все успокоятся и потеряют бдительность, да и вызов из Владивостока всё никак не приходил, а девушки отправляли туда запрос, так как это был закрытый город.

И вот наступил долгожданный момент: девчонки уволились с работы и, сев на поезд, отправились искать на свои головы приключения.

Поезд мчал на восток. В вагоне было холодно, девчата одели на себя всё, что можно было, сверху ещё и одеялом укрылись.

— Представляешь, Галя, уже через неделю-другую мы с тобой поплывём на каком-нибудь пароходе за границу. Ты будешь официанткой, а может, и горничной… — мечтала Вера, отбивая чечётку зубами.

— Ага, а ты, наверное переводчицей? — съязвила Галина. — Дай Бог, если уборщицей-посудомойкой возьмут или каюты мыть-убирать.

— Ой, да хоть бы и так, зато по морю поплаваем!

— Походим.

— Что?

— Походим, говорят, а не поплаваем. Спи уже.

Галя не очень-то верила во всю эту авантюру, но отступать уже было некуда. Поездка предстояла долгая, около четырёх дней, а Вера своими мечтами утомила спутницу на вторые сутки. Было желание выйти и сесть на обратный маршрут.

— Девчата, берите пирожки, угощайтесь,— предложила соседка по купе.— Куда путь-то держите, горемычные?

— Мы, тётенька, едем в город Владивосток,— сказала Вера,— будем на пароходах, кораблях работать!

— Вот удивили! Да кто вас туда возьмёт-то?

— Ну как это? Мы в газете прочитали: требуются рабочие в морское пароходство!

— Ну, верно, девчонки,— рабочие. Это же, наверное, мужики нужны, чтобы на суше работать, а на корабль ещё попасть не всякому дано.

— Да ну, мы вот приедем и посмотрим,— стояла на своём упрямая Вера.

А Гале было уже совсем дурно от этих слов. Дурное предчувствие не покидало её до самого Владивостока.

«Куда едем, зачем? Только жизнь налаживаться начала: работа, семья сестры. Как мне там было хорошо,— думала Галя. Очень хотелось поплакать, но никто никогда не видел Галиных слёз, и тут она не заплачет.— Приедем, посмотрим, а там видно будет»,— рассудила она.

И вот, после четырёх дней пути, они наконец приехали во Владивосток.

На улице, несмотря на март месяц, моросил мерзкий колючий дождь. Галя поёжилась, её предчувствие начинало сбываться.

— Какой неприятный город!

— Да ты что, Галечка! Посмотри, какой красивый вокзал!— не унималась позитивная подружка.

— Чем восхищается? Серость кругом!— вздохнула Галина.

Сняв комнатку возле вокзала, наскоро помывшись и побросав все свои чемоданы, девчата приступили к намеченному плану. Пошли по указанному в газете адресу, на улицу Алеутскую, в здание морского пароходства. Дальневосточное морское пароходство считалось одной из крупнейших российских судоходных компаний. Снаружи здание выглядело весьма величественно: трёхэтажное, в стиле романтического модерна, выполненное из кирпича, с балконами на консолях. Галя где-то читала, что построено оно было по заказу купца первой гильдии и почётного гражданина Владивостока Юлия Бриннера в 1910 году. Сердце сжалось от нехорошего предчувствия. Внутри по всему холлу пролегала красная ковровая дорожка. Было неудобно даже идти по этим коврам, шли на цыпочках, боясь замарать. Охранник строго окликнул их:

— Так, девушки, куда путь держим? Пропуск показывайте.

— Да мы на работу устраиваться,— пролепетала Вера.

— А, ну это вам на второй этаж, в отдел кадров.

Девчонки понеслись наверх, сгорая от нетерпения.

— Куда вас направить,— орал кадровик в отделе,— на какой корабль? Вы откуда тут нарисовались?

Потом поглядел на чуть не плачущих девчат и спросил строго.

— Документы какие-нибудь есть? Кроме паспорта, конечно.

— Вот,— дрожащим голосом выдохнули девчата и протянули ему дипломы об образовании.

Кадровик, глянув буквально одним глазом, довольно улыбнулся:

— Ну вот, с этого и начинали бы!

Быстро набрав чей-то номер, он затараторил:

— Людмилочка Ивановна, вам воспитатели ещё нужны?.. Два!.. Так, всё, даю адрес, пусть прямиком и топают.

Быстро нацарапал адрес на листочке и, протягивая девчонкам, сказал:

— Вот, тут адрес, в нашем подшефном детском саду катастрофически не хватает воспитателей. Так что бегом туда. Корабль, хм-м…

Расстроенные девушки уныло побрели восвояси.

Начались прежние детсадовские будни, мечты о кораблях и далёких плаваниях уплыли так же быстро, как и приплыли в их безумные головы.

А на корабли девчата бегали смотреть к морю— действие тоже, надо сказать, завораживающее!

Молодость била ключом, девчонки с радостью принимали все её дары!

Танцы, молодые люди, одиноко вздыхающие им вослед. Да и как тут было не вздыхать от такой красоты?

— Галь, на танцы пойдём сегодня? В Доме офицеров сегодня что-то празднуют, меня пригласили знакомые парни.

— Да я устала, сегодня без напарницы работала, мне бы ноги вытянуть,— и Галина с надеждой посмотрела на свою кровать у стены.

Девчата уютно устроили свой быт: нехитрые покрывальца они привезли с собой и заправляли ими свои постели, на столе лежала скатёрка, которую Вера прихватила у своей матери. Чисто, уютно, от прежних хозяев им даже шкафчик достался. Вещей у девчонок было немного, да и те от сырости превращались в серые обноски. Погода во Владивостоке очень переменчивая: май и июнь— влажные, с большим количеством мороси и туманов, сменяющихся солнечными днями; наилучшая погода стоит в июле и в августе, хотя последний также отличается некоторым количеством непродолжительных, но очень сильных тайфунов,

крайне напоминающих тропические ливни. Да плюс ко всему ещё сильные пронизывающие ветра.

Галя со вздохом полезла доставать свои выходные туфли, но, открыв шкаф и увидев их там, она чуть не разревелась от обиды и отчаяния.

— Галь, ты чего там пыхтишь? Собирайся быстрее, а то мы опоздаем.

— Да куда мы опоздаем-то? Вообще никуда не пойду. У меня все туфли заплесневели.

— Ой, подумаешь — беда какая, сейчас уксусом протрём и поставим на плиту, над чайником посушим.

Отопление уже не работало, и Вера принялась с воодушевлением начищать Галины туфельки, да и свои заодно протёрла.

И вот наступил долгожданный миг: девчата подошли к зданию Тихоокеанского морского флота. Войдя в здание, они услышали чудесную музыку.

— Вера, а кто это поёт? — шёпотом спросила Галина.

— «Синяя птица»! Пошли быстрее!

В актовом зале их ждали молодые люди.

Не повторяется, не повторяется,
Не повторяется такое никогда!..
М-м-м-м-м-м-м…
Первая любовь, школьные года…

Сердце отбивало в такт музыке, которая проникала во все уголки сознания. Зачарованно наблюдая за всем происходящем в зале, Галина даже не услышала обращённых к ней слов:

— Разрешите вас пригласить на танец?

Уже играла другая музыка, не менее прекрасная:

Там, где клён шумит…
Поросло травой,
Поросло травой,
Поросло травой
Место наших встреч…

— Да, пожалуйста, — ответила она и пошла танцевать.

— Как вас зовут, прекрасная незнакомка?

— Меня — Галина. А вас?

— А меня — Владимир.

Они танцевали, пока не зазвучал «Белый теплоход». Владимир нехотя отпустил Галину и пустился в энергичный пляс.

Любопытная Вера подбежала, запыхавшись и краснея от своего нового ухажёра.

— Галечка, ну как всё прошло? Что он тебе говорил? Вы с ним познакомились?

— Да, конечно, познакомились. Он сказал, что его зовут Владимир.

— Что, и всё?

— Ну. А что ещё надо?

— Ну, он предложил тебе встретиться?

— Нет, а что?

— Галь, ну что ты такая скучная-то? Сама бы предложила.

— Ну вот ещё, больно надо.

— Да ты хоть знаешь, кто он?

— Офицер?

— Ну да! И что, тебе этого мало?

— Да не моё это. Посмотрим.

Всё чаще она выходила к воде, погулять, полюбоваться красотами Японского моря. Но ещё больше её притягивал причал, откуда можно было смотреть на корабли, уходящие в дальние плавания и просто стоящие в порту.

Временами они вместе с Верой прогуливались по городу, рассматривая его достопримечательности. Город раскинулся на живописных сопках по берегам бухты Золотой Рог, которая является превосходным местом для стоянки судов, размещения портов, судостроительных предприятий. В городе многое связано с морем и флотом. Иногда их заносило даже на фуникулёр, просто покататься вверх до сопки Орлиное Гнездо и обратно. Орлиное Гнездо — самая высокая точка города, откуда открывается красивейшая и неповторимая панорама Владивостока. Ну где ещё в СССР можно было покататься на канатной дороге?

В одну из таких субботних прогулок они случайно забрели в матросский клуб на танцы. Играла музыка, танцевали молодые морячки, служившие на Тихоокеанском флоте, и местные девушки.

— Вера, посмотри, какие парни на нас смотрят!

— Где?

— Да вон там, в уголке, один чёрненький, а другой светленький.

Когда Вера посмотрела в их направлении, молодые люди уже подходили к ним. Они тоже увидели двух незнакомых хорошеньких девушек и решили познакомиться.

Музыка играла что-то романтическое, в воздухе пахло чем-то непредсказуемо ванильным.

«Что это? — думала Галя. — Почему мне так хорошо?» Это ангел своим крылышком коснулся её щеки и тихо прошептал ей на ушко: «Вот он!» — «Где? Который?» — «А куда смотрит твоё сердце? Обратись к нему». Но сердце ещё не успело ничего отбить, как Он посмотрел ей в глаза, и она в них утонула. «Он?» — спросила она ангела. «Он!» — ответило её сердце.

— Юрий! Разрешите? — и он протянул к ней руку.

И Галя, не думая, шагнула…

«Горько! Горько!» Пела и плясала двойная свадьба. Галя нашла свою судьбу с Юрием, а Вера — с Виктором. Две сумасбродные путешественницы-воспитательницы выходили замуж за моряков четвёртой бригады подводных лодок. Девушки были в коротеньких белых платьях, с фатой до плеч, миниатюрные, нежные, воздушные создания, с обалденно красивыми морячками, которые

даже во время своего торжественного дня были в морской форме.

Подходила к концу трёхлетняя морская служба морячков. Встал вопрос: куда податься? Поехали к родителям Юрия в Читинскую область, станция Оловянная.

Галя пошла к морю—попрощаться навсегда со ставшими ей такими родными просторами. Волны методично подкатывали к берегу, отбиваясь обратно. А под сердцем у Гали уже притаилось маленькое чудо, которое наблюдало через призму внутреннего мира за великолепием мира внешнего, за буйством морской стихии. И хотя многие скажут, что это невозможно, но это не так. Душа, которая живёт внутри материнской обители,—уже вполне самостоятельная основа бытия, и она умеет слышать, чувствовать и даже видеть всё! А некоторым удаётся даже запомнить эти мгновения и пронести их через всю свою жизнь.

Александра

А тут речь пойдёт о происхождении Галиной половинки, а вернее, матери Юрия—Александры.

Жизнь в деревнях никогда не была лёгкой и радостной, но в начале двадцатого века русский народ жил в состоянии постоянного стресса.

С самого начала 1928 года Сталин начал активно проводить разъяснительную и пропагандистскую работу. В январе во время поездки по Сибири он объяснял необходимость, вынужденность своих радикальных решений и действий:

«…Мы имеем в этом году нехватку, дефицит более чем в 100 миллионов пудов зерна… Он приведёт к тому, что наши города и промышленные центры, а также наша Красная Армия будут поставлены в тяжёлое положение… Урожай у вас високосный, можно сказать, небывалый. Хлебных излишков у вас в этом году больше, чем когда-либо, а план хлебозаготовок не выполняется. Почему, на каком основании?..

…Разве это не факт, что урожай у вас в этом году по Сибири почти такой же, как в прошлом году? Почему же вы считаете план невыполнимым? Посмотрите на кулацкие хозяйства… имеются хлебные излишки по 50–60 тысяч пудов на каждое хозяйство, не считая запасов на семена, продовольствие, на корм скоту…

…Если кулаки ведут разнузданную спекуляцию на хлебных ценах, почему вы не привлекаете их за спекуляцию? Разве вы не знаете, что существует закон против спекуляции—107 статья УК РСФСР, в силу которой виновные в спекуляции привлекаются к судебной ответственности, а товар конфискуется в пользу государства?»

Можно обратить внимание на политтехнологичность речи Сталина: он ничего не говорил об экспорте зерна, его сокращении или невозможности, а—о тяжёлом положении городов и Красной Армии. Сталин продолжал объяснять:

«…Что значит взвинтить цены на хлеб?.. Это значит, прежде всего, подорвать зарплату рабочих (которая через одиннадцать лет после захвата власти большевиками ещё не достигла уровня 1913 года.—*Р. К.*)… Но в таком случае пришлось бы и поднимать цены на промышленные товары… Но на этом дело не кончается. Допустим, что мы подняли цены на хлеб процентов на 50–60 в январе или весной этого года, перед подготовкой к севу. К чему это привело бы? Мы дезорганизовали бы тогда сырьевую базу нашей промышленности. Хлопкоробы забросили бы хлопок и перешли бы на хлеб как на более выгодное дело. Льноводы забросили бы лён и перешли бы тоже на хлеб. Свекловоды поступили бы таким же образом… Короче, мы бы подорвали сырьевую базу нашей промышленности…

…Вот почему на спекулятивный удар кулачества по линии взвинчивания хлебных цен партия должна была ответить таким контрударом, который бы отбил охоту у кулаков и спекулянтов угрожать голодом рабочему классу и Красной Армии».

В данном случае Сталин имел в виду уже не 107-ю статью УК РСФСР, а организацию альтернативных производителей сельхозпродукции—колхозов и совхозов.

Тринадцатого февраля 1928 года Сталин направил обращение ко всем организациям ВКП(б) под названием «Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии», в котором неудачи в хлебозаготовках были свалены «на места», на местные власти—краевые, областные, районные—и звучало требование ужесточения хлебозаготовок. Статья 107 УК РСФСР была принята в 1926 году, но до 1928 года на практике её не применяли. Теперь раздражённый Сталин стал подталкивать местные власти к её применению, к законным репрессиям, к применению законодательных «рычагов влияния», чтобы за счёт конфискации компенсировать недобор в заготовках и пугнуть кулаков, вынудить их к продаже государству продуктов своего труда. И по 107-й статье в 1928 году в СССР было уже осуждено примерно десять тысяч крестьян.

Крестьяне новую политику партии восприняли настороженно, враждебно и «закрылись» в деревнях и сёлах—перестали не только продавать государству, но и возить свою продукцию на городские рынки. Это был их ответ и даже шантаж. Они это уже проходили при Ленине и заставили его смягчить политику, оставить их в относительном покое и пойти на уступки. Способ был простой, но очень эффективный: в городах через неделю уже почувствовался дефицит продуктов питания, а ещё через неделю, с пятнадцатого марта, советские власти были вынуждены в городах нормировать

продовольствие, чтобы прокормить рабочих; были введены ограничения и гарантированный минимум на потребление хлеба — «заборные книжки». В ответ негодующий Сталин, обозлённая советская власть с особым пристрастием занялись весенней хлебозаготовкой.

(Всё вышеизложенное взято из источника: Роман Ключник, «Сталин — период созидания. Гражданская война в СССР 1929–1933 гг.», — чтобы передать атмосферу того времени.)

Александра родилась в семье дочери зажиточного крестьянина (кулака) Натальи и простого бедного парня по имени Евсей пятнадцатого августа 1928 года и была последним ребёнком в семье. Наталья отличалась кротким нравом, была маленькой, худенькой, очень красивой женщиной, но черты её лица были скорее монгольскими, нежели европейскими. Смуглое лицо, миндалевидные карие глаза и чёрные волосы. Видимо, история её происхождения уходила корнями далеко вглубь. Монголо-татарское иго, существовавшее на Руси в течение двухсот лет (1243–1480 гг.), оставило после себя глубокий след и в истории, и в глубинной памяти людей. Евсей Калинин, отец Александры, был простым разнорабочим. Красивый голубоглазый парень. Многие девушки сходили с ума от его необыкновенно голубых глаз, но он выбрал маленькую изящную Наталью. Родители Натальи не были в восторге от выбора дочери, никак не могли избавиться от пережитков прошлого. За спиной была Октябрьская революция, все считались равноправными гражданами, но перестроить разум не так-то просто. Поэтому, уйдя со скандалом из семьи, Наталья лишилась родительского благословения, а с ним — всего остального, помощи родителей и их участия в воспитании внуков. Но когда начались всеобщая коллективизация и связанные с ней репрессии, Наталье и её семье удалось избежать наказания и гонений со стороны властей. Единственным богатством Евсея была лошадь, к которой он смастерил телегу и таким образом добывал лишний кусок хлеба для своей семьи. Перевозил продукцию (зерно, мясо и молоко) на сдачу государству.

Спустя два года после рождения Александры Наталья умерла от неизлечимой болезни. Евсей недолго горевал, да и детей надо было поднимать, поэтому в скором времени он женился на другой женщине.

Всё, что осталось Александре от матери, — это её портрет в восемнадцатилетнем возрасте и рассказы отца; сама она её не помнила.

Мачеха была классической по всем меркам подобного жанра: сухая, ворчливая и не красавица. Евсею пришлось работать ещё больше, так как с новой женой появились и другие дети. Она никогда не работала, но всё своё время проводила с детьми и хлопотала по хозяйству. Александра, несмотря ни на что, с благодарностью вспоминала её, так как та научила её многим женским премудростям и мастерству.

В свои шестнадцать лет Александра умела хорошо шить, вязать и готовить еду. А что ещё нужно для молоденькой девушки на выданье? Женихи вились вокруг неё стаями, но её единственный был ещё далеко.

Занавески дождя расплескали апрельские лужи,
На закате туманного дня обрывается миг.
Говорила судьба, что совсем уже ты мне не нужен.
За прекрасным далёко твой образ в сознанье возник.
Календарным листком обернулись далёкие дали.
Что исполнилось? Всё ли мечталось, моглось?
Позабыли, запурхались: всё ли от жизни мы взяли?
Из мечтаний далёкого прошлого всё ли сбылось?
Да не важно, мечта как кино: посмотрел — не запомнил…
Ну а если вмечталось в сознанье — скорее встречай!
Открывай ворота и включай свои мысли на полную.
А на столике в зеркале — суженый мой при свечах!

В одну из святочных январских ночей Александра по совету подружек решила погадать на суженого-ряженого. С вечера приготовила свечку и зеркальце. Выключила свет и при зажжённой свече стала вглядываться в зеркало. Глаза затуманились, очень хотелось спать, но он всё никак не появлялся, в зеркале играли блики от горящей свечи, волнующейся от дыхания Шуры. И вот, наконец, появился он! Шура от удивления аж глаза вытаращила.

«Неужто померещилось? Но нет, вот он, невысокий парень, и вроде как военный, — Шура судорожно сглотнула. — Повернись, дай посмотреть на лицо». Но зеркало в ответ только сверкнуло бликом свечи, и видение пропало. Всё, что она увидела, — это парня в шинели до пят, стоящего к ней спиной.

Немного времени прошло, как в посёлке появился Он. Шура шла в магазин за хлебом и встретила его. Ноги подогнулись, лицо запылало жаром, из рук выпала авоська. Сердце бешено колотилось в груди: неужели это действительно он?

— Девушка, вам нехорошо? — спросил Павел.

— Да, да, сейчас пройдёт, голова закружилась.

Они разошлись в разные стороны, но уже навсегда связанные судьбой, роковой встречей, неизбежностью, которая настигает нас в самый нежданный момент нашей жизни. Кто-то не понимает знаков судьбы, игнорирует, проходит мимо, но тут всё случилось обоюдно. Молодые люди полюбили друг друга и в скором времени поженились. Для Шуры замужество казалось благословением Господним: несмотря на свой юный возраст, желание сбежать от нелюбимой мачехи перекрыло все страхи перед неизвестностью.

Шли нелёгкие послевоенные годы: голод, разруха в стране, восстановление сельского хозяйства.

Успешное выполнение хозяйственных задач первой послевоенной пятилетки давало возможность повышать благосостояние народа. В конце 1947 года в СССР была проведена денежная реформа. Находящиеся у населения старые деньги обменивались в соотношении десять к одному. Реформа преследовала цель ликвидировать последствия Второй мировой войны в области денежного обращения, восстановить полноценный советский рубль. Денежная реформа проводилась не за счёт народа, она не сопровождалась повышением цен на потребительские товары.

Павел оказался очень трудолюбивым мужчиной, он умел делать практически всё: и печки складывать, и строить дома, да и каменщик из него был неплохой. И поэтому, поженившись, они уехали на строительство молодого посёлка Охотска в Хабаровском крае.

Там у них один за другим родились дети: сначала Галина двадцать шестого февраля 1947 года, а затем, шестнадцатого декабря 1948 года, родился Юра.

Однажды, гуляя с детьми, Шура очень сильно испугалась за них.

— Ой, какая черняввенька девочка,— на ломаном русском языке обратился к Шуре местный кореец (их вообще в посёлке было очень много: то ли на строительстве помогали, то ли жили там испокон веков).

Он протянул палец, чтобы пощекотать девочку, но Шура прибавила шагу.

Галина родилась смуглой, черноволосой, с коричневыми маленькими, но очень красивыми глазками. И как многие в Шурином роду, так и сама Шура несла в себе черты монголоидной расы. Юра же, напротив, родился беленьким, светлокожим ребёнком— видимо, в отца. Да и волосы у маленького Юры были светлыми, пшеничными. Дети были очень красивыми, и поэтому гулять с ними было очень опасно. Иногда посылали погулять бабушку, мать Павла, но она всегда возвращалась с прогулок нервной и раздражительной:

— Опять на улице корейцы приставали. Ну прямо не знаю, что и делать, хоть со двора не выходи.

Однажды маленькая Галя решила поиграть в прятки и взяла с собой Юру. Они вместе играли, прятались во дворе друг от друга, и Галине пришла вдруг идея спрятаться от мамы и бабушки.

— Юра, пойдём в будку спрячемся, собачка всё равно на улице лежит, а мы с тобой тихонечко там поиграем.

Они залезли в будку и удобненько там устроились. Будка находилась в глубине двора, и вскоре во дворе наступила тишина. Встревоженные Шура со свекровью вышли посмотреть, почему стало так неожиданно тихо. Но от увиденного на улице у них обеих зашевелились волосы на голове. Кругом была пустота и щемящая тишина.

— Галя, Юра, вы где?

— Мама, посмотрите за двором, а я по сараям пробегусь.

— Да, да, пойду.

Через некоторое время они обе вернулись, обеспокоенные отрицательным результатом поисков. Шура села на крылечко и тихонько заплакала. Мысли в голове проносились одна чернее другой. «Может, их похитили всё-таки корейцы,— думала она в отчаянии,— а может, ушли к реке и утонули».

— Мама, чего мы сидим-то? Надо поднимать людей, побежали к реке, может, дети где-то ждут помощи,— всполошилась Александра.

И они помчались к выходу со двора. И тут взгляд свекрови упал на собаку, виляющую хвостом.

— Шура, подожди. Смотри, собака как-то странно себя ведёт, в будку поглядывает и не заходит туда, хотя на улице пекло.

Они подошли к будке, Шура заглянула внутрь: там мирно лежали, обнявши друг дружку, ребятишки и сладко спали.

— Ну, сейчас я им задам,— сказала рассерженная Шура, но свекровь остановила её:

— Не пугай, пусть поспят. Выспятся— сами вылезут. Нашлись ведь, живые, невредимые, слава Господу!

— Ну, как тут у вас дела?— спросил вечером Павел жену и матушку.

— Да всё бы ничего, да детей сегодня чуть не потеряли: спрятались, хитрюги, в будку и уснули там.

— Ну и ладно, все живы-здоровы— и хорошо. Мать, налей-ка мне немного водки.

— Да где же её взять-то?— ответила мать Павла.— Ты же вчера ещё всё выпил.

Она с мольбой посмотрела на невестку, но та только плечами повела. Павел последнее время стал выпивать и иногда даже буянил. Шура не связывалась с ним, считала, что попьёт да и перестанет, жизнь-то трудная, устаёт сильно на работе, да и дома забот полон рот.

Так и проходили дни за днями, накатывая по спирали.

— Собирайтесь, бабы,— сказал как-то Павел своим женщинам.— Поедем счастья искать в тёплые края.

— Да куда же это ты собрался-то, Павлуша? Как же так-то вот, с места в карьер?

— Предложили мне работу там. У нас прорабом хохол один работает, уезжает он домой, в Украину, нынче, меня с собой зовёт— на стройке работать.

И, собрав весь свой нехитрый скарб, они подались жить в Украину. Дорога предстояла длинная и выматывающая, но они преодолели все препятствия и зажили новой жизнью в другой климатической зоне, с другими людьми и отношениями. Там Павел продолжал иногда выпивать, приходилось много работать, чтобы прокормить семью. Да и слаб, видно, он был, не мог себе отказать. Шура

терпела все тяготы жизни, ведь детей надо было поднимать. Старшие дети были уже взрослые: Юра учился в училище и поэтому не поехал, Галина тоже училась. Поэтому семья уехала с двумя младшими детьми.

Шура подрабатывала тем, что шила платья и халаты на всю округу, да и себе и детям тоже нужно было что-то носить, поэтому всё её время было расписано по минутам.

— Шура, давай сегодня в кино сходим, в дк фильм новый показывают.

— А с кем же мы ребятишек-то оставим?—спросила Шура.—Да и дошить мне тут кое-что нужно.

— Да что у тебя, времени не найдётся? Завтра всё дошьёшь, а детей соседка присмотрит, большие уже.

— А что за фильм-то хоть?

— «Молодая гвардия»! Я билеты купил, давай-давай.

— Мы же смотрели его с тобой. Но чего уж, раз купил билеты—пойдём,—рассудила Шура.—Когда ещё представится такой случай?

Они сидели в предпоследнем ряду. На экране показывали молодых ребят, которые помогали бороться с фашистскими захватчиками; что-то говорила Люба Шевцова, кажется, даже танцевала, несмотря на войну. А Шура наслаждалась обществом своего любимого мужа. Давно они не сидели вот так вот мирно, рядышком, вдвоём. Павел, как будто поняв настроение жены, взял её руку в свою. Так они и просидели весь фильм от начала до конца. На улицу вышли в приподнятом настроении, домой шли молча. Уже возле дома Шура остановилась, посмотрела с мольбой в глаза Павла и сказала:

— Павлуша, вот так бы всегда. Ты такой ласковый и нежный сегодня. Мы ведь семья с тобой, детишки у нас растут, не пей больше. Ведь нам хорошо вместе.

— Ну чего ты опять начала? Сказал же, что не буду больше пить. Не порти мне настроение на ночь глядя. Пойдём домой, спать. Ребятишек, наверное, уже уложили.

Дома было тихо, дети мирно посапывали в своих кроватках. Отпустили соседку и сели вместе пить чай. Шура больше не возвращалась к разговору, а Павел в ответ был ей очень благодарен за это. Подошёл к ней и нежно расплёл её волосы.

— Пойдём, Шурочка, спать. Всё у нас будет хорошо, верь мне.

Денис Забродский

Как хорошо, что есть зима!

● ● ●

Дома
Дымят
Печными трубами.
Метель в вечерней тишине
Свою мелодию угрюмую
На сон грядущий плачет мне…
Трещат поленья еле-еле,
И в доме тихо и темно.
Глядят величественно ели
В моё окно.
Как хорошо, что есть зима,
И белые в снегу деревья,
И эти старые дома,
И этот мир иной—деревня…
Где можно всё забыть и жить,
Как будто нет ни «до», ни «после»,
Легко прощать, легко любить,
Где ближе Бог и ярче звёзды…

Диалог с отцом…

— Непонятно мне вот…
— Подскажем…
— Если в ямах вся жизнь?
— Встанем!..
— Верить-то кому?..
— Нашим…
— Ну а чтоб не грустить?
— Вмажем!..
— Сможем преодолеть?..
— Сможем!..
— Нас-то у тебя…
— Двое…
— Я бы спел, а ты?..
— Тоже…
— Значит стоит жить?..
— Стоит!..

Виктория Иванова

Трухлявый пень

Волна

Снаружи тобой сожжена,
Изнутри собой выжжена.
Я безмерно чужая жена
И забытая хижина.
Оксана Ралкова

В тяжёлых сизых тучах, подмявших синеву июльского неба, вызрел дождь. Сорвавшись вниз, он накрыл тёмной плотной волной изнурённый от жары город. Он хлестал пожухлую листву, смывал зной и усталость, врывался в открытые окна, принося прохладу и свободу.

Впуская в дом свежий воздух, Лида раздвинула в стороны стеклянные створки на балконе. Вместе с ветром косые холодные струи хлынули внутрь. Девушка встала на цыпочки и подставила лицо дождю. С высоты девятнадцатого этажа был виден весь микрорайон с одинаковыми оранжевыми многоэтажками и пустынными, ещё не достроенными зданиями. Лида заправила за уши выбившиеся из длинной тёмной косы пряди и закрыла глаза, жадно дыша.

Постояв несколько секунд, она вернулась в дом и стала подбирать разбросанные в горячей ссоре вещи. Лёня, сгорбившись и опустив голову, сидел на полу у компьютерного стола под единственным в квартире-студии широким глухим окном. Услышав, как по рулонам обоев и картонным коробкам стучат капли дождя, он поднялся и вышел на балкон.

— Не закрывай! Дышать нечем! — крикнула вслед Лида и порывисто бросилась за ним.

— Лида… Хватит, — тихо ответил Лёня.

Он сдвинул балконные створки, занёс намокшие рулоны в комнату. Лида подняла с пола халат и села на диван. Обвела взглядом заштукатуренный потолок, ободранные стены, тесно составленную мебель. Остановилась на свадебном фото, стоявшем на стеллаже: каменный мостик, они прижимаются друг к другу — красивые и счастливые.

— Я вчера в парк ходила. Уток кормить, — тихо произнесла она. — Стояла у пруда, и вдруг плеск. Обернулась — по центральной площадке высокий парень бежит с коляской, толкает её вперёд прямо в лужу — брызги во все стороны, а он оббегает, ловит коляску за ручку, делает круг и снова с разбегу. А на лавочке девушка сидит и смотрит… Молоденькая, тоненькая, как кузнечик. Они такие светлые и хрупкие, сами ещё ребята, а уже родители. Представляешь, Лёнь? А потом, — Лида задумчиво улыбнулась, — потом смотрю, мальчишка, лет пять, может, увидел, как тот с коляской лужу рассекает, и ну за ним на велосипеде!

Лёня молча сел за компьютерный стол спиной к Лиде. Глубоко вздохнув, он откинул голову и прикрыл глаза.

— Лёня! Я так устала… — Лида закрыла лицо руками.

Лёня испуганно подскочил к ней, сжал в объятиях.

— Лида, Лидочка… Прости меня! — горячо зашептал он. — Слышишь? Давай обратимся в хорошую клинику? Ну хочешь, вместе обследуемся? Хочешь? Лида! Может, просто не время пока? Помнишь, ты мечтала о своей квартире? Как после свадьбы планировали? Полтора года ждали! Я уж думал, всё, с этим кризисом. Дождались же!

— Я здесь задыхаюсь!

— Сейчас я ванну доделаю, купим кондиционер… Угу? Если хочешь, можем вернуться к родителям, поживём у них, пока закончим ремонт, они всё равно в деревне до октября.

Лида встала на коленки, отстранилась от мужа, посмотрела на него с удивлением, словно в первый раз видела.

— Можем сегодня шторы посмотреть на сайте, — улыбнулся он. — Время ещё есть…

— Лёня, давай уедем? — перебила его Лида. — К океану! Лёнь! — она крепко обняла его, больно сжала плечо. — Пожалуйста! Ну хоть куда-нибудь…

— Поедем! Ремонт только закончим, за квартиру рассчитаемся. У меня одноклассница работает в турагентстве. Можем в Египет слетать, а если подкопим, то куда-нибудь в Европу. Там в любое время года хорошо. В феврале в Италии потрясающий Венецианский карнавал! Хочешь? — Лёня заглянул жене в глаза и улыбнулся.

— Посуду надо помыть, скоро к твоим ехать, — сухо сказала Лида и встала с дивана.

Небо над деревней после грозового дождя не спеша расчищалось, будто кто-то стягивал с него тяжёлое иссиня-чёрное покрывало, обнажая

бледную голубизну с подрумяненными на закате свалявшимися облаками. На пышноцветье полей и рощ опустилась мягкая прохлада, воздух налился, загустел от полноты, вобрав в себя вместе с влагой запахи густого разнотравья.

Во дворе Седовых в прозрачную тишину вливался щебет ласточки, свившей гнездо под навесом поленницы, глухими хлопками крупные капли обрушивались на землю с низких яблоневых ветвей, созревающих вишен. У приземистой баньки с сухим хрустом рубил дрова Николай Петрович, изредка останавливаясь и вытирая пот. Рубашка намокла и прилипла к поджарому телу.

В беседке, увитой виноградной лозой, у стола суетилась Тамара Павловна. Она стелила поверх клеёнки зелёную в белый горошек льняную скатерть. Бережно расправив края ткани, она взяла со скамейки эмалированную чашку с ягодным рисунком и собралась в огород, но вдруг увидела за оградой на дороге вымазанный в грязи серебристый «Хёндэ». Тамара Павловна остановилась, вглядываясь. Автомобиль осторожно съехал с дороги к их двору. Бросив чашку на стол, на ходу поправляя белую косынку, Тамара Павловна побежала к калитке.

— Мама,— Лёня вышел из машины, крепко обнял мать.— Ну приехали, приехали!— и засмеялся, приподняв её.

Лида с небольшой дорожной сумкой обошла машину и встала в сторонке, под свесившимися за ограду тяжёлыми ветвями яблони-ранетки.

— Исхудал, Лёнька!— глаза у Тамары Павловны увлажнились.— Заболел?

— Нормально всё! Отец где?

— А-а,— махнула она рукой.— С баней возится,— и добавила шёпотом:— Тебя ждёт.

— Пойду поздороваюсь,— Лёня поправил рюкзак и вошёл во двор.

— Здравствуйте, тётя Тома,— приветливо улыбнулась Лида.

— Здравствуй, Лида. Проходи. Как доехали?— Тамара Павловна легонько коснулась плеча невестки, пропуская её вперёд.

— Нормально. Только в большой пробке долго стояли— у вокзала потоп после ливня.

Тамара Павловна обеспокоенно покачала головой, семеня за Лидой по тропинке между домом и огородом. Лёня уже стоял с отцом и хрустел сорванным по пути колючим огурчиком.

— Проходи, я вам в спальне всё приготовила,— Тамара Павловна, оставив невестку у веранды, заспешила с чашкой в огород.

— Здравствуйте, дядя Коля,— крикнула свёкру Лида, открывая дверь.

— Здравствуй, дочка,— добродушно отозвался он.

Лида скинула на пороге бирюзовые кеды и застыла. Мелькнувшее в смежном огороде женское взволнованное лицо словно ожгло её взгляд. Грубо отбросив навешенный на входе тюль, она вошла в дом.

В сумерках Николай Петрович включил свет во дворе, повесил в беседке жёлтую лампочку. Тамара Павловна расставила на столе широкие блюда с овощами, молодым горячим картофелем в укропе и жаренной на решётке курицей.

Первым из бани выскочил распаренный и разгорячённый Лёня. Накинув полотенце на плечи, он с аппетитом набросился на еду. Следом медленно вышла обессиленная Лида во фланелевой широкой рубашке, найденной в старых вещах Лёни. Прибирая волосы в свободную косу, Лида осторожно ступала по влажной траве и слушала мелодичный беспрерывный треск сверчка. Остановившись возле кустика красной смородины, она сорвала несколько тонких гроздей.

Присев рядом с мужем, Лида внимательно на него поглядела. В ней всколыхнулось что-то тёплое, мягкое, что давно впиталось в её кровь, разрослось в ней и окрепло корнями. Лёня вопросительно посмотрел на жену.

— Ты знаешь, у тебя медвежьи глаза. Добрые,— произнесла далёким голосом Лида.— Я тебе это когда-нибудь говорила?— она ласково убрала с его лба курчавую влажную прядь и коснулась пальцем прямых бровей мужа.

— Очень давно,— улыбнулся он.

— У тебя глаза— будто солнышко в солнышке… Да. Говорила. Когда мы мирились. После той ссоры, перед свадьбой.

— Знаете что, Лидия Семёновна,— нарочито радостно обратился Лёня,— так можно всё вкусное пропустить! В большой семье клювом не щёлкают.

— Наташа здесь?

— Не знаю. Может, приехала к родителям. Лида! Я обещал тебе не общаться с ней— я не общаюсь. Ты же знаешь,— он мягко поцеловал жену в висок.

— Попарились?— из дома вышла Тамара Павловна с порезанным на крупные ломти ржаным хлебом.

— Щедро натоплено! Я так по баньке скучал!

— Молодцы, что приехали!

— Отец куда подевался?

— К сестре твоей побежал управляться, они с Серёгой на свадьбу уехали и Ваньку с собой взяли.

— Пойду помогу ему!— вскочил Лёня.

— Сиди!— всполошилась Тамара Павловна.— Лёнька! Куда?!

Но сын уже скрылся в тени дома.

— Мы уж думали, не приедете летом к нам,— тяжело вздохнула Тамара Павловна и опустилась на лавочку.— Отец один собрался крышу делать, хорошо хоть Серёжка рядом, пособит…

— Сейчас у Лёни работы много, по выходным всё ремонтом занимается,— виновато пробормотала Лида.— Когда вы в городе, мы часто у вас бываем, летом сложнее вырваться…— и добавила примиряюще:— Я к вам на квартиру заезжала, цветы все полила…

— Ох, Лидочка, как же вы ребёнка-то растить будете в комнатушке этой?— сочувственно покачала головой Тамара Павловна.— Ума не приложу… Но знай: вы всегда можете вернуться к нам, а студию сдать!— воодушевилась свекровь.— Квартира у нас большая, слава Богу, не в тесноте жили. Летом вообще нас не бывает, всё тут… Ты только с ребёнком не затягивай. Я Машку в двадцать два рожала — легко, а с Лёнькой намучилась! Не зря говорят: поздно рожать — тяжело. Мы с Николаем Петровичем уже старые, хочется с внуком повозиться. Лёньке нынче уж тридцать три будет, пора бы.

Лида тяжело молчала в ответ, медленно перебирая в пальцах налитые кисти красной смородины.

В комнате было тихо, только через открытую форточку вместе с лёгким ветром проникали звуки просыпающейся деревни. Где-то у соседей прокричал петух, басовито залаяла собака. Приподнявшись на локте, Лёня поглядел на жену. Лида сидела у окна на стуле, поджав ноги. При утреннем свете она показалось ему очень красивой в прозрачно-голубой хлопковой сорочке и с распущенными волнистыми волосами. Задумчиво-спокойная и тихая. Даже острые черты лица словно смягчились.

— Доброе утро,— прошептал Лёня.

Лида вздрогнула, заправила за уши прядь, открыв бархатную щёку с родинкой.

— Мне снился океан. Ничего вокруг, только простор. И такая тишина над ним! Пустая, мёртвая, будто это декорации. А потом он стал темнеть, ожил, задышал! И небо почернело. Угольная мгла… И молния — острая, тонкая. Потом обрушился ливень. И океан вздыбился, ничего не стало, кроме чёрного океана вокруг. И я чувствовала всю эту мощь, эту волну! Понимаешь? Ощущала внутри! Словно она в груди у меня, в солнечном сплетении! И всё это неслось вперёд, ничего уже не могло остановиться…

Лида заворожённо замолчала. Лёня подошёл к ней, сел на корточки напротив, провёл рукой по её волосам.

— Бывают такие странные сны — красивые и страшные,— заметил он.

В дверь постучали.

— Проснулись? Доброе утро!— раздался заботливый голос Тамары Павловны.— На улице стол накрыла, вставайте.

— Хорошо, спасибо, мам,— отозвался Лёня.

Когда молодые вышли во двор, в беседке уже завтракал Николай Петрович.

— Садитесь, садитесь,— суетилась Тамара Павловна, разливая чай со смородиной и мятой.

— Дядя Коля, как ваша «Ока»?— усаживаясь напротив мужа, поинтересовалась Лида.

— Ничего, ездит.

— Мы тут за грибами в лес собрались, так на перекрёстке у магазина встали,— перебила супруга.— Под капотом что-то загорелось!

Николай Петрович, не взглянув на жену, спокойно обратился к сыну:

— Вы с Серёгой шифер начинайте снимать, два бруса я приготовил, по ним спускайте. Я в город, у Саньки перфоратор заберу.

— А можно я с вами?— вдруг оживилась Лида.— Вчера тётя Марина звонила: Светка прилетает! Моя двоюродная сестра из Америки.

— Осталась бы, маме помогла,— удивился Лёня.— Завтра уже домой…

— Да пусть едет, тут делать нечего,— присела рядом с сыном Тамара Павловна.

— Я вечером помогу, если надо. Света ненадолго, потом неизвестно когда увидимся.

— Поедем, коли надо,— согласился свёкор.— Обратно как?

— На автобусе,— ответила Лида, и лицо её озарила внезапная мысль:— Если бы я умела водить! Лёнь! Вот если бы ты меня научил? Сам? А?! Сегодня вечером попробовали бы на поле у озера!

— Лидочка, у тебя же машины нет,— мягко вставила Тамара Павловна.— Лёнька на своей работает.

— Не знаю, когда мы закончим,— пожал плечами Лёня.— Пока погода хорошая, надо крышу делать. Хотя бы вторую обрешётку успеть сегодня. Я в офис завтра, отец с Серёгой одни останутся.

— Лида, у тебя как с работой, решилось?— поинтересовалась Тамара Павловна, подливая невестке чай.

— Нет,— сдавленно произнесла Лида.

— Моей подруге консультант в косметический магазин нужен. Могу спросить.

— Да… Спасибо.

— Захочешь учиться — иди в автошколу,— вдруг вмешался в беседу Николай Петрович и подмигнул невестке.— Там тебя правильно научат. Переучиваться после Лёньки тяжело; как привыкнешь, потом ломать себя придётся.

Лида грустно поглядела ему в глаза, и слабая улыбка шевельнула её губы.

С озера дул прохладный ветер, принося с собой влажный травяной воздух. Мимо остановки пастух гнал сытых, тяжело переступающих коров. Ласточка-касатка, низко пролетев над землёй, прошмыгнула под впереди идущей чернушкой.

Лида вышла из автобуса и в радостной спешке побежала по пыльной дороге. Из болотной низины вылетела рыжая кургузая овчарка, похожая на лисёнка, и, звонко лая, бросилась к незнакомке. Лида оторопела от неожиданности, но скоро, когда пастух отозвал собаку, уже мчалась к разномастным домам, поправляя непривычно лёгкие, обрезанные по плечи волосы.

Во дворе Лида обошла стопки снятого шифера, посмотрела на оголённую брошенную крышу и позвала:
— Лёнь!

Ей никто не ответил. Дома мужа тоже не оказалось. Зато свекровь, как всегда, хлопотала на кухне.
— Тётя Тома, а где Лёнька?
— К Машке пошли, у нас Ванька чуть с крыши не убился! — Тамара Павловна переливала молоко из бидончика в банку. — Сейчас Машка всем всыплет, Серёжке особенно — недоглядел за сыном.
— Маша молоко принесла?
— Утреннее. Они с Натусей приходили, пособили немножко с крышей, а то мужики наши всё…
— Малину Наташа принесла? — Лида посмотрела на белое ведёрко с крупной зрелой ягодой.
— Собрала нам маленько. Лёнька-то любит малину с молоком, — Тамара Павловна, взглянув на невестку, опешила: — Лида…

Но та уже выскочила во двор и побежала к золовке. Маша с мужем и тринадцатилетним сыном жила через дорогу, в чистом уютном домике с резными белыми наличниками и долговязыми мальвами вдоль всей ограды.

Лида остановилась возле забора, посмотрела на распахнутые створки окон. На подоконнике стояли горшочки с каланхоэ, такие Маша дарила и Лиде на новоселье, но они давно уже зачахли. Девушка прислушалась: за надутым узорчатым парусом тюля слышались мягкие голоса.

Отворяя калитку, Лида хлёстко ударила высокий стебель мальвы с нежно-розовыми цветами, громко хлопнула деревянной дверцей. Лёня с веранды поспешил навстречу.
— Лида… — растерялся он, глядя на короткие волосы жены. — Что ты сделала?
— Ничего, — она шагнула к крыльцу, но муж преградил ей дорогу.
— Я хочу поздороваться с Машей, — с вызовом сказала Лида.
— Не надо, они позже к нам придут. Маша сейчас с Серёгой ругается, Ванька ногу сломал. Идём, — Лёня взял за руку Лиду и повёл к калитке. — Спать хочу, устал ужасно! Зачем ты подстриглась?
— Захотела.
— Что опять случилось?
— Ничего, — усмехнулась Лида.
— Пойдём прогуляемся, — со сдержанной злостью сказал Лёня, отпустив руку жены, и, не дожидаясь ответа, направился в сторону озера.

Лида пошла за ним быстрым нервным шагом, впиваясь взглядом в его курчавый затылок. В конце улицы, на выезде, Лёня свернул к полевой дороге. Он яростно ступал вперёд, чувствуя тяжёлую усталость и жар в теле: руки и спина болезненно горели.

Сокращая дорогу, Лёня бросился в густое половодье трав. Свежий ветер мягко шуршал колосками, из цветущего душистого высокотравья кремово-белой таволги, жёлтого донника, лилово-розового иван-чая доносился вечерний стрекот. Лида, отмахиваясь от комаров, окликнула мужа. Но он не обернулся. Лёня шёл напролом, разводя руками высокие заросли. Лида бежала за ним, разросшийся чертополох цеплялся за платье, старая крапива обжигала голые ноги.

Наконец протоpенная Лёней тропа вывела их к прибрежным ивам, затопленным летним паводком. Лёня, глубоко дыша, остановился у перевёрнутой дырявой лодки, брошенной на берегу покрытого мелкой зыбью озера. Вдалеке одинокий рыбак на моторке удил рыбу. На горизонте в ранних сумерках рассыпались подсвеченные светло-коралловые и серые полоски облаков, выше на небосводе они сливались в чернильные кляксы.

Услышав сбивчивое дыхание жены, Лёня обернулся к ней и сорвался на крик:
— Что происходит? Лида, скажи мне: что вообще происходит?!

В камышах громко заголосили лягушки, где-то за ивой тревожно просвистела птица.
— Я устал — ты это понимаешь? Я делаю всё для тебя! Всё! Но ты — то кричишь, то молчишь, то ходишь как в воду опущенная. Я ничего не понимаю! Стараюсь понять тебя, слушаю, но мне тяжело…
— Со мной? — тихо закончила за него Лида.
— Вот скажи мне: почему ты сегодня уехала? — Лёня внимательно посмотрел на жену. — Не побыла с семьёй? Мы все вместе занимаемся делом, вместе отдыхаем. Тебе и здесь не нравится?
— Вы привыкли всё время быть вместе, вы одна семья…
— А ты не часть этой семьи?
— Я здесь как будто чужая. И комната эта… Не твоя и моя. А комната, в которой вы спали с Наташей.
— Опять двадцать пять!
— Я не ревную, Лёнь, я правда здесь чужая…
— И что ты предлагаешь? Не ездить мне к родителям? Не помогать им? С сестрой не видеться?
— Лёнь, я люблю тебя! — беспомощно заплакала Лида.

Лёня схватился за голову.
— Я не знаю, что со мной, — Лида дрожащими руками вытерла слёзы. — Света приглашает нас к себе в Провинстаун…
— Нет, Лида, — жёстко ответил Лёня. — Семнадцатого я выхожу в отпуск — клею обои, Серёге на покосе помогаю, делаю с отцом крышу: мы сегодня ничего не успели, стропила прогнили, всё менять надо. Нужно материалы закупить, если тебя это вообще интересует.

Слепое солнце жгло нещадно. Казалось, оно не оставит город и будет безжалостно томить до утра. Найдя свободное место на парковке соседнего

двора, Лёня оставил машину и устало побрёл по горячему тротуару домой. Мысли рассыпались: в свой первый день отпуска он до предела вымотался на работе, голова раскалывалась от городской тяжёлой жары и от нервной суеты.

Накануне ему позвонил приболевший коллега, попросил заменить. Жизнь выездного системного администратора научила Лёню терпению. Но столько «неадекватов» он давно не встречал. Видимо, жара подавляюще действовала на всех.

Сегодня ему достались и скандальные барышни, которые попросту забыли воткнуть в розетку шнур от принтера, и пенсионерки, не понимающие, почему мастер не может заодно починить телевизор, и профессора филологических наук, заставляющие комментировать каждый щелчок мыши.

Тяжелее всего Лёне пришлось на последней заявке — в женском магазине. Может, оттого, что под конец рабочего дня он невыносимо устал от поучений, недовольств и угроз пожаловаться в офис.

В комнатушках со спёртым воздухом его встретили пропылённые древние компьютеры. Пока Лёня пытался переустановить «винду» на одном, его просили посмотреть вирусы на другом, параллельно глянуть ноутбук. Ко всему прочему на него сыпались вопросы о личной жизни, шутки о его худобе: «Видно, жена молодая, неопытная».

С Лидой они почти неделю нормально не разговаривали: он был занят работой и ремонтом, она каждый день возвращалась поздно и сразу ложилась спать. По ночам отворачивалась и плакала или ластилась к нему, жадно прося ответной ласки. Но по утрам неизменно молчала.

Когда он вошёл в квартиру, его опять встретила душная тишина. Бросив портфель на диван, Лёня расстегнул верхние пуговицы рубашки, закатал рукава и открыл окно на балконе. Только дома он почувствовал, что желудок сводит от голода.

Не переодеваясь, Лёня прошёл к плите, открыл эмалированную коричневую кастрюлю: борщ на жаре скис и вспенился. Лёня со злостью швырнул крышку на плиту, достал телефон из кармана. Но только он хотел набрать номер, как в коридоре щёлкнул замок.

— Лёнька, привет! — раздался непривычно весёлый голос жены. — Ты не поверишь, что я сегодня сделала! — Лида бросила босоножки в сторону и прошла в комнату.

Глаза у неё восторженно сияли.

— Проквасила борщ?

— Что?

— Ты где была?

— В бассейне… — растерялась Лида. — С тренером занималась…

— Прекрасно. Суп киснет, ремонт стоит — Лида развлекается.

— Я не развлекалась.

— Лида, почему ты не убрала суп в холодильник?

— Забыла.

— Будь у нас ребёнок, ты бы и о нём забыла?

Лида открыла рот, но смогла только беспомощно выдохнуть.

— О чём вообще ты думаешь? — взорвался Лёня. — Как можно забыть? Ты же хозяйка, женщина. Ты целыми сутками дома.

— А почему я дома?! — нашлась Лида. — Я из-за тебя уволилась! Ты злился, что мне ставят ночные смены! Сказал, надо домом заниматься.

— Ты жаловалась, что тебя всё бесит, что ты не администратором работаешь, а горничной в этой гостинице. Жаловалась, что теряешь навыки, забываешь язык, что вместо иностранцев — хамы и истерички, — Лёня вышел из себя. — «Я не могу понять, куда идти!», «Я не чувствую, что это моё!», «Я не могу найти себя!» — передразнил он жену.

— Ты! Ты ничего не понимаешь!

— Конечно! Всегда одно и то же: «Не понимаешь!» Ты воды боишься — какой бассейн? Лида! Ты о чём вообще?!

— Я была спортсменкой!

— Ты была ребёнком, Лида. Это было тринадцать лет назад!

— Да, после маминой смерти я стала бояться воды! И я…

— При чём тут твоя мать? Она умерла от рака! Ты сама говорила, что была чужой в семье, что вам было сложно общаться. Что за сантименты?

— Мне просто нужен выход! — отчаянно крикнула Лида.

— Выход там, — надломленно произнёс Лёня и указал рукой на дверь.

На мгновенье в квартире повисла страшная тишина, словно взорвалась бомба, словно время остановилось в общей глухоте, и только невидимый пепел медленно опускался на оставшиеся после взрыва развалины.

Лёня испугался своих слов, дикими и чужими показались они ему в этой плотной тишине, в его доме. Он смотрел на жену и не мог опустить руку. На Лидином лице промелькнули удивление и ужас. Вместе с тем она будто обрадовалась — схватила сумку и выбежала в коридор.

— Лида?

С треском хлопнула дверь. Лёня бросился за женой. Но в коридоре вдруг остановился, присел на тумбу. Ему нужно было догнать Лиду, остановить, вернуть домой, попросить прощения…

Лёня медленно подошёл к двери и притянул её. Щёлкнул замок.

На следующий день после ссоры Лёня уехал к родителям. Вечером, не дозвонившись до жены, набрал номер Марины Евгеньевны. Узнал, что Лида в порядке. Больше он ей не звонил.

Лёня прожил у родителей в деревне полмесяца, с утра до ночи занимаясь крышей и сайдингом, копаясь в гараже, изматывая себя на покосе. Обеспокоенная Тамара Павловна пробовала поговорить с сыном, но он обрывал все попытки. Отец лишь раз, неловко откашливаясь, намекнул о помощи, но Лёня коротко ответил, что разберётся. Тогда Тамара Павловна заслала чуткую Наталью, к которой Лёня раньше всегда прислушивался.

Наталья, выждав, пока в сумерках все уйдут с поля, подошла к стожару, на который Лёня метал сено. Она мягко позвала его. Но он, остановившись, стёр со лба пот и сказал чужим голосом:

— Нет, Наташа.

Девушка понимающе кивнула и ушла.

Днём Лёню отвлекала работа, а ночами он много думал, тяжело засыпал, часто под утро.

Когда Лида первый раз позвонила ему, Лёня уже погружался в рыхлое забытьё. Услышав в телефонной трубке стук колёс, он мгновенно очнулся и хриплым голосом спросил:

— Ты где?

— На мосту,—слабо ответил жена.

Лёня посмотрел на часы: тринадцать минут пятого.

— Уезжаешь?

— Нет. Гуляю.

— Одна?—Лёня соскочил с постели.

— Да.

— Я приеду минут через сорок…

— Не надо.

— Возвращайся домой. Иди на вокзал, вызови такси. Не ходи одна, пожалуйста.

— Мы можем встретиться?

— Я завтра домой приеду, мне на работу в понедельник.

— В парке. У мостика, у пруда, там лавочка есть.

— Почему не дома?—примиряюще спросил Лёня, но после паузы добавил:—Там занято всегда, давай на красной лавочке недалеко от фонтана, как к детской площадке идти!

— Хорошо. В двенадцать.

После этого звонка он уже не мог уснуть. Собравшись на рассвете, вернулся в серый от моросящего дождя город. Лёня заехал домой. Дом был пуст и тих. Лида забрала свои вещи. Просидев несколько часов за компьютером на сайте с кондиционерами, машинально прокручивая курсором страницы, Лёня так ничего и не выбрал. Принял душ, выпил чашку кофе и поехал к жене.

В парке, сидя на лавочке, он смотрел на муравья, тащившего соломину,—эта ноша в два раза больше букашки была по силам ему.

Лёня взглянул на часы—Лида опаздывала, он набрал её номер.

— Я на месте,—сказала она.

— Где?

— На лавочке в стороне контактного зоопарка, недалеко от входа.

— Я уже минут пятнадцать жду тебя на красной лавке, где аттракционы.

Через несколько минут подошла Лида. Лёня удивлённо посмотрел на жену мутными уставшими глазами: волосы и тонкое сине-зелёное платье у неё были влажными.

— В Ильин день всегда дождь?—слабо улыбнулась Лида.

— Илья чертей гоняет. В этот день на покос не ездят.

— И ящерка-медянка кусает только в этот день,—Лида села на лавку и сжала в руках подол платья. Золотое обручальное кольцо блеснуло на её пальце.

Она почти не спала. С другого конца города добралась до парка пешком и попала под дождь. Лида не могла все эти длинные и бесконечные дни сидеть дома у тёти Марины, не могла слушать мудрые советы о семейной жизни. Поэтому много ходила, бесцельно и долго, до изнеможения, до боли в ногах. Иногда Лида словно просыпалась и с удивлением оглядывалась, не сразу понимая, где она. Если бы её спросили, о чём она думала во время своих прогулок, ответить бы Лида не смогла.

— Я перепутала.

— Ничего. Мы всегда говорили на разных языках,—Лёня говорил таким спокойным, холодным голосом, что Лиде стало страшно.

— Прости, пожалуйста!

— Ничего, бывает.

Рядом с Лёниными кедами приземлился бумажный самолётик.

— Лазбился!—раздался детский возглас.

Лопоухий рыжий мальчонка подбежал к лавочке и поднял самолётик.

— Новый сделаем,—ответил ему величаво-спокойный голос.

Высокий мужчина с кучерявой медной бородой взял за руку сына и повёл к аттракционам.

— Ты забрала вещи?

— В пятницу улетаю. Света пригласила погостить, я позавчера получила визу.

Лёня скривил губы и кивнул.

— Когда вернёшься?

— Пока не знаю,—Лида утёрла слёзы.

— Я пятнадцатого поеду в деревню, у нас вечер выпускников.

— Наташа сказала?

— Угу.

Помолчали, глядя в разные стороны на шуршащий воскресный, но уже по-осеннему спокойный и мягкий парк.

— Она смогла бы родить тебе ребёнка,—вымученно начала Лида.—Она всё ещё любит тебя, я знаю.

—Удачного полёта,—Лёня медленно поднялся.

Лида подскочила, зачем-то схватила его руку, больно сжала.

— Ты хочешь мне руку сломать? — он мягко высвободился, поцеловал её в макушку.

Лида оцепенела. Она смотрела, как отдаляется и тонет в пёстрой толпе её любимый человек, но ничего не могла сделать.

Августовское утро на восточном побережье Массачусетса выдалось пасмурно-тягучим, медлительным, словно оно, закрывшись в себе, копило холодные мысли. Небо обещало дождь, но не могло родить его, пустышкой темнело над распластавшимся неспокойным океаном и суетливым туристическим городком.

Кутаясь в Лёнину тёмно-синюю тёплую рубашку, ту самую, что нашла ещё в деревне в России, Лида стояла на открытой террасе дома Коулманов. Прижавшись к столбику, слушала, как шуршит ракушками и звенит колокольчиками музыка ветра над дверью. Смотрела, как на клумбе мягко колышутся высокие жёлтые цветы с чёрными головками. Света называла их «золотой шторм».

Лида уже неделю гостила у сестры. Света с мужем приняли её с большим радушием, но и в их светлом просторном доме Лиде было неуютно и одиноко. Аллен каждый день показывал туристам китов на своей маленькой яхте, Света работала в сувенирной лавке на Кэмёшл-стрит, пёстрой, шумной и многолюдной улице.

Чтобы Лида не скучала, по приезде её познакомили с племянником Аллена, Дином. Он был всего на три года младше её, поэтому с особым увлечением взял на себя роль гида. Сначала они плохо понимали друг друга, но с помощью жестов молодые люди быстро освоились. Лида постепенно вспоминала английский, и скоро им стало легко и весело друг с другом.

Дин оказался общительным и открытым, он часто шутил, подсмеивался над Лидой: «Русская шпионка». И водил её по узеньким улочкам Провинстауна, показывая местные достопримечательности.

Первым местом, куда он привёл Лиду, был Пилигримский монумент. Они поднялись на самый верх башни. На высоте семидесяти семи метров у Лиды захватило дыхание от бесконечного сияющего простора. Яхты и рыболовецкие суда у пристани казались игрушечными чайками на гигантском голубом стекле, а домики — серыми камешками в пышном мху зелени: они могли поместиться в её ладонях.

Здесь Лида почувствовала, сколько в ней силы, энергии, словно в ней одной помещалась целая вселенная. Опьянев от восторга, она много смеялась. Дин надувался от важности и заверял, что это ещё не всё, что самое интересное впереди — велопрогулка в парк Кейп-Код с пикником и закатом.

Но всего через несколько дней после будоражащих открытий ликование схлынуло волной и растворилось в тяжёлой удушающей тревоге: Лида потеряла цепочку с обручальным кольцом. К вечеру Аллен нашёл цепочку на дне бассейна. Лида надела кольцо, но тёмная и опустошающая тревога осталась в ней.

Дин позвал «девочку-шпионку» развеяться на мексиканской вечеринке приятеля. Лида, улыбнувшись через силу, отказалась, но назавтра пообещала составить ему компанию на пляже.

И сейчас Лида думала обо всём, что с ней произошло. В глубине дома раздался телефонный звонок, Лида рванулась к телефону — и услышала глухой треск рвущейся ткани.

Звонила Света.

— Не скучаешь? Я буду поздно. Дин заедет за тобой в восемь.

— Может, обед приготовить? — спросила Лида, с сожалением разглядывая дырку на рубашке.

— Забей, отдыхай! Поужинаем сегодня в ресторане. Разобралась со стиркой?

— Да, вещи в сушилке.

Лида положила трубку и услышала, как пиликнул несколько раз мобильный в кармане джинсов. Она достала его и увидела уведомления социальной сети, среди которых было сообщение от Лёни: «Лида, я подаю документы на развод. Когда приедешь, обсудим».

Она прочла это сообщение со странным спокойствием. Поднялась к себе в комнату, положила на кровать телефон и рубашку. Спустилась в домашнюю прачечную, вынула из сушильной машины свои вещи.

Возвращаясь с корзиной в комнату, почувствовала, как что-то чёрное сгущается внутри, давит в солнечном сплетении. Лида глубоко вдохнула — но это не помогло. Складывая ровной стопкой одежду, она вдруг остановилась и заплакала…

Лида бросилась искать нитки с иголками. Перерыла полдома, прежде чем позвонить Свете и найти их на самом видном месте — шкатулка стояла на журнальном столике в гостиной. Пока зашивала дрожащими руками дырку, исколола все пальцы.

Надев рубашку, Лида выгребла охапку вещей из шкафа, бросила на постель и стала набивать ими чемодан. Комкая вещи, она рассмеялась над своим страхом, глухо, надломленно. Всё ей стало ясно. Словно она попала под холодный ливень и очнулась.

Не в силах дожидаться Свету дома, Лида оставила чемодан и бросилась вниз. На перекрёстке она вылетела на дорогу и через мгновение услышала визг тормозов. Водитель «Хонды», афроамериканец с испуганными выпуклыми глазами, бросился ей на помощь, поминутно извиняясь и спрашивая, в порядке ли она. Он хотел отвезти её в больницу, но Лида сказала, что всё в порядке.

— Я лечу домой, — твёрдо сказала Лида Свете.

— Стеречь борщ? — съязвила сестра и тут же спохватилась: — Оставайся у нас! Аллен поможет с документами и работой. Что тебе там делать?
— Я всё изменю.
— Вечером купим билет, — сдалась Света.

Вечером, сидя на мягком светлом песке, Дин смотрел на волнующийся океан. Вздымая тугие полупрозрачные голубые волны, океан выталкивал их на берег, окрашивая в золотисто-рассыпчатый цвет. Небо на закате стало медово-оранжевым, мягким.

Лида кружилась у самой кромки воды, взрывая ногой песок и разбрызгивая пенящуюся воду. Она не могла усидеть на месте. Дин уже знал, что Лида собирается в Россию. Он пытался шутить, но у него плохо выходило. Лида не слушала его.
— Ты ещё не все секреты Провинстауна узнала, девочка-шпионка, — сказал он, когда Лида подбежала к нему.

Над океаном беспокойно метались чайки.
— Не парься. Зачем тебе всё это? Ты же волна, — не сдавался Дин. — Мощная и неукротимая, — с напускным весельем он плавно показал рукой волну.

Лида соскочила с места, скинула рубашку и побежала к воде.
— Дин! Бежим купаться! — смеясь, крикнула она по-русски. — Мы будем счастливы!

В России с вечера всю ночь, словно запертый, беспрерывно грохотал ливень: тонкие молнии разрезали небосвод, беспомощно хрустели деревья, сыпались листья и ветки. Истерзавшись, он вырвался на волю и к утру стих, оставив после себя покой и тишину.

Ближе к полудню, когда солнце стало пить дождевую воду, Тамара Павловна, кутаясь в длинный шерстяной кардиган, вышла из дома. Она смахнула оборванные листья, вытерла стол в беседке, постелила клеёнку и зелёную в горошек скатерть.

В густой тени зарослей расцветало переливчатое многоголосье, в котором будто бы перекрикивались две птицы. У соседей важно кудахтали куры.

Скоро за столом собралась вся семья. Разрезали хрустящий сахарный арбуз.

Глухо стукнув сырой деревянной калиткой, во двор осторожно вошла Наташа. Ржаного цвета волосы были убраны в косу и закручены крендельком на голове. Простое, чуть грубоватое её лицо стало красивым от доброй и открытой улыбки.
— Доброе утро! Я не знала, что ты здесь, — обратилась она к Лёне. — Хотела через родителей передать, что встречу в школе перенесли на четыре часа.
— Вчера после работы приехал, — приветливо улыбнулся Лёня.

Под глазами у него были мешки, какие бывают от недосыпа по утрам. Но выглядел Лёня хорошо. Наташе только было жаль его остриженных кудрей. Заметив её взгляд, он засмеялся и сказал:
— Практикантка обкорнала.
— Присаживайся, Натуся, не стой, — захлопотала Тамара Павловна.

Девушка вопросительно поглядела на Лёню, он, искренне улыбаясь, одобрительно кивнул. Николай Петрович отложил газету и закурил.
— Угощайся, дочка, — Тамара Павловна придвинула чашку с нарезанным арбузом поближе к Наташе. — Решилось у тебя?
— Угу, переезжаю к маме, буду работать в нашей школе.
— И правильно. Умница! — похвалила Тамара Павловна, раскладывая горячие вареники с вишней. — Лёнь, принеси Наташе тарелку.
— Что вы, не надо, спасибо. Неудобно, я пойду…
— Останься с нами, — попросил Лёня, вставая из-за стола.

Наташа взволнованно улыбнулась.
— А Лида не приехала? — тихо спросила она, когда Лёня скрылся за дверью.

Тамара Павловна покосилась на веранду и покачала головой.
— Сегодня останешься? — спросила она сына, когда он вернулся из дома.
— Да, ремонт закончил. Больше там делать нечего.
— Ну, слава Богу!
— Ох и гроза металась нынче, — произнесла в каком-то суеверном страхе Наталья. — Будто живая.
— Да, виноград побило сильно…

Разговор прервал звонок мобильного. Лёня взял телефон и, посмотрев на дисплей, отошёл к калитке. Наташа и Тамара Павловна обеспокоенно переглянулись. Николай Петрович, искоса поглядев на них, неодобрительно нахмурился.

Лёня вернулся быстро. Он отрешённо поглядел на отца и сказал сдавленным удивлённым голосом:
— Лида утонула.

Трухлявый пень

Неуклюжий серый домик Чижовых прятался в глубине двора, окружённый огородом, дровяной пристройкой и сеновалом с сараями.

В широком окне веранды несколько раз дёрнулась линялая занавеска, словно дом моргнул от соринки, — и на рассохшееся крыльцо выскочила девятилетняя Тая в грязно-розовой куртке. Неумело заплетённые волосы висели колоском, кудрявые антеннки у высокого лба торчали в разные стороны. Девочка, поёжившись, накинула на голову капюшон, засунула в петли на двери замок и побежала по узкой дорожке к калитке.

Капюшон сполз на глаза. Прислонившись к забору, девочка сняла его и замерла. В чёрном пустом огороде одиноко стояла рябина, словно полупрозрачный ангел, раскинувший руки в узорчатых рукавах…

Из палисадника во двор вполз маленький пёс и жалобно заскулил. Серая шерсть на острой

мордочке Бобика топорщилась пышными усами, хвостик подметал землю под брюхом.

— Приду — накормлю, — сказала девочка, снимая крючок с загнутого дужкой гвоздя и открывая калитку.

Бобик в ответ нетерпеливо поскрёб лапкой по резиновому сапожку. Не обращая на него внимания, Тая вышла на улицу. Пёс, поскулив, выбрался через щель под забором и побежал за девочкой.

Чтобы попасть в школу, нужно было спуститься к библиотеке, через заросший кустарниками сквер пройти мимо развалин детского садика, выйти к площади с заброшенным Домом культуры. По утрам приезжие коммерсанты раскладывали здесь на клеёнки одежду и обувь. Напротив, за каменным побелённым забором, крепко стояла школа, огороженная со всех сторон голыми деревьями.

Оказавшись под крышей между колоннами, Тая остановилась и перевела дыхание. В горле у неё пересохло, в боку кололо иголками. Девочка вошла в школу. Дежурных на входе не было, уже шёл второй урок.

Тая оставила вещи в раздевалке и прокралась в коридор. Из классов в него проникали приглушённые голоса, скрип мела, кашель. Девочка замерла у знакомой щербатой двери. Чуть помедлив, глухо постучала. Ей ответил резкий и звонкий голос Амалии Робертовны:

— Да! Входите!

Тая застыла, не смея сделать первый шаг.

— Входите!

Дверь распахнулась, и перед девочкой оказалась учительница с серебристо-серыми глазами.

— Ну и чего мы стоим? — строго спросила она.

— Извините за опоздание… Можно войти? — сбивчиво произнесла Тая, теребя край короткого коричневого платья.

Амалия Робертовна надела очки, и глаза её стали свинцовыми. Вздохнув, она спросила обжигающе-спокойно:

— Почему опоздала?

Девочка забормотала:

— Это из-за часов… не прозвенели… там батарейка…

Ребята засмеялись.

— Мать в школе? — нахмурившись, спросила учительница.

— Нет… В храме, — почти беззвучно ответила Тая.

Амалия Робертовна покачала головой.

— Дневник мне на стол. На перемене. Садись.

Тая низко опустила голову и села за свою парту. Стараясь не шуметь, достала «Математику», дневник и тетрадь. Долго шарила по дну портфеля в поисках ручки, но нащупала только пластмассовые осколки и тонкий стержень. Дешёвые ручки без пенала всё время ломались, а стержнем списывать с доски условия задачи получалось грязно и неаккуратно.

Ветер увёл за собой тяжёлые серые глыбы туч. Небо расчистилось, появилось солнце. Посветлело и на старом кладбище. По-новому засияли выкрашенные оградки, поправленные кресты. Куцые грязные островки снега причудливо заблестели.

Вороны на ветках встрепенулись и оживлённо закаркали: по дорожке между могил к каменной ограде неспешно шла высокая нескладная женщина. Раиса Ивановна Чижова только закончила убирать могилу отца Даниила.

Шестьдесят семь лет назад, в престольный праздник, свои же, деревенские, содрав фелонь, вытащили отца Даниила из храма в одном подризнике, посадили в машину-полуторку вместе со старостой прихода, пономарём и несколькими прихожанами. Выбросили в поле на мёрзлую землю, велели убираться подобру-поздорову. Но отец Даниил вернулся в село. Сгибаясь пополам в судорожном кашле, ходил по домам в поисках поддержки. Через несколько месяцев умер, а в храме стали картошку да пшеницу хранить. Так и простоял храм полвека как складское помещение, пока в девяностых и вовсе не опустел.

Деревня редела и мельчала. Работы не стало, молодёжь вся в город подалась. Один только храм неизменно стоял. Пошёл по деревне робкий разговор: восстановить жизнь, поднять храм. Образовался небольшой приход. В прошлом году вынесли весь мусор из летнего и зимнего храмов. Попросили батюшку из соседней деревни провести службу. После неё со слезами на глазах шли домой, такое счастье внутри трепетало, будто ребёнок родился. На вторую уборку пришло уже больше народу. Даже председатель сельской администрации помог, технику для вывоза мусора дал. Не только внутри убрать успели, но и крышу очистили от кустарника. И храм будто стряхнул с себя печаль, омылся людской заботой, воспрянул духом. Но всё это были только первые робкие шаги.

Погружённая в воспоминания, Раиса Ивановна тихо притворила створки кладбищенских ворот и вышла на узкую тропинку.

Её дорога пролегала через пустырь, огибала неглубокий овражек, заросший кустами черёмухи, потом спускалась с пологого холмика к окраине деревни — а там, возле пруда, за берёзками, уже и храм. Всякий раз, как Раиса Ивановна издали глядела на его мертвенные стены, сердце у неё падало куда-то вниз. Вот и сейчас снова чувствовала, как холодеет всё внутри.

Но вспомнила отца Анатолия и улыбнулась. Год прихожане пытались своими силами оживить храм. То один священник справит требу в холодном разбитом зале, то другой отслужит литургию. Только всё равно люди, как сироты, оставались один на один со своей разрушенной святыней.

А этой осенью, в медовый сентябрьский день, по деревне первым жаворонком пролетела весть:

«Новый батюшка приехал!» Раиса Ивановна тогда поспешила в храм. Сначала услышала голос его хрипловатый, задорно-строгий. Поглядела: вот тебе и батюшка! Сам на коленках ползал у храма, фундамент осматривал, мусор выгребал и в блокнотик что-то записывал. Думали, отслужит молебен — уедет в город. Нет, не бросил.

Со своим батюшкой и дело стало вернее строиться. С Божьей помощью нашли тогда заброшенную могилку отца Даниила, изгородь восстановили, поправили крест — почтили память человека. Раиса Ивановна как узнала, где похоронен отец Даниил, так и стала его навещать. Одинаково ухаживала за могилами бабушки и священника.

Женщина покачала головой, вспоминая прошлогоднюю пустоту и отчаяние после смерти бабушки Фаи. Фаина Михайловна уже после смерти непутёвой младшей дочери узнала о внучке: увидела её однажды на пороге со всем семейством — мужем и годовалым больным ребёнком. Но ничего, худо ли бедно прожили в одном доме восемь лет, пока совсем не разболелась бабушка Фая. Умирала она долго и тяжело.

В тревоге Раиса Ивановна ускорила шаг. Мысли следовали за ней по одной и той же дороге и отовсюду приводили к храму. Беспокоило её и то, что даже с батюшкой работа шла медленно: надо было провести электричество, отремонтировать церковную печь, новые полы настелить, рамы изготовить, окна вставить там, где ещё зияют дыры… Только одно дело заканчивали, как забот ещё больше появлялось. Вот, кажется, только у крыш летнего и зимнего храмов заменили перекрытие, а уже нужно покрывать железом и рубероидом, пока снег не выпал. А где же взять материалы?

Раиса Ивановна запнулась, одёрнула юбку и заметила на подоле шарик-колючку. Отцепила репей, сжала в узловатых руках. Всё на свете жить хочет: и человек, и птица, и растение. Женщина бережно положила репей в траву, выпрямилась, заправила тонкие седеющие пряди под платок и, перекрестившись, зашагала быстрее по грубой, ершистой траве.

Обойдя овраг, она остановилась на холме: впереди узорилась деревня, рядом на берегу пруда вытянулся переживший бурю кирпичный храм Архангела Михаила с трапезной, пристройкой и обломками каменной ограды. А над берёзами высились чёрное разбитое пятиглавие и покосившаяся немая колокольня.

Раиса Ивановна очнулась от своих мыслей, перевела дыхание и стала спускаться с холма к храму. Издали увидела весёлую суету: люди бегали от притвора к дороге, разгружая грузовик. Женщина радостно перекрестилась и поспешила на помощь.

Тая, понуро опустив голову, пыталась разгладить морщины на замусоленной корочке дневника. Кабинет отдыхал от шума и гама. Класс был на физкультуре. Амалия Робертовна проверяла тетради. Несколько минут назад она отругала Таю:

— Дневник — это лицо ученика! Почему такой мятый?! Почему не обёрнут?!

Не добившись внятного ответа, написала крупными острыми буквами ещё одно замечание.

Девочка боязливо поглядывала на учительницу, безуспешно утюжа пальцем длинные борозды на измученном картоне. Она давно сделала дополнительное задание по пропущенному уроку и с нетерпением ждала перемену. Тая даже представила, как со звонком на неё упадёт шапка-невидимка.

Когда в прошлом году одноклассники узнали, что Тая освобождена от физкультуры, засыпали её вопросами: какой подвиг нужно совершить, чтобы избежать уроков Змея Горыныча? Но когда Тая честно и просто сказала: «У меня проблемы с сердцем…» Кто-то зло пошутил: «У неё проблемы с головой!»

Наконец протрещал звонок. Тая, высидев полминуты, опасливо поглядела на занятую учительницу и тихонько вышла из кабинета.

Коридор угрожающе гудел. Возле окошка напротив соседнего кабинета на лавочках собралась шумная стайка одноклассников. Пакеты со спортивной формой горкой лежали на подоконнике. Девочки стрекотали и дёргали Таньку Соколову за маленькое ушко с золотым листиком серёжки. Считая до десяти, девчонки кричали всё громче и громче, но тянули вверх осторожно.

Танька была очень красивой, с праздничным венчиком из тугих чёрных кос. Она смеялась и разрешала дёргать себя за уши даже мальчишкам. Тая подбежала к ребятам. Катька Симакина, лучшая подруга Тани, стараясь перекричать мальчишек, громко хвасталась анкетой на замочке, которую ей купили в городе.

— Дашь заполнить? — раздался тонкий голос.

Тая увидела за Таней свою подругу Лизу Куцых и помахала ей рукой. Но та быстро опустила голову.

— Первой будет Таня! — отрезала Катька.

— Можешь Лизке дать, я анкеты давно не веду, — важно сказала Таня.

— А можно я тоже заполню? — простодушно спросила Тая и, как будто испугавшись, добавила: — Потом…

Все замолчали и обернулись к ней.

— Ну, — начала после недолгой паузы Катька, — я сначала подругам даю, потом остальным, но ещё Сашке, Алесе из пятого класса обещала… Так что не знаю… если останется место…

— Да я подожду! — заулыбалась Тая. — Таня, с днём рождения!

Таня отступила в сторону:

— Звонок уже, пойдёмте в класс.

Она чуточку помедлила и, косясь на Таю, осторожно добавила:

— Не забудьте, в четыре.

Все шумной ватагой отправились в кабинет вслед за Таней.

— Ли-и-иза... — позвала Тая. — Лиза!

Но подруга не оборачивалась. Тая догнала её:

— А что будет в четыре?

— Да так... — испуганно пробормотала Лиза. — Таня пригласила к себе домой... На день рождения...

— Всех?! — расширила глаза Тая.

— Нет! Представляешь, ей родители подарили магнитофон! И кассеты!..

— А ты идёшь?

— Если подарок хороший найду!

Тая понимающе кивнула.

— Ты не обидишься, если я подарю Тане «Маленького Водяного»?

— Дарёное не дарят ведь... — растерялась Тая.

В кабинет вошла Амалия Робертовна, и девочки сели на свои места. Тая открыла крышку парты, достала «Чтение» и задумалась. «Маленького Водяного» подарил ей год назад добрый врач. Эта книга напоминала о горьком лете, пропахшем больницей.

Когда Таю положили на обследование, она очень ждала папу. Он обещал приехать, привезти ей конфет. Потом пошли разговоры: папа взял у соседей списки для покупок, собрал деньги — и больше не вернулся из города. А мама всё обещала Тае, что он вернётся.

Потом Тая познакомилась с Лизой. Хорошенькая белокурая девочка появилась в школе в середине сентября. Она без страха первой поднимала руку и отвечала на вопросы Амалии Робертовны, на переменах спрашивала у учительницы, не стереть ли с доски, не принести ли мел, первой старалась предложить дружбу и, как показалось Тае вначале, как-то слишком сахарно улыбалась. Ребята мигом окрестили её Лизой-подлизой. Тае стало жалко новенькую. Она предложила ей дружбу и подарила зачитанного до дыр «Маленького Водяного» со словами: «Желаю тебе всегда иметь весёлое сердце!» — которые сказал ей добрый доктор перед операцией. Но Лиза не обращала внимания на Таю.

Учительница писала на доске вопросы к уроку, когда послышался бодрый стук в дверь. Не успела Амалия Робертовна ответить, как в кабинет быстро и уверенно вошла Танина мама, Ольга Фёдоровна, с белыми барашками на голове и синими тенями до бровей. В руках у неё были глянцевый пакет и большая бумажная коробка, перевязанная плетёной верёвочкой.

Амалия Робертовна вежливо улыбнулась, поздоровалась и помогла Ольге Фёдоровне. Класс восторженно притих, наблюдая за тем, как на учительском столе появляются бутылки жгучесладкой газировки. Нет, это был не «Тархун», не «Крем-сода» и даже не «Буратино» — это была самая настоящая чёрная искрящаяся «Coca-Cola»!

Но главная тайна хранилась в квадратной коробке. Когда Ольга Фёдоровна развязала тесёмки и сняла крышку, Тая восторженно открыла рот, глядя на пышное молочно-коричневое чудо с десятью свечками. Она даже чуть привстала, чтобы лучше разглядеть на торте цветных ежей, зайчиков, птичек и кружевную надпись: «Любимой Танюше!»

Пока Ольга Фёдоровна зажигала свечи, Амалия Робертовна медовым голосом предложила:

— Давайте поздравим Танечку все вместе!

И ребята с удовольствием закричали:

— С днём рож-день-я! С днём рож-день-я! С днём рож-день-я!

Тая весело кричала со всеми, поглядывая то на сказочный торт, то на Таньку, надувшуюся от важности у доски. Ольга Фёдоровна резким взмахом потушила спичку и осторожно взяла торт. В дневном сумраке он, словно пылающая громада, поплыл по воздушному морю. Класс заволновался ещё сильнее.

Таня закрыла глаза, и все замерли в плотной тишине, пахнущей жжёными спичками. Именинница, надув щёки, шумно потушила все свечи.

Пока резали и разносили торт, ребята торопливо складывали из тетрадных листов квадратные стаканчики с бортиками. Амалия Робертовна ходила по классу и наливала в них газировку. Пить нужно было скорее, пока бумага не размокла.

Таня положила перед Таей кусочек с целой жёлтой птичкой. Придвинув тортик поближе, Тая залюбовалась птицей. Стаканчик в её руках стал разбухать. Девочка опомнилась и несколькими глотками опустошила его. Пузырьки защекотали нос, во рту стало приторно.

Тая взяла кусочек и осторожно откусила. Нежный корж, пропитанный шоколадным кремом, мгновенно растаял на языке, отдав невесомую шелковистую сладость. Никогда ничего вкуснее Тая не пробовала!

Девочка ела осторожно, откусывая только по бокам, самую нежную серёдку с птичкой берегла. Когда остался небольшой обкусанный островок, Тая остановилась. Ей хотелось съесть всё, но она, сглотнув слюну, заботливо завернула торт в тетрадный листок и спрятала в парту.

В недавно покрашенной трапезной пахло хлебом и чабрецом. Раиса Ивановна, тихо улыбаясь своим мыслям, разносила чашки. Поставив на широкий стол тарелку с ржаным тяжёлым хлебом, она остановилась у окошка и поглядела на улицу. В серых сумерках слабо догорало небо.

Скоро за столом собрались прихожане, те, кто остался почаёвничать. Согревались душистым чаем и горячей беседой. Не было только отца Анатолия.

— А где батюшка? — спросила Раиса Ивановна.

— За *этим* пошёл,— ответила Надежда Васильевна, староста прихода.

Отец Анатолий неделю назад привёз из города худого парнишку с тяжёлым взглядом и жёсткими чертами лица. Каждый вечер батюшка приглашал его к столу, но получал сухой короткий отказ.

Костя помогал в храме, делал любую работу, но ни с кем не разговаривал, немой тенью проскальзывал между каменных холодных построек. Было в нём что-то страшное, отталкивающее, прихожане сторонились его. Даже добрая и приветливая Надежда Васильевна с опаской поглядывала на парнишку и хмурила пшеничные широкие брови.

Раисе Ивановне Костя чем-то был близок, понятен, хотя она не знала, что перевернуло его юную жизнь. Но заговорить с Костей она не решалась.

— Позвать их? Всё готово…— как-то вдруг неожиданно для себя осмелилась женщина.

— Не суетись, Раиса Ивановна,— одёрнула её бойкая Надежда Васильевна, перевязывая цветистый платок.— Присядь, отдохни! Уморилась, небось, с утра на ногах-то?

Привыкшая подчиняться, Раиса Ивановна кротко согласилась и присела на краешек скамейки.

— Я принесла тут,— робко начала она и протянула старосте полотняную сумку,— нынче много ягоды уродилось, с дочкой варенья наделали…

Надежда Васильевна, благодарно кивнув, достала из сумки двухлитровую банку чёрного, густого, как летняя ночь, варенья и разложила его по чашечкам. Люди за столом оживились.

— Вкуснющая смородина!— причмокивала беззубым ртом бабушка Нюра, тонкая и крепкая, как ивовая веточка.

— Хорошо!— крякнул Афанасий Иванович, погладив окладистую дымную бороду.

Раиса Ивановна засветилась от радости. Но, устыдившись, опустила глаза и сделала глоток. От горячего травяного чая обмякло тело.

— Видно, Господь за труд наш посылает благую весть,— улыбнулась бабушка Нюра, приподнимая ложечку с вареньем.

— Бог не оставит,— кивнул Афанасий Иванович.— Нужных людей вовремя приводит.

Заговорили о меценате, приславшем сегодня стройматериалы, о реставраторе, чудом заехавшем в село летом, об отце Андрее, настоятеле храма Рождества Богородицы, пожертвовавшем церковную утварь. Но Раиса Ивановна почти не слышала беседы— плечи у неё потяжелели, спина заныла, давила и лишала последних сил усталость.

— А икона?— вдруг услышала она молодой раскатистый голос Степана.

И испуганно и удивлённо посмотрела на мужчину. Но он глядел на Надежду Васильевну.

— Ни одна встреча не случайна,— ответила ему староста.— Вот бы престольную икону вернуть, что ещё при отце Данииле была. Ведь как-никак наш односельчанин её писал, корни её тут…

— Раиса!— позвал громкий голос Анны.

Молодая женщина протягивала ей пустую чашку. Раиса Ивановна подняла серое лицо, виновато улыбнулась. Она хотела передать чашку, но одним неловким движением смахнула со стола свою.

— Ты чего это, Раиса Иванна?— удивлённо спросила Анна, глядя на испуганную женщину, собирающую осколки.— Совсем устала. Шла бы ты домой отдыхать.

Раиса Ивановна подняла лицо, неестественно улыбнувшись, глухо затараторила:

— Я всё уберу, уберу…

Она суетливо смела в совок осколки и вышла на улицу. Тяжело вдыхая свежий воздух, высыпала стекло в ведёрко и отправилась искать батюшку. Заглянула в зимний храм, обошла колокольню. Всюду сквозила тишина. Услышав тихий и строгий голос отца Анатолия, Раиса Ивановна пошла в сторону приземистой хозяйственной постройки.

Батюшка, как высокий крепкий утёс, покрытый седым инеем, возвышался над Костей. Бледный парнишка, оторвавшись от работы, сжимал в жилистых руках молоток и с яростью смотрел на батюшку.

— Для того, чтобы восторжествовала справедливость, должна умереть любовь,— спокойно сипловатым голосом продолжал отец Анатолий.

Вся решимость Раисы Ивановны улетучилась, на смену пришла привычная робость.

— Справедливость ничего не имеет в любви, она мстительна, разрушает то доброе, что есть в человеке. Любовь жертвенна…

Совсем смешавшись, Раиса Ивановна хотела выйти на улицу, но, запнувшись о ящик с инструментами, всполошилась.

— Простите, батюшка…— виновато залепетала она.— Я не хотела мешать… Простите… Всё готово… Вас только ждут…

Отец Анатолий добродушно улыбнулся, от уголков голубых глаз разошлись солнечные лучики.

— Ну что ты, Раиса, как сорока испуганная, стрекочешь,— мягко сказал он.— У тебя даже имя лёгкое, светлое, а ты тяжелее тучи ходишь… Ну! Вот и Константин у нас тоже…

Костя нахмурился и отвернулся.

— Держаться надо!— громче сказал батюшка.— Терпеть до́лжно— унывать грешно! А мы сегодня хорошо потрудились, столько сделали. Правда, Раиса?

Раиса Ивановна легко выдохнула и благоговейно улыбнулась:

— Я, батюшка, завтра ещё приду!..

— Хорошо, хорошо. Ступай домой. У каждого дом во внимании и чистоте должен быть. Дом— это тоже храм… У твоей же Таисии рождение завтра?

Женщина кивнула:

— Десять лет ей будет.

— Это зелёный горох у нас,— усмехнулся батюшка.— О нём заботиться надо… Ну вот подарочек ей будет из городу…— и достал большую клетчатую сумку из-под полки.— Старенькое, но пригожее! Я в многодетной семье вырос и всё обноски носил… А сейчас мне нисколько не стыдно, я всё на добровольных пожертвованиях… В каких ботинках, штанах я хожу — это не главное, главное — что мы делаем…

Раиса Ивановна шла по побелевшей улице, осторожно обходя широкие мокрые колеи. Под ногами хрустел лёд. Снег падал на лицо крупными хлопьями.

Она никак не могла решить, когда отдать дочке привезённые батюшкой вещи. Хотелось сегодня посмотреть, как обрадуется Таюшка. Но тогда в день рождения придётся брать в долг что-то дешёвое в подарок или, хуже того, торговаться с коммерсантами. От этих мыслей становилось мутно и нехорошо на душе, как от обмана.

Раиса Ивановна отворила кособокую калитку и увидела живой огонёк в комнате Таи. «Сегодня!» — воодушевилась мать и зашагала по двору.

В сумраке прихожей Раиса Ивановна сняла куртку и поёжилась от холода. Дрова и уголь берегли, поэтому не протапливали печь уже несколько дней. Маленький нелепый дом нагревался быстро и легко, а остывал долго, заботливо храня внутри жизнь, но ещё накануне он отдал последние остатки тепла.

Раиса Ивановна убрала вещи в старый шкаф, накинула засаленную фуфайку и вышла в коридор. Она выгребла золу из печи и вынесла её в огород. В дровяном сарайчике взяла несколько подсыревших поленьев и ведро серого угля.

Скоро в печи полыхало и бодро потрескивало. Раиса Ивановна заглянула в комнату дочери. Тая, взобравшись с ногами на постель, закутавшись в дырявую шаль, что-то клеила. Рядом лежали обрезки, баночка с высохшим клеем, пустоглазая коробочка акварельных красок.

Раиса Ивановна, кротко вздохнув, расправила на спинке стульчика небрежно брошенную школьную форму и присела на краешек кровати.

— Смотри! — восхищённо выдохнула Тая и протянула бумажное чудо-юдо.

Раиса Ивановна взяла в руки тетрадочку и прочитала: «Хозяйка анкеты Чижова Таисия Сергеевна. День рождения — 8 ноября 1993 года».

— Замёрзла? — мягко спросила Раиса Ивановна.

— Не-а! — Тая спрыгнула с кровати и подлетела к обшарпанному шкафу, в котором хранились её вещи и учебные принадлежности.

Она бережно достала с полочки бумажный свёрток и протянула Раисе Ивановне.

— Сегодня у Тани Соколовой день рождения! — восхищённо залепетала девочка, глядя, как мать пробует торт.— Вкусный, да?! Тётя Оля сегодня в школу принесла! Он был такой огромный! Мам! Такой красивый! Ты бы его видела!

Раиса Ивановна кивнула и, тихо улыбаясь, протянула кусочек обратно дочери.

— Не-е-е,— нарочито лениво протянула Тая и соврала:— Я не хочу, я в школе облопалась! Мама, представляешь, там ещё свечки были! А ещё мы пили кока-колу! Здорово, да?!

— Мы сейчас так почаёвничали хорошо. Спасибо, доченька,— Раиса Ивановна положила тортик на стол.

— Ну, раз ты не хочешь…— согласилась Тая и снова затараторила:— Мама, ребята так обрадовались! Все кричали: «С днём рож-день-я!» А в сентябре, помнишь, у Лисовца был день рожденья? Он тоже угощение приносил, конфеты там всякие раздавали… Классно, да?

У Раисы Ивановны внутри всё сжалось и похолодело. Она вспомнила, как осенью в подсобку техничек влетела хохлушка Галка, её сменщица, и затрещала: «У спортивного зала самосуд затеяли, паразиты! Тайку твою травят! Ну! Чего стоишь-то?! Глаза выпучила! Эх ты! Тютя-матютя! Знала, что ты только трястись будешь,— сама их разогнала да из Тайки всё вытянула. Мамаша Лисовца конфет приволокла чёрт знает зачем! Ну и раздали всем, Тайка свои для тебя припрятала в парту. А Кузнецов, паршивец, весь в папашу, вытащил на уроке и сам же руку тянет и говорит: мол, Амалия Робертовна, Чижова у меня конфеты украла… А эта крашеная рептилия и в ус не дует! Вот они на перемене и затеяли разборки. Твоя ревёт, захлёбывается аж: не брала, не брала, это он… Эти ироды малолетние струхнули, ну и давай её успокаивать: мол, будешь реветь, значит, это доказательство, что украла, а она от обиды ещё пуще заливается! Ох! Паршивцы!»

До Раисы Ивановны, не сразу дошло, что случилось. Во всём она была медлительна и непонятлива: смысл слов и поступков, особенно обидных, приходил позднée, в тишине, поэтому не умела она отвечать на оскорбления. Так и Таина беда только в храме за работой обожгла страхом и беспомощностью. А дочь тяжёлую обиду спрятала глубоко, в памяти оставила только поздравления и конфеты.

— А я тебе тоже что-то принесла,— встрепенулась Раиса Ивановна и вышла из комнаты.

— Батюшка тебе передал на день рождения…— сказала, вернувшись.— Ты же ему помогала,— Раиса Ивановна поставила на пол сумку и, прижав руки к груди, отошла назад.— Со временем воскресную школу откроем… Батюшка хочет сделать пункт помощи, чтобы можно было вещами обмениваться…— рассказывала она, пока Тая разглядывала одежду.— Я печку затопила, поставлю в баке воду греться, искупаемся сегодня.

— Это всё мне?! — ошарашенная Тая выловила из сумки джинсы-клёш и пёструю блестящую рубашку с длинными рукавами-колоколами.
— Что подойдёт…

Рубашка была почти новой и по размеру, а джинсы широки, хотя по длине в самый раз. Девочка, недолго думая, обвязала себя поясом от плаща. В этом наряде она была похожа на счастливого взъерошенного попугая.
— Поможешь мне управиться? — спросила Раиса Ивановна.

Тая радостно кивнула.
— Накорми птицу, собери яйца. Надо в магазин сбегать, хлеба взять в долг, пекарня-то закрыта уже, — сказала у двери Раиса Ивановна и вышла.

В коридоре пересыпала из большой кастрюли в вёдра запаренное зерно с картофельными очистками и понесла поросятам.

Откуда ни возьмись вылетел Бобик и стал кружиться и подпрыгивать рядом.
— Объявился? — ласково спросила Раиса Ивановна и зачерпнула побитой чашечкой кашу.

Бобик, дрожа от жадности, набросился на еду.

Раиса Ивановна прошла через сеновал в зимний сарай. Здесь было душно и сонно. Пахло парным молоком и навозом. Как только Раиса Ивановна включила свет, голодные поросята завизжали. Пока высыпала корм, старших отгоняла лопатой, но чумазые животные только повизгивали, отскакивали и снова бросались к кормушке. Костлявая Ночка протяжно замычала. Раиса Ивановна ответила:
— Сейчас, сейчас… — и подняла голову.

Большие и красивые глаза коровы показались ей по-человечески грустными и уставшими. Раиса Ивановна быстро отвела взгляд и стала вычищать навоз из клетки.

Убрала под коровой и стала готовиться к дойке. Тая приволокла два ведра, одно пустое эмалированное, другое пластмассовое, с водой и тряпкой. Раиса Ивановна сняла с крюка деревянную скамеечку, села на неё и стала обмывать вымя коровы тёплой водой.
— Ну-ну, матушка, — приговаривала она. — Ночка, ласточка, кормилица ты наша, красавица, — хозяйка заботливо погладила линялый бок коровы и нежно обратилась к дочери: — Таюша, принеси немного сена, а то Ночка опять ведро опрокинет…

Тая сбегала в сеновал и принесла корзину с сухой душистой травой. Оставив её позади коровы, девочка взяла охапку и, осторожно обойдя с противоположной стороны, бросила сено в кормушку.
— Таюш, — Раиса Ивановна вытерла пот рукой, поправила платок. — Беги в магазин, дальше я сама.

Девочка молча погладила белую звёздочку на тёмном лбу коровы и принесла ещё сена. Она немного помялась у двери и потом вдруг спросила:
— Мам, ты можешь завтра не ходить в храм?

Раиса Ивановна, оторопев, перестала сцеживать молоко.
— Сделаешь мне торт?! Ма-ам? — затараторила дочка. — Представляешь, как ребята удивятся и порадуются за меня! Возьмём ещё в долг газировку?

Раиса Ивановна испуганно заморгала.
— Я батюшке обещала… работы много, Таюш… Нам стройматериалы привезли! — вдруг заволновалась она. — Здорово, правда? Ты ведь знаешь, что потом я в школе три дня мою… Когда я ещё в храм попаду? Да и нет у нас денег…

Тая молча постояла, потом скрипнула дверью и оставила Раису Ивановну в тишине, в которой глухо сцеживалось молоко и с утробным хрустом размалывалось сено на зубах Ночки.

Тая шла в магазин, поскальзываясь на свежем снегу. На улице поднялся ветер, зрела вьюга. Девочка, всхлипывая, одной рукой держала бортики капюшона, другой вытирала грубым рукавом слёзы. У двери магазина она запнулась и упала.
— У-у-у!
— Ты чего это лютуешь? — усмехнулся гортанный чужой голос рядом.

На крыльце стоял невысокий молодой человек в рваной фуфайке, чёрных валенках и зелёной шапке. При тусклом свете фонаря Тая разглядела мёртво-каменное лицо. И с удивлением узнала парня.
— А я думала, ты немой, — простодушно брякнула она.
— А я думал, ты рехнулась, — холодно ответил Костя и открыл тугую дверь, обшитую дерматином.

Звякнул колокольчик, прибитый внутри над притолокой. Девочка поспешила за Костей.

Под магазин Соколовы отвели просторную комнату своего дома. Здесь были полки с продуктами, два холодильника, уголок для канцелярии, химии и мелкой одежды. За прилавком в дом вела дверь. Её всегда держали открытой, завесив проход деревянными шторами-бусами.

Вдруг шторы ударились о стену, в комнату влетела Таня с распущенными волосами.
— Ма-а-ам! Покупатели! — громко закричала она.

Из глубины дома доносилась музыка и шум застолья. Костя отошёл к другому прилавку. Таня подозрительно и по-хозяйски следила за каждым его движением. От этого Тае почему-то стало стыдно за неё.

К покупателям вышла красная Ольга Фёдоровна в блестящем обтягивающем платье, Таня исчезла за шуршащей шторкой.
— Тёть Оль, здравствуйте! — неловко улыбнулась Тая. — Мама просит в долг хлеба, мы сегодня в пекарню не успели…
— Скажи маме, Тая, — раздражённо начала женщина, — что я скоро вообще ничего вам не дам! Полтетради только на вас извели! — она приподняла потрёпанную толстую тетрадку с должниками.

Тая виновато и глупо заулыбалась.
— Мы вернём, когда кур продадим…
— Я про индюков эту историю уже слышала! — махнула рукой Ольга Фёдоровна. — Вы в пекарне должны, мне должны, Самохваловым должны!
— У вас хлеб есть? — грубо перебил хозяйку Костя.
— Нет, хлеба у нас нет, идите к Самохваловым, — отрезала она и сложила руки на груди.

Тая растерянно улыбнулась и доверчиво посмотрела на Костю. При ламповом свете разглядела его глаза и удивилась: они напомнили два светлых карьера в глубоких землистых воронках. Костя тоже на мгновение замер, как будто растерявшись. Нахмурившись, он открыл дверь и обратился к Тае уже другим, как будто бы треснувшим голосом:
— Идём.
— Покажешь, где живут эти Самохваловы? — спросил он на улице, спускаясь с крыльца.
— О, конечно! — обрадовалась Тая. — На соседней улице, тут недалеко! Здорово, что мы вместе пойдём! Будет не так холодно! И не скучно, — тараторила она, чуть поспевая за Костей.
— У тебя что, другой обуви нет? — спросил парень, неодобрительно глядя на Таины резиновые сапоги.
— Зимние ботинки порвались, — беспечно махнула рукой Тая.

Костя ничего не ответил, только чуть замедлил шаг. Некоторое время они шли молча, пока девочка не нарушила тишину:
— А ты читал «Робинзона Крузо»?
— Решила со мной подружиться? — едко ответил Костя. — Дурёха…
— А ты свёкла! — рассерженно прошептала Тая.
— Свёкла? — удивлённо остановился Костя. — Свёкла?! — чуть помолчав, переспросил он и громко захохотал.

Таю сначала удивила мягкость его смеха. Она подумала, что человек, который умеет так смеяться, должен быть добрым. Но когда Костя упал на колени, голос его стал надрывным, истеричным, а смех показался одичавшим. Тая даже испугалась, не за себя — за Костю, который сотрясался всем телом, сидя на холодной земле. Девочка чувствовала, что ему сейчас очень больно. Костя смеялся долго, безудержно, как будто последний раз в жизни.
— А почему свёкла-то? — вдруг, резко успокоившись, тихо спросил он.
— А-а-а, — облегчённо протянула Тая, махнув рукой. — Так свёкла-то дольше всего варится, значит, она вредная. Вредные люди — свёклы.
— Чудная ты, — беззлобно сказал Костя, поднимаясь.
— Говорят, что я на голову больная… Хотя у меня сердце больное.
— Кто говорит?
— Ну, все, а ещё говорят, что я мешком пробитая.
— Прибитая, может?
— Наверно, я не знаю. Меня-то никто мешком не бил! — поспешила заверить Тая.

На Костином лице появилась неожиданно открытая и добрая улыбка.
— Тебе, наверно, обидно? — серьёзно спросил он.
— Не всегда, ребята-то хорошие, просто мы с мамой старомодные…

Костя и Тая остановились возле маленького ларька Самохваловых. Костя купил две булки хлеба. Одну отдал Тае:
— Твоя мама помогает храму? Так что вот… подарок.
— Мне на день рождения, да? — восторженно спросила Тая, выходя на тропинку, которая вела к соседней улице через брошенный чужой двор.
— У тебя сегодня день рождения?
— Завтра… Сегодня у Тани, у той девочки. Все ребята у неё собрались, кроме меня… — призналась Тая и замолчала.

Из темноты, из голых одиноких стен разрушенного дома послышался отрывистый глухой лай. Костя поднял с земли камень и бросил наугад.
— Не надо! — крикнула Тая.

Камень громко стукнулся об обломки шифера, собака трусливо завизжала.
— Ну зачем ты? — голос девочки задрожал. — Бобик, — ласково позвала она. — Бобик! Это я, иди сюда…

Из развалин, поджимая хвост, на полусогнутых лапках выполз Бобик. Тая присела и погладила его.
— Хозяева летом уехали, а его оставили. Он теперь попрошайничает. И дом по привычке сторожит. Иногда у нас живёт. А ещё он хромает…

Девочка отломила кусочек хлеба, бросила Бобику и пошла вперёд. Костя поплёлся следом.
— Что-то он не особо хромает, — усмехнулся он, глядя, как Бобик, проглотив хлеб, проворно побежал за девочкой.
— Да-а, — протянула Тая и засмеялась. — Он иногда забывает хромать. Когда радуется.

Раиса Ивановна лежала под одеялом, глаза её понемногу привыкали к утренним сумеркам. Прошедшая ночь выпила все силы, что-то громоздкое давило внутри.

С трудом поднявшись, она нашарила рукой потерявшийся в сбитых простынях шерстяной носок. Опустила ноги на пол. Посидев немного в предрассветной тишине, окончательно выбралась из рваных снов.

Печка за ночь прогорела и медленно остывала, но кирпичная кладка была ещё тёплой. Раиса Ивановна согрела воды в электрическом чайнике и с двумя вёдрами вышла на морозную скрипучую улицу. Встревоженный Бобик высунул пуговичный нос из-под крыльца, прислушался и через мгновение исчез.

Накрахмаленная природа дышала свежестью и чистотой. «Вот и зима…» — с грустью подумала женщина. Снега намело много, но храм ещё не был готов к престольному празднику.

Раиса Ивановна зашла в сарай, сонные куры недовольно закудахтали на жёрдочках. Увидев тачку с навозом, отставила вёдра для дойки и вывезла навоз за ворота заднего двора. Принесла из сеновала полную колючую корзинку, бросила немного сухой травы на подстилку корове, часть положила в кормушку. Покуда Ночка лениво дробила зубами сено, Раиса Ивановна её доила.

Таю было ещё рано будить, поэтому Раиса Ивановна вернулась в сарай и бросила птицам зерно, накормила поросят отрубями. Перед уходом тихонько разбудила Таюшку, поздравила шёпотом с днём рождения.

Как только управилась, заспешила в школу: до занятий нужно было помыть кабинеты на первом этаже. По дороге Раиса Ивановна думала о том, что надо докупить комбикорм и уголь, привезти питьевой воды, поменять газовый баллон…

В школе царствовала тишина, пустая и сонная. Раиса Ивановна, расплёскивая воду и шоркая тряпкой, один за другим убрала учебные классы. Когда закончила, в школе уже зашуршала ранняя жизнь.

Выполоскав тряпки и развесив их на деревянных швабрах, Раиса Ивановна оделась в комнатке для техничек и заторопилась в храм. Она шла по маленьким снежным барханам, прокладывая первую зимнюю тропинку.

На перекрёстке, недалеко от окраины деревни, её вдруг кто-то окликнул. Раиса Ивановна повернулась и увидела полногрудую румяную Галку, осторожно семенившую к дороге в галошах.

— Так и знала, что тебя повстречаю, — радостно сообщила та. — Ох, замучилась с утра! Раиска, ты в храм? Вчера дочурка приезжала, ох, исхудала в городе совсем! Ни черта не ест! Вот, притащила, — женщина протянула белый свёрток. — Говорит, местная, ещё в девятнадцатом веке будто бы писана! Не знаю, может, брешет! В городе у знакомой дед помер, вот хлам всякий разгребают! Только я не пустила Ленку вчера никуда, и так ребёнка не видим! На, бери крепче!

Раиса Ивановна безвольно протянула руки, но никак не могла сжать свёрток, пальцы как будто задеревенели и не слушались.

— Ну? — настойчиво повторила Галка. — Я сама бы снесла, да Малинка телиться собралась, пойду караулить, потом в школу побегу…

Раиса Ивановна не помнила, как добежала до храма, осторожно и крепко прижимая к груди драгоценный свёрток. Когда она, перекрестившись, вошла во двор, то увидела вспотевшего отца Анатолия с лопатой. Он был в стёганой куртке мутно-жёлтого цвета и чёрных грубых валенках.

— Батюшка, благословите, — задыхаясь, промолвила Раиса Ивановна.

С крыши храма с совиным уханьем слетел снег. Это Костя чистил крышу.

— Бог благословит, — сняв рукавицы, перекрестил отец Анатолий и, опершись о черенок, беспокойно посмотрел вверх.

Раиса Ивановна, прижимая к груди своё сокровище, больно сжала пальцы и нерешительно произнесла:

— Батюшка, посмотрите…

Батюшка молча развернул свёрток, открыв потускневшую икону. На потрескавшемся молочном фоне распростёр золотые крылья ангел в воинском облачении: шлеме, расписной огненно-золотой кольчуге и красном плаще. В руках он сжимал раскалённый меч и щит с крестом. Светлый лик выражал справедливую строгость, тёмные глубокие глаза смотрели вверх. Над головой была тонко выведена надпись: «Архангел Архистратиг Михаил».

Раиса Ивановна никогда не видела *ту* икону, но чувствовала, что это *она*. Она сейчас согревается в руках батюшки, на неё падают хлопья снега, её касаются лучи уже зимнего солнца… В глазах Раисы Ивановны помутнело, она закрыла лицо и отвернулась, дрожа всем телом.

— Раиса Ивановна, прогуляемся, — мягко сказал батюшка, завернув икону.

Женщина вытерла слёзы и послушно зашагала рядом. Некоторое время шли молча. Снег мягко и пружинисто скрипел под ногами, на улице становилось всё светлее и чище. В кучных облаках то пряталось, то показывалось холодное солнце.

— Вижу я, как ты стараешься, Раиса, но вижу и то, что давно тебя снедает какая-то мысль… — вкрадчиво заговорил отец Анатолий, когда они оказались в берёзовых заснеженных зарослях недалеко от спящего пруда. — Только иной раз и сама себе сознаться в этой мысли ты не хочешь, потому на исповеди и не слышу я твою эту… — батюшка остановился и, чуть подумав, добавил хриплым голосом: — …спрятанную боль. Таить её ни к чему, исповедь с утаённой болью Богу не угодна. Церковь ведь — всё равно что корабль в море житейских забот и страстей. Здесь спасаться надобно. А покаяние всем тяжело даётся, — ободряюще улыбнулся батюшка. — Всю жизнь мы просим Бога о прощении за грехи свои. Пройдёмся ещё немного…

Пока шли к дороге, ведущей к кладбищу, Раиса Ивановна набиралась смелости. Когда взобрались на холм, отец Анатолий остановился и посмотрел издали на храм.

— В наше время люди лишены связи с Богом и церковью, — вдруг начал он, не глядя на Раису Ивановну. — Кому-то наш храм покажется трухлявым пнём, о который запинается взгляд. Но мы

знаем, что храм — это наш дом, нужно трудиться, работать, создавать… Каждому в меру сил…

Раиса Ивановна тяжело вздохнула.

— Батюшка, — деревянным голосом начала она. — Я, может быть, больше всех виновата в этом, — женщина подняла взгляд на покалеченный храм. — Мы виноваты, мы это сделали… И я теперь ничем не смогу искупить этот грех… и Таюшка будет…

Слёзы обожгли сухие щёки. Но Раиса Ивановна, широко раскрыв глаза, ничего не видя, продолжила шёпотом:

— Дед сам руководил… Сам подписи эти собирал! Выгнал отца Даниила из дома, когда… А бабушка Фая икону продала в городе. Продала. Она заболела и всё рассказала, мучилась она перед смертью, батюшка! — Раиса Ивановна задыхалась от слов, но продолжала. — И не искупим грех… Мама пропила свою жизнь! Отец повесился… Стёпка, муж мой, проигрался! Дом проиграл! Мы обездомели… Оставил нас с долгами! Таюшка ждёт его, молчит и всё ждёт! Я же вижу. Я же вижу, что и её… это коснулось. Я вижу, какая она, какие мы!.. — Раиса Ивановна закрыла лицо руками и разрыдалась. — Ничего не можем, всё потеряли! Потеряли Бога — потеряли семью, потеряли дом.

— Болезнь открывает глаза. И душу, — мягко ответил отец Анатолий. — Учит мудрости. Самое тяжёлое — это найти свою вину. Ты переняла её. Но на себя, Раиса Ивановна, чужие грехи не бери, ты только усерднее молись за души твоих родных да живи в благочестии и чистоте, полагайся на волю Божию. Тебя ангел-хранитель привёл сюда для Божьего дела, ты начала храм строить и не заметила, что храм строится внутри тебя. И Таиска твоя Богом не обижена, она видит вокруг красивое всё, она неунывающая, а то, бывает, мы немножко нагнетаем себе излишнего… Бог, Раиса Ивановна, любит каждого и всегда готов помочь в добрых делах.

Раиса Ивановна не ждала таких слов, она удивлённо посмотрела на батюшку. Тот участливо тихо улыбался, глядя на неё своими пронзительными и мудрыми глазами.

— А сейчас ступай домой, Таиску не оставляй без внимания, сегодня по старому времени праздник, — сказал он. — Иди без смятения внутреннего, а коли надо будет, на исповеди двадцать первого поговорим.

Поблагодарив батюшку и попрощавшись, Раиса Ивановна медленно спустилась с холма. На душе было непривычно легко, как будто бы сама душа стала пёрышком. Но Раиса Ивановна не могла позволить себе выдохнуть. Так, в смятении, она незаметно для себя добрела до дома.

Тянулась перемена. По коридору с визгом носились ребята. Скучающая Тая сиротливо шла мимо кабинетов. В руках у неё была самодельная тетрадочка-анкета. Незаметно для себя девочка снова оказалась в библиотеке. Здесь было спокойно, пахло старой бумагой и пресной тишиной.

— Здравствуйте, Зоя Андреевна, — тихо поздоровалась девочка.

— О, это опять ты, Таечка, — выглянуло из-за стеллажей выцветшее лицо библиотекарши. — Проходи. Может, на этот раз что-нибудь выберешь.

Тая стала разглядывать на нижних полках знакомые книжечки с поношенными обложками. Доставая то одну, то другую, она рассеянно перелистывала жёлтые мягкие страницы, иногда останавливалась и шёпотом читала отрывки.

— Ну что, выбрала? — спросила Зоя Андреевна и села за стол. — Скоро звонок.

Девочка взяла первую попавшуюся книгу и протянула библиотекарю.

— Вы не хотите заполнить? — тихо спросила Тая, робко показав мятую тетрадочку.

— Что это? А-а-а, — неловко улыбнулась Зоя Андреевна. — Я уже старая анкеты-то заполнять, дай ребятам, — заторопилась она, доставая читательский формуляр. — Ох! У тебя сегодня день рождения? Поздравляю!

Тая улыбнулась. На столе она увидела знакомую сине-фиолетовую корочку. Девочка взяла книгу в руки.

— Эту пока нельзя брать, я ещё не внесла её в нашу базу, — улыбнулась Зоя Андреевна.

— А откуда она у вас? — тихо спросила Тая.

— Таня Соколова потеряла «Бима», вот, отдала взамен.

— М-м-м… — Тая положила «Маленького Водяного» обратно.

Зоя Андреевна, сделав запись в карточке, протянула девочке книгу. Тая молча взяла её и вышла в коридор. Внутри у неё, у самого сердца, больно защипало, как бывает от йода или зелёнки. Тая побежала в кабинет, но возле раздевалки наткнулась на тётю Галю. Она была в верхней одежде — видимо, только пришла.

— Ну, чего не смотришь на дорогу?! — гаркнула техничка.

Девочка испуганно съёжилась.

— На вот, тебе жених передал! — тётя Галя, рассмеявшись, всучила Тае серый мятый пакет.

Тая ещё больше растерялась и захлопала глазами.

— Парнишка из храма прибегал, — смягчилась женщина. — Сказал: это Тае. Батюшка, видно, передал.

Девочка заглянула в пакет и увидела зашитые поношенные зимние ботиночки. Тая осторожно взглянула на тётю Галю и пошла в раздевалку. В окошко увидела Костю. Ссутулившись, он шёл по школьному двору к воротам.

Тая выскочила на крыльцо и крикнула:

— Ко-о-остя!

Парень обернулся, удивлённо поднял брови. В руках у него был тёплый хлеб из пекарни. Костя подошёл к Тае.

— Зайди в школу, холодно!

— Спасибо!

— Ерунда. Ну. Иди!

— Костя…— осторожно начала Тая.— А ты не хочешь заполнить?

Костя сердито посмотрел на неё, потом на сжатую в руках тетрадку.

— Ладно, давай,— обречённо выдохнул он.— Только иди…

Из окошка раздевалки Тая провожала Костю взглядом до ворот. Рядом с ним бежал Бобик, весело махая хвостиком. Костя отламывал хлеб и бросал ему на землю. Пёс послушно съедал кусочки и старался не отставать.

Тая постучала по стеклу. Костя обернулся, и девочка радостно помахала ему рукой. Он улыбнулся, поднял в ответ руку и вышел.

Повесив пакет на крючок под куртку, Тая пошла в класс. Затрещал школьный звонок, одноклассники хлынули в кабинет.

Когда ребята расселись по местам и Амалия Робертовна начала урок, в дверь нерешительно постучали.

— Входите!— привычно отчеканила учительница.

В кабинет робко вошла смущённая Раиса Ивановна в голубом платочке. В руках у неё были полотняные сумки. На ровном месте она споткнулась и чуть не упала, ребята прыснули. Тая почувствовала, как стало жарко лицу, и опустила глаза.

— Амалия Робертовна, простите, пожалуйста,— виновато начала Раиса Ивановна.— У Таюшки сегодня день рождения, я угощение ребятам принесла…

Тая ещё не совсем поняла смысл слов, но её сердце вдруг сжалось и радостно застучало.

— Двенадцать человек в классе, и что ни день, то день рождения! Я когда-нибудь буду уроки нормально вести?— недовольно отозвалась учительница, но отложила мел и обратилась к ученикам:— Ребята, давайте поздравим Таю.

— С днём рож-день-я! С днём рож-день-я! С днём рож-день-я!— прокричали ребята.

Взволнованная Тая вжалась в стул. Она словно оказалась на карусели: всё вокруг мелькало, пестрило, шумело. Ей было страшно пошевелиться. И только сердце отчаянно радовалось в груди.

Амалия Робертовна разнесла тетрадные листочки. Раиса Ивановна сняла крышку с трёхлитровой банки янтарного яблочного компота, убрала с противня щербатую чашку, открыв круглый коричневый торт, обсыпанный самодельной сахарной пудрой, похожей на крошки снега.

— Называется «Трухлявый пень»,— искренне поделилась Раиса Ивановна с учительницей.— Рецепт очень простой, главное, чтобы было смородиновое варенье…

Когда разрезали торт и разлили компот по сложенным бумажным стаканчикам, Тая с Раисой Ивановной и учительницей разнесли кусочки.

Тая села за свою парту, держа в руках стаканчик, сделала глоток, компот оказался бледно-сладким. Осторожно взяв кусочек торта, девочка попробовала его. Корж был плотным, грубоватым, он отдавал ягодной кислинкой и гашёной содой.

Это был вкус безграничного счастья, вкус сбывшейся мечты. Тая видела, как переглядываются и гримасничают ребята, как они перешёптываются и смеются. И ей казалось, что они тоже радуются с ней. Внутри у Таи радостно скакал бешеный зверёк, и если бы он вырвался наружу, то перевернул бы все парты и подпрыгнул до самого неба— таким неугомонным и всеохватывающим было счастье Таи!

Дарья Синайская

Весна

Мама, здесь пахнет львом. В этих кустах. Если мы встретим здесь льва, будем убегать. Но не нужно, он умерший. Если он правда мёртвый, мы пожарим его мясо. Если не прожарится—не съедим. Сделаем из него шапку. Она будет полосатой. Но полосатый—это ведь тигр. Да, тигр, а у льва такое круглое облачко. Если мы услышим в кустах рёв, тогда это или тигр, или лев. А если это младенец, он нам всё расскажет о том, что его покинули. И тогда он не потерявшийся. Мы его себе заберём, это можно. Мама, мы должны всего ожидать.

А если не будем ожидать, вдруг в кустах—ловушка? И погаснут все фонари. А под ногами верёвка, мы споткнёмся и упадём. Луна пахнет горячим мясом. А звёзды—холодно. Здесь вообще странно пахнет. Сын, это природа. И звёзды, и луна. Камни. И река. Видишь, как отражаются в воде окна электрички? Плывут, светло-зелёные… Смотри. Ты чувствуешь, как пахнет электричка? Да. Я чувствую, как пахнет электричка в депо. Она пахнет тёплым мясом. Всё-то у тебя пахнет мясом.

Мама, львов нам не нужно бояться. Если бояться, они нападут. А ещё нужно смотреть под ноги. Вдруг верёвка? Мама, я буду держать тебя за руку. Если никогда не наступит полночь, мы будем всё время читать сказки.

Сын, ты слышишь, кто это? Это кукушка. Ну-ка, давай подойдём. Как тут сыро… Ты трогал такие иголочки? Не бойся, они совсем не колючие. Мягкие, как волоски. Ну же, прикоснись. Это лиственница. Не надо, не отрывай. Лучше погладь кору. Какая она шершавая. Угу. И приятная. Не отколупывай, дереву будет больно. Кора у дерева—всё равно что у нас кожа. Только толстая, потому что дерево всегда на улице—и весной, когда, вот как сейчас, тепло, и зимой. Дерево не уходит домой, не ложится спать. Хи, дерево! Не ложится спать! А если ложится, тогда на таку-у-у-у-ую длинную кровать. Мама, встань сюда. Делай вот так руки. Во-о-о-от таку-у-у-ую! Да, сынок. И складывает ветви, вот так. И накрывается одеялом. Да нет же, не накрывается! Таких одеял не бывает. Бывает, бывает. Ещё как бывает. Всё бывает, сынок.

Мама, мы в логове львов… Ничего не бойся, дай руку. Какая горячая ладошка! Тебе жарко? Чувствуешь, ветер уже совсём тёплый. Даже ночью. Весна… Мама, я ничего не вижу. Как нужен фонарик! Если бы был фонарик… ты бы не увидел ничего в темноте. Сумел бы разглядеть только то, что попадает на свет. А всё остальное бы не увидел… Посмотри, какой я нашёл цветок. Он такой один. А, нет—целая стая. Мама, смотри. У меня на букете пассажир. Божья коровка. Я её немного провезу, а потом она улетит. Это ничего, что пассажир приходит и уходит. Смотри, она расправляет крылышки. Божья коровка, полети на небо, принеси нам хлеба, килограмм клубники. Скажи, ты устал? Ой как устал. Наверное, Бог меня жалеет. Он, если какому-то человеку плохо, жалеет. Мы не слышим Бога. А Он слышит. А у меня ещё и укусы. Я комарам по аппетиту. Они посмотрели на мою кровь—и она как будто с сахаром. Мама, а ты устала? Ну что ты, я с тобой готова всю ночь гулять, до самого утра, пока не наступит рассвет. Представляешь, уже рассвело, а мы всё идём и идём… Мама, а ты не боишься волков? Что ты, волков здесь не бывает. Наш парк маленький, это даже не лес, но и в лесу не всегда бывают волки. А медведи? И медведи. А что, если мы потеряем дорогу? Не волнуйся, дорогу я знаю хорошо. Очень? Да, очень. Мама, ты смелая. С тобой не страшно. И мне с тобой. Вообще, когда ты не один, бояться нечего. Но и если вдруг окажешься один—ничего не бойся.

Нет, одному мне было бы страшно. Но ведь ты не один. Да, я не один.

Мама, сегодня начнётся продажа цветов. Цветы будут стоить пять, десять. Самые красивые—двести. Начнётся продажа, когда мы придём домой. Если никто не купит—она закроется. Но ты ведь купишь? Ну конечно, куплю. Всё куплю. Давай помогу нести твои цветы, их так много. Да. И ещё камень. Камень будет за пятьдесят.

Видишь, куда мы пришли? Карусель. И ещё какие-то птицы… Это лебеди. Я каталась на таких, когда была как ты. Они медленно кружатся и поднимаются к самому небу. Правда? Ну не то чтобы к небу. Может быть, к облакам. Но сейчас парк аттракционов ещё закрыт. Когда его откроют летом, мы придём сюда и будем кататься, пока не упадём от усталости и голова не закружится. Мама, скорей сюда. Смотри, лягушка. Первый раз так близко вижу лягушку. Она не квакает. А что будет, если её поймать?.. Будет пойманная

лягушка. Хи, пойманная. Её мама придёт и расстроится. И столкнёт банку лапками в пруд. Какая вода чёрная. И блестящая. И холодная. Да, а когда потеплеет, мы сможем купаться. И кататься на лодке. На лодке? А как это? А это почти как на корабле, только маленьком. И ещё нужны вёсла, чтобы грести. Я сама не очень умею, но тебя научу. Всему, что умею. Мама, я могу стать космонавтом. Буду летать к звёздам… А я тогда стану ждать тебя на Земле и готовить ужин каждый раз к твоему возвращению. Хи, ужин… А что ты смеёшься? Космонавтам тоже нужно кушать. И у них есть мамы. И они ждут их на Земле…

Мама, а мы правда поедем в джунгли? Когда я вырасту, я сделаю там дорогу для поезда. Ты всегда будешь ждать меня на остановке. Я буду подъезжать и звонить в колокольчик, а ты—приходить. И всегда уезжать на моём поезде… Тогда я буду слушать колокольчик очень внимательно—чтобы не пропустить. Мама, а когда я уже начну работать? Мне нужно вот такую стопочку денег на корабль. Чтобы попасть в джунгли, нужен корабль. Я должен сам его построить, чтобы пришёл капитан. Там будут специальные кнопки, я ему сделаю. Нужен ещё подъёмный кран. И мотор, огро-оомный. А кем ты сам будешь? Я буду официантом, поэтому я буду главным. Там у меня будут очень вкусно кормить. Клубнику выдавать—свежую, как огуречик. И там у детей—заказывай что хочешь, а взрослым что дадут, то дадут. Бассейн будет огромный, как аквапарк, но там без детей нельзя. Если без детей—взрослые должны заплатить. Две тысячи триста пятьсот шестьсот. И там у каждого ребёнка свои ключи. Я буду главным полковником, потому что я выдаю ключи и я всё делаю. Один ребёнок—один ключ, два ребёнка—двое ключей. И корабль будет больше, чем наша квартира. А бассейн до потолка, бассейн глубины во-о-от какой. И, мама, у тебя будет свой причал. И своя комнатка. Кроватка и подушка с узорчиками. И, знаешь, такая лампочка. Ночник? Да, он будет переливаться всеми цветами радуги. Этот корабль мы построим за два года… Ну, если рабочих наймёшь… А если весь мир? Тогда за два дня… Месяца будет достаточно.

А ещё там будет кабинет холода. Заходишь—а там сугробы. Настоящий там выложен снег. А комната для осени будет? Да. И там поливает дождь. Я опрокидываю сверху ведро, бегу к следующему. И так лью и лью. Туда можно заходить только с зонтиком. А комната для лета, для весны? Да, и пусть прямо через них проезжает специальный поезд. И тогда по очереди зима, осень, весна, лето.

И там, на моём корабле, все развлечения хорошие. На каждом потолке будет вывешено объявление: нельзя курить. Но если какой-то взрослый нарушит, его оштрафуют. И он будет долго проветрять, и будет думать, думать…

Там будут автоматы с какао. У тебя самый лучший, с молоком и сахаром. И там будут джунгли. Я развешу канаты, как лианы. Но там взрослым нельзя, там может быть опасно. Они могут там заблудиться. А дети не могут? Нет, дети там всё знают.

Там будут бананы. Вот такущая бумага, чтобы рисовать. И аквариумы. Каждая рыба большая—в своём бассейне. Вначале мы им помогли выбраться из какого-нибудь колодца, и теперь—они к нам приплывают. И там будет флаг—детский флаг. Каждый день разные веселья. И там взрослые будут выступать для детей, а не дети для взрослых.

А ещё там будет детский поезд. Взрослых туда не будут пускать… А я всё равно проберусь! Ну мам… А как же—в детском поезде наверняка всё гораздо красивее и веселее. Ну хорошо. Я тебя прокачу. А бабушку я позову работать на моём поезде. Она будет возить тележку с мороженым, а кто хочет—покупать. Нам мороженое бесплатно. Нам вообще всё бесплатно на моём корабле. Ну конечно, сынок, это ведь твой корабль, ты в нём самый главный.

И ещё там будет больница. И там умеют лечить всё. И ни у кого ничего не болит. А если надо сделать укол, то дают леденцы. А лучше—торт. Целый торт за укол. Куча тортов, пирожных. Прямо пока лежишь, тебя ими будут кормить. А если капельница, тебе мультфильмы показывают. И когда операция, ты не просто так спишь, а видишь хороший сон про то, как ешь что-нибудь сладкое. А сам я буду главным врачом. Буду тебя лечить. Давать тебе разные лекарства, но они могут быть горькие. Но ты всё равно пей. Мама, я сделаю так, что тебе никогда больше не будет больно. И ты никогда больше не будешь болеть. Мама, скажи, а когда отрастут твои волосы? …Отрастут, сынок, отрастут. Ещё длиннее, чем прежние. Вот увидишь!

Александр Селивёрстов

Дешёвки

Эта встреча не должна была произойти.

Миша и Маша. Столько огня и страсти прогремело между ними, что теперь, спустя годы разлуки, их тянуло, будто пьяного к кабаку. Маша, невысокая, но статная, словно карликовая берёзка, приютилась у окна с чашкой капучино. Снег хлопьями огорошивал людей, точно издевался над их суетой и мелкими желаниями.

Кафе пустовало. Бармен лениво протирал стойку, дожидаясь, когда уйдёт начальство, чтобы вздохнуть во всю грудь. Застенчиво-тихо пела музыка.

Миша ворвался, словно налётчик,—с шумом, топотом и громким кашлем.

— Двойной американо!—крикнул он у дверей и повернул голову к единственному занятому столику.

Маша тоже обернулась. Из любопытства. У обоих замерло сердце.

Не говоря ни слова, Миша сел напротив той, кого боготворил.

Они молчали минуту, потом другую. Снег на плечах Миши растаял и залил собой пол. Первым сказал Миша. Речь была запальчивой, жаркой. Маша совсем растерялась, её лицо зарделось, а глаза задрожали от слёз. Она не сдержалась и с той же горячностью стала отвечать любимому. Кофе принесли. Кофе остыл. Утро сменилось полуднем.

— Нам надо уединиться!—выпалил Миша то, что крутилось на языке с первой минуты у обоих.

— Мы не можем!—жарко ответила Маша.—У тебя Жанна, ребёнок. У меня дети… Светлогорский…

— Плевать я хотел на его лысую голову! Ты же не любишь его?

— А ты… любишь?—Маша дрожала так, словно её знобило.

Лихорадка полузабытых чувств охватила влюблённых. Они утонули друг в друге на съёмной квартире, будто вернувшись в студенческие годы, когда жили впроголодь и занимались любовью редко—не было денег на угол.

Когда бурная сцена стихла и опустился занавес, Маша вздохнула так сладко и горько, что стало ясно: этого ей не хватало. Миша задумчиво закурил в окно.

— Дай мне свой номер,—сказал он безжалостно, не считаясь с её нынешней жизнью.

— Миша…— взмолилась Маша.—Может, это лишнее? У нас семьи.

Стальной и полный решимости взгляд стал ей ответом. Миша с особым трепетом, какого не испытывал ни к кому более, проводил Машу до такси. Они взглянули друг на друга на прощание и поняли: ещё не конец.

Чуть позже приехала Жанна. Высокая, жеманная, как худое ветвистое дерево, заслоняющее собою окно. Жанна не смотрела Мише в глаза, она жаловалась на боли: головные, в сердце, в спине. Сетовала на плохое настроение, на зимнюю депрессию, на хамоватого таксиста. Миша разгружал сумки бог весть с чем и чувствовал себя фасовщиком, прислугой.

Жанна только и говорила, что про свою маму, про её успехи в бизнесе, про новые идеи, подруг-содержанок—словом, про всё то, что заставляло Мишу помнить, что живёт он за её счёт и ровней быть не может.

Миша разобрался с пакетами, выслушал унизительные речи, осунулся, обмельчал, затем прошмыгнул на балкон и с сигаретным дымом проглотил этот вечер, думая о Маше.

Маша сидела напротив входной двери, держа руки на коленях, как в школе. Она чувствовала скорый скандал, нутром понимала, что Светлогорский её разоблачит. Маша гордилась тем, что не умела лгать, но теперь грызла ногти и молила всех богов, чтобы муж вернулся навеселе. Она не называла его по имени—только муж или Светлогорский. Он любил фамильярность, любил всем видом подчеркнуть свою значимость.

Светлогорский вошёл в квартиру с таким видом, какой бывает лишь у тех, кто пришёл по чью-то голову,—приставов, полицейских и прочих.

Светлогорский бросил небрежный взгляд на супругу, подал ей манто и буркнул:

— Ты какая-то бледная. Ты нездорова. Приляг.

Он никогда не спрашивал про истинное положение дел, поскольку ему, как он считал, хватало взгляда, чтобы всё обо всём понять. Маша подала ужин и спряталась в комнате. Супруги давно жили порознь под одной крышей. Случилось это в ту пору, когда Светлогорский охладел к Маше в вопросах страсти. «Спи отдельно, ты меня тяготишь»,—сказал он тогда.

Маша засыпала, словно ребёнок, впервые обхитривший родителей. Улыбка не сходила с лица,

глаза горели от счастья, внутри всё трепетало. Она повторяла имя одними лишь губами, растягивая по слогам: «Ми-ша». Маша опьянела от любви.

Новый день её отрезвил.

Проводив Светлогорского на работу, Маша принялась за свои чувства.

— Надо выкинуть всё из головы,— повторяла вслух, глядя на маленького Арсюшу, играющего в кубики.— Нельзя так, нельзя.

Раздался телефонный звонок. Взглянув на экран, Маша содрогнулась и едва не повалилась на пол, благо в последний момент удержалась за стул.

— Не звони мне больше,— стараясь сохранять самообладание, ответила Маша любимому.

— Это всё деньги!— сказал Миша.— Если бы не деньги, мы бы бросили их, ведь так? Так?

Маша сбросила звонок. А через неделю Светлогорский повёл её в ресторан. «Выгулять», как он говорил, точно речь шла о собаке. Парочка заняла столик, невдалеке играли музыканты, говорили люди — кто вполголоса, кто поднимал тост; и тут Маша врезалась взглядом в того, кого просто быть не должно. Миша сидел со скучающей Жанной.

— Какое ужасное меню,— жаловалась она, небрежно листая страницы.— Разве это можно есть? Вот мама говорит…

Миша не дослушал и обернулся в сторону Маши, точно знал, что она именно там. Язык обманчив, глаза честны. Миша сказал, что ему надо отлучиться, и под аккомпанемент: «Дома не мог сходить?» — прошёл мимо Маши в сторону уборной, куда позвал за собой одним лишь взглядом.

Маша последовала за своим гипнотизёром беспрекословно, толком не объяснившись со Светлогорским.

Они жарко шептали, пытаясь каждый убедить в своём, как вдруг их прервал тот, кого ждали меньше всего. Светлогорский, не теряя лица, оглядел соперника с головы до пят и холодным, приказным голосом сказал:

— Мы уходим,— после чего хозяин и его рабыня покинули кафе навсегда.

Миша едва стоял на ногах. Он умылся холодной водой, посмотрел в зеркало, пытаясь разобраться во всём, но ничего не выходило.

— Чем занимаешься?— небрежно спросил Миша, рухнув на стул возле Жанны.

Она взглянула на него с таким пренебрежением, с каким смотрят на бездомных, и сказала:

— Как обычно. Отдыхала в твоё отсутствие.

Дома Светлогорский не устраивал сцен, а, по обыкновению, лёг спать, полный безразличия. Это ещё больше терзало Машу: «Да лучше бы ударил, накричал, из дома погнал, как собаку». Утро встретило Машу фразой:

— Я больше тебя не люблю. Можешь идти к своему бывшему — мне всё равно.

Дверь за мужем закрылась с особенным грохотом, предвещающим беду. Маша обомлела и растеклась в кресле.

«Может, оно и к лучшему? Может, так надо?» — пыталась она убедить себя, попутно набирая номер Миши. Миша трубку не брал.

Вскоре на том конце раздался знакомый голос. Маша сказала:

— Всё кончено. Я от него ухожу.

Миша тяжело задышал от счастья и не в силах был что-либо сказать. Наконец выпалил:

— Я скоро буду.

Через одно мгновение он оказался у её ног, через другое — они делили постель, через третье — нежились в объятиях друг друга и о чём-то мечтали.

— Я тоже уйду от Жанны. Я её не люблю.

— Тоже?— не верила Маша.

— Конечно! Кто мы для них? Дешёвки — вот кто!

Миша вскочил на ноги и обнял Машу за плечи.

— Если бы не деньги, Маша, стали бы мы с ними жить? Стали бы?

И вдруг их обуяло счастье, простое и беспричинное, какое обыкновенно бывает, когда о чём-то размечтаешься и кажется, что это что-то случится вот-вот или уже случилось. Влюблённые смеялись, как дети, говорили во весь голос, поносили без пяти минут бывших супругов и радовались свободе. Но всему приходит конец.

— Миш… А ты сможешь обеспечить меня и ребёнка? Я не работаю, ты знаешь, и…

У Миши похолодело сердце.

— Маша, пока всё непросто. Я живу за счёт Жанны, ты знаешь.

Маша посмотрела таким взглядом, какой бывает у животных, ведомых на заклание.

— Но я всё исправлю! Да, да — всё!— горячо ответил Миша, не веря сам себе.— Сейчас я приеду домой, обо всём скажу Жанне и тут же вернусь, хорошо?

Маша выдавила улыбку, но глаза оставались холодными, недоверчивыми.

— Жди моего звонка, любимая,— сказал Миша, закрывая за собой дверь.

Миша ехал полный решимости, которая всё больше исчезала, чем ближе он становился к дому. Жанна встретила небрежным:

— А, это ты?— словно ожидала кого-то ещё.— Проходи, есть новости.

Миша разделся, как провинившийся школьник, и стоял навытяжку перед женой, боясь ляпнуть лишнего. Жанна лежала на диване в домашнем халате и с маской на лице. Рядом с ней примостилась кошка. Обе смотрели на Мишу с лёгкой долей неприязни.

— Мама сказала, что депрессию надо лечить на Канарах. Ты был на Канарах? Ах да, о чём это я? Короче, собирайся, уже всё оплачено. Вечером вылет.

Миша обрадовался, как мальчишка, которому купили дорогую игрушку. Родители Миши жили

бедно и про Канары никогда не слышали. Мише тоже не довелось разбогатеть. Поговорив с супругой, Миша вышел в коридор. Он подумал, что позвонит Маше после, когда выжмет из этой «твари»—так он про свою жену—всё. Миша не позвонил. Канары! Кто бы мог подумать: где он, а где Канары!

Маша почти не ждала звонка. Она смотрела на спящего сына, на кухонный гарнитур, на широкий телевизор. Словом, цеплялась за всё, что нажито и с чем теперь предстояло расстаться.

Вечерело. В квартиру вошёл Светлогорский. Маша помогла ему раздеться и проводила к столу.

—Ты ещё здесь?—спросил он, занеся ложку над тарелкой.—Где твой любовник?

Маша разрыдалась, упала на колени и обняла мужа.

—Прости меня, дуру! Ничего не было! Ничего! Я люблю тебя! Прости меня!

Спустя несколько минут непрерывных рыданий Светлогорский одобрительно погладил жену по голове, как хозяин гладит послушного пса. В ту ночь Светлогорский овладел женой. Ей было неприятно, противно, это ничуть не походило на недавнюю страсть с Мишей. Когда всё кончилось, Маша сердечно призналась, что это лучший раз в её жизни и она счастлива, что они снова могут любить друг друга.

—Любить?—спросил Светлогорский, недоуменно приподняв одну бровь, после чего ушёл спать к себе в комнату.

Маша приняла душ и приготовилась ко сну. Она по привычке проверила телефон—пропущенных вызовов нет.

Она зашла в список контактов и удалила номер Миши.

На-все-гда.

ДиН стихи

Алла Широнина

Вздыхает Фауст

● ● ●

Как пастухом гонимые стада,
неторопливые текут часы труда.

Вздыхает Фауст и, взыскуя мира,
в окно глядит потерянно и сиро.

Мир голосит, мир требует ответа
и подступает к окнам кабинета.

Измерен, взвешен и обременён,
листает Фауст летопись времён.

Он—до краёв наполненный потир.
Он—чаша скорби, врошенная в мир.

Пылят века, толкаются боками.
Пастух бессилен, стиснутый быками.

● ● ●

Река течёт. Звезда блистает.
Тростник
поёт
о чём не знает.
Он—голос, больше ничего.
Жестокий ветер непрестанно
терзает
бедного
его.
Из горла кровь.
С небес Осанна!

● ● ●

Глаза, опущенные долу,
весь облик трепетный и гордый.
Влюблённость… как лицо знакомо!
Как поступь девичья легка!

С какой протяжною истомой
поют пронзительные горны!
Как подозрительно угрюмо
им откликаются века!

Влюблённость быстрая проходит—
не успеваешь насладиться,
не успеваешь ухватиться
за белопенные шелка.

Её кивок неравнодушный—
и сердцу хочется разбиться,
но стопы девичьи бесшумны,
глядишь, она уж далека.

Поберегись, неосторожный,
любви недолгого кокетства!
За ней бежит её волчица,
от стёжки к стёжке вьёт шажок.

Холодной зингеровской лапой
иглу запустит прямо в сердце,
и только вместе с глупым сердцем
ты разорвёшь её стежок.

Ирина Манаева

Миссис Крыссис

Записки таксистки

Знакомство

Я—таксистка. Но только вы не подумайте, что я вожу машину. Водить-то я, конечно, умею,—как же это в наше время не уметь?—но вот лапы коротковаты, чтобы с рулём сладить, поэтому я смотрю на дорогу и руковожу процессом. Так что не поэтому. А потому, что порода у меня такая. Я, конечно, собака в первую очередь, но кто ж себя, породистых, простыми собаками обзывать будет. Поэтому мне и название такое дали—таксистка.

Подружки у меня тоже интересные. Одна—француженка до кончика вдавленного носа; по-французски говорить она не умеет, правда, уши свои растопырит и гоняет по двору туда-сюда, туда-сюда. Второй—китаец хохлатый, но тоже по-китайски ни бельмеса. Весь такой лысый, а на голове и хвосте волосы редкие торчат. Что за мода? Глаз не видно, зато все бока наружу. Нет, не понимаю этой моды. Ещё две шавки ходят постоянно вместе и истерят по любому поводу. Ну, оно и понятно: породы никакой, манер никаких, одним словом—истерички.

А я—красавица! По крайней мере, так моя хозяйка говорит.

Сижу, как говорится, никого не трогаю, а они по комнате ходят и бубнят чего-то. Думаю: никак про меня гадости очередные друг другу рассказывают? А они кличку мне выбирают. Нет, вы их видали? У них, значит, имена, а у меня, породистой, кличка какая-то. И тут этот большой, с бородой,—самец, думаю,—своими пальцами толстыми в мою сторону тычет и говорит: «Давай её Ириской назовём». Я на него так недоверчиво посмотрела: сбрендил, что ли,—породистых собак конфетами обзывать?!

А хозяйка головой кивает и улыбается: нравится ей, значит, она всегда так своё одобрение выражает. Ну, приехали, думаю. Начала лаять, выражая своё несогласие. А они решили, что я так радуюсь, вот черти окаянные, ничего в иностранных языках не смыслят, а ещё считают себя самыми умными на Земле. Ну какая я вам конфета, скажите на милость? Я Матильда, не меньше, или Марго, или Жозефина, или Розетта, на худой конец. А меня с конфетами смешали, нелюди. Бородатому, видите ли, по цвету моему на лапах я сладости напоминаю.

А потом хозяйка вообще того. Напридумывала мне кучу имён—поди разберись тут, как меня зовут. То я ей Ириска, то Сосиска, то Колокольчик, то Пупырушка, то Крыса какая-то. Минуточку, позвольте: это что ещё за крыса? Видела я этих крыс—жуткие и неприятные. И какие они мне родственники?! А она одно: «Как Ириска на крысу похожа».

Нет, сыр я, конечно, безумно люблю, даже некоторые команды ради него выучила, особенно это жуткое «бах». Вы не умеете так? Ну, это когда лежишь, а потом на тебя палец вот так наводят, как пистолет, и делают вид, что стреляют, а сами выстрел голосом изображают, а ты делаешь вид, будто умерла. Да я актриса, между прочим, знаете какого уровня? Мне Оскара за лучшую женскую роль подавать надо! Как я умираю! Вам обязательно надо прийти и посмотреть, этого так просто не опишешь.

Ну, сначала я по доброй воле умирать готова не была. Это ж где видано, чтоб здоровые собаки на ровном месте сами помирали?! Да ещё столько костей не закопано, столько корма не съедено, столько пряников со стола не свистнуто—трудиться да трудиться. А она мне одно: «Бах!»—и глазами так на меня зыркает: мол, чего тупая-то такая? Да поняла я тебя с первого раза, если чего, просто мне ещё жить да жить. Это потом, когда она мне пармезан показала, я смекнула, что к чему, что умирать можно и понарошку. Так бы сразу. За российский или брынзу я бы ни за что, а тут довод весомый! Ну и «бахнула» я. Ух она рада-радёшенька была, так в ладоши хлопала, что я даже немного покраснела; правда, она и не заметила. А потом бородатого притащила и давай со мной такое вытворять! То «лежать», то «сидеть», то «голос», то «лапу». Ну, я быстренько отстрелялась и награду жду, и тут снова это «бах». Я и задумалась. Счётчик тикает, оплаты нет; а вдруг и за последнюю команду премии не будет? Ну и замерла я, жду. И они ждут.

«Я ж говорю, что она тупая»,—вставил бородач. Ничего не смыслит в бизнесе, венец эволюции, а ещё разумное существо. Ты ж работнику сначала дай положенное, а потом другую работу требуй.

И хозяйка поняла, что к чему, кусочек мне протягивает. А бородатый так недоверчиво на меня смотрит, даже лёгкое презрение в его глазищах уловила. Сейчас-сейчас у тебя челюсть отвалится, радуюсь сама себе и выполняю команду. Один-ноль в пользу собак, Фомы неверующие.

Вот так я люблю сыр. Но не обзывать же меня после этого?! А они тогда кто? Жуют морковку с капустой, сыр тот же, особенно бородатый его часто ест, мёд там. Мне что же, их теперь крысокроликами звать?

Тьфу на вас. Потом и другие подключились. Кто Бусинкой обзовет, кто Девочкой; я уже со счёту сбилась, сколько у меня прозвищ. А как-то по телевизору показывали дядьку и долго его называли, там этих имён было — жуть. Хуан Карлос Гарсия чего-то там ещё. Может, я тоже из благородных кровей? Может, мне тоже зваться Ириска Сосиска Колокольчик Пупырушка Бусинка Девочка Крыса? Хотя лучше без Крысы, думаю. Точно, без Крысы.

А по поводу Оскара я не шучу! Знаете, как я сыграть могу, что любой мне быстренько поверит?! Однажды я соседку встретила, у которой иногда гощу, так уж такая радость моё сердце встрепенула. Я за ней до дверей, а хозяйка следом, думаю, пусть идёт, раз уж хочется в гости со мной. А соседка дверь прямо перед носом захлопнула и была такова. Я решила, что она это случайно, второпях сделала, стою, ожидаю, значится, когда мне откроют, а моя тянуть меня удумала. И от дверей так отваживает, домой направляя. Я свободная личность! Где хочу, там пороги обиваю!

А Ольга не открывает — видимо, с замком проблема какая вышла. И тут хозяйка меня взять надумала. Я судорожно соображаю, что ж такого придумать скорее, чтоб она меня выпустила, и как завоплю не своим голосом, она меня сразу на землю и поставила. Смотрит удивлённо, будто чего у дорогуши её болит, и глаза такие слезливые.

Я сразу поняла, в чём её слабость, ножку так подогнула и хромать начала, чтоб она меня больше на руки не тянула. Ишь чего удумала! А сама у двери блюжу: вдруг откроется заветная?

Не отворилась. И я домой побрела, не забывая прихрамывать. А потом и забыла про лапу свою, а когда в тазик мыться ставили, и вовсе крики свои истошные не повторила, о жизни размышляла. Хозяйка брови удивлённо вскинула, но промолчала. Думаю, она догадывается, но время покажет.

А вот с интеллектом у этих бесшёрстных беда. По-своему лопочут, я сначала разобрать не могла, а потом ничего — привыкла. А вот они — глупые существа. Я ж вот их язык почти весь освоила, понимать могу, а говорить не очень-то получается. А они меня совсем не понимают, уставятся своими глазищами и смотрят, а я им интересный случай из жизни рассказываю, так они «фу» кричат, шикают на меня. Глупенькие! Английский они учат. Фи. Лучше бы собачий выучили, раз со мной живёте. Уже как четыре года вместе, а ни одного слова не выучили. Тупые, как пробки.

Ещё у этих моих дед есть. Препротивненький такой дед: шикает на меня постоянно, гоняет, да что там — гадости про меня всякие говорит. Вот вы «Собор Парижской Богоматери» читали? Я смотрела, если что. Так там Квазимодо есть, страшный такой — жуть. Вот дед ихний меня Квазей зовёт. Нет, вы видали? Квазя! Какая же я Квазя? Если уж и выбирать, то Эсмеральда, не меньше!

Тува

Мои-то — путешественники. Упрутся куда на месяц-другой — ищи-свищи, да ещё и меня в известность не ставят. Отведут к соседке и — тю-тю без меня красоты смотреть. А я такая обрадованная соседке и её мужу, уж такие люди хорошие, такие добрые. Котлетки у них ем, яишенку, пузо гладят, за ухом чешут. Любовь у нас обоюдная. Так вот, я им такая обрадованная, что не замечаю, когда мои потихоньку смываются, и всё — с собаками не найти. Ни мне одной, ни с подружками моими. А потом объявляются как снег на голову — и ну тискать. А я как-то и подзабываю, что дулась немножко. Это кто ж не хочет по морям-океанам плавать да в палатке жить? Места привольные, звери дикие, туалет повсюду. Красотища. Хочешь — кость зароешь, хочешь — чего-нибудь отроешь.

Но, бывает, и берут меня с собой. Вот недавно натолкали в машину вещей, что дышать нечем стало, и сидят такие радостные. Я на коленях, значится, как обычно, за рулём. В окошечко смотрю-посматриваю, чтобы всё правильно было. Носом в стекло упрусь и еду. Ну а когда жарища, то вообще вольготно: морду из окна высуну — и уши по ветру.

Сначала путешествие наше ничего так, нормальненько было. Озёра разные, травушка зелёная, песочек. А потом мои зачем-то в горы полезли. Жара несусветная, мозг плавится, лапы в дым стёрла, пока вверх ползла. А они со смеху покатываются. Ага, легко смеяться, когда у самих лапы такие длинные, что ступишь раз, а мне семь приходится семенить. А потом хозяйка меня в рюкзак запихнула. А мне уже по барабану, только бы самой не шлёпать. Пусть смеются, лишь бы несли.

Бородатому всё неймётся ехать дальше и дальше. И притащил нас неведомо куда в тридесятое царство. А там все люди пчёлами накусанные. Глаза такие узкие. У хозяйки тоже такие глаза, когда она на солнце щурится. Потому она очки тёмные носит. Надо бы этим подсказать по поводу очков. Хотя они и в темноте с прищуром. Глядят на тебя так хитренько, словно удумали чего, и пялятся все, будто собак сроду не видали. Мне сначала внимание это льстило, конечно, но потом поднадоело. Особенно когда дети, пока

хозяйка не видит, меня за хвост тянули да за бока пощипывали. Я кусаться не люблю, если честно, но была на грани. А один мужик вообще не в себе, подошёл такой и говорит:
— У вас собака болеет, да? Чего такая длинная и страшная?

У меня чуть хвост от удивления не отпал. Это он про меня, что ли? Сам болеет, вон у самого глаза скоро слипнутся. Такой красоты не рассмотрел!

Огород

Ещё у моих дача есть, ну, не у них прямо — у деда этого противного. Я тоже иногда в гости туда наведываюсь на хозяйство. А у них постоянные правила: гнилые яблоки не ешь, мышей дохлых в пасть не бери, цветы не жуй, в доме дачном в туалет не ходи. Всё самое интересное запрещают.

Весной, как водится, приезжаю на дачу сажать. Мои огородик рыхлят, лунки делают, а я рядом помогаю. Вот хозяйка семена морковочки в ямку плюх — и закапывает. Ха, кто ж так закапывает?! Подбегаю и показываю: вот как надо. А она чуть не в обморок. За шкирку с грядки — и ругается. Чего ругаться-то, неумеха? Сама не знаешь как, так совета у мастера спроси, то есть у меня. Я знаете как кости закапываю! Закачаетесь. Иногда так закопаю добротно, что сама найти не могу. Но это признак мастерства!

Пару раз попробовала ей объяснить — отшлёпали и выгнали с позором. Ну и ладно, ковыряйтесь сами со своей морковкой.

А бородатый землю копает, да много так, целый огород. Неужто кость спрятал и забыл где? Я подкралась и наблюдаю. Сантиметр за сантиметром перекапывает. Точно, забыл. Вот потеха, а ещё надо мной смеются, что у меня память короткая. Я решила тоже поучаствовать в поисках. Копала от души, только комки в стороны летели, а потом что-то увлеклась, ничего не помню. Очнулась в большой яме вся в грязи. Чувствую, сегодня стирать меня хорошенько будут, причём стирка будет далеко не бережная.

А вообще, надоела хозяйка со своими собачьими постирушками. Как что — тащит в ванную и давай намыливать туда-сюда. Бр-р-р.

Я как-то на картошке была. Ну, все копали, я тоже не отставала. Смотрю, яму хозяйка роет и чего-то оттуда выковыривает. Ну, я к ней. И давай копать, в такой азарт вошла: лапами гребу, зубами помогаю. Много выкопала, штук десять. А они снова не рады, кричат, что я всю картошку им зубами своими попортила. И прогнали меня. А я ж уже остановиться не могу — и давай картофелины из дедова ящика хозяйке таскать, чтоб у неё побольше было. А они снова кричат. Да мне медаль за собачий труд давать надо, причём в двойном размере! Глупые они, как пробки, говорю же.

Суслик

Вот что-что, а гулять я очень люблю, только когда на улице дождя нет, и когда тепло, и когда ещё ветра нет, и когда не мокро, а в остальное время — пожалуйста. Выехали как-то на природу, идем с моими, травку нюхаем, территорию метим. Вернее, они идут, а я всё остальное. И тут вдруг вижу — кто-то стоит. Я к нему, а он вжик — и в норку. Ну, я туда следом, а норка маленькая. Нас просто так не возьмёшь, у нас лапы о-го-го какие есть. У меня третий разряд по копанию. Расковыряла вход и голову туда, а там темно и ничегошеньки не видно. А этот мне сбоку откуда-то свистит. Нет, брат, думаю, не обманешь, я всё равно до норы твоей доберусь.

Голову-то засунула, а обратно она не выходит. Бегаю, как дурочка, вокруг норки с головой внутри, как страус какой, а уши освободиться мешают. Раза два по кругу пробежала, а вылезть не могу. И тут я оттолкнулась.

Хозяйка потом подружке своей рассказывала про меня. Смотрю, говорит, бегает попа с хвостом вокруг норки, а голова под землёй. А потом вообще вертикально встала, я её еле поймать успела, чуть себе шею не свернула. Вот прямо так и рассказывала. Я, оказывается, на краю гибели была. Мне после таких страстей двойной ужин положен, ну или хотя бы хороший одинарный из рыбки или говядинки какой. А они сыпят корм сухой в миску и радуются. Себе бы насыпали и ели, а то положат в тарелку курочку или форельку и трескают. С бородатого где сядешь, там и слезешь, а вот от хозяйки перепадает вкусненькое.

Я такой взгляд научилась умильный делать, что она устоять не может и бросает мне вкусные кусочки. А если взгляд не работает, в ход идёт режим «педалька». Это я сама придумала, если что, уж интеллекту хватило. Сидят они за столом и вид делают, что глаз моих грустных не заметно, я тогда лапой на ногу самке нажимаю, включаю, так сказать, и тут уж мне снова в пасть лакомства попадают, пока у неё в тарелке еда не закончится. Я, конечно, стараюсь за столом себя сдержанно вести, чтоб не шикали, но как и план Б не срабатывает — пиши пропало. Тут я за себя не отвечаю. Ну не могу я спокойно смотреть, как эти бесшёрстные сами лопают, когда в доме третий человек есть! Ну, не совсем человек, но индивид — точно! И тут я как давай возмущаться! Сначала поговорю немного, а госпоже этой, или как её там, смешно, она даже видео снимала, как я нараспев пытаюсь чего-то донести. Платите актёру, кровопийцы! Мы, таланты, нуждаемся в достойной мясной оплате, ну, можно и конфетами, конечно. А как терпенье лопнет, так уж сил нет, как поорать хочется. Набираю воздуха в лёгкие — и тройное «гав», это значится: «Давай скорее, жадина-говядина». Учитесь-учитесь, пока я живая, на первый взгляд язык простым кажется.

Это вы, люди, думаете, что у нас одно слово. Фикушки! Хотя стоп! Одно всё-таки, но в разных вариациях, прислушиваться надо, чтоб понять, интонация там разная, произношение, момент произнесения. Да много там чего!

А бородатый вечно: «Чего ты её со стола кормишь? У неё в миске еда есть». Позвольте, что ж это за еда? С виду керамзит, а вкуса вообще нет никакого, только хруст один на квартиру стоит. Вот так нахрустишься, водицей свободное место придавишь, лежишь, а сухари эти в желудке набухают. Обманывают честной народ на ровном месте, кормят чёрт пойми чем. Черти! А я только и достойна, что грудинки или шейки свиной, ну, ещё вырезка говяжья подойдёт или шашлык из баранинки.

Пылесос

Я вот в доме хозяйка: как лягу, так и будет! Вот честное слово! Хочу — на кровати сплю, хочу — на личном диванчике снам чудесным предаюсь, хочу — на коврике в ванной валяюсь, уж очень он мягкий, по мне, хочу — под диваном в личном схроне. У меня там и склад даже небольшой имеется. А как же? Всё своё храню с собой! Игрушки там или корм какой припрячу, а порой и самое ценное попадается — коробочка из-под чего-то. Ох уж я охоча до этих коробушек, я их, миленьких, на меленькие части распотрошу. Эти люди не понимают, какое им счастье приваливает, когда они коробки домой тащат, а я от радости чуть на ковёр не писаю. Это ж коробка! Хозяйка иногда мне такой подарочек подбрасывает, а я рада до беспамятства. Упаковку от зубной пасты в логово затащу — и давай кусочки откусывать, пока она и вся не выйдет. Думаете, я не в своём уме?! Ха, да вы сами попробуйте, вас потом за уши не оттащить. Это одно из моих хобби, если что. Да-да, я разносторонняя личность.

И вот сплю я себе весь день напролёт, пока эти хозяева мне на корм зарабатывают. Я ж должна быть всегда в форме, поэтому отдыхаю постоянно. А как вы хотели?! Моя форма по-научному цилиндр называется, так я ж её поддерживать должна, чтоб она без вмятинок была. Со спиной вот проще, а на животе иногда спад происходит, так срочно наедать надо, чтоб ровненько всё было, что сверху, что снизу.

Кстати, не знаю, как у вас, а у нас в квартире чудище живёт. Оно в основном тихое и спит в углу, видимо, чтобы набраться сил, а потом зареветь, как самолёт. Полундра! Оно рычит на всю квартиру, как раненый зверь, и носом своим бегает по полу. Сердце в пятки, а этим ничего, одна спокойно за компьютером сидит, даже бровью не повела, а самец за нос чудовище схватил и следом за ним по комнате тащится. Я сразу поняла, что они сообщники. Но кто дом должен защищать?! Конечно, я! А как тут без лая, когда оно жужжит так громко?

Я бросаюсь от него, занимая удобную позицию на кухне под столом, как в окопе на войне. Главное, напасть, когда враг не будет ждать этого. Сердце бешено колотится, чудище повсюду, оно заполняет собой дом. От страха и нетерпения выскакиваю из укрытия и стараюсь как можно громче лаять, оставляя за собой место для отступления. Монстр видит меня и устремляется в мою сторону. Ой, мамочки, держите меня, прячьте меня, еле на лапах стою. Он же жрёт всё этим носом своим. Я своими глазами углядела, как он из-под дивана мой припрятанный корм уволок в свой живот прозрачный. Прямо вж-ж-ж-ж-ж-ж — и нетути ничегошеньки. А теперь на меня нацелился, я же такая же вкусная, как красивая, от носика и до хвоста. Мама дорогая, он так ревёт в мою сторону и ест даже моё «гав» свои рёвом, что я и себя, родненькую, слушаю, да не слышу. А этот бородатый смеётся, что с носом заодно, да в мою сторону неторопливо продвигается. Один выход — ноги самки. Как за них спрячешься, так знай: спасенье обретёшь, она в обиду этому узурпатору бородатому не даст. Отгонит его подальше или меня на спокойненькое место перенесёт, где вж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж меньше слышно. Ничего она такая, я иногда даже любить её начинаю, что ли.

Гости

Вот вы писаетесь от счастья, когда гости к вам приходят?! Молчите? Стыдно признаться, значится. А мне не стыдно вовсе! Я ж такая радостная, что ничего в себе удержать и не могу, ни радости, ни гадости. И вот где была, там и своё счастье неказистое всем являю. Не-е-е-е, конфузюсь, конечно, для приличия, чтоб по загривку не схлопотать, а хозяйка за тряпку быстрее хватается и давай пол намыливать, где местечко ещё тёпленькое. А я уже на диване гостей дорогих облизываю, я ж гостеприимная, не то что рыбы в аквариуме, холодные и молчаливые. Я — сам огонь! И норовлю любовь свою поцелуями горячими выказать, да почаще в лицо, чтоб прониклись моей страстью.

А иногда и сама в гости хожу, к деду и бабушке, это подруга у него такая. Оказывается, люди парами в квартиры селятся, я сама додумала, и живут там вместе, а собак по раздельности держат. Я недавно с бабушкой «Великолепный век» глядела, так там у одного дядьки этих подруг о-го-го сколько и квартира такая огромная! А собаки ни одной. Нет, вы представляете? Как это без собаки-то? А подружек своих называет «первая жена», «любимая». Я тут подумала: коли я одна, значит я и «первая», и «любимая», получается? В зеркало на себя насмотрелась, ещё и «неотразимая» оказалась. А дед себе только одну жену выбрал, наверное, потому что квартира не такая большая.

Так вот, прихожу к пращурам, и только дверь открывается, я участвую в забеге: от двери до кухни

за три секунды. Мои ещё порог не переступили, а я уже обратно, пытаясь не расплескать на бегу жидкость внутри. Уж не могу объяснить, чего я такая радостная, да только эмоции через край так и льются, да порой с такой силой, что удержать их внутри себя мочи нет. Ну, не виноватая ж я, что филантроп по жизни, что всех людей обожаю, даже деда этого?

А вот с бабушкой дела можно иметь: и приласкает, и подкормит, и подчешет. А дед только поддать горазд, всё пнуть да стукнуть грозится; правда, пока до драки не дошло. И вот кручусь возле ног, отбивая хвостом ритм по ножке стола, чтоб не забывали про голодающих, а сама поджидаю. Мне ж теперь с двух сторон глядеть надобно, откуда манна небесная прилетит: с одного края—хозяйка, с другого—бабушка. Я вообще поняла, что ставку делать на женский пол надобно, вот их и окучиваю. И тут мне на хвост нога опустилась, я как заверещу на всю квартиру. Нет, больно, конечно, но обида громче в голосе звучит. А бабушка за сердце хватается от испуга. Чего охать-то?! Это я—жертва обстоятельств! Мне на хвост гипс накладывать срочно нужно! Это я страха такого натерпелась, что его придётся не один день колбасой заедать, а то и того больше—к психологу после травмы такой!

Какой хороший человек придумал домофон! Да я расцеловать его готова! Вот когда без стука сразу дверь открывается, тогда только пару раз полаять удаётся, со звонком поинтереснее, а вот с домофоном вообще красота. Пока этот домофон названивает, я громко кричу: «Хозяйка, открывай, открывай скорее»,—и бегаю нетерпеливо от двери до кухни, пытаясь угадать: ну кто же это в гости ко мне наведаться хочет? Такое возбуждение, аж дух захватывает, пока этот кто-то на лифте поднимается, а я кричу как сумасшедшая, сходя с ума от нетерпения. Кто же, кто же, кто же? *Кто же??? У-у-у-у-у-у!!!*

Прислушиваюсь, замерев в стойке с вытаращенными глазами и стоячим хвостом, а тут кто-нибудь входит. Я для приличия ещё пару раз полаю да бегу быстрее корм доедать. Это ничего, что до этого он стоял весь день нетронутый, это мне раньше неинтересно было. А как сейчас гость голодный бросится к миске мою еду трескать?! Э нет, дорогуши, я ваши глаза прожорливые с порога увидала. Мне форму держать до́лжно! В завтрашнем дне никто не уверен, кризис нынче по стране гуляет, говорят, потому под диван несколько пастей припрячу. Это у вас горсти, а у меня рук-то нетути, приходится пастями мерить. Сколько унесёшь, столько и будет.

А иногда ждёшь в позе предвкушения гостя какого интересного, а не идёт никто. Вот потерялся, что ли, этот кто-то меж этажей или зашёл к другой собаке, чтоб его. А вот нет его—и баста. Я тогда у порога с подпрыгивающим сердцем ещё полчаса прислушиваюсь, не слышны ли шаги. А хозяйка всё повторяет: «Это не к нам, соседи ключи забыли». Ох, доведут меня до белого каления эти соседушки, я, может быть, уже настроилась на гостей, черти такие.

Вы вот какими духами пользуетесь? А я только натуральное приемлю! «Какашенель», «Нина Птичи», «Кэвин Падаляйн» или «Пометши». Как учую запах одного из ароматов на тротуарчике, сразу спину выгинаю, хвостом кручу и вокруг начинаю круги нарезать, это ритуал у меня такой, для неосведомлённых объясняю. А хозяйка тут как тут, когтерезка ей в печень, грозно так «нельзя» своё вставит посреди предвкушения—и финиш. А вот когда не усмотрит, чем это я там нынче занимаюсь, так одно ушко надушить можно, а то и два. Уж тогда я знатно на всю округу благоухаю, иду довольная да по сторонам головушкой кручу-верчу: смотрите и наслаждайтесь моим парфюмом.

Только людям-глупышам подобные запахи кажутся невкусными, они так брезгливо своё «фу» в тебя «плюнут» и носик поморщат. А моя дурёха вообще меня сразу в мыльню свою тащит да шампунями-гелями макушку мне трёт. Это вы после своих духов бы так и бежали отмываться, а не меня, модницу, ни за что ни про что в ванную эту мокрую сажать. А моет-то, моет до умопомрачения, что, кажется, на ушах и шерсти не оставит. Руки прочь от юной прелестницы! Говорю же, тупые, как пробки, ничего в классическом парфюме не смыслят.

Домашнее животное

Кстати, у меня есть домашнее животное, да-да, как у многих людей. Оно почему-то зелёное и в клетке сидит, но около моих мисок, так что я постоянно наблюдаю за этим. Кормит его, конечно, хозяйка, но это пока у меня своих карманных денег нет этого обормота обеспечивать. Сидит на жёрдочке своей цельный день и попикивает, а потом как начнёт зеркалом греметь, чтоб у него клюв отсох,—так вообще караул. Мешает спать нормальным собакам. Это ж где видано, чтоб средь бела дня шуметь можно, когда я почиваю?! Чего ему неймётся? А потом так в это зеркало своё уставится и давай без умолку трещать, я даже половины слов разобрать не могу. Надо бы хозяйке намекнуть, что у этого засранца с дикцией проблемы, шепелявит там что-то, начирикивает, а толку ноль. Я его сначала хотела как передатчик настроить, ну там словечкам человечячьим научить, чтобы он им мои мысли передавал, да куда там, недалёкий попался. Занималась с ним неделями, а он на меня глазёнками вылупится и не моргает, типа слушает. А как я замолкаю, свою тарабарщину сразу включает. Тупой, как пенёк.

Я, бывает, хочу его разорвать на мелкие кусочки. Как клетку на пол опустят, я тут как тут.

Он за прутья лапами зацепится, а я зубёхами их пытаюсь откусить, да всё неудобно выходит, такие малюсенькие, что и зацепиться не могу, а он сразу на другое место перескакивает. Я в лай, взбудоражена чувствительная душа собачья, подайте мне его на блюдечке, я вмиг ему голову откручу. А хозяйка мне: «Ш-ш-ш-ш-ш»,—и клетку на место. А как тут успокоиться сразу? А он ещё сидит и победоносно на тебя свысока смотрит, как Цезарь какой. А потом болтать начинает.

Ну, слов немного разобрать удаётся: «привет», «Ричи», «Ириска», «хорошая девочка», «Ирочка», «где деньги», «птичка». А чего с ними делать-то? Мои-то умиляются с этого чёрта, яблочко ему подбрасывают, виноградик, сырку даже. Ага! Да у нас тут крысиное королевство с бородачом во главе! Куда коммунальщики смотрят?! В самом центре города, между прочим. Там что я дама центровая во всех понятиях.

А тут иду недавно мимо зелёного, а он прямо надо мной: «Мистер Крыса». Нет, вы слышите поганца? Научился гадкому слову, так хоть бы правильно. Какой же я тебе мистер? На минуточку—я представительница прекрасного пола! Это хозяйка меня иногда «миссис Крыссис» называет, а этот пень безухий на свой манер переправил, любит буквы «р» и «ч» и все слова с ними сразу повторять, как радио какое. Радуйся, что убежище твоё на подставке стоит, а у меня лапы коротковаты.

А вот хозяйка дрессировке поддаётся, она у меня несколько команд знает. С первой уже знакомы, это «педалька», вторая «глажка» называется. Это вот мне одиноко и хочется, чтобы приласкали, тогда я просто подхожу к ней, когда она читает, смотрит телевизор или сидит за компьютером, и на колени ей забираюсь. Это, значится, момент нежности настал. И уж тогда она меня наглаживать начинает, за ушком почешет, спинку помассирует, ну и прочие дела. Ещё она у меня знает команду «принеси». Удивляетесь?! Ну-ну. Я умею дрессировать людей! Так вот, иногда она забегается, что не увидит, как у меня вода в миске закончится, а пить-то охота. Я так около своей плошки сяду и лапой её по полу двигаю, чтоб погромче было. Она как увидит, сразу бежит водой её наполнять. Ничего она такая, обучаемая.

Неопознанные объекты

А у вас припадки бывают? Ну, когда вы бегаете за непонятной субстанцией, пытаясь её поймать, а она ускользает из-под самого носа и взмывает на полок или стену. У меня всё нутро трясётся от желания её пастью схлопнуть. Уж не знаю, что это такое, но оно появляется из ниоткуда и уходит в никуда. Не верите? Ну, некоторые догадки у меня имеются. Вот в первый раз со мною случилось это у бабушки. Мои на кухне еду ели, а я рядом крутилась, как водится, а тут брат бородатого из кармана что-то достал и в коридор пошёл. Ну, мне же интересно: вдруг кусок буженины? Выглянула из кухни, а там на полу огонёк красный дрожит. Он дрожит, и я дрожу: что это за невидаль такая? Я вообще, знаете ли, нервничаю, когда с неизвестностью сталкиваюсь, вот как на духу говорю. Аккуратненько решила к огоньку подкрасться, а он от меня на стену, я аж подскочила от неожиданности. А самой до жути интересно. У собак же главное правило—догнать убегающего. Мы же как полицейские, они тоже погони любят.

Бегала я за ним по коридору не помню сколько, очнулась, когда хозяйка ко мне подошла. Вид у меня, наверное, был неважнецкий, раз она решила, что у меня эпилепсия. Глаза навыкате, дыхание учащённое, пена изо рта идёт, и дрожу как осиновый лист. Она меня на руки тащит, а я упираюсь, надо обидчика наказать, раззадорили до жути. Красный враг пропал—видимо, ушёл других собак с ума сводить, а я ещё долго успокоиться не могла. А потом враги стали появляться отовсюду, только цвет, размер и форму сменили. Они бегали по полу, по стенам, потолку, по асфальту, скамейкам, даже в машину проникали. Они были вездесущи! Я видела их и сразу теряла бдительность, неслась как угорелая, чтобы взять хотя бы одного в плен, наказать его и понять смысл их существования. Но огни были плоские, они не брались в пасть, даже когда попадались рядом. Как я ни грызла скамейку, они оставались на ней, крепко въевшись в дерево. Иногда их появление можно предугадать. Мне удалось выяснить, что враги заодно с телефонами, зеркалами, очками, часами, но показывались не всегда, а только под определённым углом. Больше мне ничего неизвестно, но я работаю в этой области.

У нас квартира небольшая, я думала, в ней всё рассмотрела, а вот иногда нахожу странные предметы, которые раньше не видала. Я-то всегда смотрела на уровне глаз, а у нас, низкопосадочных, они в районе пола и глядят, а тут что-то выше скользнули. Батюшки! Да у них так места мало, что они уже вещи по стенам развешивают, наверное, потому что в шкафах не помещаются. Над диваном картинка какая-то с кораблём—с этой понятно, такая в шифоньере много места займёт. На другой стене ещё одна, но уже поменьше, там дядька на коне. Эту можно и в комод запихнуть, ну да ладно, ничего такой мужичок, нравится мне. А вот над моей лежанкой такое висит! Это я недавно заметила только, когда выяснила, что они фигню всякую в неположенных местах прибивают. И знаете, что там? Глаз! Вот честное собачье, глаз висит, а хозяина нету. Я как-то раньше глаза только на ком-то встречала, ну вот на собаках, людях, даже у этого зелёного имеются, и причём у всех по два! А вот этот висит такой огромный, бесхозный, да ещё и один. А к нему верёвочки всякие прикручены, ниточки, бусинки.

Я как увидала, так и застыла от страха, потом и поскуливать начала, причём сама не заметила как. А хозяйка тут как тут. Сняла страсть со стены, это для того, чтоб меня поближе с непонятностью познакомить, у неё метода такая завелась—всё, чего жуть как страшно и неизвестно, она мне поближе в своих руках показывает, чтобы я бояться перестала и новинку обнюхала со всех сторон: мол, она угрозы никакой и не представляет. Это она всё хорошо придумала, за сообразительность ей благодарность от меня.

Уж не знаю я, чей это орган надо мной расположился, но пахнет стеклом, а цвета синего. Он мне как-то без нужды, а вот верёвочки энти до умопомрачения как оторвать хочется, аж зубы сводит. А она в ответ: «Нельзя, это амулет от сглаза»,—и снова его на стену прикрутила. А у меня во рту привкус ниток остался, они так и манят своими телами длинными их откусить. Ну, я в скулёж, и тут на меня тяжёлую артиллерию пустили. Пришёл бородатый на важный разговор. Ох, не к добру. Пришлось сделать вид, что ничегошеньки меня и не интересует в этом их талисмане, пусть себе висит преспокойненько, дом сторожит сверху, а я внизу его охранять буду. Но когда бородатый не видит, я могу подолгу сверлить глаз, мечтать, что когда-нибудь мои грёзы исполнятся. Главное, наблюдать молча, чтобы они не догадались.

Несправедливости

А ещё у меня личный скарб имеется, ну, такой, что прямо только мой. Я когда по надобности к соседке перебираюсь, это мои в путешествия разные катаются по заграницам, он со мной едет. Диванчик личный, корм, поводок, одежда на три сезона и игрушки. Мне особенно мягкие такие по нраву, чтоб распотрошить можно. В этом и весь смак! Я когда первый раз корову увидела, у нас любовь с первого укуса была. Я отделяла голову от туловища целых пять часов, с перерывами на подкрепление. И вот когда оторвала и вытащила весь наполнитель, то такая радость меня обуяла, словно я пришла к финишу первая. А хозяйка утащила корову, позже я нашла ещё одну и снова одержала победу. Потом смотрю, опять корова. Да неужели они целое стадо купили? Справилась я и с этой.

А подхожу к хозяйке, а она корову мою оперирует, в головёшку её обратно внутренности напихала и пришивает на место. И тут меня догадка осенила, что я с одной и той же бурёнкой сражалась. Вот люди хитрые, да? А вдруг они меня ещё в чём обманывают? Надо бы присмотреться к ним.

Вы знаете, как написать заявление в полицию? Между мной и хозяевами инцидент произошёл, они теперь демонстративно закрывают двери на кухню и в комнату, когда уходят. Нет, вы только послушайте, что произошло, и сами посудите, что я жертва обстоятельств. Ну, когда они запирали зал, я ещё стерпела, хотя правда на моей стороне.

Купили они, значится, ковёр, да такой приятный на ощупь, словно травка молоденькая. На нём не то что писать приятно, а просто полежать. Присмотрелась я к обновке, правильно ли легла, верное ли место выбрано, не завернулся ли уголок, а потом к себе под диванчик заглянула. А там красотища теперь, убежище с травушкой под животом. Я сладко вздремнула, а потом забылась, где я, да на травушку и сходила, перебралась на сухое место и снова почиваю. А мои и не против были, за ушами гладят, спину чешут, всё как обычно. Ну, я ещё пару раз территорию пометила, чтобы ясно было, кому она принадлежит, и в сон.

А на следующий день бородатый что-то заподозрил, ко мне под диван наведался. И уж такой крик стоял, мамочки мои, что бежала я через чёрный ход, боясь на глаза попасться. Чего так орать-то?! Ты же мне нормальным языком объясни, что к чему и почему. Откуда же мне, неопытной, знать, что ковёр злополучный не для меня куплен, а для обстановки в квартире? Бить не били, но мордой к паласу приложили. Это у бородатого нравоучения такие—тыкать носом в нехорошие дела. Да я ваш ковёр на веки вечные запомню! Не такой уж он и приятный, если посудить, когда по ним мордашкой твоей водят.

Позвали они дядьку какого-то с порошками, он им ковёр чистил. Только у дядьки то ли средства были просроченные, то ли руки не оттуда росли, но запах мой выветриваться не желал, он поселился в квартире вместе с ковром и решил остаться. Дядька пришел и на следующий день, только снова ничего не вышло. Может, у меня троюродный дедушка скунс?

Наша любовь с ковром была недолгой. Он съехал на помойку два дня спустя, а его место заменил брат-близнец, купленный в том же магазине. С того момента вход без присмотра в комнату мне был заказан. Но посудите сами: в чём же я виновата, когда ковёр очень уж на траву похож?

А с кухней вообще несправедливость приключилась! Я дома одна была, а тут слышу голос из мусорного ведра: «Смотри в меня». Я сначала не поняла, к кому это обращаются, а потом решила подойти. А ведро высокое, так просто не посмотреть. Вдруг там кто в помощи нуждается?! Вдруг кто в беду попал какую?! Ну и как быть? Пришлось ведро перевернуть, а из него как вкусности посыпались: и косточки рыбьи, и кожица куриная, и шкурки от сала. Я даже в себя прийти не успела, как моя пасть набросилась на шведский стол и стала всё поглощать. Я глотала еду, практически не жуя, пока она не скрылась в моём желудке полностью, а потом занялась обычными делами—легла спать.

Ругани не было, у меня просто отняли воду на ближайший вечер и порцию нежности, выдаваемую по любому зову. Я была наказана безразличием со стороны своих людей. Хотя могу поклясться, что хозяйка была напряжена, боясь, как бы эти косточки не вышли мне боком. Но доступ в пищевой цех мне также закрыли. Но посудите сами: в чём же я виновата, когда бросилась на помощь голосу?

Да если бы могли, они б меня и улицы лишили! Узурпаторы. Гуляю я, как водится, дела свои обычные делаю, а тут на дороге косточка ароматная мне белыми боками подмигивает. Ну, я её сразу и схватила. Кто первый нашёл, того и премия. А люди на меня как зашикают: «Гадость эту плюнь»,—и сразу рядом оказались. Я решила финала не дожидаться и сделала как велено. А коли у меня другие взгляды на жизнь? Я стала умнее. Математике не обучена, но в расстоянии смыслю—мама не горюй. Иду себе на прогулочку, а тут что-то вкусное под лапами валяется, я так сразу глаз на выгульщика кошу: успеет ли добежать, пока я недозволенное себе дозволяю? Коли успеет—пиши пропало, приходится взглядом не выдать, что вижу лакомство наивкуснейшее, а как возможность есть, хватаю вкуснятину да бегу без оглядки в другую сторону, работая быстрее челюстями, чтоб спрятать понадёжнее в животе. А то догнали однажды да прямо из пасти всё выковыряли, так что сейчас стоять на месте не рискую.

Лапы для бега у меня, конечно, не очень приспособлены, но это дело я люблю. Выйдем на улицу, а там Чип гоняет, ну, кличка такая у собаки странная, как ключ, только Чип. И вот хочется мне косточки поразмять да в догонялки поиграть, ну и начинается тут. А он припустит на своих лапах так, что я и не поспеваю за ним, а самой не хочется в хвосте быть, будто лузер какой. Я ему вдогонку кричу: «А ну стой, стой, стой!»—а сама бегать не прекращаю. Уж не знаю, чего там со стороны так потешно, но хозяйка смеётся. Говорит: «Ириска от обиды, что не может догнать, так громко лает на весь двор». А как тут молча такое совершать, когда и правда обидно?

Д*и*Н симметрия

Владимир Набоков

Тень за тенью

Вьюга

Тень за тенью бежит—не догонит,
вдоль по стенке… Лежи, не ворчи.
Стонет ветер? И пусть себе стонет.
Иль тебе не тепло на печи?

Ночь лихая… Тоска избяная…
Что ж не спится? Иль ветра боюсь?
Это—Русь, а не вьюга степная!
Это корчится чёрная Русь!

Ах, как воет, как бьётся—кликуша!
Коли можешь—пойди и спаси!
А тебе-то что? Полно, не слушай…
Обойдёмся и так, без Руси!

Стонет ветер всё тише и тише…
Да как взвизгнет! Ах, жутко в степи…
Завтра будут сугробы до крыши…
То-то вьюга! Да ну её! Спи.

30 августа 1919 г.

Осень

И снова, как в милые годы
тоски, чистоты и чудес,
глядится в безвольные воды
румяный редеющий лес.

Простая, как Божье прощенье,
прозрачная ширится даль.
Ах, осень, моё упоенье,
моя золотая печаль!

Свежо, и блестят паутины…
Шурша, вдоль реки прохожу,
сквозь ветви и гроздья рябины
на тихое небо гляжу.

И свод голубеет широкий,
и стаи кочующих птиц—
что робкие детские строки
в пустыне старинных страниц…

25 сентября 1919 г.

Сергей Криворотов

Под небом Тавриды

У Светланы оставалось три свободных недели до начала работы, и Стас уговорил слетать вдвоём в Крым. Раздобыл по знакомству две недорогие горящие турпутёвки, по которым три дня отводилось на Симферополь, три — на турбазу «Орлиный залёт» недалеко от Бахчисарая, несколько дней — на пешие походы по горам, и последнюю неделю — в современной по советским меркам гостинице в Севастополе.

Ту-154 перенёс их в аэропорт административного центра Крыма. В первый вечер перезнакомились со своей группой и сходили на танцы, там же, на симферопольской турбазе. На второй день сбежали от организованных экскурсий по городу, чтобы поскорее увидеть море. Зачем им «солнце в бокале», как назывался рейд с дегустацией по винным залам, когда можно немедленно окунуться в живое крымское солнце и море?! Сели в междугородный троллейбус, довёзший по живописному горному шоссе вдоль побережья до Алушты.

Пляж искать не пришлось, море поджидало повсюду рядом. Перво-наперво досыта накупались, оставив одежду на каменной стреле волнолома. Только потом сообразили, что приди волна покрупнее, прощай тогда вещички навсегда! К счастью, сегодня обошлось, царил полный штиль. Солёная вода держала, придавала невесомость телам и оказалась настолько прозрачна, что, опустив вниз лицо с открытыми глазами, можно было различить сквозь незамутнённую толщу камешки на дне, колыхание водорослей, редких рыбёшек, медлительных медуз.

Когда решили, что достаточно для начала, наведались в первую подвернувшуюся столовую. Потом уже неторопливо вернулись на пляж. С запасом крымского солнца ближе к закату неохотно собрались в обратный путь. Троллейбусы в это время года ходили на Симферополь каждые несколько минут. Дело в том, что линия не заканчивалась в этом городке, рогатые автобусы проходили через него транзитом, конечным же пунктом являлась Ялта, до которой от Алушты ехать пришлось бы ещё с час.

Стас показал Светлане, как правильно укладывать рюкзак в поход, чтобы никакие жёсткие предметы не упирались в спину, а центр тяжести переместился как можно ниже. Его самого этим нехитрым, но нужным премудростям научили на военных сборах. Несколько дней хождений по горам запомнились намного ярче проживания в забронированном гостиничном номере Севастополя, куда их доставили потом автобусом.

В походах они прошли горной тропой древнеримских легионеров, с обеих сторон к ним склонялись ветви высоких, как деревья, кустов кизила, усыпанные крупными спелыми ягодами. Чтобы меньше хотелось пить, для экономии взятого запаса воды они рвали их и набивали полные рты терпкой, с кисловато-вяжущей на вкус мякотью, выплёвывая продолговатые, как мячики для лилипутского регби, мелкие косточки,

Они поднялись до почти горизонтальных вершинных плато, издавна называемых здесь яйлами, как просветил один из двух прикреплённых инструкторов. Крымские сосны остались ниже, а тут перед ними раскинулся луг с ярким альпийским разнотравьем. Оказавшийся среди них знаток показал по пути жёлтые цветки крымского лимонника и редкие колючие кусты барбариса с алыми ягодами.

Из глубокой расселины, мимо которой пролегала тропа, внезапно показался край разрежённой белёсой дымки, затем вылез целиком, будто только что тут образовался, уплотнившийся на глазах клок тумана. Какое-то время он сопутствовал им на одном уровне, не опережая, но и не отставая, затем медленно взмыл вверх. А в том же самом месте над краем скалы, откуда он появился, точно за первым, возникло ещё одно воздушное подобие белой сахарной ваты.

— Это что же, настоящие облака? — наивно спросила немало изумлённая, как и все, молоденькая девушка из группы.

— Собственной персоной! — серьёзно подтвердил подрабатывавший в туристический сезон инструктором студент симферопольского вуза.

Теперь сомнений, что провал рядом как бы дышит, производя на свет непрерывную череду настоящих небесных барашков, ни у кого не возникало.

— Вот так и делаются белогривые лошадки, — тихо заметил Стас идущей следом Светлане. — Этого не увидишь даже на твоём останкинском «Седьмом небе»!

Зачарованная похожим на мираж зрелищем спутница только признательно улыбнулась и слегка пожала через рукав ветровки его предплечье. Забраться в такую высь, увидеть, как тут зарождаются облака, найти на альпийском лугу усыпанный пронзительно-алыми ягодами куст, словно награду для победивших высоту… Разве это не похоже на радостную встречу с самыми чудесными мечтами?

На туристском стане, ближе к закату безошибочно найденном проводниками среди сплошных сосен и кустарника, их поджидали палатки, которых с избытком хватило бы ещё на две-три группы. Внутри каждой обнаружились приготовленные для путников спальные мешки, чтоб не мёрзнуть в холодные карадагские ночи. Так что никто не мешал спокойно выбрать любую по своему вкусу. Стас и Светлана заняли вдвоём приглянувшуюся четырёхместную.

После ужина посидели на поляне у обязательного вечернего костра; один из проводников захватил с последней турбазы гитару, но именно сегодня петь никому не хотелось. Густо усыпанное звёздами высокое небо широко распахнулось над Кара-Дагом. Станислав предполагал, что где-то неподалёку должна находиться одна из лучших астрофизических обсерваторий в мире, он хорошо помнил марку из альбома-кляссера школьных лет с изображением её солнечного телескопа. Уточнять у студента-симферопольца он не стал: какое сейчас это имело значение?

В этот раз долго не сидели, за день все умотались, да и требовалось хорошенько выспаться перед завтрашней дорогой. Стас и Светлана нашли облюбованную ими палатку, разделись догола и по очереди залезли в один спальник, хотя в палатке имелись и другие. Эта ночёвка на горном привале могла бы остаться не только одним из самых незабываемых, но и приятных воспоминаний, если бы не блохи, а может, другие неведомые насекомые из ватной подкладки внутри мешка. До утра они успели перекусать ноги обоим, не дали полностью насладиться близостью друг друга в тесноте мешка и хоть немного отдохнуть, как бы того хотелось.

Под утро Стас выбрался наружу, чтобы отлить и принести заодно воды с кухни для захотевшей попить Светланы. Едва народившийся лесной рассвет призрачно обрисовывал палатки с обступившими место ночёвки высокими соснами. Как он помнил, казан чая с вечера находился около печки под сплетённой из сухих веток и соломы крышей на двух врытых в землю столбах. Стен у здешней столовой не имелось вовсе, точнее, одну всё-таки изображали кусты, вплотную примыкавшие к длинному столу и полкам с посудой.

Пока Стас справлял нужду, отойдя подальше от стана, из-под навеса от печки доносилось приглушённое бряканье кастрюлями. Если кому-то захотелось попить, чего же так безбожно греметь? Звуки не прекращались и даже усилились. Эта бестолочь всех сейчас на ноги поднимет! Возмущённый до глубины души Стас сделал несколько шагов в том направлении и остановился.

В падавшем сверху скудном сером свете он различил мохнатую нечеловечески приземистую фигуру, неловко орудовавшую среди протестующей в ответ посуды. Некто внушительный и низкорослый, согнувшись над кухонной утварью, беззастенчиво хозяйничал у печи, переворачивая всё, что попадалось, в поисках съедобного по его понятиям. Откуда ему было знать, что голодные после марш-броска по горам туристы не оставили с ужина ничего, кроме кастрюли с чаем?! Издаваемое при этом глухое недовольное ворчание чередовалось с громким фырканьем неизвестного. Подробно разглядеть, кого там принесло, не удалось, но у Стаса не осталось сомнений, что перед ним настоящий медведь. Приближаться или шуметь, чтобы отпугнуть непрошеного гостя, он благоразумно не стал, а поспешил прямиком к палатке инструкторов. Разбудить их сразу не удалось; когда заспанные, ничего не понимающие ребята наконец выскочили наружу, ёжась от утренней свежести, попытался в двух словах объяснить суть происходящего. Пока, вооружившись ножами и палками, втроём поспешили к месту происшествия, потеряли ещё какое-то время.

В поминутно набиравшем силу свечении неба никого возле палаток и под окружающими деревьями уже не увидели. Только опрокинутые полки со скамьёй да разбросанный по земле, частью примятый алюминиевый инвентарь доказывали, что таинственный мародёр Станиславу не померещился. Прочесали все заросли вокруг, но виновника переполоха и след простыл.

Всё же инструкторы полностью не поверили его рассказу, предположив, что к ним наведался дикий кабан, а не медведь, хотя ни того, ни другого они сами прежде здесь не встречали. Но и на смех не подумали поднимать. Однако Стас упорствовал на своём: какой кабан мог шарить по пустым кастрюлям и мять лёгкий металл тарелок — копытами, что ли? Что за бред! Тогда земля вокруг осталась бы взрытой его конечностями, но никаких следов никто нигде не оставил. Скорее Станислав согласился бы, что к ним наведался реликтовый гуманоид. Впрочем, что бы ни утверждали местные знатоки, он остался при своём первом мнении.

А вот Света ему сразу поверила и даже поначалу испугалась за него. Но потом при свете дня принялась подшучивать: пошёл, мол, в лес посикать, нарвался на медведя, заодно и… Стас на неё не обижался: неизвестно, как бы она повела себя на его месте. Одно представлялось ясным: такой случай больше не представится.

По Чёртовой лестнице, крутой извилистой тропе в поросшей деревьями и кустарником теснине

меж скал, всего за полчаса спустились всей группой на побережье, почти к самому морю. Именно этим путём, как сообщал в одном из писем Пушкин, он со спутниками взобрался наверх, держась за хвост осла. Поведавший о том перед спуском инструктор с гордостью сообщил, что только здесь, в Крыму, можно за такой короткий отрезок времени пересечь разные климатические пояса — от умеренно континентального наверху в горах до полусухих субтропиков в самом низу, увидеть необыкновенное разнообразие растений — от альпийских яйл, крымской сосны, дубовых и буковых лесов до пальм и кипарисов взморья. Похоже, со времён Александра Сергеевича здесь многое изменилось, и не только из-за ливней и землетрясений, — теперь по узкому проходу среди отвесных скал вряд ли кто смог бы провести лошадь или осла.

Сначала пришлось пересечь дорогу к Мухалатке, миновать облезлый магазинчик с крыльцом и несколькими рассохшимися ступеньками, нечто вроде избушки без курьих ножек. Впрочем, сельмаг подвернулся очень кстати, там приобрели несколько бутылок качественного недорогого вина местного производства. Станислав ни минуты не сомневался, что их сопровождавшие нарочно выбрали путь через магазин.

Напротив деревянного торгового центра прямо на земле сидели четверо уже знакомых инструкторов из других групп. Перед ними на расстеленных газетах сквозь янтарные грозди винограда просвечивало утреннее солнце, рядом возвышались горки сине-чёрных слив и желтобоких спелых груш. По виду предприимчивых продавцов становилось понятно, что в магазинчике они успели побывать значительно раньше них, возможно, не один раз. А теперь разбили по соседству свой небольшой базарчик, чтобы добыть средства для продолжения начатого. Нашлись в группе прикупившие у них тут же по дешёвке манящие своим видом крымские дары.

Среди рассевшихся выделялся высокий широкоплечий Олег: на студента, даже заочника, он вряд ли походил. Спортивного телосложения, длиннорукий, с точёными чертами лица, словно со скульптурных портретов деятелей Древнего Рима, наверняка душа любой компании, а заодно любитель пошуметь и подраться. А запомнился он Стасу по совместному сидению у традиционного костра на одном из привалов, когда сошлись несколько туристических групп. Каждый выпиваемый стакан вина сопровождался Олеговым громогласным: «Джа-а-а-а-а!» — с немедленным захватом под мышку головы сидящей рядом покорной девушки для занюхивания её причёской. Вероятно, своим разрывающим всё вокруг криком тот стремился устранить малейшие сомнения собравшихся, что перед ними самый разнастоящий каратист. Их инструктор, посмеиваясь, заметил потом, что это ещё пустяки. А вот высоко в горах, где нет гасящего звуки леса, эхо не только громко отзывается, но и долго не затихает, усиливая эффект почище всякого микрофона. Станислав поинтересовался тогда, не отвечает ли оно исключительно матом, но сопровождавший юмора его не воспринял.

Несомненно, эти ребятки пошарили с утра по местным садам, чем и объяснялись разнообразие и дешевизна предлагаемых плодов здешней земли. Стас попытался проверить свою догадку у симферопольца, неплохо знавшего Олега и остальных предпринимателей, но более ответственно относившегося к своей сезонной работе проводником. Ну да, подтвердил тот, эти знают, у кого экспроприировать, мало ли куркулей вокруг, а они здесь за несколько лет все партизанские тропы исходили вдоль и поперёк. Станислав нисколько в том не сомневался. Посеянное когда-то большевиками продолжало давать свои всходы даже спустя много лет и в таком чудесном месте.

Уже на обратном пути, под вечер, они узнали, что незадолго до их возращения перебравшие вина проводники-торгаши устроили побоище с местными. Возможно, уроженцы этих мест посчитали пришлых наглыми ворами, с которыми решили разобраться. Прежде, чем всех зачинщиков увёз вызванный кем-то милицейский фургон, дерущиеся успели разнести никому не мешавшее крыльцо живописного сельмага, использовав доски ступеней в виде грозного оружия. Закономерный исход бучи, затеянной наверняка не без самого активного участия баламута Олега, заставлял поверить в существование высшей справедливости.

Утром же после магазина собственные, более сознательные, чем их приятели, провожатые, оставив за спинами стихийный торг с нетрезвыми самочинными продавцами, торопливо повели группу дальше к известной им цели. Вскоре они достигли сказочной живописной бухты, заботливо укрытой обступавшими по дуге скалами. Жаль только, и здесь пляж оказался галечным.

Стас и Светлана поплыли отдельно от остальных. Ясное светлое небо без единого облачка над щедро распахнутым до горизонта морским простором и пьянящий первозданный воздух, незнакомый с промышленным чадом городов, сообщали обоим чувство избытка собственных сил. А вид чётко различимого сквозь прозрачную толщу дна с мельчайшими подробностями таинственной подводной жизни завораживал. Невесомость парения над обозреваемой глубиной подарила им ощущение полёта. Словно всё в безлюдном до их появления райском уголке, начиная с яркого солнца, рассыпанного бликами по едва колеблющейся водной поверхности, наделяло угодивших сюда неисчерпаемым зарядом энергии.

Как только они дружно без уговора повернули назад к берегу, картина резко изменилась. Тихая

вода казалась теперь абсолютно чёрной из-за отражения береговых скал, но в этом не усматривалось ни мрачного, ни зловещего. Напротив, открывшееся с изменённого угла зрения щемящее очарование удалённой бухты вызвало у Светы и Стаса новый неукротимый восторг. Никогда и нигде ещё они не находили ничего подобного увиденному сейчас.

Необычность обстановки будто подтолкнула его. Совершенно неожиданно, отплёвываясь от попавшей в рот солёной воды, Стас незамедлительно признался Светлане, как много она для него значит и он точно не хочет никогда больше расставаться с нею. В ответ же услышал порадовавший его не менее искренний ответ и счастливый смех. Словно дикая красота чудесного места одновременно затронула в них молчавшие до того струны откровения. Намеренно соврать или ошибиться ненароком здесь, под высоким небом посреди чудесной бухты у вековых скал, представлялось невозможным.

Когда, накупавшись до изнеможения, все собрались на берегу и выложили на расстеленных для общего пира полотенцах собранные припасы, к всеобщему восторгу компании, Станислав и Света окончательно закрепили своё недавнее решение как специально для такого случая удачно прихваченным янтарным крымским вином из сельмага.

Светлана перебралась к нему задолго до официальной регистрации.

Даже до того, как её начало тошнить по утрам с изменением чувствительности к вкусам и запахам, а визит к гинекологу закончился постановкой на учёт. Стас настоял на том, захваченный с головой их умопомрачительной близостью. Она не возражала, с радостью приняв его довод, что они подходят друг другу, как «ключик к замочку». Он мог бы уговорить её прервать беременность, пока сроки позволяли, сама Света не особенно горела желанием стать сейчас мамой. Но Стас убедил, настоял, заверил, что не только она ему нужна, но также будущий ребёнок, который ещё в большей степени сблизит и соединит их на всю дальнейшую жизнь. Света согласилась только при одном условии: поскорее вернуться к работе в издательстве после родов; теперь она чувствовала себя независимым человеком с высшим образованием и очень не хотела лишиться престижного места. Стас охотно пообещал, тем более Светлана уверила, что её мама обязательно станет помогать с ребёнком, а ему останется роль основного добытчика.

Вскоре пришлось ехать к Светиной маме Нине Васильевне, не только знакомиться, чего Стас успешно избегал до сих пор, но заодно и обрадовать, что скоро сделают её тёщей и бабушкой одновременно. Мгновенно пролетевшие три недели в Тавриде накрепко соединили их, не оставив сомнений в возможности другого решения.

ДиН симметрия

Анна Ахматова

Странно царь глядит вокруг…

Призрак

Зажжённых рано фонарей
Шары висячие скрежещут,
Всё праздничнее, всё светлей
Снежинки, пролетая, блещут.

И, ускоряя ровный бег,
Как бы в предчувствии погони,
Сквозь мягко падающий снег
Под синей сеткой мчатся кони.

И раззолоченный гайдук
Стоит недвижно за санями,
И странно царь глядит вокруг
Пустыми светлыми глазами.

Зима 1919 г.

* * *

Я спросила у кукушки,
Сколько лет я проживу…
Сосен дрогнули верхушки.
Жёлтый луч упал в траву.
Но ни звука в чаще свежей…
Я иду домой,
И прохладный ветер нежит
Лоб горячий мой.

1 июня 1919 г.

Татьяна Юшманова

Пусть плывут кораблики

Волчья яма

Как-то раз, в начале солнечного и тёплого сентября, Иван Кудряшов решил съездить за грибами. Тогда электричка ходила до Исакогорки, а не как сейчас—до Лайской. Выйдя на остановке «Шестнадцатый километр», он огляделся, чтобы никто в компанию не пристроился, и рванул по знакомым местам.

В лесу было тихо и пустынно. Иван довольно быстро набрал почти полный кузов красноголовиков, подберёзовиков, волнушек. Устал. По дороге, пока собирал грибы, воду в бутылке из-под водки выпил и решил набрать жидкости на обратную дорогу—до станции-то маршировать километров пять, не меньше.

Совсем близко радовало глаз вытянутое по периметру лесное озеро с кристально- чистой пресной водой. Часы показывали четыре часа дня. Спускаясь с горки к озеру, Иван решил снять тяжёлую ношу. Поставив кузов у берёзы, мужчина поспешил к озеру—наполнить пустую бутылку.

Вся трава уже пожелтела, листья с деревьев частично опали, и вид вокруг казался унылым. Но вблизи озера внимание Ивана привлекла удивительная картина—большая красивая лужайка, около шести метров в диаметре, на небольшом возвышении, поросшая зелёной травкой (хотя кругом всё пожелтело). Над изумрудным полем поднимался пар. Это место вдохновило бы любого художника!

Единственное, что портило полянку,—поваленная сильным ветром большая сосна. Иван решил не обходить островок лета.

Мужчина смело зашагал по зелёной траве. Та под его ногами буквально пружинила. Подойдя вплотную к поваленному дереву, Кудряшов поднял ногу, чтобы перешагнуть его. В ту же секунду он провалился по грудь в зловонную жижу. Оказалось, это не полянка, а самая настоящая яма! Забурлила грязная чёрная вода, вонь поднялась страшная! Иван почувствовал, что его засасывает. В этот момент он вспомнил, что существуют волчьи ямы. Предупреждали же. Вот попался!

Это место очень красивое с виду, но итог плачевный: люди проваливаются в глубокое болото. Иван действовал быстро—бросил стеклянную бутылку на берег. От броска просел ещё на пять сантиметров. Тут Кудряшов понял, что приходит конец. Если бы не снял кузов, мгновенно скрыло бы с головой. Не спастись.

Бешено работала мысль: что, где, как, почему? С каждой минувшей секундой несчастного грибника засасывало всё глубже. Единственная возможность выбраться—поваленная сосна. Очень медленно подняв руки, Иван обхватил ствол дерева руками.

Повезло, сосна ещё не сгнила. Грязная чёрная жидкость уже касалась горла. Кудряшов стал подтягиваться. И после нескольких отчаянных усилий, с огромным трудом, мужчина залез на дерево. Грязь покрывала его тело с головы до ног. А рядом клокотала гремучая чёрная жидкость, шли пузыри, стояла ужасная вонь. Болото бурлило, лишившись своей жертвы.

Медленно и осторожно передвигаясь на четвереньках по стволу дерева, Иван выбрался на твёрдую почву. Было часов пять. Солнце уже стояло невысоко. На руке даже компас оказался залеплен грязью. Что делать? Иван разделся догола, простирал бельё и повесил на ветках. Думал—успеет подсохнуть. Быстро окунулся в озере, вода оказалась тёплой. Вылез на берег, просидев там лишний час. Одежда сушилась медленно. Начало темнеть. Ещё час. Бельё немного подсохло, но недостаточно. Пришлось надевать влажным.

Пора было возвращаться. Теперь Кудряшов боялся опоздать на электричку. Он не предвидел никаких сложностей—дорога казалась хорошо знакомой. Но тут солнце село. И вся природа вокруг совершенно изменилась. Шёл долго, а из людей—никого. И по времени уже поезд прошёл, а ни дороги, ни станции—ничего.

Ивана охватили сомнения. Тропа, по которой он шёл, стала узкой, почти незаметной. Показаниям компаса он не доверял, ведь тот побывал под водой. Пока не стемнело, Иван шёл по памяти. Но тут под ногами мужчины мелькнули какие-то железные предметы. Приглядевшись, он узнал проржавевшие болванки и снаряды!

От деда Кудряшов слышал, что в километрах пяти от места, где обычно собирал грибы, есть заброшенный артиллерийский полигон. Сам Иван его в глаза не видел.

И тут стало совершенно ясно, что Кудряшов заблудился. Куда идти — непонятно. Главное, смотри по сторонам, чтобы не наступить на какой-нибудь неразорвавшийся ржавый снаряд.

Иван решил проверить направление по компасу. Стрелка металась. Иван поднял голову, пытаясь рассмотреть звёзды. Только бесполезно: поднялся сильный туман, скрывший даже верхушки сосен.

Иван пошёл наудачу. Шёл несколько часов. Вода закончилась. Услышал, что где-то рядом журчит ручеёк. Не видя его, по звуку набрал воды. Попал на какую-то старую дорогу, которая шла прямо по лесу. Прогулялся по ней взад-вперёд. Заброшенная. Посреди дороги выросли молодые сосенки.

Иван снова остановился и понял, что заблудился. Где он, остаётся только гадать. Лишь гораздо позднее, разбираясь в этом деле, Иван понял, что тогда двигался в сторону Онеги.

Спасла случайность. Было уже два часа ночи, темень непроглядная, холодно. Всё, что можно, из запасов провизии уже съел. Вдруг совершенно неожиданно (ночью, видимо, слышимость хорошая) раздался звук дизель-поезда в направлении, противоположном тому, куда двигался Иван.

Поезд, разгоняясь, дал свисток. Мужчине показалось, что расстояние до железной дороги примерно полтора десятка километров. Хоть Иван не верил компасу, угол замерил, откуда сигнал, и дальше шёл строго в ту сторону.

Шагал ещё два часа и в районе пяти утра вышел, совсем промёрзший, в дачный посёлок. Было сильное желание залезть в чужой дом, взломать дверь и отогреться. Но не решился. Дошёл до железной дороги, стал как вкопанный: знаки на столбиках четырёхзначные. Иван заходил с двухзначными (от Исакогорки). «Когда же успели все знаки-то за ночь поменять?»

Так и не понял. Долго думал, в какую сторону идти. Случайно пошёл в нужную. И через четыре километра вышел на станцию Исакогорка. Правая нога распухла, пришлось ковылять. На станцию сначала не пускал милиционер, принял за беглого заключённого. Документов у Кудряшова с собой не было. Едва не задержали. Из кармана у Ивана торчала бутылка водки. Пришлось объяснять: мол, я — заблудившийся грибник. Милиционер не верил. И только когда лично проверил содержимое бутылки, вздохнул:

— Да, может, ты и не зэк, — с этими словами позволил пройти на станцию.

Кудряшов сидел там до отправки электрички. В вагон помогли забраться сердобольные люди — ступать на больную ногу почти не мог.

Ещё долго после на работе вспоминали этот случай и подкалывали:

— Ванёк, решил работу прогулять и наврал с три короба? Или правда в лес работать решил перебраться?

Пусть плывут кораблики

Домовой Федя весело болтал ногами, сидя на подоконнике седьмого этажа. Он с аппетитом поедал огромный ломоть белого хлеба, щедро обмазанный маслом и сверху хорошенько сдобренный красной икрой. Этим утром домовой пребывал в отличном настроении. Впервые за долгое время Федя радовался жизни и по этой причине даже соорудил себе причёску, как сейчас модно: тугой пучок из прядей на затылке, а остальные волосы веником топорщатся. Обычно он не беспокоился по поводу внешности. Как, впрочем, и по поводу одежды, которую сшил себе из лоскутков от старых рубашек, на манер испанского пончо. Радовало, что наряд практичный, послужит долго.

Хозяин квартиры, Петров, не подозревающий о существовании «домашней нечисти», и так должен быть ему благодарен, что Федька не забывал мыться раз в неделю. Другие домовые в воду лезут раз в месяц, а хозяева потом, не в силах найти причину вони в доме, распыляют очистители воздуха или бегут жаловаться в жэу, что, мол, в подвале очередной засор. Конечно, как им отыскать домовых, которые, если захотят, враз невидимыми обернутся?

Но Федька считал себя тихим и мирным. До недавнего времени.

— Кар-р-р! — донеслось сверху, и Федька задрал голову, наблюдая, как знакомая ворона по кличке Маргоша пикирует на него сверху, пытаясь выхватить лакомство из рук.

Не заботясь о чистоте подоконника, домовой сунул бутерброд себе за спину и, сложив руки на груди, гневно уставился на воровку. Та, похлопав крыльями пару раз, села рядом с ним на подоконник, делая вид, что выискивает в каменных трещинках стен уснувших на зиму жучков и паучков.

— Кар-р, — уже более мягко и деликатно Маргоша стукнула клювом по подоконнику.

Федька недоброжелательно покосился на мощный клюв: «Таким можно и голову домовёнку разбить. Правда, чревато, ещё проклянёт!»

— Кар-р, — в третий раз голос вороны стал совсем вежливым. — Федь, а чего ты на подоконнике сидишь? Упасть не боишься?

— К высоте привыкаю, — хрипло ответил домовой, украдкой отщипнув ещё кусок булки, тут же отправив её в рот и быстро-быстро хлеб пережёвывая.

— А попить, наверное, не захватил? Подавишься ещё!

— Не хочу пить, — угрюмо отозвался Федя.

— Слушай, а не поделишься кусочком? Со вчерашнего дня маковой росинки в клюве не держала, — ворона грустно вздохнула и уныло поскребла клювом пёрышки.

— Мне самому нечего есть. Последний хлеб!

— Да как же так?! Сказки-то не рассказывай! Это я — бездомная, а ты же, чай, домашний, свой!

Можешь в любое время к холодильнику и хлебнице таскаться. Раньше подкармливал, а теперь жадничаешь, да? Или все свои хлебные припасы голубям подарил?! — возмутилась ворона, недобро поблёскивая чёрными бусинами глаз.

— Ты глянь, Маргошенька, в окно. Да посмотри внимательно, может, увидишь чего интересного. Поймёшь, почему мой бутерброд — последний.

Птица в ответ фыркнула, но, тем не менее, голову подняла и уставилась за стекло. И едва не каркнула от удивления: в большой комнате, в центре которой стоял мягкий диван нежно-сиреневого цвета, разлилось целое море воды. Тут и там по воде плавали кораблики из газеты и клетчатых бумажных листочков.

В центре этого безобразия на диване преспокойно спал, скрючившись червяком, сам хозяин квартиры, с умилением прижимая к объёмному животу бутылку водки. Благодаря его компактной позе длинные ноги умещались на диване, и вода, ручьями бежавшая по квартире, пока его не настигла. Петров спал сном младенца, и мощные плечи чуть заметно двигались в такт тяжёлому дыханию.

— Что творится, что творится! — взволнованно захлопала крыльями ворона. — Федь, у вас же потоп! Ты что же, решил хозяина утопить?

Домовой на секунду перестал жевать и неприязненно посмотрел на пернатую:

— Что ты глупости бормочешь?! Проснётся хозяин, как ноги промочит. Или когда я изображу городскую сирену. Я многому научился за время пребывания в этой каменной крепости. Никто в моих хоромах не утонет!

Маргоша озадаченно смотрела в комнату. Вода довольно быстро прибывала.

— Совсем хозяина не жалеешь, Федь. А он хороший. Ты, случается, и забываешь, зато он всегда хлебушек у форточки оставляет… Или Петров сам квартиру затопил? Так чего краны не закрутишь? Аль батарею прорвало? Сейчас как соседи набегут! Жаловаться будут, штраф заплатить заставят!

— Вот-вот, того-то мне и надо, — домовой с самым хитрым видом смахнул с губ хлебные крошки. Те полетели вниз, как хлопья позднего снега.

Маргоша, не любившая, когда ей перечат, не поддалась на провокацию. Вместо этого она постучала клювом по окну:

— Петров, просыпайся! Тебя утопить хотят!

Федя закатил глаза:

— Чего-сь орёшь, дура? Я же говорю, что всё по плану. Всё ради хозяина, ради Петрова. Ты последний месяц в этом квартале не появлялась. Где кормилась? Ничего не знаешь, так и молчи!

— На мусорных кучах далеко отсюда, — вздохнула ворона. — Родичи позвали, вместе веселей.

— Ну вот. Не знаешь, что Петров в последнее время совсем спился. Как бросила его жена, так все выходные… да и не только выходные! Работу прогуливает. А я-то за ним из деревни приехал, в рюкзак ему забрался. Не хотел с дурачком расставаться. Думал, заживём в городе! И всё хорошо было, пока та мадам ему в душу не плюнула. А теперь сломался человек. Мочи нет смотреть — только пьёт. И вот тогда я понял: *пусть плывут кораблики!*

— Чего-чего? — округлила глаза Маргоша.

— Деревню Петрову напомню. Я сам по ней скучаю. Столько ручьёв по весне, капель по пригоркам, столько журчанья и чистой воды! Часами мог сидеть на дереве и смотреть на круги в лужах, своё отражение ловить. И Петров так же мог. Но только забыл. А я ему напомню. Маргош, я как в город перебрался, так из дома боюсь выйти. И ручьёв не вижу. Страшно мне из-за машин на улицу выйти. Если хозяина город сломал, пусть домой катит. Я с ним поеду.

— Но соседи… и штраф… — растерялась ворона.

— Ага, целый штрафище! — радостно отозвался Федя, потирая волосатые руки в прорезях «пончо». — Чтобы его заплатить, придётся на двух работах пахать. Лично проверял: прямо под нами бизнесмен живёт, только недавно евроремонт сделали. Потолки там — блеск! То есть были…

— Чучело ты, Федька, — ворона возмущённо покрутила лапой у своей короткой шеи. — Что же вас ждёт!

— Ничего не ждёт, — беспечно отозвался домовой, складывая пальцами подобие бинокля и сквозь него разглядывая Маргошу. — Сама подумай: о моём существовании Петров в жизнь не догадается. А что он подумает? Ага, что сам допился до белой горячки и забыл, как воду пустил. И кораблики… Бояться будет. А штраф заплатит. У него работа хорошая. Всё-таки главный менеджер!

Тут в квартире заверещал звонок, и Маргоша, взмахнув крыльями, поспешила покинуть место грядущих «разборок». А Федя стал невидимым и с удовлетворением наблюдал, как Петров медленно, но верно возвращается к жизни.

Полина Маркова

Из жизни «коммунаров»

Вечный город Рим, как известно, покоится на семи холмах.

Пара захолустных общежитий, о которых пойдёт речь, покоится на забытой всеми богами улице Коммунальной, с трёх сторон окружённой промышленными зонами и гаражами. Не одно поколение местных, живущих здесь, никакого внимания не обращает на серость дней и окружающих стен. А та часть населения, что снимает здесь жильё, считает, что съём временный. И относит себя к приезжим, мимо проходящим, к тем, кто вот-вот отсюда вырвется, напрочь забыв, что не бывает ничего более постоянного, чем временное…

Был март. Холодный грязный март. Полунагой, едва-едва прикрытый чёрным снегом. С раскисшими дорогами и серыми деревьями. Обычный март во всей неприглядной красе. Нет, конечно, если вы живёте в центре, то ваши улицы чисты и март—это когда по крепкой новой брусчатке цокают каблучки юных и не очень модниц, когда вы, спустившись из дома, бежите завтракать в ближайшую кофейню и нежитесь под лучами уже тёплого солнца, ласкающего вас через чистое большое окно. Если вы живёте в центре, то для вас март—это безусловная весна. Для «коммунаров» март—всего лишь март.

В комнате с ничем не примечательным номером, пусть будет триста шестьдесят шесть, в один из обычных мартовских дней приключилось самое настоящее горе. Подавившись солёным огурцом, который употреблён был по назначению, то бишь для закуски горячительного напитка, на семидесятом году жизни скоропостижно скончался глава многочисленного семейства Сан Саныч. Столь нелепая кончина немало озадачила родственников и соседей (поди разбери, кто есть кто) несчастного Сан Саныча.

—Ладно—умер!—усердно вымешивая тесто для пирожков, причитала тётя Маша, сестра Сан Саныча, хмурая краснощёкая женщина с нарисованными бровями.—С кем не бывает… Другое дело, што у нас ничё не готово! Мы ведь почти все деньги потратили Димке на машину.

—Зато катафалк теперь заказывать не придётся,—хихикнул уже несколько пьяный Костик.

Незаметно достав из внутреннего кармана потрёпанной куртки погнутую фляжку, он сделал приличный глоток—нет-нет, не пьянства ради! В память о почившем ведь.

—Тебе бы всё шуточки шутить, дармоед,—ударив смеющегося племянника полотенцем, заявила тётя Маша.—Хоть бы сегодня язык за зубами попридержал, так нет! В доме покойник, а он одно знай из себя шута корчит… Как был непутёвым, так и остался! На што крест заказывать будем?

Ничуть не обидевшийся Константин задумчиво поскрёб колючий подбородок. Ржавые шестерёнки усиленно заскрипели в его голове.

—То-то же!—с видом человека, одержавшего безоговорочную победу, сказала тётя Маша и, отряхнув крупные жилистые руки от муки, приступила к нарезанию капусты.—Так что чисть картошку и не эпатируй.

Костик нахально ухмыльнулся. Тётя Маша очень любила глагол «эпатировать». Не вполне понимая его значение, она приправляла им свою речь к месту и не к месту. Чаще всего всё-таки не к месту.

—Крест сколотить—дело нехитрое. Любой дурак сможет.

—Не умничай давай, а то я тебе сейчас так сколочу—потом всю жизнь будешь на сторону смотреть! Вон ведро, вон нож. Чисть, сказала!

—Я те не баба, чтоб кашеварить,—заявил Костя и криво усмехнулся, когда угрюмая физиономия мрачной родственницы вытянулась от удивления. Уже ничуть не стесняясь, он снова достал фляжку и, залпом осушив её, добавил:—Пойду я. У меня делов выше крыши. Адьёс, амигос! Может, ещё вечерком забегу.

Серое небо с серыми облаками над серым городом с серыми домами. И звёзд не видно. Лишь спутник яркой точкой сверкает на самом краешке неба. Тусклый огрызок луны виляет меж облаков, то появляясь, то исчезая, вводя тем самым в полнейший ступор уличных псов, не знающих, выть им сегодня или не выть. Люди готовились ко сну. Огни в маленьких запылённых окошках гасли. Солнце скрылось—муравейник закрылся…

Внезапно среди гаражей в серости мартовских сумерек будто в воздухе возник… крест.

Непомерно огромный, качаясь из стороны в сторону, он медленно плыл вперёд. Вышедший покурить на свежем воздухе старик, сбежавший на уличную лавку от своей бабки покумекать не то о рассаде, не то о внутренней политике страны, заметил сие «явление креста» да и выронил скудно тлеющую папиросу изо рта. Тёмный силуэт с крестом на плечах, загадочно петляя и раскачиваясь, медленно продвигался вдоль Коммунальной. Поравнявшись с дедом, силуэт таинственно моргнул красными глазами и изрёк то ли приветствие, то ли проклятие (речь его была столь невнятной, что наверняка утверждать ничего нельзя). Постояв с минуту, крестоносец неспешно поплыл дальше.

Подслеповато щурящийся пенсионер, взъерошив седые волосы, пожал плечами и, перед тем как спешно ретироваться, сердито проворчал:
— От дожили. Помереть спокойно не могут! При советской власти такого не было. Плохо прикопали, видать. Сталина на вас нет!

На улице стал накрапывать мелкий дождик. По местному каналу передавали похолодание.

Пирожки были готовы. Пробы сняты. Тётя Маша, которая следила за тремя кастрюлями и вместе с этим раздавала указания внучкам, нарезающим салаты, собиралась приступать к разделыванию цыплёнка, как вдруг в доме отключили электричество. Ну как вдруг? Как обычно отключили. Девочки испуганно пискнули. Началась суматоха.
— Цыц! — прикрикнула тётя Маша и стукнула кулаком по столу так, что все чашки и плошки подпрыгнули едва ли не до потолка. — Трындычихи… Сидите тихо! Я сейчас вернусь.

Найдя на подоконнике свечи, женщина отправилась узнать у соседей да родственников — надолго ли это. Бесшумно проскользнув мимо завешенного зеркала и выйдя в общий коридор, она неуверенно заглянула в комнату напротив. Жёлтый мертвец лежал в гробу с пятаками на глазах. Обычный деревянный гроб, обитый нарядным ядовито-алым бархатом, стоял на двух обычных табуретах. Восковое лицо покойника не выражало ничего… ни спокойствия, ни умиротворения. Оно был никаким. Когда тётя Маша стояла на пороге комнаты Сан Саныча, так же неожиданно, как и погас, зажёгся свет. Раздался громкий стук. Что-то громыхнуло на лестнице.

Младшая из внучек отчего-то заплакала, и тётя Маша рванула обратно к себе, но буквально через минуту она снова высунула голову в коридор и оторопела.

У стены одиноко возвышался крест. Рядом никого не было.

Когда на следующее утро на пороге показался заспанный Костик, бледная тётя Маша с синяками под глазами первым долгом поспешила сообщить о ночном приключении.
— Дела у него! По роже твоей вижу, какие у тебя дела! Алкаш! Где ты шлялся? Нас тут так вчера сэпатировали! У нас такое было… такое! Ух, страх один, да и только! Мне ещё моя бабка говорила, а ей её бабка говорила, а её бабке — её…
— А в чём, собственно, проблема? Хороший крест! На совесть сделан. Чего вам не нравится? Я старался! И старался совершенно бесплатно, между прочим. Столько времени на эту бандуру угрохал. А как нёс! Как я его нёс! Эх… Не понимают нынче людей искусства. Опохмелиться бы…

Андрей Тимофеев

Победы и поражения «нового реализма»

Совет молодых литераторов — новая структура в составе Союза писателей России. Совет занимается поиском наиболее талантливых молодых поэтов, прозаиков, критиков и драматургов по всей России, а также организацией творческих семинаров, на которых молодые авторы могли бы обсудить свои произведения с признанными мастерами слова.

Но, пожалуй, одной из главных наших задач является создание единого пространства современной молодой литературы — чтобы авторы из разных уголков страны знали друг о друге и могли обмениваться опытом, а также чтобы лучших авторов из одного региона страны читали в другом. И потому нам особенно важно сотрудничество с толстыми журналами России.

Мы благодарны журналу «День и ночь» за возможность представлять на его страницах наиболее интересных, на наш взгляд, молодых поэтов и прозаиков со всей страны и надеемся, что читателей журнала ждёт большая радость знакомства с их творчеством.

АНДРЕЙ ТИМОФЕЕВ,
председатель Совета
молодых литераторов СПР

1.

Пресловутый «новый реализм», заявивший о себе в начале 2000-х годов, ругали много и чаще всего по делу. Ругали за нелепость названия; за амбиции, не подкреплённые реальными художественными произведениями; за поверхностность и незрелость. Однако молодой задор того липкинского молодняка, его дерзость, пафос борьбы с постмодернизмом и попыток утвердить что-то новое, своё, в любом случае останутся в истории новейшего отечественного литпроцесса одной из ярких его страниц. По сути, это явление сформировало образ первого постсоветского поколения в литературе с его характерными чертами, достоинствами и недостатками.

Так получилось, что девизом этого поколения стала запальчивая фраза Сергея Шаргунова: «*Я повторяю заклинание: новый реализм!*»[1] Пафос Шаргунова сразу же подхватили другие молодые писатели и критики. Жаждали и новой России, и новой литературы, и было в этом много наивности, свежего воодушевления, удивления и эйфории от собственного участия в огромном процессе — они и не ставили вопроса, достойны они этого участия или нет, не задумывались о глубине своих прозрений. «*Мы присутствуем при первом выступлении нового поколения писателей, идеологов, философов, властителей умов*», — торжественно утверждала Василина Орлова. «*…Именно молодые писатели и молодые критики, считаю, вселили в нашу литературу новые силы*», — рассуждал Роман Сенчин. «*Страничка в истории литературы обеспечена*», — иронизировал Захар Прилепин. И действительно верили в себя как в новое слово.

Впрочем, прежде чем рассуждать о «новом реализме» более детально, необходимо заметить, что это явление никогда не было монолитным: образно говоря, «новый реализм» представлял собой не широкую дорогу, а скорее развилку, из которой выходило несколько дорог. С некоторой долей условности можно было бы назвать эти дороги, например, либеральной, патриотической и натуралистической, однако это привело бы лишь к терминологическому усложнению, а ещё дало бы повод для ожесточённого оспаривания затёртых определений. И потому мы будем говорить не о трёх направлениях, а о трёх личностях, в каждой из которых в определённой степени воплотилась та или иная часть «нового реализма», — о Валерии Пустово́й, Захаре Прилепине и Романе Сенчине.

Эти личности будут интересовать нас не только потому, что это наиболее талантливые представители своего поколения, и даже не из-за их особенной знаковости (к знаковым фигурам можно отнести и Сергея Шаргунова, и Дениса Гуцко, и Андрея Рудалёва). Главное — в них сконцентрировались и персонифицировались те важные явления, без которых поколение сегодняшних тридцати-сорокалетних не может быть понято и принято. Каждый из них — одновременно

1. *Шаргунов Сергей.* Отрицание траура. «Новый мир», №12/2001.

и грань общего, и путь, по которому пошла часть их сверстников.

2.

Наиболее масштабный мировоззренческий проект того поколения был сформулирован молодым критиком Валерией Пустовой в её дебютной статье под названием «Манифест новой жизни»[2]—и это был не просто манифест художественного направления, а попытка создания мифа о грядущем русском возрождении.

Искренне следуя за оброненными словами Освальда Шпенглера о том, что в 2000-х годах произойдёт *«рождение молодой русской души»*, Валерия Пустовая сравнивала американо-европейский мир—цивилизацию на пороге старости: *«морщины, ломкая кость, мёртвая душа, запах тлена от интеллекта-скальпеля, города-морга, науки-скелета, денег-убийцы… бессилие, безбудущность, религиозная беззубость»*,—и будущую юную Россию, рождение которой предсказывал Шпенглер: *«большие, вхватывающие в себя мир глаза, тонкая, боящаяся и алчущая ветра кожа, сила молодецкая, палица-игрушка, горячая кровь…»* Символом рождения «русской души» для Пустовой стал молодой прозаик Сергей Шаргунов с его повестью «Ура!» и с призывом *«вернуть всему на свете соль, кровь, силу»*[3]. Именно с этой сверхзадачей связывала Пустовая перспективы возникающего направления в литературе. *«Молодая культура начинается с религии и „крови“—т. е. с пробуждения её духовных и физических сил, ещё не тронутых разлагающим анализом и болезненной утончённостью цивилизации…*—писала она.—*Шаргунов, новая русская кровь, уже чувствует в себе новую русскую душу…»*

Конечно, всё это было преувеличением, и не стал Сергей Шаргунов в итоге *«молодой русской душой»* в смысле Шпенглера. Вершина его творчества на сегодняшний день, роман «1993», хоть и удача молодого автора, но никак не выдающееся произведение своего времени. То, что все приняли за свежую струю, оказалось даже не позой, как считал старый Волк-редактор, с которым спорила в своей статье Пустовая[4],—скорее, криком, захлебнувшимся от недостатка живого таланта. Но само ожидание русского возрождения на многие годы стало визитной карточкой поколения 2000-х, а автор «Манифеста новой жизни» сделалась с тех пор одним из его признанных лидеров и теоретиков.

А теоретик был направлению жизненно необходим, потому что после первой же запальчивой демонстрации себя «новому реализму» пришлось отвечать на острые вопросы критиков, а главный из них: чем же их реализм отличается от реализма «старого»—например, от реализма Флобера и Мопассана, от реализма Достоевского и Толстого? Неужели действительно родилось что-то принципиально новое?

Понимая серьёзность данного вопроса и пытаясь найти на него достойный ответ, Пустовая пишет в 2005 году статью «Пораженцы и преображенцы»[5], где со страстной решительностью старается показать разницу между эстетиками реализма «бытового» и реализма «нового»: *«Метод одной—зрение, метод другой—прозрение. Одной руководит видимость, другой—сущность»*,—и призывает своих сверстников-писателей двигаться от первого ко второму. Попытка эта не оказалась по большому счёту удачной. Во-первых, то, что Пустовая называла «бытовым» реализмом, так и осталось связанным именно с её сверстниками, многие из которых как раз утверждали торжество факта, голой реальности вопреки постмодернистским играм (именно своей фактологичностью, установкой на «правду» и привлекали, например, чеченские повести и рассказы Карасёва и Гуцко, произведения Романа Сенчина, Дмитрия Новикова и других); а во-вторых, характеристики «нового» по Пустовой—«прозрение» и умение видеть «сущность» происходящего—были как раз характерны для подлинных вершин традиционного реализма прошлых веков и в этом смысле максимум, что могли сделать современники Пустовой,—вернуться к традиции «старого» реализма, пытаясь развивать её по мере сил. Но Пустовая не могла провозгласить возврата к старому, ей непременно нужно было утвердить новое, пусть даже его и не было в природе. Интересной видится её попытка объявить в той же статье отличительной особенностью «нового реализма»—*«включение человеческой воли в факторы реальности»*; впрочем, это скорее разоблачает молодой волюнтаризм критика, чем характеризует разбираемых ею прозаиков.

Волюнтаризм и произвольность провозглашаемых идей, пожалуй, стали главной причиной несостоятельности того мировоззренческого проекта. Валерии Пустовой, Сергею Шаргунову и другим молодым авторам лишь привиделось, что они есть какое-то новое слово: вульгарно понятый Шпенглер и молодой задор сыграли с ними злую шутку, привели их к явному примату собственной воли и фантазии над бытием. Это и естественно, потому что волюнтаризм всегда ведёт к произвольности, он не в силах ощутить биение времени, движение настоящей судьбы и

2. *Пустовая Валерия.* Манифест новой жизни. «Пролог», 2004.
3. *Шаргунов Сергей.* Свежая кровь. «Ex libris-нг», 3.04.2003.
4. *Пустовая Валерия.* Манифест новой жизни. «Пролог», 2004.
5. *Пустовая Валерия.* Пораженцы и преображенцы. «Октябрь» №5/2005.

настоящей истории. Русское возрождение, пробуждение духовных и физических сил молодой культуры—всё это было важно и правильно, но что скрывалось за этим? Какие конкретные силы должны были быть разбужены? И в чём, собственно, состояло бы русское возрождение? Ответов на эти вопросы не было у теоретиков «нового реализма». И тогда постепенно жажда новой России трансформировалась в жажду нового вообще, в специфическую открытость, принятие любой идеи лишь за её новизну.

В 2011 году выходит статья Валерии Пустовой «В четвёртом Риме верят облакам»[6], где она, в частности, провозглашает «конец эона» как неизбежность, всерьёз призывает «*Россию без истории*», соглашаясь «*преодолевать глубинные социокультурные основания российской цивилизации, менять её парадигму*»[7]. С удивительной беззаботностью цитирует она «пророка» «конца эпохи русской литературы» В. Мартынова[8]; всерьёз говорит о быковской интерпретации «Метели» Сорокина как о тексте, завершающем эпоху русского мира; соглашается с нашумевшим тогда письмом трёх докторов наук—Ю. Афанасьева, А. Давыдова, А. Пелипенко—о необходимости коренным образом менять культурный код страны и заканчивает бодрым призывом «*основать новую страну*». Проект русского возрождения оборачивается в итоге легкомысленным предложением броситься в бездну, отринув историческую память, и двигаться в слепоте, якобы потому что крушение всё равно неизбежно и противостоять ему означает «*глухоту к промыслительной силе*» истории.

Определённо, такая позиция является не просто единичным заблуждением критика, а выражением мировоззрения части её современников. Эта часть нового поколения внутренне живёт категориями постмодерна (не замечая этого и даже «борясь» с ним). У них нет почвы под ногами, они беззаботно-восприимчивы к любым отвлечённым концепциям вроде «*конца эпохи русской литературы*». Они заклинают «*день, не обозреваемый художественной традицией*» (не зная, что никакая эпоха напрямую не следует из традиции, однако всегда сохраняет неразрывную внутреннюю связь с прошлым). А раз нет традиции, нет и камертона, прислушавшись к которому, можно различить фальшь. Пользуясь терминологией И. Роднянской (вступившей в полемику с Пустовой по поводу концовки статьи «В четвёртом Риме верят облакам»), грядущее новое время воспринимается ими не как «*промыслительное чудо, ожидаемое, но не-ведомое*», а сквозь призму «*за-ведомой*» установки на «*радикальную «новизну»*»[9].

Эта дорога ведёт поколение нынешних тридцати-сорокалетних в никуда, и мне кажется особенно важным, что Валерия Пустовая возвращается к своему проекту ещё раз, уже в 2014 году, в эссе «Великая лёгкость»[10], и теперь голос её звучит уже не бодро, а трагично. «*Дверка в будущее захлопнулась,*—признаёт она.—*…Мы-то—литераторы, даже новые и частью молодые,—есть, а времени нашего нет*». А главное: «*…Обнажилось, что реальность, всё дальше уходящая от литературных о ней представлений, не ухватывается словами, и возрождение—точнее, полное, до неузнаваемости, обновление жизни—подспудно, коряво, как по мурованному руслу, но всё-таки протекает—мимо писателей*». Протекает она мимо, на мой взгляд, потому, что не имеет ничего общего с волюнтаристским конструированием себя и разрывом с традицией русской культуры.

Эта исповедь задевает за живое даже постороннего читателя, потому что мироощущение написавшего её автора выстрадано, а заблуждение оплачено сполна. Конечно, захлопнулась не дверь в будущее, а дверь в воображаемый мир, в конструкт, созданную собственной волей «реальность», которой никогда не было, но этот воображаемый мир был так дорог, что от его крушения горько и грустно. Хватит ли сил у той части «нового реализма», которую представляет Валерия Пустовая, признать, что провозгласить «эпоху лёгкого сердца», то есть время полной открытости к любым веяниям,—значит, признать своеобразную духовную оккупацию твоей исконной родной земли метафизическим врагом и призывать инфантильно жить так, как получается,—а значит, встать на другую сторону в борьбе добра и зла. Хватит ли сил победить новую Кысь, стремящуюся перегрызть жилочку их поколения?[11]

Валерия Пустовая—человек ищущий. Это не тот критик, который страстно провозглашает истину, а тот, который отчаянно ищет её—бежит, ошибается, падает, признаёт свои ошибки и стремится вперёд. Сможет ли она подняться и повести за собой своих сверстников—покажет только время. Пока же мы можем признать, что эта дорога «нового реализма» привела нас в тупик, а сам мировоззренческий проект поколения потерпел поражение. Состоялся умный критик, тонко чувствующий литературу, но не отдавший себя

6. *Пустовая Валерия.* В четвёртом Риме верят облакам. «Знамя» №6/2011.
7. *Афанасьев Ю., Давыдов А., Пелипенко А.* Вперёд нельзя назад. «Континент» №141/2009.
8. *Мартынов Владимир.* Пёстрые прутья Иакова. М., издательство МГИУ, 2008.
9. *Роднянская Ирина.* Об очевидных концах и непредвиденных началах. «Знамя» №8/2011.
10. *Пустовая Валерия.* Великая лёгкость. «Октябрь» №10/2014.
11. *Пустовая Валерия.* Манифест новой жизни. «Пролог», 2004.

целиком своему проекту, а, скорее, выросший на нём, приобретя на его разработке необходимый опыт и мастерство,—в некотором смысле «выжавший» свой проект ради собственного развития.

Личность состоялась, проект—нет.

Что же мы найдём у других представителей «нового реализма»? Куда приведут нас они?

3.

Но не все представители молодого поколения разделяли установку на разрыв с традицией, принципиальную новизну и отвлечённость мировоззренческих концепций. Среди представителей «нового реализма» были и те, кого сложно было обвинить в оторванности от настоящей жизни—напротив, чаще всего эти авторы писали не только прозу, но и злую публицистику, стремились в актуальную политику и вообще предпочитали решительные действия всякого рода размышлениям. В их понимании «новый реализм» оказывался направлением не столько литературным и мировоззренческим, сколько прямолинейно-политическим. Так, например, самый яркий представитель этой части молодого поколения Захар Прилепин в своей обзорной статье о «новом реализме»[12] особенно настаивает на том, что ключевых представителей этого направления (Шаргунова, Гуцко, Елизарова, Данилова и собственно Прилепина) объединяла вовсе не художественная позиция, а оппозиционное отношение к власти и «*антилиберальный настрой, где под либерализмом понимаются бесконечные политические, эстетические и даже этические двойные стандарты, литературное сектантство, профанация и маргинализация базовых национальных понятий, прямая или опосредованная легализация ростовщичества и стяжательства*». Подчас такие авторы характеризовались даже не столько своими текстами, сколько вызывающим поведением: «*весёлой агрессией, бурным социальным ребячеством, привычкой вписаться в любую литературную, а часто и политическую драку, и вообще, желанием навязчиво присутствовать, время от времени произносить лозунги…*»[13]

Почти все они вышли из того же Форума молодых писателей в Липках, и это обеспечило им уникальное начальное расположение между двумя враждующими литературными лагерями. Они стали одновременно печататься в «Новом мире», «Знамени», «Октябре» и «Нашем современнике» и получили, таким образом, достаточно широкую известность, которую уже невозможно было отменить, даже когда после нашумевшего «Письма Сталину» политическая позиция самого Прилепина стала однозначной и либеральные издания потеряли к нему интерес. Постепенно сам Прилепин и его соратники утвердились в качестве «патриотов», потому что действительно придерживались консервативной общественной позиции (хотя зачастую не перестали печататься в «Новом мире» и «Знамени», как те же Шаргунов или Гуцко).

Однако отношение самого́ патриотического лагеря к «новому реализму» оставалось противоречивым. Одни (например, газета «День литературы») утверждали, что представители молодого поколения разделяют «наши» политические убеждения, презирают враждебные нам постмодернизм и либерализм и потому являются достойной сменой. Вторые (например, «Российский писатель») чувствовали инородность, даже враждебность прозы молодых традиции русской литературы, не ощущали родства внутреннего содержания, несмотря на близость политической позиции, и потому отказывались признать прозу Прилепина, Шаргунова и других за литературу вообще. Впрочем, те и не нуждались в чьём-либо признании, у них постепенно стали появляться собственные информационные ресурсы (в первую очередь, конечно, «Свободная пресса»), зачастую превосходящие традиционные «патриотические» издания по тиражу и известности. И Захар Прилепин мог теперь с лёгкостью сказать: «*Меня уже не может никто принимать или не принимать в русские писатели. Я сам могу принимать. У меня есть „Свободная пресса“… Это я управляю ситуацией, а не ситуация управляет мной*»[14].

В своей борьбе в том виде, в каком они сами понимали её, они действительно победили. Во-первых, победили в политическом контексте—ненавистный им либерализм был растоптан и превратился в маргинальное политическое направление, что стало особенно явным после крымских событий 2014 года.

Во-вторых, победили в литературном процессе—произведения «новых реалистов» действительно вытеснили постмодернистов с книжных полок и из премиальных списков. Справедливости ради отметим, что нашим героям в каком-то смысле повезло—торжество постмодернизма девяностых годов было связано с крушением страны и общим хаосом, но невозможно долго упиваться литературной игрой, и возвращение интереса к реализму было неизбежно во время «стабильности» нулевых: «новые реалисты» просто сделали возвращение эффектным, создали себе на этом имена.

Впрочем, в любом случае победа эта произошла исключительно в информационном поле. Ведь

12. *Прилепин Захар.* Клинический реализм в поисках самоидентификации. Из кн.: Книгочёт: пособие по новейшей литературе с лирическими и саркастическими отступлениями. М., Астрель, 2012.

13. Там же.

14. *Прилепин Захар.* Вести себя по-есенински, по-русски. Выступление на десятых Кожиновских чтениях. «Подъём» №4/2014.

отечественный постмодернизм никогда не находился в плоскости художественной прозы, и потому его крушение осталось фактом истории моды, но не истории литературы. Более того, принадлежность самих «новых реалистов» к истории литературы крайне спорна. Их стремление к лозунгам и страстным «наэлектризованным» текстам, с одной стороны, позволило им сильнее влиять на аудиторию, транслировать и утверждать свои убеждения; а с другой—привело к постоянному стремлению упростить проблемы, низвести их до простейшего «да—нет», «мы или они», характерного для целенаправленной информационной войны и не имеющего ничего общего с углублением в суть явлений.

Особенно явно это проявляется в публицистике Прилепина (например, в статьях «Две расы», «Почему я не либерал», «Сортировка и отбраковка интеллигенции»[15] и т.д.), для которой свойственно категорическое нежелание спорить с чужой позицией на серьёзном уровне, а вместо этого—стремление найти какие-нибудь нелепые, в интеллектуальном смысле маргинальные цитаты и, набросившись на них, разорвать соперника в клочья[16]. Такой подход не мог не повлиять и на художественное творчество: невозможно в публицистике делить всё на чёрное и белое, а в прозе вдруг включать цветное зрение,—как невозможно в публичном пространстве ориентироваться на внешний эффект, на бузу и в то же время жить напряжённой внутренней жизнью: стратегия поведения писателя неотделима от его творчества и во многом формирует художественный текст.

Специфическая страстность и стремление к борьбе привела «новых реалистов» к брутальности, агрессивности, ориентации на собственную самость. Характерной деталью стали появляющиеся едва ли не в каждом их произведении вспышки неконтролируемой жестокости, когда в более-менее адекватную ткань текста, как камень в воду, вдруг падает сцена избиения или насилия (у Захара Прилепина—в рассказах «Витёк», «Какой случится день недели», в повестях «Допрос», «Восьмёрка», в романе «Чёрная обезьяна»; у Дениса Гуцко—в повести «Покемонов день»; у Михаила Елизарова—в рассказе «Госпиталь»; у младшего товарища и ближайшего продолжателя традиций «нового реализма» Платона Беседина—в «Книге греха» и в «Воскрешении мумий» и так далее).

Кроме того, стремление во что бы то ни стало утвердить собственную позицию привело «новых реалистов» к принципиальной монологичности их текстов и непониманию другого человека и другой позиции вообще. Особенно ясно это становится на примере одного из самых ярких произведений Захара Прилепина—повести «Санькя». Её герой—молодой парень, искренне любящий свою Родину и готовый умирать и убивать за неё, своеобразный антропологический идеал этой части «нового реализма», выражение характерных качеств и устремлений своего поколения. Его искренность и молодая бескомпромиссность глубоко симпатичны и вызывают сострадание, однако проблема заключается в том, что ни автор, ни многочисленные его последователи так и не посмотрели на Саньку внимательным мудрым взглядом. Жестокая правда Саши Тишина—всё, что они могли предложить нам, как будто на свете существует лишь две альтернативы: бунт, организованный «Союзом созидающих», или признание гибели всего русского и необходимости «просто доживать», выраженное в откровенно слабых рассуждениях Безлетова.

Спор Саньки с Безлетовым—ключевой момент монологизма и публицистического утверждения своей правды в художественном творчестве «новых реалистов». «*Вы не имеете никакого отношения к Родине. А Родина к вам*»,—должен был сказать Саньке Безлетов и остановиться, и тому нечего было бы возразить. Но, ведомый уже известным нам по публицистике Прилепина авторским желанием маргинализовать чужую позицию, Безлетов добавляет провокационное: «*И Родины уже нет. Всё, рассосалась!*»—и сразу же становится лёгкой мишенью и для положительных героев повести, и для критиков, принявших его рассуждения за полноценную «другую правду», с которой якобы спорит главный герой. И даже критик Андрей Рудалёв, последовательно отмечавший внутренний инфантилизм, соединённый с агрессивностью и утверждением собственной самости, у представителей своего поколения, в том числе и у Захара Прилепина, так увлёкся образом Саши Тишина, что принялся искать в нём полноценный моральный идеал (не замечая совершенной неуместности в разговоре об искреннем молодом революционере цитат из Исаака Сирина, Максима Исповедника и Добротолюбия)[17].

И, наконец, самое главное: акцент на внешнее, на бузу, на победу исключал у этой части «нового реализма» способность к напряжённому поиску истины и вместо стремления к нравственной целостности, всегда отличавшей русскую литературу, вёл их к целостности политической позиции. Да и нужна ли была им полная и многогранная Истина? Они хотели, скорее, утверждения своей

15. Все—из кн.: *Прилепин Захар.* Летучие бурлаки. М., АСТ, 2014.

16. Справедливости ради нужно отметить, что цитаты эти принадлежат таким медийным фигурам, как, например, Татьяна Толстая, и потому Прилепин спорит здесь, скорее, не с их позицией, а с тем, что, при всей маргинальности своей позиции, они по-прежнему остаются медийными фигурами.

17. *Рудалёв Андрей.* Поедая собственную душу. «Континент» №139/2009. *Рудалёв Андрей.* Пустынножители. «Урал» №2/2009.

сиюминутной Правды, а для этого важнее было — взорвать болото, углубиться в ряды врага, посеять там хаос и панику, спровоцировать и так далее.

Эта часть нового поколения была так поглощена борьбой, что не сформировала собственного полноценного исторического и мировоззренческого проекта. Пожалуй, наиболее близкой им по духу оказалась «Пятая империя» Александра Проханова с её прямолинейным и мощным исповедованием своей политической позиции при полной «нравственной всеядности», в которой легко соединяются слова о православии с «евангелием Фёдорова» или иконой Сталина, так же провозглашённая с помощью простых и хлёстких лозунгов, так же ориентированная на заражение своими идеями широких масс людей и последующее управление ими.

Под обаянием этого мощного проекта — а также молодой бескомпромиссности Саши Тишина и сильной личности самого Прилепина — до сих пор находится множество искренних и талантливых молодых ребят — писателей, критиков и публицистов. Они по-прежнему считают себя призванными бороться и победить; по-прежнему желают отринуть личное ради общественного (не понимая, что в литературе отвержение личного подобно смерти и ведёт лишь к плакатному патриотизму); по-прежнему не желают заниматься глубоким личным самопознанием и самосовершенствованием. Но это торжество героизма вместо подвижничества[18], гордости вместо милосердия, политического лозунга вместо внутреннего нравственного содержания, к сожалению, не приведёт их ни к русской литературе, ни к русской общественной мысли.

Сам Захар Прилепин — автор изначально очень талантливый, обладающий вкусом к прозе. Но его художественные удачи — рассказы «Грех», «Лес», «Бабушка, осы и арбуз», «Жилка», отдельные главы романа «Санькя» — так и остались отдельными удачами: полноценного же мировоззренческого и художественного мира он создать не смог. Прилепин не перерос свой проект, как Пустовая, — скорее, наоборот, он пожертвовал собственным талантом и собственной прозой ради победы проекта, пренебрёг личной способностью быть тонким, чтобы стать таким же резким и прямолинейным, как те простые истины, которые он желал отстоять. Наверное, это и есть цена за сиюминутную победу. Как знать, возможно, Захар Прилепин даже осознанно заплатил такую цену, и тогда это печально, но и достойно уважения.

Однако в любом случае эта часть «нового реализма» в глобальном смысле зашла в тупик и не может предложить нам путь, по которому мы могли бы двигаться вперёд. Они освободили значительную часть литературного процесса от постмодернизма и либерализма, но что делать на освободившемся пространстве, которое стало теперь принадлежать им, — по большому счёту не знали.

А есть ли всё-таки тот, кто знает?

4.

Роман Сенчин начал печататься в толстых журналах в девяностых годах, то есть ещё до первых манифестов «новых реалистов». Однако его установки на предельную открытость и на бытовой натурализм оказались так органичны «новой искренности», которую провозглашали Шаргунов и Пустовая, что Сенчин вскоре стал характерным представителем своего направления (а впоследствии мог даже укорять Шаргунова и Прилепина в отходе от общих ценностей в литературе[19]).

Ранняя проза Сенчина удивляла читателей и критиков стремлением лирического героя к беспощадному саморазоблачению, причём зачастую героя этого звали Роман («Ничего», «Общий день», «Минус»), профессия его была — писатель («Чужой», «Вперёд и вверх на севших батарейках», «Проект»), а подробности семейной жизни, погрязшей в бытовухе и ссорах, кочевали из текста в текст («Погружение», «Афинские ночи», «Конец сезона»). Характерный герой Сенчина тех рассказов (например, его тёзка из «Говорят, что там нас примут») — гнусный тип, смысл жизни которого — «*выпить по возможности больше, поесть желательно плотно, не упустить шанс повеселиться, подобрать, что плохо лежит*»; он не любит ни свою жену, ни будущего ребёнка, всегда врёт, и верх его желаний — хлебнуть дешёвого разбавленного пива. Однако в самозабвенном исповедании этот герой нарочно выпячивал свою гнусность, словно пытаясь всё время кому-то доказать, что он плох. И в этом нарочитом выставлении своих пороков на всеобщее обозрение и доведении внутренней подлости до самоотвращения угадывалась неподдельная нравственная борьба (пусть даже и заканчивающаяся каждый раз почти манифестальным утверждением духовной пошлости: «*Дальше, смелее по жизни! Хватать что ни попадя, смеяться, давиться и жрать*», — как бы победой одной из противоборствующих сторон). В этой отчаянной борьбе раскрывался перед читателем самобытный человеческий характер (родственный, скажем, герою «Постороннего» Камю или Иудушке Головлёву). Так было и в «Афинских ночах», и в повести «Нубук», и в рассказе «Персен» (где герой неожиданно «открывался» нам лишь под конец), и во многих других текстах.

Но постепенно герой Сенчина переставал кричать о своей гнусности, будто бы сжился с ней —

18. В терминологии известной статьи С. Булгакова «Героизм и подвижничество».

19. *Сенчин Роман.* Новые реалисты уходят в историю. «Литературная Россия» №33-34/2014.

спадало нравственное напряжение, на котором держались прошлые рассказы. Духовная пошлость ушла вглубь, становясь привычной, и сделалась характеристикой не только героя, но и самого автора («Погружение», «Сорокет», «Вперёд и вверх на севших батарейках»). А потом отпала необходимость в лирическом герое, и Сенчин стал писать о других людях, но так, как видел бы их тот же самый его лирический герой. Это были уже не тексты об Иудушке Головлёве, а тексты, написанные Иудушкой Головлёвым, в которых весь мир воспринимался сквозь его призму, теряя при этом достоверность и превращаясь в грубую тенденцию. Естественная хаотичность жизни уступала в произведениях Сенчина назойливо педалируемому мотиву неудачи, распада, смерти — как на глобальном уровне, так и на уровне мелких сюжетных коллизий. Если заражённый СПИДом парень в рассказе «Мы идём в гости» начинает потихоньку возвращаться к нормальной жизни от общения с новыми друзьями, то его непременно изобьют; если герой «Зоны затопления» поедет на кладбище участвовать в перезахоронении могил, то обязательно подхватит что-то вроде сибирской язвы, а другой герой с больным сердцем умрёт; если женщина отправится в тюрьму на свиданье с мужем, то свиданье отменят, как в новом рассказе «К мужу»… Этот бесконечный список можно продолжать, беря наобум любой текст Сенчина. Видеть в этом «правду»[20], поверить в худший из десятков вариантов как в заведомо единственный — значит, либо воспринимать мир через призму той же тенденциозности, либо просто не иметь понятия о правде как о целостном выражении достоверности реальной жизни. В восприятии мира заведомо подлым есть не правда реалиста, а маниакальное отрицание постмодерниста. Тенденциозность подобного нарочитого сгущения ничем не правдивее саркастического снижения Владимира Сорокина (хотя вроде как именно с постмодернизмом «новый реализм» и должен был вступить в самую яростную борьбу).

Впрочем, воспринимать прозу Сенчина ни как игру «а ля Сорокин», ни как прямое высказывание литературного Смердякова[21], по-видимому, неверно. В этих текстах подспудно живёт несогласие с духовной пошлостью описываемого мира: чем больше автор сгущает чёрное, тем сильнее это чёрное отвратительно ему самому и тем сильнее он пытается его манифестировать. И в этом болезненном выпячивании при сильном инстинктивном отвращении, вероятно, можно найти определённое нравственное основание прозы Сенчина (хотя зачастую критика относилась к этой характерной особенности слишком серьёзно: например, та же Валерия Пустовая находила в подобном способе изображения мира «отрицательное, от противного высказанное христианство»[22] — что, безусловно, перебор). Скорее, перед нами восприятие эдакого нравственного подростка, детский инфантильный взгляд на мир (и потому так органично выражен он глазами тринадцатилетней девочки из повести «Чего вы хотите?»). У такого автора получается ставить острые вопросы, которые смущают «взрослых» (как, например, вопрос о том, почему Распутин и другие писатели, приезжая к будущим переселенцам из зоны затопления, не заявили дружно: нельзя такого допустить), но искать ответы он категорически не хочет. Боязнь «стать насекомым»[23] (выражающаяся в постоянном описании «насекомых» глазами «насекомого») лишает автора внутренней свободы и вынуждает закрыть лицо ладонями и бесконечно проговаривать свой страх, вместо того чтобы распахнуть глаза и увидеть реальный мир.

К сожалению, единственный способ преодоления нарочитости и тенденциозности — психологическая достоверность — Сенчину оказался практически недоступен. Чтобы в этом убедиться, достаточно, скажем, внимательно посмотреть на психологические детали, характеризующие каждого представителя семьи Ёлтышевых. Сенчин не знает других людей, да и не хочет знать, а находит внутри всех ту часть себя, которую открыл когда-то. Критиков может обмануть то, что его герои теперь вроде бы и не имеют ярко выраженных отрицательных черт[24], однако по большому счёту эти герои не имеют характерных черт вообще, перед нами — галерея бесцветных, инфантильных, обречённых людей; вместо многообразия жизни — мир «сенчиных». И потому в смысле стратегии писательского поведения кажется правильным новое обращение автора к повествованию о себе самом (в сравнительно позднем романе «Информация»), ведь это, по сути, единственная точка

20. Например: *Ганиева Алиса.* Серым по серому. «Вопросы литературы» №3/2010. Или: *Роднянская Ирина.* Род Атридов. «Вопросы литературы» №3/2010.

21. «Роман Сенчин говорит именно то, что говорит. Видимо, никому и в голову не приходит, что возможен в России такой типа литератора — откровенный, почти не маскирующийся Смердяков, униженный и оскорблённый, а потому желающий всё вокруг тоже унизить и оскорбить» (*Александр Агеев.* Практическая гастроэнтерология чтения. «Русский журнал», 2001, 25 сентября).

22. *Пустовая Валерия.* Иск маленькому человеку. «Новый мир» №12/2009.

23. *Сенчин Роман.* Не стать насекомым. «Литературная газета» №46/2007.

24. «В новомирской повести „Вперёд и вверх на севших батарейках“… ни о ком не сказано худого слова. Кроме как о себе» (*Роднянская Ирина.* Предисловие к статье Валерии Пустовой «Новое „я“ современной прозы: об очищении писательской личности». «Новый мир» №8/2004).

виденья, из которой у него получается писать вполне достоверно.

Последние годы Роман Сенчин обращается к теме политики—но и здесь его «фирменный» взгляд легко низводит всё, на что падает, до пошлости: и нынешнее устройство жизни, связанное с властью («Дорога», «Полоса», «Зона затопления»), и протестные акции оппозиции («Чего вы хотите?»). Впрочем, это опять-таки не характеристика общественной ситуации, а скорее особенность всё того же привычного авторского метода нарочитого сгущения.

Слабость прозы Сенчина особенно ясно видна при напрашивающемся сравнении романа «Зона затопления» с «Прощанием с Матёрой». В повести Распутина перед нами предстаёт целостный мир народной жизни: и быт жителей острова, и их восприятие своего места в мире, и даже языческие существа, населяющие Матёру,—всё сцепляется в одно. Переселение здесь лишь деталь сюжета, которая позволяет остро поставить вопрос о мере и ценности человеческой жизни. В поисках ответов на этот вопрос герои, с одной стороны, чувствуют отчаяние: *«Стоило жить долгую и мытарную жизнь, чтобы под конец признаться себе: ничего она в ней не поняла…»*; а с другой стороны—воспоминания о радости совместной жизни и работы и о красоте окружающего мира *«останутся в душе незакатным светом»*, так что *«быть может, лишь это одно и вечно, лишь оно, передаваемое, как Дух Святой, от человека к человеку, от отцов к детям и от детей к внукам… и вынесет когда-нибудь к чему-то, ради чего жили поколения людей»*. Роман же «Зона затопления» не поднимается до подобных бытийных вопросов, в нём нет никакого сцепляющего начала, кроме образа бездушной властной машины, подавляющей типичных инфантильных героев сенчиновской прозы. Живое здесь—лишь те же самые отчаянные «детские» вопросы Алексея Брюханова и журналистки Ольги да несколько трогательных и убедительных моментов в «старушечьих» главах (особенно в главе о Чернушке).

Парадоксально, но если в прозе Роман Сенчин не может понять никого, кроме себя, то в критике он оказывается необычайно широк и с интересом и любовью рассуждает о многих, по-видимому, даже чуждых ему авторах. Рассуждает и о тех, кто старше, и о тех, кто моложе, но с особенным вниманием—о писателях своего поколения. В течение многих лет он периодически писал объёмные и вдумчивые статьи (в 2005-м—«Свечение на болоте», в 2006-м—«Рассыпанная мозаика», в 2010-м—«Питомцы стабильности или будущие бунтари», в 2012-м—«После успеха», в 2014-м—«Новые реалисты уходят в историю», в 2015-м—«Не зевать»), анализируя представителей «нового реализма». В этих статьях он не пытался быть идеологом направления, не открывал новых горизонтов, не строил концепций и уж тем более не занимался утверждением каких-то политических взглядов—он был, скорее, внимательным архивариусом: рассмотрел десятки и десятки имён (так много, кажется, не знает о своём поколении никто). Причём героями его работ были не только прозаики и поэты, но и критики (например, Алиса Ганиева, Валерия Пустовая),—все представляли для Сенчина практически одинаковый интерес как фигуры литературного процесса. Отмечал дебюты[25], а через несколько лет возвращался к тем же авторам, проверяя, что у кого получилось, пытаясь для каждого угадать его собственный путь.

Сенчину почти не свойственно было остро критиковать—скорее, мягко предостерегать (Кочергин близок к исчерпанию своего героя[26]; Новиков примирился с природой, но из прозы исчезла тоска, которая заставляла читателя сострадать[27]; Гуцко, Шаргунов и Прилепин ушли в «широкие моря истории», откуда сложно будет возвращаться «в родные ручьи личного»[28]). И только в одном Сенчин был непримирим, повторяя из статьи в статью свой главный призыв: не стать насекомым[29], раздражаться (*«раздражённый писатель может написать что-то, что раздражит читателей»*[30]), не зевать (то есть *«не примериваться к тяжести той или иной темы… схватить её и ворваться»* в литературу, потому что *«мало регулярно выносить на суд читателей хорошие произведения. Нужно большее. Нужно оглушить читателя своей прозой»*[31]). Правда, призыв этот, по сути, не о глубоком осмыслении, а о том, чтобы стать заметным в литературе и в жизни.

Но, пожалуй, по-настоящему понять Сенчина-критика можно, читая его последнюю книгу «Конгревова ракета»[32], объединяющую написанные в разные годы статьи о классиках и о современниках. Именно в изучении литературного процесса в целом Сенчин обретает, наконец, подлинную внутреннюю свободу, позволяющую ему легко сопоставлять 2000-е и 1830-е, сравнивать Белинского с молодыми критиками поколения «нового

25. *Сенчин Роман.* Свечение на болоте. «Знамя» №5/2005.
26. *Сенчин Роман.* Рассыпанная мозаика. «Континент» №130/2006.
27. *Сенчин Роман.* Конгревова ракета. М., Время, 2017.
28. *Сенчин Роман.* Новые реалисты уходят в историю. «Литературная Россия» №33-34/2014.
29. *Сенчин Роман.* Не стать насекомым. «Литературная газета» №46/2007.
30. *Сенчин Роман.* Питомцы стабильности или будущие бунтари. «Дружба народов» №1/2010.
31. *Сенчин Роман.* Не зевать. «Литературная Россия» №41/2015.
32. *Сенчин Роман.* Конгревова ракета. М., Время, 2017.

реализма», непринуждённо переходить от романа Дмитрия Быкова к поэту начала двадцатого века Тинякову и помещать под одной обложкой статьи о Державине, Шолохове, Распутине, Башлачёве, Новикове, Кочергине, Гришковце и так далее. При этом Сенчин нигде не ставит вопрос о художественной ценности наследия того или иного автора, литература для него — множество самобытных фактов, каждый из которых интересен и каждый заслуживает разговора. На самом деле вместо того, чтобы разобраться в современной прозе и поэзии, используя опыт прошлого, и понять, кто из нынешних писателей мог бы стать автором первого ряда, подобно Пушкину, Гоголю и Достоевскому, он, наоборот, низводит кристаллизованный десятилетиями ряд вершин русской литературы до рыхлости и хаотичности современного литературного процесса.

Роману Сенчину, по-видимому, чуждо глубокое переосмысление реального мира — в прозе и литературного мира — в критике. Он против того, чтобы «*дать событиям отстояться*», ему кажется правильным «*хватать настоящее, пока оно живое, пока сопротивляется, кусает*»[33]. Из всех «новых реалистов» именно он в полной мере воплощает в своём творчестве, как художественном, так и критическом, принцип «человеческого документа» — подачи действительности такой, какой её видит автор, без излишних усложнений и рефлексий.

По большому счёту Сенчин состоялся не как прозаик или критик и не как символ определённого проекта, а как самобытная фигура литературного процесса, воплощающая в себе само явление «нового реализма» со всеми его достоинствами и недостатками. Он оказался своеобразным летописцем своего времени, по методичным записям которого исследователи в будущем смогут восстановить особенности этого яркого и противоречивого поколения.

Это путь, идти по которому начинали практически все представители «нового реализма», но до конца прошёл его, пожалуй, только один Сенчин.

5.

Итак, поколение, дебютировавшее в 2000-е, постепенно не только вошло, но и укрепилось в литературном процессе и в жизни: кто-то стал заметным писателем или критиком, кто-то всерьёз занялся политикой или общественно-значимой работой. Несмотря на то, что пути их разошлись, в чём-то они остались очень похожими.

Их недостатки, по сути, стали продолжением достоинств, а достоинства определили недостатки.

Они отстояли своё право писать о реальности, но «человеческий документ» так и остался их главным достижением (и даже Валерия Пустовая, приветствовавшая когда-то реализм «новый», «метафорический» вместо «бытового», последнее время всё чаще говорит о «литературе опыта» и о том, что документ — лучшая основа для художественного произведения).

Они много мечтали, высказывали то, что им хотелось бы, чтобы существовало (или наоборот, как Роман Сенчин, делали акцент на том, что не должно было бы существовать), но почти не пытались понять, что же есть на самом деле. И это не давало им остановиться и проникнуть в глубину проходящих в современном мире процессов.

Они провозгласили своё направление, сделали акцент на новизне, и это позволило им ворваться в информационное пространство, но никто из них по-настоящему не посмотрел назад и не обогатился традицией русской классической литературы (и даже Захар Прилепин если и обращался к классике, то, скорее, для обоснования собственных взглядов[34] или при написании биографий в ЖЗЛ).

Построение концепций, утверждение политических принципов, методичная фиксация реальности — в этом во всём было очень много эффекта и литературного процесса, но почти не было настоящей литературы. Надежды на принципиально новое, на поколение «спецназовцев духа», по-видимому, не оправдались, да и не могли оправдаться. Не покидавшее читателей и критиков в продолжение всех этих лет ощущение, что впереди нас ждёт нечто большее, что вот-вот произойдёт качественный скачок, который окупит все выданные авансы, по-видимому, так и осталось ощущением. Впрочем, возможно, впереди нас действительно ждёт нечто большее — потому что тем, кто идёт за «новыми реалистами», уже не нужно будет до хрипоты спорить с постмодернизмом и в борьбе доказывать возможность писать в реалистической манере, не нужно будет придумывать концепции, чтобы оправдать своё существование, не нужно будет заново открывать для себя классику. У них будет возможность вдумчиво вглядываться в происходящее и стараться осваивать современность на той глубине и широте, на какой делали это русские писатели прошлых веков.

Только это будет уже не «новый реализм».

33. *Сенчин Роман.* Новые реалисты уходят в историю. «Литературная Россия» №33-34/2014.

34. Яркий пример: *Прилепин Захар.* Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы. М., Редкация Елены Шубиной, 2017.

Юрий Лунин

Сеня

Я часто спрашиваю людей: «Что вы себе представляете, когда слышите слово „человек"?» Люди отвечают по-разному, иногда очень оригинально, но я забываю их ответы, потому что задаю свой вопрос исключительно для того, чтобы услышать от кого-нибудь мой собственный вариант ответа. Пока я не услышал его ни разу.

Когда я слышу слово «человек», перед глазами у меня возникает рисунок тушью на белой бумаге—элементарный, в два коротких росчерка: большой треугольный нос, а над ним чубчик.

Сообщают в новостях: там-то пострадало пять человек,—и я сперва вижу скопление нарисованных носов и чубчиков, а потом, немного стыдясь, заученно напоминаю себе, что у каждого из этих «чубчиков» уникальная судьба и «неповторимый внутренний мир».

Что взять с человека, который, услышав слово «Россия», видит не просторы, а две толстые буквы «с», при слове «родина» невольно воображает распростёршую объятия тётю, у которой вместо головы кремлёвская башня со звездой, а произнося слово «душа», никак не может избавиться от образа плотной подушки, сделанной из мяса?

При этом душу я стремлюсь каким-то образом спасти, родину—любить, а человека—уважать…

Таково предисловие—быть может, и лишнее,—к рассказу о Сене, моём навеки молодом друге, образ которого, с годами сильно обедневший на детали, но в чём-то главном незыблемый, с недавних пор возникает в моей голове следом за носом и чубчиком, когда я слышу слово «человек».

Пожалуй, мне нетрудно было бы разыскать людей, которые знали Сеню гораздо ближе, чем я, и расспросить их: о чём он мечтал? что думал о жизни? о смерти? о Боге? Но я этого не делаю. Наверное, боюсь испортить лишними штрихами картину, которая видится мне вполне законченной.

Я видел Сеню всего один раз. Вернее, видел много раз в течение нескольких часов одного дня. Было мне тогда двенадцать лет.

Я приехал с родителями на день рождения папиного приятеля. В квартире приятеля нашлась гитара, и папа попросил меня что-нибудь исполнить. Я знал, чем это грозит. Сначала я спою что-нибудь из «Бременских музыкантов», потом из русского рока, потом из «Битлз» (я их тогда обожал), а потом папа скажет: «Я знаю, ты это не любишь. Но я прошу: одну, мою любимую (ты знаешь какую)! И всё! Больше я тебя ни о чём просить не буду». Я начну злиться на папу и наотрез отказываться, причём совершенно искренне, без всякого кокетства; дело в том, что, исполняя собственные песни на людях, я каждый раз испытывал такой стыд, словно присутствующая публика застала меня за каким-то непотребным занятием, для которого мне ещё и понадобилось раздеться. Но папа, услышав мой отказ, не отступит от меня, а лишь переменит тактику—заговорит со мной как со взрослым (немного демонстративно, не без гордости за то, что я могу поддержать такой разговор). «Понимаешь,—скажет он,—раз ты пишешь песни, ты уже не совсем простой человек. Ты художник, артист. А артисту, хочет он того или нет, нужна обратная связь. Нельзя писать в стол. Это неуважение к Господу Богу, который всем этим тебя наградил». (Тут он покажет умным указательным пальцем на потолок.) Я отвечу папе, что на данный момент мне совершенно не нравится то, что я пишу; вот напишу что-нибудь, на мой взгляд, стоящее—тогда сыграю с удовольствием. На это папа скажет, что об этом уже не мне судить, что творение имеет свойство отделяться от своего творца и жить собственной жизнью. Все эти разговоры до крайности раздуют интерес аудитории к моим песням, все наперебой начнут вторить папиным уговорам, и, чтобы не показаться похожим на ломающуюся девчонку, я, наконец, соглашусь в очередной раз испытать позор исполнения собственных песен.

Неизбежность описанного сценария почему-то вызвала во мне в тот раз особенную досаду. Я решил, что уж лучше уподоблюсь этой самой девчонке, чем снова попадусь на папины уловки. Я спел «Луч солнца золотого», «Когда твоя девушка больна» и пару песен «Битлз», а затем убедительным шахматным жестом отставил гитару, встал и ушёл на кухню якобы попить, а на самом деле—подождать, пока взрослые обо мне забудут. Я не догадывался, что моя отлучка будет папе только на руку. Пока я отсутствовал, он умудрился полушёпотом, при помощи предельно сжатых формулировок, заинтриговать компанию моим

творчеством, и когда я вернулся к столу — все стали дружно меня упрашивать:
— Спой папину любимую.

Сам папа, довольный, что сразу переложил уговоры на плечи других, старался сохранять самый невозмутимый вид. Я смерил его взглядом, в котором, наверное, извивалось нечто недалёкое от лютой ненависти. Папа только и мог, что тихо и немного укоризненно сказать:
— Будет у тебя собственный сын — может, ты меня поймёшь.

Я сам не заметил, как снова оказался сидящим на стуле с гитарой в руках. Я обречённо провёл по открытым струнам — и при этом одиноком пустом аккорде словно лишился костей от жалости к себе самому. Я ссутулился, обмяк, глаза мои затуманились слезами.

Тут и появился Сеня. Точнее, появился он на дне рождения уже давно, но тут он впервые появился для меня. Насколько я помню, до этого он непрерывно ухаживал за гостями и хозяевами, стараясь предупредить все их желания: накладывал салаты, наполнял бокалы и рюмки. Он очень внимательно слушал, как я играю и пою, а в перерывах между песнями давал краткие, но при этом настолько высокие оценки моему таланту, что папа вынужден был его немного сдерживать.
— Гений, — констатировал Сеня.
— Ну уж гений… — корректировал папа. — Упаси меня Господь быть отцом гения.
— Просто нет слов, — говорил Сеня с ударением на «просто», когда я заканчивал очередную песню. — Виртуоз.
— Ну, не виртуоз, конечно, — снова поправлял отец, — но… для его возраста это весьма крепкий уровень.

Сеня заметно выделялся среди людей, бывших на празднике. Выделялся уже хотя бы возрастом. Всех нас можно было условно поделить на две возрастные группы: взрослые (кому за сорок) и дети, к которым относились я и две дочки именинника. Сене же было от двадцати до двадцати пяти (я тогда плохо определял возраст), то есть он был среди нас единственным так называемым «молодым человеком». Но ему не было с нами скучно. Когда старшие начинали говорить о чём-то совсем взрослом, что было невозможно понять ребёнку, Сеня всё понимал и полноценно участвовал в беседе. В то же время он не стеснялся сознаться, что чего-то не знает, и взрослым людям это нравилось. Высказывая умные мысли, мой папа глядел прежде всего на Сеню, и тот сосредоточенно кивал, слушая отца с неподдельным вниманием и уважением, но при этом не забывая ловить за пальцы приятелевых дочек, которые всё время пытались исподтишка пощекотать его и заглушали своим смехом папину речь.

Мне запомнилось, что у Сени были недлинные тёмные волосы, которые довольно аккуратно лежали сами собой, без помощи расчёски. Он был широкоплеч, ростом выше среднего. Лицо его было по-настоящему красиво и при этом было очень простым. На этом лице не отпечаталось сознание собственной красоты, которое делает красоту подчёркнутой, требующей любования и комплимента. Поэтому я сомневаюсь, чтобы Сеня хоть раз за свою короткую жизнь услышал от кого-нибудь: «Красивый ты всё-таки парень, Сеня».

Ещё я запомнил, что на нём были чёрные наглаженные брюки и чёрная же шёлковая рубашка. Она выбивалась на боках из-под ремня небольшими облачками, и от этого его фигура казалась ещё стройнее. Верхняя пуговица рубашки была расстёгнута. Эта деталь всегда казалась мне признаком поэта (когда я замечал её, у меня в голове коротко звучало слово «Сергей» — возможно, из-за аналогии с портретом Есенина в моей любимой книжке); при этом было совершенно очевидно, что стихов Сеня не пишет. Даже не могу сказать, почему это было так очевидно.

Я продолжаю вспоминать: Сеня сразу понравился мне, но понравился не так, как обычно нравились люди. Обычно меня привлекали чудаки, оригиналы, люди едко ироничные. Я сразу начинал им немного завидовать и мечтал быть на них похожим: мне хотелось иметь такие же наручные часы, ремни, записные книжки, как у этих людей. Сеня не казался мне чудаком и оригиналом, я не хотел быть на него похожим, и ремень на его брюках не производил на меня никакого впечатления, и всё же этот человек понравился мне. Не так, чтобы потом думать о нём; просто — понравился.

Да: если бы я всё-таки взялся расспрашивать о Сене людей, знавших его лучше, чем я, то прежде всех моих философских вопросов я должен был бы задать такой: кем Сеня приходился имениннику? Я ведь не знаю о нём даже этого…

Итак, в моих глазах задрожали слёзы. Взрослые принялись меня успокаивать. Папа сидел растерянный. Мама глядела на него, как бы говоря: «Убила бы…»
— Ну-ка, послушай, как я умею играть, — сказал вдруг Сеня и взял у меня гитару.

Он зажал указательным пальцем самую тонкую струну на первом ладу (палец — крупный, широкий — закрыл собою почти весь лад), затем дёрнул эту струну и быстро повёл палец вверх по грифу. Звук побежал ввысь. Доведя его до самой последней высоты, Сеня звучно щёлкнул по деке — и звук оборвался.
— «Смерть клопа», — сообщил он название композиции.

Все засмеялись, и я тоже.
— Я ещё одну знаю. «Прощай, пароход».

Теперь, ничего не зажимая на грифе, Сеня просто дёрнул самую низкую басовую струну и с каменным лицом помахал в неизвестную даль рукой.

— Вот и всё,—сказал Сеня и передал мне гитару.— А больше я ничего играть не умею.

Мой отец смеялся с особенным увлечением, словно стремясь поскорее заполнить этим смехом атмосферу неудобства, возникшую из-за моих слёз. Неожиданно мне стало жалко отца, и я предложил публике послушать мои песни.

Первая же из них произвела звенящий фурор.

— Я же говорю: гений,—сказал Сеня, ударив ладонями по коленям.

Я спел ещё и ещё. Радовались и взрослые, и дочки именинника, одна из которых, моя ровесница, в какой-то момент стала смотреть на меня даже задумчиво. Но больше всех радовался Сеня.

Я уже жалел, что своих песен у меня так мало,— так приятно было их играть. Я даже отважился под конец исполнить одну недописанную песню и вынужден был на ходу придумывать к ней дурацкие слова.

Если мне не изменяет память, Сеня, как только я отложил гитару, стал совершенно серьёзно убеждать моих родителей в том, что эти песни «должны услышать миллионы». Отец, как ни странно, не стал на этот раз обрамлять его похвалы скептическими комментариями. Так же серьёзно он заговорил с Сеней о том, что помещать ребёнка в мир шоу-бизнеса, полный коварства и грязи, было бы со стороны родителей поступком негуманным.

— Вот вырастет—пускай сам сделает выбор.

Последний эпизод с участием Сени, который остался в моей памяти, был такой.

На лестничной клетке—я и Сеня, больше никого. По-моему, это он сам позвал меня в подъезд. По-моему, он с сигаретой. (Думаю, впрочем, что он был из тех курильщиков, которым ничего не стоит отказаться от сигарет.) Он сидит на корточках прямо передо мной, смотрит мне в глаза и просит рассказать, как я увлёкся гитарой. Я рассказываю, что услышал «Битлз» и стал подбирать аккорды с кассет. Сеня спрашивает, какую музыку я ещё люблю. Кажется, я слишком долго думаю, что ответить, больше размышляя, зачем он всё это спрашивает, и Сеня пробует мне помочь:

— Я так понял, ты вообще любишь рок-н-ролл?

Я киваю:

— В принципе, да.

— Ты потрясающе играешь,—говорит Сеня.— И поёшь просто суперски. У меня друзья тоже играют. Ну как играют—что-то там тренькают, выучили пару мелодий и перед девчонками выпендриваются.

Последние слова Сеня говорит с тёплой задумчивой улыбкой. Кажется, он немного пьян; он вспомнил своих смешных друзей и подумал о том, как хорошо, что они есть.

— Я им теперь скажу,—продолжает Сеня, улыбаясь.—«Есть у меня один знакомый парень, которому двенадцать лет, он вам так сыграет, что вам после этого стыдно будет гитару в руки брать». Дай пять,—заканчивает Сеня, жмёт мою руку, и мы идём в дом.

Как мы уходили из гостей, что́ сказал Сеня мне на прощанье—я уже не помню. Тот день, хоть и радостный, был всего лишь одним из многих, он не казался настолько важным, чтобы запоминать его во всех подробностях.

Кажется, в автобусе родители немного поговорили о Сене. Оба отметили, что редко сейчас встретишь человека его возраста с таким ясным и открытым взглядом, с незагаженной речью и здоровым уважением к старшим.

— Нашлась бы ещё девушка, которая всё это оценит,—сказала мама не без доли грустного сомнения в том, что такая девушка найдётся.

После этого Сеня напомнил мне о себе всего два раза.

Сначала тот самый приятель, который справлял день рождения, зашёл к нам в гости и передал мне от него подарок. Это были две кассеты, помещённые в один необычно вытянутый подкассетник. «Rock-n-roll 50-60s». Я в тот же день прослушал эти кассеты. Музыка мне не очень понравилась: какие-то малоизвестные имена, однообразные рок-н-ролльные ходы, навязчивый танцевальный задор, мало гитары, много клавиш и духовых. Эти песни не выдерживали никакого сравнения с «Битлз». Но из уважения к внимательному Сене я прослушал кассеты ещё пару раз.

А несколько месяцев спустя я узнал, что Сеня погиб. Если не ошибаюсь, он перегонял для друга иномарку из какой-то западноевропейской страны; то ли не справился с управлением, то ли уснул за рулём.

Я не сильно переживал из-за его смерти. Естественный эгоизм благополучного юноши стоял в те дни прочной стеной между моим сердцем и чужими трагедиями. Сенина смерть показалась мне событием довольно обыкновенным, я бы даже сказал—нормальным. Будто не разорвались в момент катастрофы его внутренние органы, не сокрушились кости—а просто Сеня сделал шаг отсюда туда. Казалось, так же легко он может сделать шаг обратно.

И я забыл о нём надолго, а вспомнил лишь несколько месяцев назад, то есть не менее семнадцати лет спустя после его смерти.

Я сидел на скамейке у городской площади, наполненной людьми по случаю выходного дня. Все эти люди чем-то занимались (ели, смеялись, ударяли пластмассовым молотом по «наковальне» с электронным датчиком, показывающим силу удара) или куда-то шли, а я неподвижно наблюдал за ними.

Самозабвение, с которым большинство представителей человечества отдаётся потоку жизни, давно занимает мои мысли. Сам я утратил это самозабвение, как невинность, лет, наверное, в семнадцать. Я начал смотреть на мир и на себя самого сверху, со стороны, из засады. Долгое время это казалось мне несомненным достоинством, привилегией творческого человека. Однако постепенно данная «привилегия», кажется, выродилась в совершенное неуважение к жизни. Я перестал верить в важность поступка и необходимость труда, я перестал воспринимать красоту как простое чудо, разлитое в жизни; красота сделалась для меня предметом мучительного завоевания. Едва заплакав о чём-то, я начинаю думать о том, как я при этом выгляжу, и слёзы мои мгновенно высыхают. Я не могу забыть себя, даже когда этого требует элементарная порядочность.

Самое странное — и где-то страшное, что я уже ни на что никогда не променяю свою засаду. По сути, эта засада — единственное, что у меня на сегодня есть. По сути, засада — это я сам. Выйти из неё означает для меня лишь одно — стать одним из них.

Я взглянул на кишащую массу горожан и сказал себе: «Нет. На это я не соглашусь никогда».

Мне стало страшно от того, насколько глубоко я стал презирать людей. Мне захотелось, чтобы нашёлся кто-нибудь, кто сможет, наконец, примирить меня с ними, и тут из темноты моей памяти неожиданно и как будто беспричинно вышел Сеня. Он появился в своей блестящей рубашке с расстёгнутой верхней пуговицей — поэт без стихов, гений без намёка на талант.

Я так ясно осознал, что этот человек жил на земле — брал из моих рук гитару, говорил со мной, глядя на меня своими внимательными глазами, заходил в музыкальный магазин, чтобы купить для меня кассеты, — что несколько секунд я пребывал в полной уверенности: с меня в жизни хватит и того счастья, что я его знал.

Вряд ли эта уверенность будет понятна кому-то ещё; я и сам вижу, что мой скромный рассказ о Сене не даёт для неё веских оснований, да и пребывал я в ней, как уже было сказано, всего несколько секунд. Но с этой уверенностью мне было так хорошо, словно вдруг исчезла необходимость за что-либо бороться, словно теперь я мог просто жить.

Евгений Минин

Вы сцены такой никогда не видали!

Ганнибальное

ах в дерзкой юности мечтала я бывало
что я губастенький потомок ганнибала
и гены гения в кудрявой дээнка
Наталья Лясковская

мечталось что с прапрапрабабкой где-то в прошлом
в то время не считалось это пошлым
потомок ганнибала согрешил
что из гнезда я пушкинского птенчик,
пускай во мне не ген его а генчик
лирической строкою зачудил
однажды он ко мне явился с музой
в подштанниках и курточке кургузой
и произнёс печально: — натали
я вас любил — настал миг расставанья
вы пишете без знаков препинанья
и лучшего придумать не смогли

Левострадальное

Выходит, свернул я налево напрасно,
и поздно теперь нажимать на педали.
Сергей Слепухин

Клянусь, что напрасно свернул я налево,
когда подмигнула мне страстно шалава.
Жена меня встретила, полная гнева,
сполна схлопотал уж я слева направо.
Вы сцены такой никогда не видали:
Разбито стекло, и оборвана штора, —
и поздно теперь нажимать на педали,
я жму лишь на клавиши у монитора.

Иван Виноградов

Сорок армий

Век пластика

Рождённые в гремящий век железный,
Мы думали: что может быть страшней,
Чем на руках следы звенящих лезвий,
Чем на лугах следы стальных коней?

Но пластиковый век пришёл незримо:
Без стука—в дверь, непрошеный—за стол;
Ненастоящий—и неодолимый,
Невыносимо тяжкий—и пустой.

Воды дистиллированной начислил
В бессмертный одноразовый стакан—
И зацвели болотистые мысли,
Как реки, что не целят в океан.

Казалось, будет мягче и удобней,
Уйдут в утиль ножи и топоры…
Но сколько скрыто настоящей злобы
В искусственных улыбках до поры!

Казалось, что в комфорте верить легче
И в сытости о вечном рассуждать…
Но пустоту в душе комфорт не лечит,
Но вере сытость хуже, чем нужда.

И слышу, пластик шепчет мне всё чаще:
«Прими как есть, забудь про всё, усни…»
И я, уже почти ненастоящий,
Всё реже спорю с ним

Сорок армий

Сорок армий пришли в мой дом
И поили меня огнём,
С автоматов кормили меня,
Обезумевшего от огня.
Близким тоже не век горевать—
В ряд в кровавую ляжем кровать,
И на мёртвых наших глазах
Город наш превратится в прах.

Но я встану, и я пойду,
Сорок стран на Земле найду,
И, невидим и вооружён,
Злой, безумный исполню закон,
Чтобы в ваших живых глазах
Отразились и боль, и страх,
Чтобы небо вам застил дым…
Не за мёртвых—назло живым.

Тетрино

Терский берег знаменит табунами. По одной версии—это выжившие предки лошадей тарпаны, по другой—одичавшее совхозное стадо.
Из путеводителя

На Беломорье раздольно и ветрено,
Дышится духом поморским исконным.
Возле селенья старинного Тетрино
Топчут прибой густогривые кони.

То ли тарпанов пропавших приятели,
То ли колхоза пропавшего стадо…
Не боязливы, скорее—внимательны,
Даже, наверно, по-своему рады,

Что ради шкуры и мяса не проданы,
Скудно, но кормит покуда природа;
Жалко, навек ускакали от родины,
Жалко, навек оторвались от рода.

Даль преломляется в окнах потресканных
Изб, позабывших своих домочадцев:
Так бездорожьем от мира отрезаны—
Легче в иной мир отсюда домчаться.

Жалко селенья у самой окраины:
Избы вот-вот соберутся гурьбою
С ветра порывом, вздохнут, неприкаянны,
И за конями уйдут по прибою.

● ● ●

Как добротна мебель из дерева
И тепла добротою леса!
Словно лес открывает двери вам,
Что поют под тяжестью веса.

Только мир сплошь вокруг пластмассовый,
Словно душный бездушный ящик,—
С одноликой культурой массовой,
Легковесной, ненастоящей.

Но сбегу я, поздно ли, рано ли,
Сбив пластмассовые колодки.
Слава Богу, гробы деревянные,
Как когда-то дома и лодки.

Старик

На здоровье не сетовал—молча недужил:
Он зарёкся давно о плохом разговаривать.
С овощей нестандартных готовил на ужин
В старой мятой кастрюльке какое-то варево.

А ему разносолов не очень и надо:
Чем богат—тому рад. Да и что в этом странного,
Если только родился—и сразу блокада,
Если спасся на супе из клея столярного?

Жил в хрущёвских хоромах—аж тридцать квадратов!—
Так хвалил он жильё, что ругают полгорода.
Заселялся с женой, её мамой и братом;
Жаль, остался один—стало пусто и… дорого.

Но в квартире грустить даже в чём-то неловко—
Как до этого жили, едва ли забудется:
Столько лет по землянкам, баракам, бытовкам,
Где внутри теснота, а удобства на улице.

От судьбы и от власти не требовал много:
Ни в собесы, ни в церковь ходить не приученный,
Он о Боге не знал, но предчувствовал Бога—
Бог был верой в людей и надеждой на лучшее.

Было трудно—смеялся: не такое, поверьте,
Повидал на веку—что, мол, старому станется?..
Для того, кто с рожденья на волос от смерти,
Жизнь—не чёрное поле, а светлое таинство.

● ● ●

Ты сегодня смеялась во сне.
Я в ответ улыбался полночи:
Так светло в темноте было мне,
Словно смех этот счастье пророчил.

Пусть полгода снегá за окном,
До весны не хватает лишь малости:
Чтоб не только во сне, но и днём
Беззаботно, как в детстве, смеялась ты.

● ● ●

Немеют затёкшие руки—
Не руки почти, а поленья,—
Но жалко покой рушить хрупкий:
Дочка спит на коленях.

Дыханию детскому внемлю
Как чуду. И верится втайне:
Так небо заботливо Землю
Держит в ладони бескрайней.

● ● ●

Поверьям вняв, как гибели бегут
Спины горбатой и кривого глаза—
Суров и скор дремучий мудрый суд:
Души изъян с изъяном тела связан.
Бог шельму метит—примечай черты,
Верь верным, сто веков знакомым знакам…
Я ж глянцевой пугаюсь красоты,
Где дух иссох под чёрствым мёртвым лаком,
Где, словно в манекене, пустота,
И даже эха нет—темно и глухо.
Боюсь пустот… А чёрного кота
Люблю чесать за чёрным чутким ухом.

● ● ●

Долго ли, какой заветной тропкою
Счастье шло—и вдруг ко мне идёт.
Я ж стою, глазами глупо хлопаю
И, глядишь, прохлопаю вот-вот.

Лучше б бéды принесло с заботами—
Как родных с порога обниму:
Против них приёмы отработаны,
Что со счастьем делать—не пойму.

Но, моё увидев замешательство,
Счастье шасть ко мне на зависть всем.
—Заживём,—мурлычет,—замечательно!
—Долго ли?
—Пока не надоем.

● ● ●

Осень, манят спозаранку
Жёлтые твои пути—
Век бродил бы, как цыганка:
Ручку мне позолоти!

Ветер выдует из дома
Вслед за тучей кочевой.
Пышет осень, словно домна,
Жёлтым жаром и тоской.

Дождь просеянный искрится,
Желтотравье серебря.
Осень, от тебя не скрыться!
Где уж скрыться от себя?

Скоро листья долистает
Постаревший за год год.
Осень, мне бы с птичьей стаей!
Только кто же меня возьмёт?

Влада Баронец

Так преломился свет

• • •

С ночи до ночи сыплет и сыплет снег.
Стылый проспект становится глух и слеп.
Равен потере памяти снегопад.
Люди в квартирах будто впервые спят.

Как ни мечтай, но белым не стать листом.
Мне на роду написано быть потом.
Древние срубы, тонущие в огне,—
Старая злоба давит на спину мне.

Все виноваты. Кажется верхом лжи,
Что в двадцать первом праведно можно жить.
Столько столетий бьются в моей груди
Зверь с человеком: кто из них победит?

Снег приглушает время. Горят огни.
Холодно. Колокол над головой звонит.
И в этом звоне площадь ясней видна,
Так же как птица, если летит она.

• • •

Если и писать, то лишь о большом,
О животрепещущем, о больном.
Чтобы всё, что тайное,—нагишом,
Чтобы стих, как совесть,—с прямой спиной.

Если и писать, то пройти насквозь
Всё: строку, мгновение и пейзаж,
Только мысль цепляется, как за гвоздь,
За кривую вывеску «Трикотаж».

Сапогами Невский съедает снег,
Разноцветно щурится магазин.
И в попытке тщетной оставить след
Огоньки подпрыгивают в грязи.

Если и писать… Что ж ты, голова?
Мысль, уйдя с задуманного пути,
За бумажкой, сорванной со столба,
Легче тени облачной полетит.

• • •

Проступает комната за окном,
Как комар, впечатавшийся в смолу.
Лишь лицо маячит своим пятном,
Расплываясь выдохом по стеклу.

Вещь врастает в вещь. Со стены картин
Не убрать. Сливается стул с углом.
Это натюрморт. Человек один
Неуместен здесь со своим теплом.

Дом обычно холоден, нелюдим.
Сушит хлеб на блюдце, хранит золу.
Человек приходит домой один,
Тишину спугнув и встревожив мглу.

Человек скорее хватает пульт.
Ухо к трубке прикладывает. Врачи
Так у стылых тел проверяют пульс
И, послушав пульс, говорят: стучит.

Заслонён подушкой сквозняк в груди.
Рядом дышит кто-то как будто твой.
Циферблат моргнул, показал: один.
Ночь сошлась без всплеска над головой.

• • •

Шёл город по своим делам.
Ползла к обеду тень.
И скрипка тоненько плыла
В сиреневом кусте.

А в двадцать первом меж людьми
Такая теснота.
Ты в телефоне носишь мир—
И всё же сирота.

Не победить мне эту боль,
Не поделить с тобой.
Но музыкант возьмёт бемоль,
А зазвучит—любовь.

Так были взяты фа-ми-ре,
Так преломился свет,
Что взмыли скрипка и сирень,
Переросли проспект.

Забыл он, что за времена,
Куда бежать скорей.
Всё слушал, как цветёт струна
И как звенит сирень.

• • •

Совсем как записной постмодернист,
Проспект с утра заваривает кашу.
Взирает Гоголь с пьедестала вниз.
Повсюду гомон, шарканье и кашель.

Узбеки на лесах вдесятером
Фасад штурмуют. А императрица,
Съев чебурек напополам с Петром,
Выпрашивает фото у туриста.

А у меня в затерянном дворе,
В тишайшей, самой дальней из галактик,
Полощет горло голубь на заре.
Полою пёстрой хлопает халатик.

И, переменам вход загородив,
Стоит на страже ржавая калитка.
Прилипший к ней предвыборный призыв
Дождями смыт, как времени улика.

Который век, которая война.
Который на престоле император.
Моё наследство—давняя вина
За каждого, страдавшего когда-то.

Но во дворе всегда лишь сизый свет
Да голубей бессловная молитва.
И миллионы, миллиарды лет
Отсюда до проспекта за калиткой.

• • •

Тесня пространство локтем и плечом,
Одушевлённо улица течёт
Вперёд, из-за угла, навстречу, мимо.
Как волнами высокими, людьми
На мостовые плещет и шумит,
Неумолима, неостановима.

Я тоже меж других под этот шум
Из года в новый год перехожу
Зелёным светофорным человечком.
И невесомо, на манер идей,
Все переходят из людей в людей
По тротуарной вечности невечной.

Бредёт старик—клюка и седина.
И будто не его—моя спина
Слабеет, и мои трясутся ноги.
За мной бежит ребёнок, семеня.
Он тоже я. Он узнаёт меня
И мяч, смеясь, перед собою гонит.

И каждого родившегося боль
Я чувствую. И каждый смертный бой
Во мне звучит чужим сердцебиеньем.
Одним дыханьем движется проспект.
В толпе мелькает маленькая смерть,
И ей одной не справиться с теченьем.

Евгений Минин

Рифму не найти

Трын-травное

Знаю я, где косят
зайцы трын-траву.
Ты приедешь в восемь
посмотреть луну.
Герман Власов

Не хочу вопросов,
за собой зову:
я узнал, где косят
зайцы трын-траву.
А на травке росы,
и дурманит мозг
так, что рифму после
не найдёшь никак.

Запашковое

Хочу рассвет нежней,
Закат—закатней,
И чтоб коровой пахло молоко…
Алла Поспелова

Порою наступает миг заветный,
И хочется, чтоб было всё кругом:
Закат—закатней, а рассвет—рассветней,
И чтоб корова пахла молоком.
Чтоб пахли дружбой и любовью склоки,
Чтоб терпкою сиренью пахла грусть.
И чтоб мои обыденные строки
Ахматовой бы пахли хоть чуть-чуть.

Алёна Шомысова

Солонка с сюрпризом

Кирка

Я — Кира. Нет, не Найтли. Просто Кира. Маме нравится это имя. Мне тоже. Только вот вариантов мало с этим именем. Ну, ласкательных. Иногда бабушка называет меня Кирка. Звучит как-то не очень. Сразу же представляется инструмент. Да, да, именно тот, которым продалбливают камни! Но я же хорошая. Зачем меня Киркой называть? Хотя да, я пробивная.

А ещё моё имя не сокращается. Короче уже не придумаешь. «Ки» — не звучит. Абсолютно. «Ки» на языке народа коми — «рука». Ну куда это годится? Как меня будут звать? «Эй, Рука, иди домой!» Или: «Поиграй с нами в салки, Рука!»

А если взять «Ра»? Папа говорит, Ра — это древнеегипетский бог солнца. То есть я — богиня? Это уже ничего — годится. Попрошу подружек, чтобы называли меня Ра. В солнечные дни, естественно.

Но всё-таки есть имена покруче. Скажем, Доминика. Или Богдан. Это мои двоюродные брат и сестра. Они иногда приходят в гости ко мне, когда я у бабушки с дедушкой. Доминику все зовут Ника. А Богдана — Бодя. Им повезло. Не надо самим голову ломать.

Их мама говорит, что Доминика означает «принадлежащая Богу», а Богдан — «Богом данный». Куда мы попали?

Нестыковочка

Бабушка с дедушкой живут в соседнем селе. У них очень старый дом. Наверное, такой же старый, как и они. Хотя они вроде ещё не такие дряхлые. Ходят как взрослые люди. В смысле, ещё прямо. Без палочки. И до сих пор ходят на работу. А сами уже пенсионеры. Нестыковочка. Мне всегда казалось, что пенсионеры сидят дома, возле окошка, и никуда не ходят. Сидят вот так целый день и ждут своей пенсии, чтобы, не дай Бог, не проворонить.

Когда я стану пенсионеркой, у меня будет много денег. Я надену разные украшения и буду ходить в гости к постаревшим подружкам. Я даже во дворе оставлю украшения. Скажем, повешу на дереве колечки и серёжки. Пусть вороны тоже помодничают. Им, бедным, не видать пенсии как своих ушей.

Память

Бабушка очень мало рассказывает о своём детстве. Почти ничего. Ну, цыгане каждое лето приезжали в их село — весь берег реки занимали. Все такие смуглые, длинноволосые, в цветастой одежде. Бабушке ой как страшно было идти к ним в табор. Всех детей тогда пугали: будешь непослушным — цыгане посадят на свою таратайку и увезут навсегда. Вот шла бабушка по табору, а сердечко стучало, как у загнанной лошадки: тук-тук-тук-тук-тук. Ей всё время казалось, что вот-вот её схватят и спрячут в груде одежды. И больше она не найдёт дорогу домой. Поэтому бабушка ни на шаг не отставала от старшего брата, а для пущей верности хваталась за полу его пиджака. Но она была без ума от цыган. Как они всё-таки красиво пели, как танцевали!

Неужели я тоже забуду обо всём, что со мной происходит? Вот это лето, например? Точно забуду. У меня же голова дырявая. А вот хорошая память… у планшета. На нём и запишу всё моё лето. Если только какой-нибудь цыган не украдёт. Планшет, имею в виду.

Почтальонша

В нашем доме живёт почтальонша. Она работает на износ. Целый день разносит одни и те же посылки. Причём не кладёт их на виду, а прячет: то в шкафу, то на печке, то под кроватью. Посылки, видимо, очень ценные: нам не разрешается к ним подходить даже на миллиметр. И для подстраховки почтальонша снова и снова перепрятывает посылки, чтобы мы их точно не нашли.

Но наконец она от усталости падает прямо на рабочем месте и засыпает мертвецким сном. Тогда мы достаём посылки и любуемся ими. Они лёгкие, как пушинки. И мохнатые, как шубы. Мы их гладим, а они почему-то пищат. Почтальонша мигом прибегает на своих мохнатых лапах. И посылки опять уплывают из наших рук.

Недогадливая мама

Трясогузка свила гнездо прямо под крышей нашего дома. Птенцы всё время голодные и просят кушать. Вот так вытягивают шейки, как дудочки, и жалобно пищат. Мама снова летит к ним с пищей. Из клюва торчит червячок. Я порхаю рядышком,

прямо напротив гнезда, и наблюдаю. Трясогузка этому дала порцию. И этому дала. И этому. А этому почему-то не дала. Видимо, он дров не носил. Хотя откуда птенцу дрова? У него же сил нисколечки нету. Пойти, что ли, каши принести? А то мама совсем недогадливая какая-то.

Это голос!

Я ужасно, ужасно боюсь пауков. Когда я вижу паука, становлюсь ватной, как лоскуток облака. Очень сильно жмурюсь. И начинаю визжать, точно дедушкина бензопила.

Мне кажется, мой голос в эти минуты пропиливает всё на своём пути: и стены, и пол, и потолок, и деревья в саду. Всё, кроме самого паука. Паук спокойно подходит ко мне и взбирается на мою ногу. Прохаживается по ней взад и вперёд. Как хозяин.

Шершавые ножки семенят по моей коже. Мне щекотно, но совсем не смешно. Я считаю секунды, когда же паук вцепится в меня и начнёт пить мою кровушку. Но он медлит. Наверное, ждёт, когда я сама умру от страха. И тогда возьмётся за свою работу.

Но в конце концов меня всегда спасают. Даже прохожие. Ну кто устоит против такого визга? Это голос!

Подружки

У меня есть подружки — Лиза и Ксюша. Сёстры. Живут в соседнем доме. Они младше меня и во всём слушаются. Всюду ходят за мной. Как кудрявые ягнята за мамой. Ну никуда от них не скрыться! Я к бабушке — они за мной. Я на улицу — они тут как тут. Я на земляничную полянку — они следом. Никакой личной жизни!

Приходится с подружками играть в куклы. Я-то уже большая, могу и не играть. Но без меня им не справиться. Показываю, как надо пеленать лялю, поить и укладывать баиньки. Ох уж и устаю я за целый день. А ещё присматриваю за лялями, когда подружки уходят на тихий час к себе домой. Хитренькие, с собой не берут. Как будто мне очень хочется столько ляль нянчить.

Сегодня подружки целый день не приходили. Пошли в гости к тётушке. Хоть бы ляль своих мне занесли. А то с одной лялей скучновато…

Модный показ

Ника та ещё модница! Насмотрится передач с модными показами, а затем меня учит: тебе больше подойдёт то-то и то-то. А в этом как пугало, скидывай с себя быстрей, пока мальчики не увидели. Мне надоело слушать её советы, и я обиделась. До немоты. Ника это просекла. И тоже на меня обиделась. Но скоро нам надоело играть в немых. И Ника предложила новую игру. Давай, говорит, смастерим своих моделей и сами придумаем им прикид. Я спросила, из чего. Ника сказала: из того, что найдём в траве.

В траве мы нашли только траву. Несколько цветов. И листья. Модели у нас получились стройные — из манжетки. Я одела свою красавицу в болеро из щавеля, в юбку из листьев подорожника, в шляпу из цветочка герани. Ника напялила на голову своей модели колокольчик и придумала ей вечернее платье из листьев одуванчика.

Открыла показ Ника. Её модель прошлась несколько раз по подиуму из доски. Затем продефилировала моя модель. Ника скривила рот и в конце показа объявила свой приговор: немодно. Ах так?! Тогда у твоей модели тоже никчёмная одежда! Листочки и цветочки разлетелись по траве, точно отбракованные дизайнером вещи. Модный показ с самого начала не задался. В следующий раз лучше бабушку подключить. Уж её-то я одену!

Штаб

Богдану всё время скучно. То он не хочет с нами в дочки-матери играть, то не хочет наших кукол носить на прогулку. Подойдёт к своей маме и взвывает, как волчонок: «Мне ску-у-у-у-учно». А чем ему мама может помочь? Она же не мальчик, не станет с ним бегать и лазить везде.

Вот сегодня Богдан опять затосковал. Выл, выл, выл, выл, а потом подбежал к нам и говорит: у меня есть идея. Мы с Никой заинтересовались. А он: давайте сделаем штаб.

Штаб у нас получился что надо. И место удачное — на пригорке, а вокруг рвы. Ни один враг не подберётся. Врагов пока немного — соседские девчонки. И ничего, что они вчера были моими подружками. Время всё расставляет по своим местам.

В штабе сидеть надоело быстро. И мы стали выслеживать своих врагов. Как только они выходили из своего укрытия, мы нападали на них. А те удирали. Нам ещё ни разу не удалось их поймать. А то бы взяли в плен. И… обратно бы отпустили. Нам в штабе и самим тесно. Пленных ещё держать, поить, кормить…

К вечеру мы уже забыли о своих врагах и стали спокойненько кататься с пригорка. Кубарем. Скоро наша одежда позеленела от травы. Мы с Никой смеёмся друг над другом, выуживая из волос травинки. А Богдан смотрит, смотрит на нас и опять за своё: «Ску-у-у-у-учно!»

Летнее кафе

Мы попросили у бабушки летнее кафе. Она загадочно сверкнула глазами-очками и сказала: «Будет вам кафе!» Бабушка раздала нам инвентарь. Мне — метлу, Нике — грабли, Богдану — тележку. И повела нас в сад. Сад дёрнулся от испуга. И птицы с веточек разлетелись кто куда.

Мы убрали прошлогоднюю листву и кое-какой хлам. Поставили стол и скамейки. Повесили на

деревьях цветочки в кашпо. Затем помогли бабушке накрыть на стол. Она достала из серванта наши любимые чашечки с блюдечками. Они выходят в свет только по праздникам. Такие яркие, как цвета радуги. Моя—жёлтенькая, у Ники—красненькая, у Богдана—зелёненькая. А взрослым без разницы, из какого цвета пить.

Сидим в кафе, чай попиваем. С блинами. Птички поют в листве, обратно вернулись. Сад качается под их песенки. А мы молчим. Не из-за того, что наши рты набиты. Просто хочется помолчать. Слушать дыхание ветра и молчать. Это как бабочка наконец-то выходит из своего кокона и расправляет затёкшие крылья. Впереди—целая жизнь! А ты уже устала. Вот и мы так же. Как уставшие бабочки.

Голова не руки

Черёмуха понимает меня лучше всех. Ей я доверяю все свои тайны. Они зарыты под её корнями. В черёмуховой листве удобно прятаться. У меня есть любимый сук. Почти что скамейка. Я на нём сижу и думаю. Закрыв глаза.

Думаю о завтрашнем дне. Или о вчерашнем. Какая разница? Главное, думаю. Я же что—как белка в колесе. Всё куда-то бегу. А зачем всё это?

Надо найти мой пиджачок, в нём я кажусь серьёзнее. И надеть серьёзную шляпу. С широкими полями, мамину. Мама недавно купила мне новые фломастеры. Интересно, куда они делись? Точно, я же подарила их Богдану, он так любит рисовать. Я тоже люблю рисовать. Особенно кошек. Ой, я же забыла покормить Мусю! Ладно, не пропадёт. Травку пожуёт на крайний случай. Случайно я не встречу сегодня стрекозу? Когда она сидит и складывает вот так свои крылышки, она такая красивая. Я буду самая красивая, когда пойду в школу в новом платье и туфельках. «Кира, какая ты кирасивая!»—сказал бы мне настоящий попугай. Попугаи так забавно ругаются! Ругаться я тоже люблю, особенно с мальчиками! Они такие упёртые, как жуки-щелкуны. Но в этом году я их всех перещёлкаю—обещаю. Бабушка обещала сводить меня на пляж. Искупаюсь, выйду на берег—а с меня как с гуся вода. Вода вроде не умеет щекотать. А кто тогда меня сейчас щекочет? Похоже на кончики крыльев. Неужели свиристели прилетели? А, это всего лишь листочки. Ишь какие сорванцы! Работать мешают. Голова не руки.

Четыре сантиметра счастья

Говорят, счастье не измерить. А я не верю. Всем докажу, что это не так.

Целый день хожу с линейкой. Всё измерила. Любимые игрушки, телевизор, шанежки, коробку для творчества, книжки, одежду… Даже маму с папой. И бабушку с дедушкой. Только на фотографии. Вживую моя линейка не достанет.

Что же я забыла? Дом? Нет, конечно, это счастье. Но больше для мамы и папы. Сад? Тоже не то.

Конечно! Как же я могла забыть? Счастье-то— вот оно! Солнышко! Ровно четыре сантиметра! Оно меня щекочет по утрам своими лучиками, смеётся со мной, прыгает. Жаль, солнышко не мячик. Не поймать его.

Заячий гостинец

Дедушка ходил в лес. За грибами. Там он встретил зайца. Такого серого, пушистого. Почему не белого? Оказывается, он носит белую шубку только зимой. А летом надевает серую шубку. Почему не розовую? Какую Бог дал. Заяц как раз обедал. Чем? Манной кашей и хлебом. Дедушка рассказал зайцу обо мне. И заяц отправил мне гостинец. Хлеб с маслом. Что ж ты, дедушка, мне самого зайку не принёс?

Солонка с сюрпризом

Одним утром бабушка поставила передо мной деревянную солонку. Утицу. Внутри лежала записка. В записке была загадка: «Полный поставец белых куропаток». Отгадку я не знаю. Бабушка сказала: думай. Наверное, ей надоело отвечать на мои вопросы. И решила сама меня замучить.

Не на ту напала. Я найду отгадку. Не своей головой, так чужой. «Гугл» в помощь. Но «Гугл» поперхнулся от моего вопроса. Не такой он уж всезнайка. Пойду лучше к дедушке. Уж он-то знает всё про куропаток.

Дедушка рассказал, что куропатки водятся в лесу. А зимой прячутся под снегом. Но в снегу нет поставца. Поставец—шкаф для посуды. А откуда в поставце куропатки? Значит, поставец не поставец и куропатки не куропатки. Это так дедушка рассуждает. А я ушами хлопаю.

Получается, какие-то белые штучки в какой-то каморке. Каморка открывается—и ты их видишь. Это уже я рассуждаю. Дедушка улыбнулся. И тут меня осенило! Это же зубы! Правда, у дедушки они не такие уж белые…

Я побежала к бабушке. Сказала отгадку. А она в ответ только загадочно сверкнула глазами-очками.

На следующее утро бабушка снова протянула мне солонку. Ну уж нет! Лучше я сама буду искать ответы на свои вопросы. Бабушка, оставь себе загадку!

Синий кит

Сегодня я проснулась оттого, что на меня кто-то смотрит.

Я открыла глаза, а в окне—огромный глаз. И смотрит так нахально. Как будто усмехается. Вот я какой большой, а ты—букашка. И дом твой—букашкин. Ну прям как я, когда заглядываю в муравейник.

Я спрыгнула с кровати, чтобы лучше рассмотреть, кому принадлежит глаз. Но глаз уплыл.

Скорей всего, это был синий кит. Говорят, раз в столетие его заносит в наши края. Поплавать бы на его спине! Когда я приплыву обратно домой, мне будет уже сто шесть лет. Со старушкой никто не захочет играть. Тогда мне придётся сидеть у окошка. Лучше я дома останусь!

Принцесса

Наконец-то я попала на пляж. Он здесь особенный. Песчинки—милипизерные камушки. На излучине реки камни побольше. И есть ракушки! Самые красивые я обычно забираю с собой. И сегодня тоже поищу.

Вот и она! Такой особенной я никогда не видела. Как рожок пастуха из сказки. Ракушка тихонько пиликнула. Будто окликнула меня. И я решила заглянуть к ней в гости.

Знаете, а ничего особенного. Я прошла по длинному коридору с бриллиантовыми стенами. Вошла в большой зал, в середине—малюсенький трон, на троне—крохопупичная принцесса. Она очень обрадовалась мне. Стала верещать на каком-то непонятном языке. Как птичка. Потом показала свои комнаты. Скукота—никаких игрушек. Только всякие ожерелья, колечки и всё такое. Ника бы обомлела. А мне хоть бы что.

На прощание принцесса подарила мне свою корону. Она была такая маленькая, что я сразу же потеряла её. Принцессу я тоже пригласила в гости. Надеюсь, она не придёт. Ума не приложу, как принимать такую гостью.

Мамина помощница

У мамы сегодня день рождения. Я хочу устроить ей сюрприз. Сначала сделаю ей чудесный венок из цветочков, которые наконец-то появились на клумбе. Мама так долго ждала их, что наверняка обрадуется венку. Положу-ка его на подоконник. На солнце он кажется ещё красивее.

Теперь почистим грядку. Мама говорила, что осталось почистить только морковную. Я уже большая, справлюсь. Вот и готово. Грядка как новенькая! Ни одного сорняка не видно. Правда, морковки тоже не видно. Видимо, пока не вылезла.

Чем ещё заняться? Забор докрашу. Мама вчера устала, не успела закончить. Какую бы краску выбрать? Жёлтенькая будет в самый раз. Вот и готово. Ой, а забор-то синий! Ну ничего, синий с жёлтым тоже неплохо смотрится.

Какая же я всё-таки молодец! Мамина помощница! Ей со мной повезло. Вот и сама идёт. Сейчас обрадую!

Ветреная калитка

Наша калитка обычно молчит. Может, она о чём-то сильно думает. И ей не до нас. Даже не ругается, когда мы качаемся на ней. Или сильно хлопаем. И даже не пытается с нами заговорить.

Но бывает, поднимается очень сильный ветер. И калитка преображается. Она начинает танцевать какой-то странный танец. Как у дикарей. К тому же подпевает весёлую песенку. Мне кажется, калитка ветреная. И песенка её тоже. Но всё-таки нас и знать не хочет. Хоть у нас тоже ветер в голове.

Зонтик

Как-то иду домой. Вот он уже на горе—величиной с мизинец. А всё-таки ещё далеко. Если бы у меня были крылья, один миг—и дома. А ножками—топать и топать. К тому же в гору. Почему мы так далеко живём?

И тут я заприметила недалеко от дороги зонтик. Он был необычный, с куполом из белых цветочков. Я оторвала зонтик из травы. А он оторвал меня от земли и понёс прямо по воздуху! Сердце сразу же сбежало в пятки. Не думала, что будет так страшно. Но я быстро привыкла и даже пыталась махать одной рукой. Как однокрылая птица. Все дети запрокинули головы—я же не могу лететь молча. Смотрели на меня, разинув рты. А собаки, а собаки! Собаки захлебнулись от лая. Может быть, издалека я похожа на косточку?

Весь мир застыл от изумления. А я летела себе и думала: как удачно нашёлся этот зонтик. Теперь все захотят со мной дружить.

Тайна пера

Никто не хочет со мной дружить! Опять я со всеми разругалась. Вдрызг. Характер у меня такой. Не характер, а взрыв какой-то. А всё началось из-за тайны, которую Богдан рассказал Нике. Ника—мне. А я—подружкам. Ну какая это тайна, о которой знают все? И почему-то виноватой оказалась только я!

Вот будет у меня своя тайна—никому ничего не расскажу. Даже под пытками.

Ой, а чьё это ушко из травы торчит? Неужели зайка из лесу прискакал, с гостинцем? А, это не ушко… Длинное перо. Что с ним делать? Спрячу его в свой тайник. Это перо волшебное. Оно принадлежит невидимой птице, которая прилетает ко мне по ночам. И поёт мне свои песенки. И я вижу волшебные сны, где тоже летаю… Такой тайны ни у кого нет.

Я свою тайну никому не выдам. Разве что Нике на ушко шепну. Самую малость.

Папино сокровище

Я нарисовала маму и папу. Мама улыбается. А папа почему-то злой. Он целый день копошился над самолётиком. Каждую детальку прикреплял аккуратно, будто крылышко стрекозе. И вытирал пот со лба. Тяжёлое это дело.

Вечером бы мы запустили самолётик. И смотрели бы, как он кружится над нами. И папа бы радовался, как в детстве.

Но до вечера дело не дошло. А во всём виноват Котик. Он стащил у меня пушистика. Ну, брелок

такой. И давай по дому носиться. Я—за ним. Котик сделал несколько пируэтов по гостиной. И свернул в папину комнату. Я его почти уже поймала. Но Котик так хотел от меня удрать, что полетел прямо по воздуху. Перелетал шкафчик, диван, тумбочку. И тут у него закончилось горючее. И он плюхнулся с пушистиком прямо на папино сокровище.

Вы бы видели папино лицо! Оно побагровело, как подосиновик. И—глаза. Глаза чуть не расплакались, как в детстве.

Мне было очень жалко папу. Правда. Я бы ему другой самолётик подарила. Но я знаю: ему нужен был именно этот, беленький, со звездой.

Тайник

Тихонько наступает осень. Настало время вытаскивать тайник. Жестяная шкатулка из-под чая. Крышка открывается тяжело—тайник сопротивляется. Вот оно—моё лето. Причудливый листок с деревом внутри. Кедровая шишечка. Камешек в форме сердца. Волшебное перо. Высохшая бабочка. Малюсенький ключик. Приплюснутый колокольчик. Поблёкший василёк. Все они с грустью смотрят на меня. И я чуть не плачу. Так хочется вечного лета. Но такого не бывает.

Я оставляю их одних и бегу на полянку за домом. Я знаю: там ещё растёт одуванчик. Хватаю солнечный цветочек и бегу обратно, пока он не успел поседеть и разлететься по ветру. Кладу ярко-жёлтый комочек в свой тайник и зарываю обратно под корнями черёмухи. Пусть там будет постоянно светить солнышко—до следующего лета.

Последние глотки лета

У бабушки с дедушкой стало совсем скучно. Сад пригорюнился. И я с ним. Ника и Богдан уехали домой. Сказали, пора собираться в школу. Ну и что? Мне тоже скоро в школу. В первый класс.

Ника и Богдан приедут сюда только на Новый год. Это в лучшем случае. Я осталась совсем одна. Не с кем чай попить в летнем кафе. Бабушка не хочет. Дедушка не хочет. Ну а я хочу. Пусть уже сумерки.

Светит фонарь луны. На столе—жёлтые листья. И у меня—жёлтая чашка. Я медленно пью чай. Будто последние глотки лета.

И грущу.
Грущу.
Грущу.

Авторский перевод с коми

ДиН пародия

Евгений Минин

Не ложися на краю!

Агентурное

Одни продажные в Фейсбуке
агенты просятся в друзья.
Андрей Баранов

Есть неприятные моменты—
я честно говорю, не вру—
во френды просятся агенты
из ФСБ и ЦРУ.
Не зря такие заморочки,
я чувствую всё время тут:
а вдруг мои похитят строчки
и Цукербергу продадут?

Крутожизненное

Жизнь перевернётся на живот,
проморгавшись, глянет в пустоту…
Ирина Евса

Вот такою жизнь моя слывёт,
но об этом, граждане, молчок:
то перевернётся на живот,
то беспечно ляжет на бочок,
то прижмётся попою к стене,
то ложится прямо на краю,
а когда надоедает мне—
тут уж проморгаться ей даю…

Светлана Хромова

На нашем настоящем языке

● ● ●

Ещё раскрой судьбы не обведён,
Кусочек мела крошится в руке.
Разъятия ничем не одолимы.
Качнулась тень от ветки на щеке,
А тень от птицы пролетела мимо.

Что скроено, уже непоправимо.
Слова горчат, приходят холода,
Но это наше лишь наполовину.
На кухне долго капает вода
И падает в трубу, как в сердцевину

Зерна, ореха попадает дождь—
Жизнь неизбежно разнимает землю.
Как можно жить, не размыкая рук,
Так я свою судьбу приемлю.
Идёт иголка под сердечный стук.

● ● ●

Украли у Собянина герань.
Украли с клумбы нагло и прилюдно.
Ты говорил: мне прошлого не жаль!
Срывай её по слабости минутной!

И как она манила! Красный цвет,
Округлые соцветья и листочки!
О чём мне вспомнить на исходе лет,
Как не о том цветке—последней точке,

К которой мы пришли? И вот вдвоём,
Как будто вместе клеили обои,
Как будто заходили в водоём,
Как будто оставались на постое:

Пакетом заслонял от глаз лихих—
По кромке Новопушкинского сквера
Шёл полицейский, и мой голос стих,
Пока рвала я кустик неумело.

Но ты со мной, мой верный друг и страж,
Остался до последнего, не зная,
Куда везёт нас «Яндекс»-экипаж,
За реки и мосты перелетая.

● ● ●

Рубашка пахнет мёдом и вином,
И сходит свет с берёз на подоконник.
И мы по дому ходим босиком,
Где деревянный пол и рукомойник.
Стучит рябина пригоршней в стекло,
Плоды красны, как звёздочки из детства.
Меня в иное время занесло,
Где ты рубашку дал свою—согреться.
И, шлёпая по доскам ледяным,
Я поняла: всё может быть иначе.
Деревья, травы и осенний дым
На полутёмной и холодной даче.
Я продевала руки в рукава,
Сплетённые как будто из крапивы,
Как будто жизнь, что молодость, прошла,
А мы бессмертны и—наверно—живы.

● ● ●

Моя судьба не связана с твоей,
У нас не будет дома и детей,
Не будет ложек, чашек, одеяла.

Моя судьба течёт вперёд сама,
Она не знает ни забот, ни сна,
Ни счастья без конца и без начала.

Моя судьба—родник, ручей, река,
В ней вóды моря, свет, и облака,
И берега, оставленные ею.

Вот говорят, что тонут в тишине,
И я тону в моём вчерашнем сне,
Где дома нет, кастрюль и полотенец.

Хватает воздух выпавший птенец,
Ещё не веря, что пришёл конец,
Бескрылый птичий маленький младенец.

Из сада я несу его в руке,
В ладони бьётся сердце, как в реке,—
Моя судьба не связана с твоею.

● ● ●

На нашем настоящем языке
Мы говорили долго и тревожно.
Мир нехотя висел на волоске,
И время прибывало осторожно.

Осенний снег ложился на траву,
Той зелени немыслимая зыбкость
Горела сквозь опавшую листву
Последним светом, золотою рыбкой.

Я отвечала, путая слова,
И целый мир смотрел на нас иначе.
А снег летел, ложась на рукава,
И таял на щеке горячей.

● ● ●

Зато есть улицы и снег,
И снег летит за ворот.
Зима. И будущего нет,
Но есть метель и город.
Одна рука лежит в другой,
Снег падает и льётся.
Слова подхвачены рекой
На дне двора-колодца.
— Пойдём на Горького, пойдём!
— Куда? Идём, не важно!
И вот мы на Тверской вдвоём.
За холодом бумажным
Не видно лиц, дорог, машин,
Снег падает и тает.
Прозрачен мир и невредим
От края и до края.

● ● ●

От любви до смерти
Мостик небольшой.
Не пойдём до края,
Ненаглядный мой.
На Арбате зимнем
Фонари молчат.
В городе старинном
Слышен лай волчат.
Снегом бесконечным
Накрывает тьму—
Ничего я больше
В мире не пойму.

● ● ●

Помнишь небо Лита над головой,
Шёпот слов и восторг щенячий?
Мир состоял из нас, из любви роковой,
Книг, бульвара и споров горячих.
Мы читали, читали тогда взахлёб,
И сходились, и спорили, и шумели,
И носили старенькие пальто,
И бутылки в карманах звенели.
Мы бессмертными были тогда,
Наши строки лучшими были, помнишь?
Так дружили и жили, будто бы навсегда,
И стихи призывали на помощь.
В полутьме коридора горел бесконечный свет,
И мы шли на него—и теряли друг друга.
Здесь звучат шаги тех, кого больше нет,—
А когда-то вместе читали стихи по кругу.
Мы бродили молча под ржавостью тополей,
Что кидали нам листья, как золотые монеты.
Трепетало пламя, мир становился светлей.
…Я одна под ветвями, листвой, как огнём, согрета,
Стою…

● ● ●

Срезаешь волосы и ногти,
Огонь из печки достаёшь
И, оттирая день от копоти,
Живёшь, живёшь, живёшь, живёшь.

Такая тёплая сначала,
Такая разная потом,
Жизнь кутала, как одеяло,
Подоткнутое перед сном.

Свет рассыпáлся на осколки,
Пищухи плакали навзрыд.
Рвалось не там, где было тонко,—
А где болит.

Казалось, это будет вечно:
Рассвета тонкие лучи.
…Необратимо и беспечно
Огонь выносишь из печи.

Татьяна Шепелева

Предчувствие зимы

В зимнем городе…

В зимнем городе снег
разделил нас на чёрных и белых,
на пушистых и голых,
немых и восторженно-смелых,
на гриппозно-морозных,
на лыжно-коньковых и квёлых,
спиртуозно-весёлых
и так — беспричинно весёлых,
беззаботно скользящих,
смеющихся, плачущих, спящих,
барабанно-стучащих,
хрустящих,
зубами скрипящих,
тех, кто падает,
мёрзнет,
взлетает, и вьётся,
и бьётся…
«Огонька не найдётся?..»
Конечно, найдётся. Найдётся.

Волей-неволей

Волей-неволей (неволей — чаще)
я выбираюсь в лесные чащи…
О кислород, хлорофилл, дендрарий!
Время танцует без наших арий,
фурий, горгулий, химер и пифий,
жёлобу — шар, а бумаге — грифель.
Время поёт и без наших жалоб.
Что бы в безвременье с нами стало б?

Что же, пройдёмся по мокрым тропам,
су́дьбы вверяя стопа́м и сто́пам,
не отмечая ни страж, ни метра,
не замечая бревна и ветра,
не замечая того, что бренно,
это — напев, и припев, и рефрен, но…

Уподобляясь прыгучей лани
время от времени, длань от длани
не отличая и не ревнуя —
в чащу лесную, в чащу лесную,
в рощу и бор, в зеленя, в малину…
Наши леса не стреляют в спину,
в наших окопах и порох слаще…
Волей-неволей.
Неволей — чаще.

Тётки

Тётки идут строем, поют хором, сверлят буром;
тётки: коровам — сено, печи — полено, зерно — курам;
тётки — борщи и шмотки, чума и дрязги в осиных сотах,
тётки в делах-заботах, в плащах и шляпах, в чулках и ботах.

Утром — платки-базары, корзины, куры и сами дуры,
вечером — тары-бары из мелкой тары и шуры-муры;
дыбом и хна, и басма, воскликнут страстно: «Сармат мой, скиф мой!»
После — об стол оболом, глаголом голым и рифмой, рифмой!

Жизненное

«Все мы вышли из гоголевской „Шинели“», — справедливо говорят русские писатели…
Мелькиор де Вогюэ

Я выкашливал зимы, как кошка шерсть,
я топил сомненья в весенних лужах,
я носился вихрем, футболил жесть,
становился выше и как бы лучше.
Я ночами слушал, как шкаф вздыхал,
со своими скелетами вечно в ссоре,
я вынашивал план, и летал подвал,
и чердак, и живопись на заборе.

Присобачен, приклеен, прибит гвоздём,
прислюнявлен к лику своей эпохи,
я шуршал печальным календарём —
отрывным, худеющим на издохе.
Просыпаясь, я знал: есть одна стена,
за которой другая. Я был живучим.
Засыпая, я думал, что новизна —
это то, что пугает, а пуще — учит.

Мне на шею кидался цепной кобель,
я не сразу заметил, что веку крышка,
я купил пальто, (не сказать — шинель),
обернулся и понял, что жизнь — пальтишко.

Много позже,
в прихожей снимая жизнь,
становясь горбатым,
я шёл к дивану,
а когда, надевая её,
выходил —
становился выше
и как бы
лучше.

Улыбайся

То не блудный сын воротится бумерангом,
не Угрюм-река утечёт, обернувшись Гангом,
не роман сгорит во сто глав и с одной ремаркой,
то—дворец-ларец и плац с триумфальной аркой.
Не гранит, не мрамор—всего лишь молдинг,
за окном—консалтинг, за дверью—холдинг,
за рекой малина. Мои три сына
не дают мне повод, но есть причина
проявлять извечную человечность—
пирожковость, водковость, чебуречность.
Заходи, прохожий, но будешь букой—
мы сгрызём тебя между сном и скукой.

То не утлый чёлн влеком по волнам плебейства,
не колючий тёрн, но—поэт и глава семейства,
то—пророк диванный, философ толчка и ванной,
мониторной моторной жизни, сиречь—экранной;
без руля и ветрил, под парами, укрыт ветрами,
он не здесь, не с нами, он мысленно за горами,
в башмаке дыра. «Вселенная, разверзайся!»

Улыбайся, Господи, улыбайся…

Москва

Москва! как много и так мало,
как далеко и нелегко
от Павелецкого вокзала
до искромётного Клико.

Мой Пушкин выглядит не старым—
позеленевшим от тоски,
недаром дышат перегаром
в кафешках плюшки и стишки.

Чаепиитие в сторонке,
машинопись мышинокак,
небарабанной перепонке
по барабану, что и как.

Изображая, искажая
своим фасеточным глазком,
лечу, кружа, я, и жужжа, я,
не сожалея ни о ком.

Из всех шальных штрихописаний
левописание любя,
я извлекаю пиросманий
для внутривенного себя.

Рассвет булавками заколот,
но совершенно ни при чём
тот, кто идёт в жару и холод
воздушно-капельным путём.

От Александровского сада
до третьесортной суеты—
моя любезная отрада
кроваво-красной красоты!

Предчувствие зимы

Зубровка, осень, лёгкая рука;
Сползая в холод, думаешь о печке,
Туманным утром думаешь о печке
И о тепле живого огонька.
Когда-то мысль летела в небеса,
Но, отражаясь от небесной тверди,
Не возвращалась мыслию о смерти,
А воплощалась в виде колеса,
Коловорота, лазера, резца—
Всего, что славит чудо этой тверди.
Гранит и мрамор, золото и медь…
А мне милее глина и водица;
И если сможем что-нибудь успеть,
Так это обозреть родные лица,
Напиться горечи и радости напиться
Иль что-нибудь о вечности пропеть.
Вдохнуть ещё хоть несколько минут
Спокойствия, блаженства и отрады,
Певца запечного звенящие рулады
Услышав, упоительно вздремнуть.
Трещат поленья, пахнет чабрецом,
Стучит калитка выбитым кольцом…

…А ночью выпал снег.

Ладошки, варежки…

Ладошки, варежки… Чтоб не сойти с ума,
Смотрю в окно и думаю: «Зима».
Смотрю в окно: девчонка лет пяти,
Ладошки, варежки… Постой, не уходи!..
Бегу по лестнице, бегу куда-то вдаль,
Бегу по снегу…
…Кончился февраль…

У города и времени свои
Сквозные проявления любви.
Изношена история до дыр—
Империя, мистерия
И др.
Многосерийна, многослойна и
Многоголоса, чёрт её дери!

И знаешь, птица: если Брем не врёт,
Неволя память отшибает влёт.

Пусть город спит. И даже пусть не спит—
Пускай замками ржавыми скрипит,
Пускай тоскует, жмурится, и ждёт,
И никогда меня не узнаёт,
Кряхтит, и кашляет, и шинами шуршит,
И ворошит былое, ворошит,
Где каждый дом одушевлён и нем,
Где в каждом доме тысячи проблем…

А кто-то утром станет у окна,
Посмотрит и подумает: «Весна».

Наталья Радостева

Крещение

● ● ●

Не порадовал черевичками.
Не добыл мне цветочек аленький.
Так стряхну его — рукавичкою,
Осмеяв сюжет на завалинке.

Так верну щелчком злому прошлому,
Что размерено да просчитано.
В платье творчества не заношенном,
Между строчками не прочитана.

Он в любви мне клянётся искренней,
Тут же с прошлым по мести дразнится.
Как хрустальна в осколках истина,
Если клятвы с делами разнятся.

Подбирай хоть змеёй завистливой,
Хоть волчицею — взревновавшая.
Он — вода. Пей с улыбкой кислою
Из колодца, в него плевавшая.

Кровь разбавит прозрачней кровушка —
Охладят меня белоствольные.
Мне предписана долей — волюшка,
Где начертано: птица вольная!

Где ранима прошла и мнительна,
Мурава обрыдалась росами.
Только утро всегда пленительно —
Мудренее ночей с прогнозами.

Мне талантом ни с кем не меряться.
Звёзды в поры вотру — впитаются.
Как же дышится! Как хмелеется!
В лепестках и дождях летается!

Сколько солнышек в каплях плавает;
Смотришь — жгучие, тронь — холодные.
Да даруется свыше главное —
Вдохновение в дни свободные.

Ни характером, ни привычками
Не венчал нас цветочек аленький.
Так стряхну сюжет рукавичкою.
Обмету, как с мороза валенки.

Заполярное утро

Снег завис в воздухе. День завис в месяце.
Год завис планами в дневнике грёз.
Добреду, сонная, до весов — взвеситься.
Закручу хвостики из былых кос.

Мимо свет-зеркальца, не взглянув в оное, —
Ко стеклу с морозью, за каким — синь…
Отворю форточку — на луну полную.
Потянусь, тёплая, — на зимы стынь.

Пусть окно — зеркалом, а узор — рамкою.
Здесь — уют сумерек, там — дымы ввысь.
Томно как — нежиться, кофе пить граммами
И в его запахе смаковать жизнь.

Север мой минусом студит мир царственно.
Чередой сполохов расцветив край,
От моей утрени и до льдов Карского
Взвесь души тающей облачил в рай.

● ● ●

И дождя не было, а цветёт радуга
Против свет-солнышка. Фоном ей — синь.
Как рассвет радовал — так закат радует.
Грусть моя русская, наконец, сгинь!

Где в лицо капельки? Где трава росная?
Жду в лугах скошенных пересверк гроз.
Русь моя белая, ты — моя Крёстная.
Закрести беженку. Кончен мой кросс.

За права каждого. Против зла злющего.
Мне б тетрадь общую да огня дрожь.
Наконец выскажу всё как есть лучшее,
Всё о нас лучшее — не иных ложь.

Про с ленцой доброе. Про в боях гордое.
Про веков разницу или льна синь.
Закрести, Крёстная. Утверди бодрою.
Грусть моя русская, наконец, сгинь.

Приворот

За водою на колодец не от жажды, а со смыслом—
Почерпнула. Пригубила блики солнца из ведра.
Ощущаю, как изящна, усмиряя коромысло,
Как колышется водица выше уровня бедра.

Редкий случай, где походка не стремительна, а—павы,
Где на статные берёзы смотришь—словно им под стать.
И песком искрится тропка, по краям которой травы:
Вышла в люди—окрылиться, день из лучиков сверстать.

Улыбнусь, коль кто приветлив, а смурного не отмечу.
Если ж с поводом проводят, через сени в дом войдя,—
Из ковша подав напиться, и настырного привечу.
Не без шуток отвечая. Глаз вприщур не отводя.

Первой мне не предлагайте, вслед хлебнуть—себе дороже.
Не без вызова раскрою: это был бы приворот!
Ещё бабушка учила: пить за кем-либо негоже,
От глотка воды за кем-то—к несвободе поворот.

Пусть не каждого и жалко, не рискуйте зря—пустое.
Не сгублю грехами душу—паутин любви не вью.
Не настаивайте. Смелость мне доказывать не стоит.
Всё равно—не убедите. Всё одно—не отопью.

Уж и так ресничный трепет ловит плавные движенья.
Как зачерпнута водица. Как с улыбкой подана.
Без воды приворожила. А не будет продолженья—
Не чудесницы проказы, не кудесницы вина.

Вещунья

Не скупясь, этим летом вещунья кукует—
Видно, тысячу лет ещё млеть от цветов.
Не смотрите мне вслед—оглянусь, околдую…
Не смотрите, прошу, не рискуйте, а то…

Не смотрите мне вслед, я сегодня прекрасной
Ощущаю себя, кто бы что ни сказал.
Не смотрите мне вслед—я боюсь, что напрасно
Вы утонете в дерзко-смешливых глазах.

Миллионы живут, никого не спасая.
Вместе с ними ли, сдавшись, смириться, устав?
Я живу вопреки—я с пелёнок такая.
Я спасу этот мир от попрания прав!

Просветлеет душа—только это и важно:
Ни пред кем не клонюсь и неправд не терплю.
Я сегодня такая, что клеточкой каждой
Всю Россию—от храмов до кладбищ—люблю.

Каждый ждёт от других—кто любви, кто участья,
Чаще—манны небесной на блюдце с каймой.
Я не жду, а, случаясь источником счастья,
На гармонию жизни меняю настрой.

Не смотрите мне вслед, полюбите не глядя—
С полувзгляда и слова за дерзость и смех;
Пусть со мной ни вчера, ни сегодня нет сладу.
По-иному—легко, ну а *так*—не у всех.

Крещение

В оторочке льда да инея
Сруб колодезный зимой.
Журавля схлестнулись линии,
Шест качая надо мной.

Цинк ведра обледенелого.
Стынь крещенская воды—
В ней намедни, онемелая,
Окунулась до звезды…

Из ведра в ведро—завесою—
Сброшу, в пояс поклонясь.
Запорошенными весями
Налюбуюсь, насладясь.

Мегаполиса бежавшая—
Хоть сама себе дивись,
С детства сёла обожавшая,
Упиваюсь видом изб.

Там полярное сияние
В фиолете облаков—
Здесь ночами завывание
Обезумевших волков.

Здесь сорочьих крыл мелькание
В их касанье со стеклом
И приливы подсознания
Между вдохом и глотком.

Отскрипят по снегу валенки,
Возвращая до тепла,
Дрогнут каплями хрусталики,
Что метлою не смела.

Печь, поленьями доложена,
Пыхнет жаром, словно я—
В миг, когда сомкнулась крошевом
За спиною полынья.

Окунулась—значит, выстою,
А пока, перекрестясь,
Заварю с травой душистою
Мирозданья ипостась.

● ● ●

На ладошке моей воробышком
Милый душу клюёт по зёрнышку.
Изучает. Косится. Греется.
Что не ловят, ему не верится.

Самомненья его ошибкою,
Я смотрю на него с улыбкою.
На согретого. Не голодного.
От меня от одной свободного.

Изба

Кверху мехом тулуп
На лежанке печи.
В свято-красном углу
Свет лампад и свечи

На иконах — игрой
В полумраке теней,
Где вечерней порой
Хор молитв обо мне.

А на круглом столе
Самовар на семью.
Сахар снега белей
Я вприкуску запью.

Сочни горкой тепла,
Маканина, блины
Ближе к центру стола —
С жару принесены.

Не считаю года
По святой седине,
А прошу погадать
Мою бабушку мне…

Подольёт в кипяток
Нам кагор с хитрецой.
Чуть свободно платок
Обрамляет лицо.

Разрумянят покой
Семь сошедших потов.
Загорелой рукой
Мне раскинет вальтов.

Я в колени уткнусь.
Мой диванчик — что трон.
Нагляжусь. Нашучусь.
Напоюсь в унисон.

Как люблю этот дом!
Половиц ширину,
Яркость шторок и тон,
Что подходит к окну,

Гнутость ножек резных
Простоты непростой
И часов заводных
Кукованья настрой.

Разве не ритуал —
Гирьки вверх подтянуть?
И взгрустнуть у стола…
И кого помянуть…

Вятский говор и смех:
«Попустись-ко» — «Окстись!» —
Предрекали успех
На грядущую «жисть».

Помню бабушкин вздох:
«Ныне хоть не постись.
Охрани тебя Бог,
Завтра есть что поисть».

И крестила рука:
«Уж поди-ко ложи-ись.
Молодая пока…
Разомлей. Отоспись».

Я взбиралась наверх
В полусферу тепла —
В те подушки и мех —
И так сладко спала…

До своих петухов…
До другого утра…
Где от слёз да стихов
Вся подушка мокра.

Адалло

Самая прекрасная благодать

Вольное переложение с аварского Марины Саввиных

От переводчика

Адалло настойчиво просит переводчиков не приписывать ему «результаты своего творчества». Какими бы блестящими— как в случае с «Алмазным стременем» Юрия Кузнецова—ни были эти результаты. Но как же быть? Ясно же, что подстрочники не решают проблемы донесения до иноязычных читателей «идей» и «духа» шедевров, допустим, персидской или кавказской поэзии. В самом оптимальном случае—переводчик должен в совершенстве, как родными, владеть обоими языками; должен быть, как родное дитя, погружён и в ту, и в другую культуру. К счастью, современный кавказский билингвизм даёт эту надежду. Но есть и другой путь. Тот, который когда-то избрал Пушкин, отнюдь не претендовавший на лавры переводчика, когда откликался на латинские оды, или библейские стихи, или песни «Божественной комедии», или произведения итальянских, французских или английских поэтов. Он предпосылал своему отклику соответствующий заголовок—например, «Из Пиндемонти». И свободно парил на крыльях чужого и собственного вдохновения[1].

Марина Саввиных

● ● ●

Школяр, сдаю экзамен—на причастность.
О, сколько книг я не успел прочесть!
Веди строптивца, пушкинская ясность,
И не оставь, аварской стали честь.

● ● ●

Сейчас—не с нами… С нами—день
вчерашний.
А завтрашний маячит в отдаленье.
Мы теплимся—во тьме, родной и страшной,
На грани всякого осуществленья…
«Сейчас»—сторожевая наша башня.
Мы—будущей Вселенной часовые.
День завтрашний и вечный день вчерашний
В нас, нынешних, встречаются впервые.

Зов вещих ду́хов

Зов снежных вершин… если б крылья орла
В придачу к рассудку мне вера дала,
Как птица, я плавал бы в воздухе горном,
Круги нарезая по белому чёрным…
Там, в синих ущельях, под небом седым,
Бессмертным, свободным, всегда молодым
Я стал бы—и гимном священным
Ответил бы предкам нетленным…

Куда бы меня ни бросала судьба,
Каких бы грехов я ни нажил горба,—
Все тяготы, беды, наветы, раздоры—
Всю боль исцеляют родимые горы.
Лишь здесь как дитя непорочное сплю.
Лишь здесь—без оглядки—дышу и люблю.
Пусть время течёт по распадкам
Не мной заведённым порядком:

И слёзы, и кровь, что лилась, как вода,
Безбрежною тиной затянут года,
Надгробья с холодною кожей—
Столпятся у горных подножий…
Давно отшлифованы ветром до блеска,
Нет-нет да и вспыхнут—тревожно и резко—
Имён письмена и отточья
Нечаянной лунною ночью.

Ты слышишь? В расселинах боли твоей,
В долинах печали—поёт соловей…
Стучат благодатные капли
По крыше доверчивой сакли.
И музыкой струн непреклонной весны,
Как в юности, тёплые души полны…
Встречай свою жизнь, человече,
Веди достославные речи!

Что в сердце стучит—то в тамуре звучит.
Ты слышишь, как меч ударяет о щит,
Как туча над полем зевает,
Как вихрь в темноте завывает…
Не бойся! Так множится музыка сфер,
Так шум бытия обретает размер—
И шепчутся вещие ду́хи
В твоём привередливом ухе…

1. Из очерка Марины Саввиных «Сердце-алмаз, или Кто наградил Адалло». День и ночь, №5/2015.

Мои стихи

Я шептал вас во сне — вы мерцали во мне
Заколдованным эхом звезды первозданной,
Я вещал, задыхаясь в священном огне,
И кружился, как дервиш, под звук барабанный.
Вы толкались в ретортах задуманных книг —
Словно буйный младенец в родительском чреве…
Обуздать вашу дерзость — и в страхе, и в гневе —
Я не сразу сумел… но однажды — постиг,
Как сплетаются вихри в мелодию гор,
Как из пепла рождается музыка рая,
Как беседой становится яростный спор
И молитвой — проклятие, в бедах сгорая…
Для того и скрижаль мне Господь приоткрыл,
Чтобы ваши черты совершенные — разом
Я схватил любопытным неопытным глазом
И с тех пор
Никогда
Не забыл.

Первого снега…

Невесомые искорки первого снега
Над распутицей ржавой.
Так бывает: зима тормозит для разбега,
Чтоб нагрянуть державой…
Всё, что ворон накаркал: судьба и надежда,
Исступление дрёмы…
Солнце тяжко смыкает дырявые вежды…
Первый снег… невесомо…
Что ж ты дразнишь меня, прозорливая осень?
Всё, что станет со мною,
Первым снегом нашёптано шороху сосен
Под звездой ледяною…

Река моей жизни

Души пожелтевшую книгу открыл,
И дней, в суете миновавших, отару
Загнал себе в мозг, как в пустую кошару,
И реку судьбы в своё сердце пустил.

Бывалый рыбак, на крутом берегу
Сижу, уповая на добрые снасти…
Как дикая лошадь в смятении страсти,
Вся в пене, грохочет река на бегу.

И странно, что снова о жизни пишу, —
Рыбак и песчинка в свирепом потоке.
Мой век, для кого я сложил эти строки?
Глупец! о далёких потомках прошу?

Причин оборвать затянувшийся путь
Достаточно: взять бы и сбросить вериги!
Но знаки Небесной незыблемой Книги
Ведут меня вдаль — ни упасть, ни свернуть.

Моё прощание

Идрисил Мухаммаду

Да разве думал я, джигит черноволосый,
Как прутик, тонкий, лёгкий, как пушинка,
Что зеркало, в которое смотрю,
Когда-нибудь ответит мне ухмылкой
Побитого годами старика,
Ухмылкой — и язвительной, и жалкой?!..

Всю грудь мою покрыла борода,
Снег, столько лет копившийся в распадке…
На тросточку-сосульку опираюсь…
— Ты кто, дедуля? На носу очки,
На лбу морщины… неужели я?
Как белый свет над парнем посмеялся!

Красавицы, любившие меня,
И те, кого любил, — давно в могилах…
Друзья, со мной шагавшие, и те,
Кто предал и продал, мне часто снятся.
А я — в их вечных снах — им так же снюсь?

…Как пел я под твоим янтарным солнцем,
О мой Кавказ! Я — пасынок орлов —
Плясал, дразня в горах твоих обвалы!
Как высохшее дерево, теперь
Держусь за почву дряхлыми корнями.

Кто руку мне подаст — когда взмолюсь
О дружеском рукопожатье? Кто,
Родной, в суровый час меня обнимет?
Горит мой скорбный дух в чужой стране,
И некому теплом его согреться…

Спасительный напрасно тлеет свет,
Творцом со мной ниспосланный на землю,
И некому прислушаться ко мне…
О рвущаяся к истине душа!
Ты слышишь приближенье милосердной
И грозной длани… Близок Азраил!

Я на опушке леса

Речушка бойкая, дочь горных ледников,
О чём бормочешь — угадаю вряд ли…
Ночь говорит со мной оркестром языков,
Как на заре времён — в родном Гидатле,
Где хоры звёзд над тёмною горой
Звенели, как небесные алмазы, —
И слышал я их музыкальный строй,
И понимал их древние рассказы…
Ночь сердца моего! Я вновь смотрю
На звёзды в умилении беспечном —
И сам со звёздным хором говорю
На языке — младенческом и вечном.

Хребет песен сломавший…

Мосты над всякой пропастью тонки,
И не от всех болезней есть лекарство.
Век, раздробивший песен позвонки,
Парализует всякое бунтарство…
А ведь стихи гремели, как набат,
Молчанье площадей перекрывали,
Манили раем и бросали в ад—
Но сделаться рабами не давали!
Моя Отчизна, ось души моей,
Надежды пошатнувшейся основа!
Не дай поганым полчищам червей
На гноище растлить родное слово!

Ветер

Дует ветер, холодный ветер.
Гнёт деревья, ломает ветки.
Среди дня раздувает вечер,
Наигравшись плющом беседки…

Резким посвистом манит грозы,
Гонит пыль, непрерывно воя,
Мнёт кусты и терзает розы,
Страх вселяет во всё живое.

Горе встретившему ненастье
Далеко от надёжной крыши…
Дует ветер—его всевластье
Суеверий людских превыше.

Эту мощь не вмещает разум,
Это право и есть свобода!
Кто удержит его приказом?
Разве только сама природа?

Дует ветер, смертельный ветер,
Захвативший меня в дороге…
Позабыв обо всём на свете,
Унести не пытаюсь ноги.

Треплет ветер на мне одежды,
Заплясав под свою шарманку,
Не оставил уму надежды—
Душу вывернул наизнанку,

Сердце вынул—согнул, как ветку,
Гордость падшего человека…
Я—дышу, повинуясь ветру.
Я—живое дыханье ветра.

Я и сам в этом вихре злобном
Возношусь к небесам и в поле
Рассыпаюсь—ему подобным
Изъявлением Божьей воли.

Самая прекрасная благодать

Есть лишь одно сокровище—этот миг,
Эта история длительности мгновенья.
Самая лучшая из нерождённых книг.
Самая главная тайна прикосновенья.

Ближе ближайшего, всякой родни родней—
Тот, кто сию минуту с тобою рядом.
Друг или враг—всемогущей судьбе видней,
Только сейчас его ты коснулся взглядом!

Есть лишь одна—желаннее райских струй—
Щедрость сердечная—Господи!—здесь и ныне!
Прошлого с будущим ласковый поцелуй.
Встреча листвы и ветра в людской пустыне.

● ● ●

Взбирается строитель облаков
По ветряной стремянке—выше, выше…
И смотрит свысока на наши крыши,
На хрупкие созданья чудаков.

Мне хорошо! Я вместе с ним гляжу
Сквозь облачные башни и сугробы
На шаткие мосты и небоскрёбы—
Один этаж к другому этажу…

Смешные люди! Тысячи веков
Им не снискали истинного зренья,
Но вечно щедр—как в первый день
творенья—
Неутомимый мастер облаков.

Нелегко…

А ты думал, легко
Так любить эти горы
С их древним суровым укладом?
Эти зыбкие тропы
С крутыми обрывами рядом?
Этих кротких ручьёв
Внезапного буйства припадки—
Так ли дороги сердцу
И памяти раненой сладки?
Но несёшь эту память—
По скользким коварным дорогам,
Но хранишь свою верность
В её предпочтении строгом,
И наследуешь кровь,
И потомкам даёшь основанье—
И урок, и любовь,
И судьбу, и святое призванье.

Татьяна Долгополова

Музей и библиотека

Это, конечно, не литература. Но случились в моей жизни музей и библиотека. Две страницы, полные иллюстраций. Мне говорят: из каждой такой зарисовочки можно сделать полноценный рассказ или даже повесть. Но, во-первых, мне просто лень. А во-вторых, каждая из этих зарисовок мне кажется уже абсолютно законченным рассказом. И что-то расширять и продлевать ни к чему.

Очарованные Овсянкой

Я вроде бы в детстве не хотела работать в музее. Пожалуй, я вообще никогда нигде не хотела работать. Потому что я лодырь. Но, помнится, будучи в музее, я с завистью смотрела на сотрудников, выходивших из какой-нибудь боковой двери. И думала: «Везёт, им туда можно ходить. А нам, посетителям, нельзя». Это ж только лет через тридцать понимаешь, что за той дверью—каморка метр на метр с вёдрами, швабрами и тряпками. А тогда дверь казалась волшебной. Сейчас, выйдя из щитовой в выставочный зал, поймала на себе детский взгляд. Да, да, девочка, я из сказки. Я—фея.

В сельском магазине мне положили пачку сигарет, половинку чёрного и коробочку сливок в трёхрублевый пакет с надписью «D&G». И вот я иду такая вся в «дольче габбане». По Овсянке.

Каждое утро в Овсянке меня встречает Вук—рыжий лопоухий пёс. Он бежит мне навстречу, добегает до меня, резко разворачивается на сто восемьдесят и некоторое время семенит рядом, давая мне понять, что я не жиган в джинсах, а дама с собачкой.

В доме напротив выставочного зала живёт работящая семья, коренные овсянцы. У них большое хозяйство. Например, три коровы. И собака размером с телёнка. Зовут Малыш. Он безобидный и стеснительный. Очень смущается, когда видит, что я пытаюсь его сфотографировать. Сразу встаёт, опускает большую голову, поворачивается ко мне тощим задом и медленно уходит. Зато он не стесняется подчищать чашку Вука. Вука хозяин кормит плохо. Поэтому его подкармливает наша смотрительница. Малыша хозяева кормят хорошо. Но из чашки Вука Малышу вкусней, он съедает из неё даже то, на что дома и смотреть бы не стал. Малыш очень обаятельно улыбается. Особенно когда его хозяин сурово едет по селу на красном мотороллере с кузовом. Малыш несётся рядом с той же скоростью и счастливой улыбкой. Как-то спрашиваю у хозяина:
— А что это Малыш прихрамывает сегодня?
— Да прикидывается. Чтоб пожалели побольше.
Так что он ещё и артист!

В Овсянке есть психиатрическая больница. Об этом известно всей округе в радиусе сорока километров. В Овсянке есть музей Астафьева. Об этом в радиусе знает, видимо, не каждый. Потому что всякий раз, когда человек узнаёт, что я работаю в Овсянке, он радостно спрашивает:
— В психушке?
Сначала я просто отвечала:
— Нет,—и добавляла:—В музее.
Потом это стало надоедать, и теперь на радостный вопрос: «В психушке?»:
— Нет!—раздражённо отвечаю я. И гордо добавляю:—В музее.
Сегодня в автобусе женщина спросила:
— В Овсянку на дачу едете?
— Я в Овсянке работаю.
— В музее?—радостно спросила она.
— Нет!—раздражённо ответила я. И что-то добавлять с гордостью было поздно. О великая сила привычки!
Женщина посмотрела на меня жалостливо, наверное, подумала: «Значит, в психушке». Но ничего не сказала.

Захожу в сельский магазин. Продавщица ругается с товароведом. Выхватываю фразу:
— Да провались земля и небо, я на кочке проживу!!!
Заходит бабуленька. Продавщице:
— Катя (ну, они тут все друг друга знают)!—и, кивая то ли в сторону хлеба, то ли колбасы:—Катя, а Украина есть?
— Есть!—твёрдо отвечает Катя.
Вот и славно, думаю я и зайчиком бегу с магазина... Пусть всё будет. И Украина, и хлеб, и колбаса.

Двое посетителей музея, муж и жена, приехали на машине. Муж расспрашивает, что ещё в наших

краях можно посмотреть. На Ергаках они уже побывали, и ещё где-то, и ещё где-то.

Спрашиваю—просто для поддержания беседы:

— Вы путешествуете?

— Нет. Просто ездим.

Да… беседы не получилось.

В Овсянке у соседей нашего музея, о которых я уже рассказывала, кроме собаки Малыша, о котором я тоже уже рассказывала, есть кот. Полосатый аккуратный Кеша в белых носочках. Носочки белые в любую погоду, как умудряется не пачкаться—не знаю. Кеша ловит в округе мышей и уносит их к себе домой—показать хозяевам. Он хороший охотник, и страсть к этому жестокому промыслу удивительно сочетается в нём с ласковостью: встретит—обязательно потрётся об ноги, даст себя погладить. И скромностью: фотографироваться не любит, предпочитает нюхать ромашки. Раз зашёл в выставочный зал. Полюбопытствовал на предмет мышей. Мышей не оказалось, осмотрел экспозицию. Одобрил, судя по всему. Потом прохожу мимо их дома, Малыш сидит у калитки, терпеливо ждёт, когда хозяин заведёт мотороллер. Говорю:

— Малыш, а ты что к нам не приходишь картины смотреть? Вот Кеша уже приходил!

Малыш стеснительно отворачивается, хозяин переводит:

— Да у вас подворотня маленькая, не пролезть!

В городе автобусы ходят более-менее регулярно. И на остановках людно. Не чувствуешь себя одиноким и покинутым. За городом всё немного иначе. Вот, к примеру, вы своим ходом добираетесь из Овсянки в Красноярск. И стоите одинёшеньки на остановке, вглядываясь в горизонт, откуда должен показаться сто шестой автобус. А его всё нет. Холодно. Темно. Слева—лес. Справа—железнодорожное полотно, по которому давно ничего не ходит. Из снега торчат высокие скелеты бурьяна. И от всего этого пять минут кажутся часом. А сто шестого нет. Знаете, как ускорить его появление? И даже—сделать незамедлительным? Я знаю. Надо закурить. И желательно последнюю сигарету из пачки. Автобус приедет сразу. И откроет перед вами двери, не успеете вы сделать и трёх затяжек…

Зима. Пуржит. Сельские собаки распушились. Одна говорит: «Я лиса!» Второй: «Я белый волк!» Третья: «Я чернобурка!» Кошек вообще на улицах не видно, все по печкам.

В магазине, в который я обязательно захожу утром на предмет чего-нибудь к чаю, встревоженно вылетает из недр в торговый зал товаровед.

— Девочки! Мы невесту продали?

— Какую?

— Какую?!

— А! Нет, вон она валяется!

— Вот! А на фига они её ещё привезли?!

Убегает, из недр доносится:

— Не надо мне невесту, мы не заказывали! Не берёт никто вашу невесту! Валяется ваша невеста, не нужна никому!

Таинственный профессиональный язык для посвящённых.

А это печенье оказалось. В суфле.

Девочка на экскурсии (лет десяти):

— У вас такая необычная куртка! И шарфик!

Неумение отличить детскую непосредственность от скрытой насмешки меня всегда вводит в ступор. Осторожно спрашиваю:

— Это хорошо или плохо?

Думаю, сейчас как ответит: «Амбивалентно!»—тут я и рухну.

— Это замечательно! Вас же отовсюду видно!

Внимательный ребёнок растёт. Не только экспонаты разглядывает, но и экскурсовода…

Подъезжает к воротам машина. Дорогая. Солидный дядька выглядывает в хорошем пиджаке:

— Где тут у вас музей?

— Осмотр начинается вон с той усадьбы, подъезжайте туда, там вас обилетят.

— Это чё, вам ещё и деньги платить?

Развернулся и уехал. Я не заплакала и не побежала следом.

И это не единичный случай. Удивляются, что надо платить, многие. Некоторые удивлённые платят, некоторые уезжают.

Да, люди. В Овсянке родился, жил и работал Виктор Петрович Астафьев. Теперь здесь музей. Надо покупать билет, то есть платить деньги. Сто рублей стоит взрослый билет, пятьдесят—детский. За право фотографировать на территории—тоже пятьдесят рублей. Деньги неслыханные.

Вот говорят, стихийно собравшаяся толпа—это ещё не коллектив. Смотрю на пассажиров автобуса номер сто шесть Красноярск—Дивногорск. Он идёт через Овсянку, на нём я ежедневно добираюсь до музея, где работаю. Не знаю, не знаю… у коллектива вроде должна быть общая цель. У нас, у пассажиров, такая цель есть—поскорей выехать из города. И мы очень быстро становимся не то что коллективом, а просто одной большой семьёй…

Итак, Предмостная площадь. Сто шестой. Я, как главный везун России,—на последнем боковом сиденье рядом с грязнущей-пыльнущей запаской. В белых брюках, разумеется. Женщина кричит в трубку:

— Гена! Ну где ты, Гена? Мы уже щас поедем, я на тебя билет купила! Где ты бежишь рядом?? На Красрабе? Где? Я не вижу.

Коллектив сто шестого дружно поворачивает головы в сторону Красраба. И смотрит, где там Гена. Один товарищ облегчённо говорит:
— Вон он.
— Где?—взвивается жена Гены.—Нет, это не он. Он с баяном.
— Да не волнуйтесь вы,—говорит другой мужчина.—Всё равно автобус не поедет, пока не наполнится. А ещё четыре свободных места.
— Гена! Тут говорят, что ты успеешь, ещё места есть. Да! Весь автобус за тебя переживает! Где ты? По Красрабу бежишь? Давай быстрей, прям неудобно, все волнуются.

Ну, мы ли не коллектив???

Гена наконец-то вваливается в автобус. С маленьким чёрным гробиком, в котором, стало быть, баян.

Коллектив готов аплодировать, но сдерживается. Но рад!!!

Песня та же, исполняю я же. Автобус номер сто шесть. Тётки с помидорной рассадой, деда с граблями, я. Тронулись. И тут—дождь! Ливень!

На Свердловской одна женщина не выдерживает:
— Водитель! Остановитесь на станции «Енисей». Я выйду. На дачу собиралась, но передумала: дождь такой, чего в грязи копаться?..

Коллектив:
— Да прекратите! Дождь скоро кончится. Собрались уже, так чего там передумывать?
— Вы так считаете? Ладно… Действительно, чего я?.. Ладно, уговорили.

Водитель этой дискуссии не слышал, останавливает автобус на станции «Енисей».
— Кто выходить собрался? Выходите.
— Ой! Спасибо, но я уже передумала! Спасибо, извините! Передумала я!

Автобус трогается, а мне безумно жаль, что я не вижу лица водителя…

Радио в автобусе меня ждало с гороскопом. Только захожу: «Рыбы! У вас сегодня обострится интуиция! И появится умение выражаться образно и доходчиво!» Ну наконец-то. А интуиция и вправду резко обострилась. Четыре подростка с тётенькой едут вместе со мной. Думаю: «Поди, в Овсянку». Из разговоров понимаю, что так и есть. А они и не догадываются, что вот эта заспанная личность в клетчатой толстовке—их экскурсовод. У них не обострилось. Видать, они не Рыбы.

Нескончаемая тема сто шестого автобуса.

Рядком: я, парень с удочкой (удочка между ног, строго вертикально), тётенька. Тряхануло. Тётенька:
— Ой, чуть за удочку не схватилась, как за стойку!

Я, машинально, не отрываясь от книжки:
— А чё не схватились?
— Да вспомнила, как одна женщина вот так же схватилась за мотыгу. Тоже подумала, что это стойка. И улетела вместе с мотыгой в конец автобуса…

У нас обычно не говорят «мотыга». Говорят «тяпка».

Ну, я морду тяпкой и дальше еду…

Пару недель назад я получила трещину в ребре. Больничный не взяла, осторожно таскаюсь на работу. Вообще, трасса Красноярск—Дивногорск неплохая, но сейчас на ней ямочный ремонт. Потряхивает.
— Аы-ы!

…
— Ы-ы-ы-ый!

…
— О-о-ой-й-й!

Рядом дядя сидит, кошусь—лицо каменное. Но неудобно, что периодически взвываю. Говорю:
— Вы извините, у меня ребро нарушено…

Даже голову в мою сторону не повернул, молвил:
— Ничего. Очень даже страстно.

Я испуганно заткнулась.

Водители сто шестых автобусов обычно суровы и сдержанны. Им не до юмора. Какой тут юмор—помотайся по горному серпантину несколько раз в день. Однако правил нет без исключений.

Водитель:
— Женщина, вам докуда?
— Да вот думаю… Мне на кладбище надо…
— А я вот думаю, не надо вам на кладбище. Рано!

Сериал продолжается. Сто шестой.
— Ты какать не хочешь? Ты точно какать не хочешь?

Трёхлетний мальчик молчит и пьёт квас. Он вообще маму не слышит. Зато маму прекрасно слышит коллектив сто шестого. И очень даже напрягается. Потому что, знаете ли… В перегаре мы ездим почти каждый день. И даже привыкли… Как-то раз человека вытошнило прямо в салоне. Можно было, конечно, выйти посреди тайги, идти пешком или ловить попутку… Но так никто не поступил. Потому что мы—коллектив. И вот теперь от мальчика зависит, будут ли у нас, так сказать, свежие впечатления от поездки.

Но мальчик молчит и пьёт квас.

Я люблю маленьких мальчиков. Они милы и прелестны. Это потом, потом, позже, всё изменится. Он вырастет. И лет через пятнадцать-двадцать обязательно, всенепременно накакает в душу какой-нибудь женщине…

А пока мальчик молчит и пьёт квас.

Сто шестой маршрут. Женщина, которую не понять каким ветром занесло в автобус (потому

что такие женщины в автобусах не ездят), открывает кошелёк. Девочка лет пяти увидела его содержимое.
— Мама! Откуда у тёти столько денег?
Мама, сконфуженно:
— Тётя их заработала.
Тётя с кошельком неожиданно открывает рот и охотно объясняет:
— Нет, это не я. Это мой любовник заработал. Или украл, может быть.
Не знаю, зачем она это сказала. Но думаю, что после этого у пятилетней девочки в сознании хорошо сформировался образ идеального мужчины.

Девять двадцать — я на работе. Надо в десять. Выезжаю в одно время, привозят по-разному.
Охранник Игорь, испуганно:
— Ты чё так рано???
— Ну так…
— Сто шестой, поди, летел как чокнутый?
— Ну да…
— Вот чё творят? Трасса мокрая, разве можно? И ведь не боятся!
Я ещё не проснулась, мне лень разговаривать.
— Ты б его по голове сумочкой тюкнула!
— Игорь, если *моей* сумочкой тюкнуть — это насмерть…

Дни я провожу в селе Овсянка. Ночи — в городе Красноярске. Не всегда удаётся выспаться. Сегодня всю ночь во дворе тусовались какие-то люди, раздавался смех и пьяные голоса. Возмутительное поведение. Вот у нас в Овсянке никто себе такого не позволяет. Если кто обкушамшись спиртным, так молча падает и смирно валяется у водокачки. Тишину не нарушает. Воспитание!

В выставочном зале — мужчина и женщина.
Женщина, восторженно:
— Вот что надо читать детям! Астафьева!
Я млею…
— А то что в школьной программе?? Ужас какой!!
Я млею…
— «Мастер и Маргарита»! Дурдом…
Выхожу из сомлевшего состояния. Я не боец. Но своих не бросаю. Никогда.
— Насчёт «Мастера» вы не правы…
— А вы что, ево читали??
— Имела неосторожность.
— И что вы там поняли?? Я вот ничего не поняла! О чём это всё???
Маленький, совсем карликовый, гномий крупье, что живёт у меня в голове, мгновенно закрутил маленькую, совсем карликовую, гномью рулетку. В которой любое красное и чёрное было бы верным ответом на вопрос. Но шарик попал в zero.
И я ответила:
— О *любви.*
Михаил Афанасьевич. Мы с Вами. Мы любим. Мы рядом.

В ёлке на астафьевском огороде произошёл удивительный и шумный разговор сороки и вороны. Я аж рот раскрыла, никогда такого не слышала.
Сорока стрекотала, а ворона даже не каркала, а хрипло выговаривала ей что-то.
Интересно перевела беседу смотрительница нашего выставочного зала:
— У неё, поди, там воронёнок, а эта любопытная лезет. Говорит: «Я только посмотрю, я только посмотрю!» А ворона отвечает: «Неча делать. Знаю я тебя, ты посмотришь, потом смотреть не на что будет!»
Вспомнилось: «У нас так в пятьдесят седьмой квартире — старушка попросила воды напиться. Потом хватились — пианины нету».

В Овсянке какая-то пичуга сидит на ёлке у дома Астафьева. Старательно и чётко выводит: «Тютювити. Тютювити». Да, тю-тю Вити…

Подруга вернулась из-за границ. Ездила в отпуск. Давно не виделись. Звоню:
— Что делаешь?
— Отсыпаюсь. Устала, как собака.
«Видала я такой отдых», — подумала я и поехала на работу. В Овсянку.

Как пройти в библиотеку?

В библиотеке скучать невозможно.
— Что бы почитать?
— Возьмите «Анну Каренину».
— А она толстая?
— Кто?
— Анна Каренина толстая?
— …М-м-м… не думаю. Она за собой следила.
— Кто?
— Анна Аркадьевна.
— ????

— А в выходные вы как работаете?
Сам по себе вопрос — блеск.
— В смысле?
— Ну, в новогодние праздники! Тридцать первого работаете?
— Работаем. (Про себя: «А вам тридцать первого декабря больше податься некуда, кроме как в библиотеку? Сходили бы в баню!»)
— А потом как? Когда выходите?
— Четвёртого января.
Разочарованно:
— Ого… только четвёртого…
Да и не говорите, три дня отдыхаем. Сами не рады.

Посетительница сдала книгу. Долго читала, три месяца. Александр Полеев, «Вся правда о женском

оргазме». Я не удержалась, посмотрела данные. Читательница 1938-го года рождения. От Рождества Христова. Пришла пора узнать правду.

Полдесятого (открываемся в десять)—телефонный звонок.
— Вы бы не могли подсказать телефон Государственной Думы?
— Это библиотека.
— А вы бы не могли посмотреть?
— Что?
— Телефон Государственной Думы!

Где ж посмотреть-то? В книжном каталоге? В формулярах читателей? Вот если бы Госдума была нашим читателем—тогда без проблем. Но она не наш читатель. Пока что мы её читатели. Так что—упс.

Пришёл юноша записываться в библиотеку.
— Кем работаете?
— Реставратором!
— Прелесть какая! Отреставрируйте меня!

Немного испуганно:
— Не, я пока только речной вокзал могу…

Накануне девятого мая пришла девушка.
— Дайте что-нибудь о войне.
— ?
— Видите ли, это такое правило у меня. Такой личный мой обычай. Перед Днём Победы я должна прочитать книжку о войне. Что вы мне посоветуете?
— А что вы уже прочитали?
— Пока ещё ничего.

Хороший обычай. Нельзя допустить, чтоб он ушёл в прошлое.

Дала «А зори здесь тихие…».

Записываю книги новому читателю, попутно объясняю:
— Книжечки мы даём на месяц…
— А если я беру две книжки? На два?

Поднимаю глаза. Мужчина серьёзен.
— А если вы возьмёте двенадцать? Мне их на год вам выдать?

Мужчина серьёзен. Подумал. Изрёк:
— Логично.

Люди, да не будьте такими серьёзными! Улыбайтесь!

У читателя (мужчина лет тридцати) звонит телефон.
— Не, тут ваще ни х… денег не платят. Ну не платят ни х… денег, мам, в этом Красноярске!!

Связь громкая.

Мама:
— Сына, ну ево на х…, этот Красноярск, давай назад в Кызыл!

Пример очень доверительных отношений между родителями и детьми.

Читательница лет тридцати:
— Мне надо книжку для мамы. Мураками. Можно?
— Можно. Вам которого Мураками?
— Я не знаю.
— Рю и Харуки у нас есть. Вам кого?
— Я не знаю.
— Давайте остановимся на Харуки, вот несколько книг, выбирайте.
— Ну я ж не знаю, что нравится моей маме!!!

Пример не очень доверительных отношений между родителями и детьми.

Пришёл мужчина в библиотеку.
— Моя дочь к вам приходила?

Я мужчину впервые вижу. Разумеется, понятия не имею, кто его дочь.
— Она взяла паспорт и пошла к вам записываться. Часа три назад.
— Как фамилия?

Простая такая фамилия, у меня уже куча людей записалась, я могла и не запомнить.
— Зовут как?
— Эмилия.

Вот Эмилию я бы запомнила. Но не приходила такая.
— Как не приходила? Она к вам пошла! Где у вас детективы? Она там должна быть. Телефон недоступен…

Не нашёл. А я до конца рабочего дня почему-то думала об этой Эмилии.

Вот куда она зарулила?

Беспокойся теперь.

Я не смеха ради. И не печали для. Просто это мои будни.

Посетитель (юноша):
— Нам задали стихи Евгения Онегина. У вас есть?
— У нас нет. Ни у кого нет.

Та-дам!

Ещё юноша:
— Я всё на букву «Б» просмотрел!
— Да, я видела, что вы там долго что-то ищете. Но подумала, раз не обращаетесь ко мне, значит, знаете, что вам нужно.
— Да. Но я не нашёл Белкина!
— Ну что ж не сказали? Владлен Белкин в краеведении, это в другом зале.
— Не знаю, Владлен—не Владлен. Мне нужны его повести. Повести Белкина.

Та-дам!

Женщина:
— Мне нужна Анна Снегина.
— Вот, пожалуйста.
— Нет, Есенина не надо. Мне Анну Снегину.

Та-дадам! Та-дадам! Та-дадам.

Десять утра, только двери открыли.
— Здравствуйте! Дайте что-нибудь почитать, всё равно что.
— Совсем всё равно?
— Да!
— Вот, пожалуйста, милый учебник по неорганической химии. Редкая вещь в зале художественной литературы. Возьмите, не пожалеете!
— Ой. А романчиков у вас нет?
...Ну нет, конечно. Откуда в библиотеке романчики??
— Ой, а я-то помню, где стоят, я только одну книгу возьму, а то мне ещё к подруге ехать, тяжело тащить.
— Хорошо, выбирайте.
— А это чего вот тут? Это сдали? Можно, я в этой кучке посмотрю?
— Конечно, смотрите.
— Ой, я вот эту и вот эту возьму! И пойду ещё романы посмотрю, хорошо?
— Хорошо.
Выбрала три тяжеленных. О любви.
— Как же я донесу-то? Я ж старушка уже.
— Где вы старушка?
— Ой. Ну мне семьдесят один!!!
— Да ладно?
— Ой. А с выставки можно книги брать?
— Конечно, можно.
— А вот про Раневскую можно?
— Конечно, можно.
— Ой, нет. Я пока её оставлю. А то ж мне ещё не домой, я к подруге еду.
Женщина по имени «ой». Настоящая женщина.
Ой, ну всё. Вы меня поняли.

— У вас есть писатель... Щас...
Роется в телефоне.
— Щас... ну где?.. щас-щас... вот! Мойес!
— Только «После тебя».
— Что?
— Мойес. «После тебя».
— Что после меня? Я не понял. Очередь на него?
— Роман Мойес называется «После тебя». Будете брать?
— А! Буду! Так я не понял, на него после меня очереди нет?
— А зачем вам это?
...И тут же думаю: «А зачем *мне* это?»

По понедельникам у нас собираются шахматисты. Дедули и бабули режутся в шахматы с часу дня и чуть ли не до закрытия библиотеки. Часа в три подходит дедуля ко мне:
— Дай телефон. Бабке позвоню, чтоб не волновалась.
Слышу, бабка берёт трубку. Дедуля кричит:
— Филипповна! Я в шахматном клубе!
Слышу, Филипповна отвечает:
— А мне какое дело? Чё ты звонишь? Мне некогда.
— Ты меня не теряй!
— А где ты?
— В шахматы играю. В библиотеке.
— Да я знаю. Чё ты звонишь-то?
— Ты меня не теряй!
...Трогательно. Очень.

Новая читательница. Год рождения—1965-й. Заполняю формуляр.
— Номер телефона свой продиктуйте.
— Мамин?
— Свой. Вы же записываетесь, а не мама.
— Я для мамы буду книжки брать.
— Номер телефона продиктуйте.
— Мамин?
— Свой.
— Маме стало тяжело ходить, а читать она любит, я буду ей книги брать.
— Номер телефончика можно узнать?
— Мамин?
—...продиктуйте номер телефона, по которому вас можно будет найти.
— Меня?
— Вас.
— Или маму?
— Вас!
Таки продиктовала. Я не знаю, свой или мамин.
У кого ангельское терпение? У меня ангельское терпение.

Копаюсь в книгах, слышу, гардеробщица спрашивает у кого-то:
— А чей он, «Чёрный принц»?
Поднимаю голову, кричу:
— Мэрдок!
Там пауза недоуменная. Думаю: «Что это вдруг Мэрдок понадобилась человеку, который всегда Донцову и Воронову читает?» Оказалось, речь о сыре. Есть такой сорт сыра—«Чёрный принц».
И ощутила я себя человеком, который слаще морковки ничего ел...

Женщина бодрой походкой прошла по залу, быстро выбрала две книги. Записываю. «Сексуальная революция» и «Охота на самца». Боже, в такую жару...

Девонька лет восьми. Стрекозень, которая ещё не встретилась с муравьём. Актриса готовая. Каждая реплика—спектакль. Очередь из двух бабушек, двух тётушек и одного дядечки замерла от восторга.
Девочка сдаёт книгу Чехова.
— Вы Чехова кому брали?
Я-то думала—брату-папе-маме-дедушке...
— Себе!

— И всё прочли? Даже «Вишнёвый сад»?????
— Да! Только ничего не запомнила! Я не знала, что мне только «Каштанку» надо, и всю книгу прочитала!

Стрекоза упорхнула, очередь хохочет. Антон Павлович тонко улыбается.

Читательница третий раз продлевает книгу. Да ладно бы Монтень какой-нибудь, а то — детектив. Говорю:
— Вы чего его так долго смакуете? Третий месяц.
— Да какой-то он… туго идёт.
— Ну так и бросьте! Мучиться ещё. Сколько той жизни…
— Да понимаете, там написано: любимый детектив английской королевы! Интересно же, что в нём королева нашла.
— Да я вас умоляю. «Написано»! Это просто серия такая. А английская королева давно забыла, как книги открываются…

…А потом думаю: «А что я так на английскую королеву-то? Босота. Она, может, с утра до вечера только и делает, что детективы читает…»

Разговариваю с юными. Ну, относительно юными: одной двадцать четыре года, второй — двадцать восемь. Говорю:
— И вот вторая часть марлезонского балета.
— Это что такое вы сейчас сказали?
— Классику не знаете?
— Да мы балет не смотрим. И оперу.
— Это из «Трёх мушкетёров».

Одна:
— А. Ну я их не знаю. Знаю, что одного звали Атос, второго — Портос, третьего… не помню.

Вторая:
— Дантес!

Первая:
— Ну да. И что они там делали? Мушкетёрили? Вот не люблю я про рыцарей.

Это реальный разговор, правда.

Новый читатель пришёл.
— Где, кем работаете?
— Тренер. Спортивная школа «Вертикаль».
— Ух ты! Альпинизм?
— Нет. Шахматы.

Неожиданно.

Коллега записала новую читательницу. Смотрю в формуляр. Профессия: «Секрет».
— Это что такое? Тайный физик?
— Ой! Секретарь! Это я торопилась.

За полчаса до конца рабочего дня пришла молодая женщина.
— Можно вопрос задать? Скажите, а я у вас записана?

Я как-то и не особенно удивилась. Сделала вид, что и меня в полдевятого вечера обычно заботят подобные вопросы. Вот как полдевятого бахнет, так я задумываюсь: «Интересно, а я в библиотеку записана? Пойду-ка проверю…»

Вваливается в библиотеку тётя с авоськами, пакетами, тяжело дышит, чуть ли не от дверей кричит:
— Здрас-сьте! А Зуева здесь?

Пока идёт до меня, я судорожно думаю, кто такая Зуева.

Дошла:
— А Зуева здесь?
— А кто это — Зуева, извините?
— Вы чё, Зуеву не знаете??

Не, ну я знаю Зуеву, но она сейчас за сотни кэмэ, здесь никак не может быть.
— Зуеву-то все знают! Мы на базе разминулись.

Устроила свои кули в уголке, пошла книги выбирать.

Вваливается ещё одна тётя с авоськами и пакетами.
— Здратути. Можно, я вот тут поставлю?.. Ой! А это Любины сумки?
— Не знаю.
— Не знаете, чьи сумки? Да вроде Любины. Да точно — Любины.
— Это сумки женщины, которая искала Зуеву.
— Так это я — Зуева! Мы на базе потерялись.

Из недр библиотеки появляется Люба:
— Ну, слышу, Зуева пришла!

Встреча на Эльбе. Теперь я знаю Зуеву. И Любу. И вы тоже.

Мужчина выбрал две книги. Первая — «Как остановить старость». Вторая — «Волна страсти». Нахлобучило, знать, мужика. Завидую.

Среди постоянных читателей есть три брата.

Я, правда, не сразу поняла, что их трое. Сначала говорила: «Ты же вчера был», — он говорил: «Не был я вчера!»

У меня с лицами сильно плохо, я и не заморачиваюсь, это бесполезно.

И вот они втроём пришли. Одновременно. Наконец-то. Одно лицо. У троих. Совершенно одинаковые лица. Я посмотрела в этот трельяж, обалдела. Это шикарно. Мальчишки лет по десять.
— Вы тройняхи?
— Нет. Мы двойняхи, а это — брат.

Я присмотрелась. Поняла. Брат на год младше. И чуть пониже. Через чуть-чуть он сравняется с двойняхами. И будет — не отличить вообще. Я понимаю, что характеры разные. Я уже почти научилась их различать. Они совершенно одинаково грассируют. Но и это я скоро научусь различать.

Но когда на тебя смотрят три одинаковых оленёнка — это впечатляет.

Женщина, смущённо:
— Извините… а у вас здесь нет — случайно — туалета?

Есть! Совершенно случайно! И об этой случайности давно знают все бомжи в окру́ге…

Мой народ прекрасен и удивителен. Библиотека четвёртый год работает с десяти до двадцати одного часа. Без выходных. Но обязательно каждый день кто-нибудь звонит, и разговор всегда одинаков:
— Здравствуйте. Библиотека.
— Это библиотека?
— Это библиотека, здравствуйте.
— А вы сегодня работаете?

А-а-а-а!!! Ну нет, мы не работаем, я забежала просто с вами по телефону поболтать!!!!

Все мы разные. Кто-то аккуратист, кто-то — порося.

Приносит мужчина книги сдавать, вместе с книгами из пакета высыпается земля. Засы́пал мне весь прилавок.

Я говорю:
— Что за намёки? Я, конечно, уже сильно не девочка, но землёй натираться пока не собираюсь…
— Ой! Это я сделал?
— Ну нет! Из меня высыпалось!
— Ой-ё-ё-ёй, видимо, пакет из-под картошки взял.

Видимо.

Пошла я книги чистить…

Школьница:
— Мне нужна книга «Тучка».
— ?? Приставкина?
— Не знаю.
— А кто же знает? Автора книги надо знать.
— Щас, я где-то записывала.

Достаёт наконец-то мятую бумажку.
— Щас. Не могу понять, что написано.
— Написали и не можете понять?
— Да это не я писала! Ну «Тучка»! Книга!
— Дайте вашу бумажку.

Я вообще хорошо разбираю каракули. Смотрю — «Островский». Да ладно?
— Островский?
— Да! Точно! Островский! «Тучка»!

Чтобы не спятить, пришлось применять всякие дедукции. В результате выяснилось, что речь о бессмертной драме «Гроза». Но до безумия мне оставалось ровно два шага.

Звонок.
— Здравствуйте! А бассейн сегодня работает?
— Нет. В нашей библиотеке пока нет бассейна.
— Э-э-э-э-э… А будет?

Я не знаю. Всё может быть.

— А где у вас Толстой?
— Который?
— В смысле «который»?

А во взгляде читается: «Понабрали библиотекарей! Толстого не знают!»

— У вас копию паспорта можно сделать?
— Да, пожалуйста.
— А что для этого нужно?
— Три рубля.
— Хорошо.
— Давайте паспорт.
— А что, и паспорт нужен??
— Ну-у-у-у… если поразмыслить… Я с чего копию снимать буду?
— Я думал, как-нибудь так…

Если читателю нужна какая-то определённая книга и в библиотеке она есть, но сейчас у кого-то на руках, что делает библиотекарь? Правильно, записывает заказ в специальную тетрадочку. Когда книга возвращается в библиотеку, библиотекарь звонит читателю и радостно говорит: «Приходите скорее, „Шантарам“ сдали, он вас ожидает».

Читатель Кузин захотел «Шантарам».
— Книга на руках. Записать вас на неё? Как сдадут — позвоним.
— Да, конечно! Как здо́рово!

«Шантарам» этот… толстый такой. Его долго читают. После Кузина на книгу записались ещё двое.

Появляется Кузин. Где-то через месяц.
— «Шантарам» ещё не сдали?
— Сдали. И забрали уже. Я три дня вам звонила — бесполезно. А на книгу очередь.
— А! А я на незнакомые номера не отвечаю.

Я замерла с ручкой. Ну что сказать? Очки поправила и дальше работаю…

Пришла семейная пара. Жена недовольная. Муж книги вынимает из пакета.

Я занята, записываю книги читателю, который уже выбрал. Боевики, боевики. И внезапно — Метлицкая.

Недовольная жена заинтересовалась. Смена мимики на лице. Мужу — торжествующе:
— Вот! Мужчина берёт книги жене! А тебе стыдно мне Шилову или Донцову взять, тащишь меня с собой в библиотеку!! Я картошку только хотела почистить…

Смотрит на меня, ищет сочувствия. Понимаю. Я тоже люблю картошку. Но не знаю, что сказать. Пауза затянулась. Торжествующая жена смотрит на меня выжидательно. Я молчу.
— Стыдно ему! А? А вот муж берёт жене!

Читатель, который уже выбрал, невозмутимо расписался в формуляре и спокойно сказал:
— Почему жене-то? Я себе беру.

И это была единственная возможная точка в ситуации.

Ребёнок лет четырёх-пяти постоянно приходит то с мамой, то с бабушкой.

Закашлял. Я:
— Илюха! Ты что, болеешь?
— Нет! Он только сейчас начался!
— Кто?
— Кашель! Это меня кто-то вспоминает, значит.

…Знал бы ты, Илюха, как часто меня кто-то вспоминает. Особенно по утрам.

Женщина долго ходила по залу. Осматривала все стеллажи. Листала некоторые книги. Ставила их на место. Смотрю, собралась уходить ни с чем.
— Может, вам помочь?
— Не надо. Я поняла, что не хочу читать.

Вот так. Аппетит не всегда приходит во время еды. Иногда вид еды может отбить аппетит.

Мой любимый возраст — четыре-пять лет от роду.

Беседуем.
— Ты стихи любишь?
— Люблю!
— Какие?
— Какие??
— Чтобы в них что было?

Глубокомысленная пауза.
— В журнале!!!!

Вот съела бы от любви.

А у вас нет резиночки? Нет, не стирательной, мне волосы завязать, мешают!. ..В следующий раз принесу. И бигуди, фен. Мало ли?..

— Здравствуйте. Может, сегодня что-нибудь возьму. А то в прошлый раз приходила, ничего не выбрала.
— Наверное, вы просто были не в настроении…
— Нет. С моей профессией я не имею права быть не в настроении.
— Какая же у вас профессия?
— Повар.

Я завидую людям, которым готовит этот повар.

Мои библиобудни начинаются ещё до рабочего дня…

…В библиотеку приходит газета, которую кому надо, тот и берёт. Бесплатно. Обычно берут пенсионеры. Особенно по пятницам — там телепрограмма. В какой-то момент мы заметили, что газеты стали как-то быстро заканчиваться. Стало газет не хватать. Всегда ещё и на субботу, а то и на воскресенье оставались, а тут прям в первой половине дня пятничного пенсионеры идут и спрашивают:
— А что, газет не осталось?

Странно.

Выяснилось, что исчезают газеты после визита одной бабушки. Она просто забирает всё.

Ещё странней. Зачем ей столько газет?

Выяснилось (читатели рассказали), что бабушка потом ими на углу торгует. То есть берёт бесплатно, а отдаёт за какие-то деньги. Безусловно, зарабатывать как-то надо. Но, пардон, всё-таки не совсем это правильно… Пришлось эту бабушку запомнить, благо «берет немыслимый такой на ней», и давать ей строго два экземпляра.

А к чему я всё это?.. Я ж про другое хотела. А, да. Мои библиобудни начинаются ещё до рабочего дня.

В понедельник еду на работу в автобусе. Сонно, холодно, и вообще как-то всё… и ещё Новый год этот грядёт… а вот это уже не успеть… и подарки надо… чего-нибудь там…

И тут мне под капюшон заглядывает мужчина. И произносит:
— А у вас с пятницы газеты остались?

У меня, собственно, всё.

Читателей в нашей библиотеке много. Среди них встречаются забывчивые. У нас забывают шапки, перчатки, сумки, очки, флешки, наушники, книги, которые только что выбрали… Потом всё, конечно, легко находят. Чаще всего забывают читательские билеты.

Бывают редкие забывашки. Один раз у нас забыли ребёнка. До остановки дошли, поняли: чего-то не хватает. Вернулись, забрали. Один раз бабушка забыла свою палку. До угла доковыляла, поняла: чего-то не хватает. Вернулась, забрала. Я к тому времени об этот костыль, прислонённый к дивану, уже дважды споткнулась…

А раз после большого наплыва посетителей вдруг наступила тишина. И чувствую я — эта тишина пахнет. Вкусно пахнет. Смотрю: под столом лежит пакет полиэтиленовый, а в нём — три сардельки. Хорошие такие, жирненькие, аппетитные. И ароматные.

Если кто не знает, современный библиотекарь — это не просто библиотекарь. Он ещё и фотограф, и дизайнер, и массовик-затейник, и нянька, и воспитатель. И детектив. Начинаю поиск владельца сарделек.

С продуктовой базы, что неподалёку, или из магазина «Мясная лавка», что совсем рядом, к нам обычно приходят бабушки. Им так удобно: сначала продуктами затарятся, потом идут за духовной пищей. Поставят сумки с покупками на диваны или на стулья и разбредаются по залу, книги выбирают. Пытаюсь вспомнить, кто ставил сумку вблизи места найденной колбасы. Не помню. Поднимаю формуляры последних посетителей, среди них, к счастью, оказываются всего четыре бабушки. Обзваниваю — никто не отвечает, бабушки пошли дальше по своим делам, а дел у них много. И только к вечеру начинаются весёленькие диалоги.
— Римма Викторовна, здравствуйте! Библиотека Добролюбова беспокоит…
— А что такое? Девушка, я ничего не должна, я только сегодня была, всё сдала: и Черкасова,

и Маркова, а про Дашкову я объяснила — её моя соседка Надя читает, ей немного осталось, она не успела, мне обещали продлить…
— Римма Викторовна!!!!! Вы сардельки сегодня покупали???
— Э-э-э-э-э? Каво?
— У нас кто-то сардельки забыл, вот всех обзваниваю.
— А-а-а-а! Нет, не покупала.
Ну и хорошо, не эта без ужина осталась.
Второй звонок оказался счастливым. Я выпалила скороговоркой:
— Вера Николаевна, это из библиотеки Добролюбова. Не вы у нас сардельки потеряли?
— Ах! Вот где! А я-то думаю: где?
— Вера Николаевна, у нас холодильника нет, до конца рабочего дня два часа, так что вы давайте…
— Ой! Да милые мои! Да я ж только пришла! Я так устала! Да ни за что не поеду назад! Девочки, да вы уж покушайте! Я ж только разделась! Кушайте, мои дорогие, кушайте!
Вот и прекрасно, для Веры Николаевны это не единственная еда. И мы без ужина не остались.
Я люблю вас, мои читатели.

Девушка в библиотеке. Загорелая-презагорелая, в шортах, похожих на трусы. Пришла впервые.
— У меня такая просьба… я в книгах ничего не понимаю.
— Да в них никто не понимает.
— Я просто вообще не читаю. Хотя я из читающей семьи. Все читают, а я не читаю. Но дайте мне что-нибудь для моего молодого человека.
— А что он любит?
— Я не знаю.
— А кто знает? Я?
— Сейчас я ему позвоню.
Не дозвонилась. Пошли методом аккуратной разведки. Сколько лет молодому человеку, чем занимается… Хотя всё это такой не совсем показатель… Остановились наугад на трёх книжках: одна фантастика, один боевик, одна классика… Записываю.
— Ну что ж вы не читаете? Может, попробовать?
— Да пробовала! Не моё!
— А кино? Кино любите?
— Нет! Кино тоже не моё.
— М-м-м-м-м… А что ж вы делаете?
— Я думаю. Я очень много думаю.
Ну, тоже дело. Не поспоришь.

— Мне книгу надо…
— Слушаю вас.
— А что?
— Какая книга вам нужна?
— А, не помню.
— Отлично!
— Во! Точно! На букву «О»!
— Ещё отличней… Молодой человек, что с памятью?
— Да забыл я.
— На букву «О» — автор? Или название произведения?
— Э-э-э-э-э… ну-у-у-у.
— «Обрыв», «Обыкновенная история», «Обломов»??? Островский? Осеева?
— Я посмотрю, у меня записано. Вот! Спаркс! Николас Спаркс! Есть у вас такое?
— Есть!
…Много чего есть на «О». Остеохондроз есть… Остервенение лёгкое… Особое Отношение к людям.
Кому чего надо — жду. Пока не Окочурилась.

Звонок.
— Библиотека? А вы книги продаёте?
— Нет. Мы же не магазин. Мы книги даём бесплатно. С возвратом.
— Странно.
Если подумать, то действительно — странно. В «Винотеке» же, к примеру, вино бесплатно не дают. С возвратом.

Строжусь:
— «Война и мир» сейчас всем нужна, поэтому не задерживайте.
— Ой, да я через неделю принесу.
— ? За неделю четыре тома прочитаете?
— Да там надо-то… у нас такая программа… я вообще только одну эту прочитала… как её… «Грозу».
— Странная программа. А «Грозу» кто написал?
— Ой, да я не знаю.
— А вообще в голове что-нибудь от той «Грозы» осталось?
— Да, конечно! Она там потом в конце сбросилась.
— Куда?
— В озеро!
Мама дорогая, батюшка родный…

Я ни в коем случае не националистка… Но я трус.
И когда в воскресенье… Когда в библиотеке из охранников я, Нина Ивановна на швабре, Дарья Борисовна в другом зале…
И тут заходят три косых сажени ярких брюнетов, сильно небритых… Активно ходят, смотрят на стеллажи, белозубо улыбаются. Кивают друг другу…
— Атлычно, атлычно, — говорят.
Тут трусанёшь, конечно… Но при этом я понимаю, что «Преступление и наказание», которое вот прям одно осталось, я им не отдам, даже если меня гранатой по башке стукнут. И уж тем более первую часть «Анны Карениной», она тоже одна.
А они мне улыбаются и говорят:
— Хорошо у вас! Мы будем приходить!
— До свидания, — говорю я.
И иду курить во двор через дорогу.

Вы даже не представляете, насколько наш народ мучим жаждой. И я не представляла, пока в библиотеке кулер не поставили. Это ж невидаль, к нему очереди выстраиваются.

По-моему, у моего народа чёткая установка—использовать максимально всё даденное. Пришёл в библиотеку—книги, само собой. Но здесь есть туалет! Надо посетить! О, кулер! Надо пить!

Пейте, дорогие люди. Всё для вас!

Звонок.

— Здравствуйте. Это бабушка.
— Здравствуйте, бабушка. Это библиотека.
— А Шихова там есть?
— А кто это?
— Моя внучка.
— Она должна здесь быть?
— Сказала, в библиотеку пошла.
— У меня такой читательницы сегодня не было. Она сказала, зачем пошла?
— Писать… этот… как его… как их, пишут их они всё время…
— Реферат?
— Да!
— Сейчас я спрошу в компьютерном зале.

И там Шиховой не оказалось.

— Не было у нас сегодня вашей внучки!
— Вот сучка! Я так и знала!

Думаю, не видать нам теперь Шиховой и вовсе никогда.

Когда-то мы хохотали над анекдотом. Там жена выискивала мужа-пьяницу, методично обходя все питейные заведения в окру́ге. Наконец находила его, брала за шкирку, вела домой и ругала: «Сволочь! Я все рестораны, все бары обошла!» Муж оборонялся: «Какого чёрта ты меня по барам ищешь? Сходила бы в музей, в библиотеку, там поискала бы!» Было смешно. Уже нет. Неактуально.

Как знают все, кто со мной общается, моя библиотека работает до двадцати одного часу. Многие из тех, кто со мной общается, говорят: «Да ладно? Что за ерунда? Кому в библиотеку захочется в девятом часу вечера?..»

Хроника нескольких вечеров.

Вообще, ближе к девяти вечера активизируются фанаты Шпенглера, Кафки и Ницше. Это нормально уже—забежать в двадцать тридцать с испуганными глазами: «У вас есть Ницше?» И сразу понятно, что без Ницше человек не уснёт. У нас всё есть. Иду искать Ницше…

Двадцать тридцать пять. Входят четверо юношей:

— У вас же можно компьютером воспользоваться?

Да. У нас всё можно.

— Только мы не записаны. Что нужно, чтоб записаться?

Да пустяки. Паспорт.

— О как! Тут ещё и паспорт нужен, прикиньте, пацаны!

Нужен. Время тикает. Паспортов нет. Парни готовы за ними сбегать. Но я что-то не готова ждать.

Двадцать сорок.

— Здравствуйте!

И вам не хворать, мамочка с трёхлетним малышом.

— Можно, мы в детской комнате побудем?

Можно. У нас всё можно. Двадцать минут до закрытия. За сколько дитё разденется? Дублёночка, шапка, рукавички, комбинезончик, сапожки… Теперь уже и одевайтесь обратно. Где шарфик?

Двадцать сорок пять.

— А что это, вы уже закрываетесь?

Суровая мама с дочей-школьницей… Да прям. Это у меня просто ноги в туфлях устали, я переобулась в ботинки…

— Вам Ницше?
— Каво? Нам задали… как, Лиза? Как нам задали? Где ты записала? Давай сюда! Вот! «Челкаш» нужен! Можно?

Можно. У нас всё можно.

— Горький вот, на этой полке, посмотри́те. Я пока на звонок отвечу.

Продлеваю по телефону срок сдачи книг, возвращаюсь к маме с дочей.

— Куда вы нас послали?

Я??? Послала?????

— Всю полку перерыли! Здесь нет Гоголя!
— Какой Гоголь? Вы же «Челкаша» просили!
— Да! Но Гоголя здесь нет! Тут только Горький!!

Двадцать пятьдесят. Дедушка. Бодренький.

— Это же библиотека?

Я уже не знаю. Вроде да. С утра точно была библиотека. Заглянул в один зал. Посмотрел на компы, как Новосельцев на мобиль в квартире Самохвалова. Заглянул в другой зал. Книги. Не, не то. Взгляд потух. Увидел копировальный аппарат. Взгляд загорелся:

— О! У вас копии можно сделать?

Можно. У нас всё можно.

— А сколько стоит?
— Три рубля.
— Три *рубля???* Вы что, обалдели?

Да. Кажется, я уже обалдела…

Улица. Свежий воздух. Такси? Конечно, такси.

— Вам куда?

Я и не знаю… Я никуда не хочу.

— Можно на Взлётку?

Почему нет? Вот у нас всё можно…

— На Взлётку??? Десятый час! Я ж потом оттуда не уеду!

А я, кажется, отсюда не уеду. И смысла не вижу. Ведь завтра снова в бой. Милый бой. Покой нам только снится…

Я люблю вас, мои читатели. Мои таксисты. Мой город. И мой снег.

Павел Карякин

Всё покрывает «белый шум»

Обзор прозы. Журнал «Новый мир», №№7-8/2019

Все охотно повторяют, что правду говорить легко и приятно. Сказать такое — что и говорить! — приятно, но сначала надо позаботиться, чтобы это было и правда так. Не будем забывать, кто это сказал и чем кончил.

Александр Жолковский

Известно, что во второй половине девятнадцатого века у образованной части русского общества был исключительно популярен толстый журнал. Художественно-публицистические издания имели огромный авторитет и значительно преобладали над книгой. Интересно, что на Западе журнал не имел такого преобладающего положения, как в России, и там «царствовала» книга.

В России новые произведения печатались сначала в журналах, и лишь затем выходили отдельными изданиями. Да и то не всегда.

В советское и постсоветское время авторитет толстого журнала у образованной публики сохранился, и можно сказать, что толстый журнал — это своеобразный буфер между книгой и читателем.

Любое литературно-художественное издание стремится максимально охватить современные тенденции литературных направлений. Попасть в толстый журнал — удача для любого автора, ведь такая публикация — некий знак качества.

Сегодня, дорогой читатель, мы полистаем прозу авторитетнейшего московского издания с почти столетней историей. Встречайте: «Новый мир»! Поехали!..

Роман «Деление на ночь»

Григорий Аросев, Евгений Кремчуков, №№7–8

Первыми, кто пожелает вернуться к этому очень необычному роману, будут читатели, интересующиеся философией, вопросами бытия, предназначения (предназначения «вообще»), вопросами смыслов, смысла смыслов, психологии, но не как психологии как таковой, а как инструмента в постижении одного из самых загадочных явлений в этом мире — человеческой души и её места в этом мире. И одним из таких читателей буду я, поскольку усвоить всё многообразие смыслов, трактовок и авторских точек зрения с ходу непросто.

Перед нами странное (в хорошем смысле) произведение: многослойное, сложное, более чем неоднозначное. «Роман-шарада». Ближайшая аллюзия, пожалуй, — «Игра в бисер» Германа Гессе. Кроме философского контекста, эти произведения, конечно, мало схожи сюжетно и по смыслу, но вот идейное ядро и некоторые замыслы, как мне кажется, весьма перекликаются: оба произведения — произведения-загадки, если хотите. Оба — и «Игру в бисер», и «Деление на ночь» — можно трактовать как некую «философскую игру», куда читатель приглашается в качестве наблюдателя как минимум и в качестве участника как максимум — участника рассуждений, возможного автора собственного, пусть и внутреннего, монолога.

Одна из центральных тем романа «Деление на ночь», как уже упоминалось, — бытие человека как некая объективная реальность — с одной стороны, но реальность ли и объективная ли — с другой. Насколько та самая объективность «объективна», если предположить, что человек (человеческая душа) может существовать в другой реальности, например, в наших снах? В момент сновидения мы пребываем в другом измерении, и та «объективная реальность», которую мы берём за отправную точку нашего существования в яви, в наших же снах ничего не значит!.. Несмотря на таинственность, детективную интригу, связанную с загадочным исчезновением одного из героев, и постоянные отсылки к теме смерти, роман трудно назвать мистическим в полной мере. Может, философско-мистическим, с элементами эзотерики? Ну, допустим... Лейтмотив смерти предлагается вниманию читателя часто, но как бы косвенно. Кроме того, «кастанедовский уход» пропавшего героя из реального мира подан столь изобретательно, что читатель до последнего ломает голову: «Так что же произошло на самом деле?!» Вопросы смерти здесь рассматриваются даже не на уровне чего-то неизбежного, сакрального, мистического и так далее, но на уровне какого-то абстрактного явления. Явления, которого как бы и... нет! То есть смерть существует, но как абстрактная категория, и на самом деле её — смерти то есть — не существует вовсе в привычном понимании! Так есть она или нет?!

Несмотря на мастеровитую выделку художественного полотна (стиль, образы, диалоги, великолепно достоверные персонажи), погружаться в это произведение трудно. Приходится предпринимать шахтёрские усилия, чтобы продвинуться вперёд. С самого начала произведение напоминает непрерывный поток рефлексий, разбавленных диалогами. Многие диалоги чудо как хороши, но затем вновь череда мыслей, мыслей, мыслей… Временами этих мыслей и рассуждений—чересчур, сюжет раскручивается медленно, как маховик. Однако эта «подготовка» необходима,—она формирует важное пространство, платформу событий, куда помещается читатель… Примерно со второй половины роман набирает обороты и приобретает необходимую динамику—читатель захвачен в плен и уже целиком во власти авторов. Персонажи—разные по замыслу—яркие, нестандартные, блёклые (по жизни), незаметные—очень достоверные и чрезвычайно настоящие, и они не отпускают. Своеобразно решена линия взаимоотношений «мужчина—женщина»—эротизм здесь какой-то очень бытовой, что ли…

В ироничной форме используется приём сказания: «И накренился самолёт на левую сторону, и увидел Воловских внизу Красное море, и осознал величие случившегося». Временами возникает стойкое ощущение неуместности этого приёма, и, несмотря на присутствие библейских линий, художественная мотивация порой не улавливается.

Одной из центральных мыслей романа может послужить, пожалуй, вот эта: «Число и точка, функция и линия—вот что имеет значение. Облако памяти, неевклидова сфера сознания, где заключена победа человека над пространством, над собственными пространственными и временными границами. Где натюрморт окружающего мира превращается в ноктюрн».

Рассказ «Старший брат»

Михаил Тяжев, №7

Короткое произведение, которое не может похвастать достойным качеством литературного вещества. Вызывает вопросы и психологическая достоверность: не веришь! В основе—криминальная линия, ведущая к невразумительной развязке: финал довольно неожиданный, но как читатель чувствуешь себя обманутым. Однако есть и существенные достоинства: рассказ динамичен, ярко эмоционален и пролетает легко и быстро…

Подборка «Искусство как подвох и другие виньетки»

Александр Жолковский, №7

В этого автора влюбляешься! Натурально, без аллегорий! Первое, что бросается в глаза,—очень тонкое, чистое по стилю письмо. И тончайшие же ирония и самоирония. Мысли и рассуждения, оригинально поданные, очень остроумны! Тонко остроумны! Исключительно выигрышна и форма: это короткие миниатюры («виньетки», как их называет сам автор), но чрезвычайно концентрированные по смыслу, сбалансированные—хочется применить технический термин—и приносящие при чтении настоящее, можно сказать—физическое, наслаждение!

Капитальный талант Жолковского, прежде всего, состоит в умении подавать глубокие и серьёзные мысли сравнительно простым и лёгким языком, выделанным тем не менее весьма мастеровито. Понять «основное», что хотел сказать автор, возможно и при минимальном читательском культурном багаже (хотя, конечно, определённая культурная же и филологическая подготовка не помешает—будет только интереснее). И всё это пронизано потрясающим юмором! Миниатюра «Искусство как подвох», прямо скажем, провокативна, и я предвижу недовольные лица у представителей определённой читательской аудитории, но хочется сказать, что говорить о серьёзном несерьёзно, да так, чтобы это было очевидно,—задача более чем нелёгкая!

Послевкусие исключительное—прочитанное ещё долго поёт в голове, и ты знаешь, что захочешь к нему вернуться не раз (наверное, самый мощный комплимент автору). Если вам, дорогой читатель, доведётся быть в компании, на банкете «короткой руки», где все свои и есть люди, обладающие вкусом, то можно блеснуть этими миниатюрами. Уверен, люди, склонные к нестандартной эстетике (да и к стандартной тоже) оценят предложенный «деликатес»! Он похож на благородное вино, хоть бы и игристое! Коротко, но точно эту подборку можно охарактеризовать такой цитатой: «В качестве словесных завитушек виньетки призваны радовать глаз и слух, но в качестве заметок о том, что было, вынуждены с кривоватой улыбкой держаться истины».

«Неродная речь»

Галина Зеленина, №7

Первое же погружение, буквально первые две-три страницы, вызывают оторопь. В журнале действует рубрика школьных сочинений? Односложные предложения, рубленые и короткие, как у троечников. Помните: «Чем меньше слов в предложении, тем меньше можно допустить ошибок». Дальше читатель испытывает ещё большее недоумение, столкнувшись с небольшой инструкцией «как принимать гостей», и уж совсем необычно выглядит короткая справка «зачем нужны библиотеки» и наставление «как записаться в городскую библиотеку». Разумеется, опытный

участник литературного процесса обязательно поймёт, что это авторский приём. Довольно странный, но применённый осознанно и умышленно. И, следует сказать, работает это мощно, задавая иррациональный контраст тексту, который следует дальше и усиливает авторский замысел.

Нетрудно предвидеть скепсис иных читателей, которые могут воскликнуть: «Ну сколько можно об одном и том же?!»; «Но отработанный ведь материал, все уже писали об этом!»; «Опять о жертвах репрессий, о советском строе, как всё было плохо?! И не надоело?!..»; «Да сколько можно демонизировать советский строй?!»—и так далее, и тому подобное… Наверное, отчасти эти читатели будут правы, но мне бы хотелось сказать, что затрагивать эти страшные темы только тогда, когда это «востребовано и модно», пожалуй, то ещё кощунство перед памятью, историей, правдой и особенно теми, кто стал жертвой страшного времени. И здесь искусство хорошего литературного слова призвано не только и не столько развлекать (в своё время тема эта эксплуатировалась довольно спекулятивно и бессовестно на волне всеобщего интереса), сколько соответствовать более высокой и ответственной миссии: сохранить память о вещах, о которых неудобно говорить (особенно когда это всем «надоело», дескать: «Было и было—кто старое помянет, тому…»), о вещах, о которых нельзя забывать, о которых не имеем права забывать! Хотя бы для того, чтобы такое никогда не повторилось!

Эта тяжёлая проза, неудобная, но она необходима! Как говорил Ницше: «В вещах интеллектуальных нужно быть честным до жестокости».

Короткие рассказы «Всё вот это вот»

Янис Грантс, №8

Всю подборку, в которой рассказы имеют лишь номинальный сюжет, можно охарактеризовать как результат рефлексии опыта. Мне кажется, что этой прозе присущи черты импрессионизма. Сюжеты статичны, что время от времени подчёркивается поэтическим рефреном; в развёрнутых локациях не происходит почти ничего значительного, а чёткая авторская мысль уступает место, скорее, пассивному нервическому восприятию происходящего (как персонажами, так и автором); герои зачастую пассивны, хотя и неуравновешенны, и почти всегда погружены исключительно в собственные переживания. За отсутствием выраженного сюжета мало выражен и конфликт, обозначенный лишь штрихами и символически. В наибольшей степени это касается миниатюр «Ошибся», «Шестнадцать» и «Звезда».

Думаю, это экспериментальная проза; подразумевается непрерывный поиск новых решений. Во многом эти рассказы базируются на постмодернистской платформе: фрагментарность, ирония, а также попытка стереть границы между «традиционным» и «нетрадиционным», попытка (возможно, непроизвольная) сменить полярность.

Улавливаются и экзистенциальные черты («Тихоня» и особенно «Враньё»): уникальные вопросы бытия, рассматриваемые в тесной связи с природой чего-то очень эмоционального, влияющего на нравственный выбор; попытка понять причины неустроенности индивида, недовольства миром, а также, среди прочего, понять, как нами могут управлять маленькие и очень маленькие страхи.

Ключевая мысль всей подборки могла бы быть такая: «Ждать—вот что самое невыносимое».

Рассказ «Попова Курья»

Максим Гуреев, №8

Убийство, психологические муки, страхи, игры подсознания… Само изложение истории—литературно яркое, колоритное. Однако, несмотря на серьёзный набор вышеизложенных качеств, произведение воспринимается как что-то чрезвычайно развлекательное и легковесное. Сюжетный перевёртыш и сознательное введение читателя в постоянное заблуждение «убийца/не убийца» сводят на нет весь драматический градус, выставляя сюжет в крайне спекулятивном свете. Труп находят, ножевых ран нет: «Значит, не убийца? или всё-таки убийца?..» Настроенный на серьёзную драму читатель обманут, ибо драма не состоялась, превратившись в аттракцион…

Повесть «Соединённые штаты мечты»

Александр Мелихов, №8

В этом произведении фактически отсутствует сюжет. Повествование напоминает бытовые зарисовки о буднях вахтовиков «на северáх», скрашенные чисто мужским, временами солёным юморком. Темп повествования также избран более чем неспешный. Много ярких, колоритных образов: «Обломова в науку привела беда. Смышлёный колхозный пацан учится на колы и двойки и в пятнадцать лет разбирает и чинит любой мотор, квасит на равных со взрослым и на равных вваливается в правление качать права… подкладывает под председательское крыльцо откопанную… гранату…» Один из героев ближе к финалу едва не погибает, но, к счастью, всё завершается благополучно.

Несмотря на колорит, интересные детали и авторские находки, произведение выглядит беспощадно затянутым, и полученная мораль не оправдывает читательского долготерпения…

Победители конкурса «Суперперо»

Красноярск, 2018

Елизавета Латышева

7 класс, школа №115

Вечеринка у бабушки

Кому ни рассказываю эту историю, говорят, что не может быть, придумала, мол. Вам судить, мои читатели.

Нас не было на даче всего лишь два дня. Но бабушке хватило и их. Бледная, измученная, с синевой под глазами, встречала она нас у калитки. За чаем поведала такую историю:

— Не спала, дети мои, две ночи. В первую — жуткие звуки раздавались с нижнего этажа. Казалось, какой-то неправильный оркестр визжал, завывал, гремел, звенел. Спуститься вниз не решилась. Включила свет, начала читать. Перед рассветом уснула. Проснувшись, увидела: на кровати, что напротив моей, развалились и спят крепким сном три кошки — наша Аська, соседские Муська и Стёпка. Жалости к ним не было — шуганула так, что им мало не показалось. На другую ночь перед сном открыла балконную дверь. Пение птиц радовало и успокаивало. Я крепко уснула. «Бах! Бабах! Бах!» — слышалось с первого этажа. Не может быть! Что — уже пёс привёл товарищей?! Включаю свет. Спускаюсь. Дружная троица скачет со шкафа на шкаф. Летят журналы, газеты, с гвоздей — поварёшка, половник, дуршлаг.

Умная! Мудрая наша Аська! «Чего слоняться под дождём с друзьями? Зазову-ка их к себе. Мои-то уехали», — решила кошка и вышла на балкон.

Не верите, что такое бывает? Правда, было!

Анастасия Пирог

10 класс, школа №97

Покоритель мечты

Милая моему сердцу Мария!

Время здесь идёт незаметно, текуче и плавно, ускользая сквозь пальцы; невероятно страшно изо дня в день видеть только белое пустое небо над головой. Я отправился в эту экспедицию не один, но сейчас только мои глаза устремлены в сияние этого ледяного солнца, и оттого всё страшнее мне продолжать свой путь, ведь только от мысли, что я и вправду один на всём этом чёртовом клочке земли, меня бросает в жаркую лихорадку. Я знаю, что это письмо ты никогда не получишь, даже будь здесь хотя бы захудалый почтальон, но в моём жутком положении мне ничего более не остаётся, кроме как изливать своё отчаянье на бумагу. Ты и только ты всегда была рядом со мной в тягчайшие моменты моей судьбы, а потому я имею смелость просить тебя остаться в моём сознании в последние минуты. «Геркулес 1913» — всё, что найдут те люди, которые отправятся на поиски пропавшей экспедиции, тело моё занесёт снегом, и никто более не вспомнит о славном геологе.

Имея на борту четырнадцать человек экипажу, «Геркулес» должен был вернуться в октябре прошлого года после высадки на островах Шпицберген. Добрались мы превосходно, было собрано несколько ботанических и геологических коллекций, а затем, отправив нескольких человек попутным пароходом в Россию, мы пошли на Новую Землю, что стало моей роковой ошибкой, стоившей жизни целому экипажу. Я решился на эту авантюру, считая, что запасов достаточно, а погода не должна помешать. Однако там нас ждало непреодолимое препятствие в виде плотных льдов. Нашему судну такое было не по зубам, а потому было решено остаться на зимовку. Ближе к весне я стал уговаривать капитана попробовать пройти Северным морским путём и добраться до Северной Земли. Должен раскаяться, изначально, когда экспедиция только планировалась, но было уже ясно, что спонсором выступит министерство внутренних дел, я лелеял мечту стать тем, кто первым вступит на Северную Землю и оставит на ней след современного цивилизованного человека. К стыду своему, я так горел своей идеей, что не замечал истощённости моей команды, желания многих вернуться домой, ведь мы и так вышли за рамки сроков; поэтому капитан угрюмо отказывал мне, пока в один из дней я не упал ему в ноги и не принялся убеждать в необходимости продолжения пути.

Я не хочу описывать, к чему привели мои пламенные уговоры и неосмотрительность, потому что в памяти ещё слишком живы образы

умирающих людей, замерзающих насмерть или голодающих. Да, погибла бóльшая часть экипажа, пока капитан настойчиво не устроил высадку на маленьком безымянном острове, которого даже не было на картах. Почти сразу капитан забрал остатки команды, и они ушли, оставив мне только скудную часть припасов. Знаешь, я не сужу их, ведь по моей вине погибли их коллеги и друзья. Будь я на их месте, возможно, даже не оставил бы и крошки хлеба такому мерзавцу. Первое время я старался следить за временем и держаться, шёл в ту сторону, где, по моему мнению, должны были проходить суда, а сейчас я даже не берусь сказать, какое сегодня число и жив ли кто-то из команды, кроме меня.

Милая моя, дорогая и любимая жена, я чувствую глубокую вину в сердце. Перед Богом ли, перед теми ли людьми, которые отдали свои жизни ради страны, перед тобой ли? Под этим небом все чувства смешиваются воедино, как краски на холсте художника, превращаясь в обычную серую и тусклую грязь. Поэтому я просто хочу оставить это письмо здесь, чтобы лёд и снег погребли его навечно, потому что это последняя отрада в этом мире, которая может принести хоть мимолётное облегчение скорбящему человеку, смеющему называть себя учёным.

С безграничной любовью, Владимир Русанов.

Артём Бердников

6 класс, гимназия №13 «Академ»

Лунтики в моём аквариуме

Однажды, прогуливаясь по лабиринтам акватеррариума парка флоры и фауны «Роев ручей» и разглядывая ярких и необычных водных жителей, я встретил потрясающих существ. В первый момент я даже не поверил своим глазам. Из аквариума на меня смотрели… лунтики. Слегка розовенькие, ушастые и глазастые… Только вместо ног у них были хвосты. Надпись на табличке гласила: «Мексиканский аксолотль».

Уже позже я узнал, что аксолотль — это личинка ящерицы амбистомы, обитающей в озёрах Мексики. Эти удивительные амфибии, ещё только являясь личинками, уже способны к размножению (в науке такое явление называется «неотения»). Но самое интересное, что аксолотли способны к регенерации утраченных частей тела — конечностей и даже внутренних органов.

Стоя перед аквариумом и любуясь этими необычными существами, я твёрдо решил, что у меня дома тоже будут жить такие чудо-амфибии.

Очень долго не мог я их найти ни в зоомагазинах, ни в Интернете — ведь аксолотли занесены в Красную книгу. И только спустя полгода, в июле, наконец-то удача улыбнулась мне. Одна моя знакомая, биофизик по профессии, устав наблюдать за моими тщетными поисками, подарила мне двух аксолотлей.

Теперь, когда я прохожу мимо домашнего аквариума, маленькие лунтики подплывают очень близко к стеклу и с интересом следят за моими передвижениями. А уж как мне нравится наблюдать за ними!

Однажды одному из моих питомцев откусили хвост — печальное зрелище! Сначала я испугался и расстроился, но потом вспомнил о регенерации и решил отсадить пострадавшего в другой аквариум. О чудо! Через две недели у него уже отрос новёхонький хвостик, да ещё красивее прежнего.

Про аксолотлей очень мало информации в Интернете, но кое-что я всё-таки обнаружил. На них почти не ставят опыты. В Мексике при определённых условиях аксолотль превращается в ящерицу-амбистому. Желая узнать об этом больше, я пошёл в библиотеку. После долгих поисков мне удалось получить нужную книгу. В ней было даже описано, как превратить аксолотля в амбистому в домашних условиях, но этого я делать, конечно, не стал. Мне они нравятся именно такими, похожими на персонажа известного мультфильма.

Мои лунтики любят кушать с руки и замирают от удовольствия, когда их поглаживают по спинке. Однако эти милые существа могут и разозлиться. Случилось так, что во время кормёжки самый проворный вцепился мне в палец и долго не хотел отпускать. К счастью, это было ни капельки не больно, а смешно, потому что у аксолотля нет зубов. Обычно, когда я прикладываю палец к стенке аквариума, амфибии, навострив свои пушистые «ушки», подплывают вплотную и пытаются съесть неопознанный объект.

Вообще, аксолотли ленивые: почти весь день они ползают по дну и прячутся в свои «домики», собранные из камней и ракушек. Но бывают у них и периоды активности. Правда, такие игры заканчиваются не очень весело. Поскольку аксолотли от природы не очень хорошо видят, то не всегда успевают отплыть в сторону от встречающихся на пути преград. Я частенько наблюдал, как лунтики разгоняются и врезаются в висящий в аквариуме термометр. Однажды после такого столкновения прибор даже упал на дно.

У аксолотлей есть несколько различных вариантов окраски, начиная от природного серого с чёрными пятнами, так называемого дикого, и заканчивая полученными в ходе лабораторных работ золотого и белого (бледно-розового) альбиноса. Пока что у меня один серый аксолотль, и пять альбиносов. Ещё в природе есть «арлекин», у которого одна половина тела, к примеру, белая, а другая — серая. Я очень хочу приобрести ещё золотых аксолотлей и пока активно их разыскиваю.

Кстати, название «аксолотль» нам подарили ацтеки. Самый распространённый перевод этого слова — «бог разрушения и смерти». Существует и другое значение — «играющий в воде». Прожив с моими питомцами уже почти полгода, я могу с уверенностью сказать, что второй вариант точнее отражает характер и поведение милых лунтиков. Надеюсь, что скоро их исключат из Красной книги.

Надежда Щёголева

9 класс, школа №42

Плёночный друг

Каждая вещь по-своему интересна. У каждой брошенной вешалки, старой ручки, сломанной прикроватной тумбочки, забытого носка или разбитой вольфрамовой лампочки есть своя история, есть судьба, которую они проживали где-то и с кем-то. Кому-то они были нужны, им радовались, их берегли, ими пользовались, а потом… выбросили за ненадобностью. Такова судьба старых вещей. Жизнь большинства вещей короче жизни людей, но в их судьбах немало общего.

У вещей, как и у людей, есть своя родословная. Происхождение их полно загадок и тайн, о которых мы не задумываемся. Вот на моём подоконнике стоит горшок с кактусом. Обыкновенный горшок из глины. Но, может быть, когда он был простым ископаемым, в нём присутствовали обломки горных пород? Может, он начал свою историю в дельте реки в далёких Нидерландах или на дне моря?

Вещи живут своей жизнью. Мы придирчиво рассматриваем их, особенно когда собираемся купить, прицениваемся, торгуемся. А они следят за нами, изучают нас и, наверное, тоже дают нам оценку. Вот картина на стене подземного перехода, написанная неизвестным художником… Её продают рядом с овощным лотком. Люди бегут мимо, иногда покупают лук и картошку, выбирают огурцы и помидоры. На картину на стене никто не смотрит. А она смотрит на людей и, наверное, мечтает о тёплом, уютном доме и внимательном хозяине. Её так испугали горластые мужики и так понравилась тихая девушка с серьёзными глазами. Но… все прошли мимо. Вещи, как и люди, бывают одиноки…

Вещи привыкают к месту. У хорошей хозяйки все вещи на своих местах. Как и люди, вещи не любят переездов. Нашим вещам очень не повезло: им пришлось с нами переезжать много раз. Главными в доме в таком случае становились картонные коробки и рулоны скотча. Вокруг них все суетились, укладывая хрупкое в мягкое, маленькое в большое. А в новом доме вещи доставали из коробок, словно из волшебных сундуков, иногда удивляясь неожиданным находкам.

Так я вдруг обнаружила потемневший от времени футляр. В нём загадочно поблёскивал фотоаппарат «Зенит-С». Это оказалась модель зеркального фотоаппарата далёких советских времён. Этот фотоаппарат — воплотившаяся заветная мечта моей бабушки. Ещё школьницей, в шестидесятые годы, на его приобретение она копила деньги, откладывая со школьных завтраков, походов в кино и покупки мороженого. Она искала эту модель в магазинах города, а когда нашла, приходила, словно на свидание, туда, чтобы полюбоваться на это чудо — «Зенит-С». Порой в магазин она приходила с подружками, и они дружно вздыхали у витрины, понимая, что это счастье недостижимо. Но чудеса случаются. И творят их чаще всего для нас родители. Так и моей бабушке родители подарили чудо — фотоаппарат! Праздник был для всего двора! Первые фотографии (совсем туманные и нечёткие от времени) — это друзья моей бабушки! Фотоаппарат стал диктовать свои условия для жизни. Так, например, с фотоаппаратом надо было обязательно гулять по скверам или у реки, выезжать за город.

Фотоаппарат заставлял искать красивые пейзажи, необычные сценки, интересные лица. Фотоаппарат стал весомой причиной для летнего путешествия на машине по югу Советского Союза. С ветром в волосах, с улыбкой на юном лице — такой я вижу свою бабушку, запечатлённую на снимках той поры. Фотоаппарат помог ей открывать новые города. Она снимала закаты и звёздное небо, окутанные дымкой поля и море. Море было тихим, было штормящим. Всегда прекрасным. Но больше всего на снимках всё же людей. Их лица — это целый мир, необычность характеров и судеб. Моя бабушка познавала этот мир, вглядываясь в него через объектив фотоаппарата. Да, «Зенит-С» сыграл важную роль в жизни моей бабушки и многих её сверстников.

Мои ровесники тоже вооружены фотоаппаратами, ведь телефон в руках у каждого! Это уже не чудо сегодня, а обычная вещь. Каким же они видят мир? Что ищут через объектив? В основном себя! Правит миром подростков волшебное слово — «селфи»! Вот только подарил его нам какой-то злой волшебник. Он заставляет взбираться на крыши многоэтажек или балансировать на краю обрыва, он приучил ежеминутно ловить своё драгоценное лицо в разных ракурсах. И ничто другое не интересно!

Я смотрю на старый, видавший виды фотоаппарат моей бабушки… Он был один на целый двор детворы. Мало кто мог позволить себе купить такую роскошь. И всё же мне кажется, что ребята той поры были богаче нас. Я, признаюсь, завидую им и своей бабушке!

Да, о многом могут заставить задуматься обычные вещи: брошенная вешалка, сломанная тумбочка, картина на стене… или старый фотоаппарат.

Виктория Шейко
17 лет, г. Ульяновск

Наш современник Н.В. Гоголь

Часто сквозь видимый миру смех
льются невидимые миру слёзы.
Н. В. Гоголь

Чудное явление предрекло русской литературе необычайное, славное и великое в этот день. Истинный гений и творец, талантливый сочинитель — поэт, воспевающий природу и жизнь родного края, близкий душе и сердцу читателя, любитель и знаток театрального мира Николай Васильевич Гоголь был рождён 1 апреля 1809 года. Мы не можем не отдать дань памяти и признания, обойти вниманием и любовью эту дату — 210 лет со дня рождения этого замечательного человека. Можно ли назвать случайностью, что именно этот 2019 год объявлен театральным? Ведь именно театральная жизнь как одна из ярких граней творчества была накрепко связана с жизнью писателя. Вот что он сам писал по этому поводу: «*Театр — это такая кафедра, с которой можно много сказать миру*»

Безусловно, дата хотя и не круглая, но значимая и позволяет не забывать нам творческую личность, труды которой, пройдя сквозь эпохи и время, остались так же молоды, свежи и современны, как будто это написано только вчера. Николай Васильевич Гоголь считал, что искусство должно пробуждать в человеке лучшие качества и чувства. Именно этим стремлением передать чистоту и красоту мира, оторвать от всего низменного и пошлого, воспеть лучшие человеческие свойства пронизано всё творчество писателя.

«*Искусство стремится непременно к добру, положительно или отрицательно: выставляет ли нам красоту всего лучшего, что ни есть в человеке, или же смеётся над безобразием всего худшего в человеке. Если выставишь всю дрянь, какая ни есть в человеке, и выставишь её таким образом, что всякий из зрителей получит к ней полное отвращение, спрашиваю: разве это уже не похвала всему хорошему? Спрашиваю: разве это не похвала добру?*»
Н. В. Гоголь

Его удивительная особенность таланта выявлять, выворачивать наизнанку обыденность повседневной жизни, мощными, смелыми мазками отмечать и вырисовывать серость, лицемерие и пошлость, отравляющие жизнь человека, одновременно даруя ему множество эмоций, мыслей, наставлений и скрытых, неясных знаков является неоценимой заслугой и может служить примером, пожалуй, каждому человеку. Сам Н. В.Гоголь прекрасно понимал, что его произведения будут восприниматься неоднозначно, вызывать яростные, противоречивые оценки в глазах соотечественников. Он писал после выхода в свет его поэмы «Мёртвые души»: «*…Герои мои вовсе не злодеи; прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми. Но пошлость всего вместе испугала читателей. Испугало их то, что один за другим следуют у меня герои один пошлее другого, что нет ни одного утешительного явления, что негде даже и приотдохнуть или перевести дух бедному читателю и что по прочтенье всей книги кажется, как бы точно вышел из какого-то душного погреба на Божий свет. Мне бы скорей простили, если бы я выставил картинных извергов; но пошлости не простили мне…*»

Николай Васильевич Гоголь получил известность уже при жизни. Литературный мир того времени без колебания принял его в свои ряды, понимая, что перед ними грандиозный творческий талант, произведения которого можно перечитывать многократно, каждый раз открывая для себя новые грани, оттенки, особенности человеческой натуры и жизни.

Не случайно Александр Сергеевич Пушкин так уважал и ценил Николая Васильевича Гоголя, отмечая его талант, мастерство, особенности творчества — своеобразие слога, тонкий юмор, жизнерадостность и необыкновенную поэтичность.

Читая и перечитывая сочинения Н. В. Гоголя, каждый из нас может задуматься над своей жизнью, усмотреть то самое тонко подмеченное, написанное могучим, живым слогом, что трогает нашу душу, заставляет печалиться и веселиться, смеяться и плакать, пробуждая самое чистое, лучшее и прекрасное, что только может быть в человеке. Не случайно всё творчество писателя пронизано борьбой с человеческими пороками и недостатками, всем тем, что мешает совершенствованию такого необходимого и нужного для прекрасной человеческой жизни. И за всё это ему огромнейшее почтение и искренняя благодарность!

стр. 173
Адалло (Алиев Адалло Магомедович)
Дагестан, 1932–2015

Классик аварской поэзии, прозаик, публицист, общественный деятель. Основные творческие работы: «Птица огня», «Тайные письма», «Алмазное стремя», «Воспоминания о любви», «Годекан», «Живой свидетель». Около 20 стихотворений переложены на музыку. Автор 30 книг на аварском и русском языках. Отдельные произведения вышли за рубежом на турецком и др. языках. В настоящее время издаются его избранные произведения в 7 томах.

стр. 25
Алешков Николай Петрович
Набережные Челны, 1945 г. р.

Родился в селе Орловка Челнинского района Татарской АССР. Работал монтёром связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината. Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой и литературной работой. После службы в армии работал литсотрудником газеты Московского округа ПВО «На боевом посту». В 1972 году вернулся на малую родину. Был редактором набережночелнинской городской газеты «Время», а также редактором межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В 1982 году окончил заочное отделение Литературного института имени А. М. Горького (семинар Н. Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР. В настоящее время — главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан». Автор 12 книг стихов и одной книги публицистики, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и Набережных Челнах. Лауреат республиканской литературной премии имени Г. Р. Державина (Казань, 2005), Всероссийской литературной премии «Ладога» имени А. Прокофьева (Санкт-Петербург, 2009), Международной литературной премии имени Марины Цветаевой (Елабуга, 2016), премии имени Н. И. Рыленкова (Смоленск, 2017). В 2018 году награждён дипломом Золотого лауреата международного литературного конкурса в Германии «Лучшая книга года» за книгу избранной лирики «Дальние луга» (издательство «Маматов», Санкт-Петербург, серия «Библиотека российской поэзии», 2017). За эту же книгу получил Серебряного витязя на Международном Славянском литературном форуме «Золотой витязь» (октябрь 2018). Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, почётный гражданин города Набережные Челны. Член Союза российских писателей.

стр. 44
Астраханцев Александр Иванович
Красноярск, 1938 г. р.

Родился в деревне Белоярка Мошковского района Новосибирской области. Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Более 20 лет работал в строительстве в Красноярске. Прошёл путь от мастера до заместителя начальника домостроительного комбината. Очерки, рассказы, повести публиковались в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «День и ночь», «Дети Ра» и др., в альманахах «Енисей», «Новый Енисейский литератор». Автор более 10 книг прозы, публицистики, драматургии, изданных в Москве и Красноярске. Отдельные рассказы выходили в сборниках «Лучший рассказ года» (Москва, Новосибирск и др.). Лауреат журнала «Молодая гвардия» (1984) в номинации «Очерк». Член Союза российских писателей. Член редколлегии журнала «День и ночь».

стр. 159
Баронец Влада
Санкт-Петербург

Родилась в городе Каменск-Шахтинский Ростовской области. Окончила факультет филологии и журналистики РГУ (романо-германское отделение). В Санкт-Петербург впервые приехала в 2006 году. Работает техническим переводчиком. Призёр конкурса «Поэтический атлас» (2017) и конкурса переводчиков имени Линецкой (2018). Лауреат премии «Молодой Петербург» (2019). Публиковалась в журналах «Звезда» (2012, 2014), «Север» (2017), газете «День литературы» (2018), антологии «Заря» (2018).

стр. 10
Беликов Юрий Александрович
Пермь, 1958 г. р.

Поэт, эссеист, публицист. Родился в городе Чусовом Пермской области. Окончил филологический факультет Пермского госуниверситета. Автор четырёх поэтических книг: «Пульс птицы», «Прости, Леонардо!», «Не такой», «Я скоро из облака выйду». Обладатель Гран-при и звания «Махатма российских поэтов» (всесоюзный фестиваль поэтических искусств «Цветущий посох», Алтай, 1989), лауреат международного фестиваля театрально-поэтического авангарда «Другие» (2006) и ряда литературных премий — имени Павла Бажова (2008), имени Алексея Решетова (2013), общенациональной премии имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству» (2014). Основатель трёх поэтических групп: «Времири» (конец 70-х),

«Политбюро» (конец 80-х), «Монарх» (конец 90-х). Лидер движения «дикороссов» и составитель книги «Приют неизвестных поэтов» (Москва, 2002). В начале 90-х входил в редколлегию журнала «Юность». Работал собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором газеты «Труд». Стихи публиковались в журналах «Юность», «Знамя», «День и ночь», «Арион», «Дети Ра», «Флорида» (США), «Зарубежные записки» (Германия), «Киевская Русь» (Украина), «Иерусалимский журнал» (Израиль), в антологиях «Самиздат века», «Современная литература народов России», «Антология русского лиризма. XX век», «Молитвы русских поэтов». Награждён орденом-знаком Велимира «Крест поэта», орденом Достоевского I степени. Член редколлегии журнала «День и ночь».

стр. 35
Велкаяйев Егдже
(Чашин Валерий Викторович)
Мурманская область, 1961 г. р.

Родился в Мурманске. Поэт и музыкант. Автор около 200 песен. Поёт на грузинском, узбекском, норвежском, английском языках. Окончил педагогический университет, мореходное училище имени И. И. Месяцева. 11 лет ходил в море на рыболовецких судах — в машинной команде, затем радистом. В 90-х годах его концерты состоялись в одной из англиканских церквей в Кейптауне и на польском бриге «Фредерик Шопен» в порту Санта-Крус-де-Тенерифе. В 2011–2012 годах жил с семьёй в городе Alta (Норвегия). Выступал с авторскими концертами в культурных центрах, попечительских домах (Sykehjem/eldre) и больницах провинции Finnmark. Публиковался в литературных альманахах «Мурманский берег» и «Площадь Первоучителей» (Мурманск), в интернет-журналах «45-я параллель», «Кругозор», «Чайка», в альманахе-навигаторе СРП «Паровозъ» (Москва). Один из авторов многотомника «Кольская энциклопедия». Автор поэтических сборников «Будем жить!», «Детская площадка», «Первые». Состоит в Союзе российских писателей.

стр. 157
Виноградов Илья Леонидович
Мурманск, 1978 г. р.

Журналист, поэт, прозаик. Член Союза писателей России. Автор книги рассказов и пяти книг стихотворений. Автор переводов стихов с болгарского. Печатался в российских и болгарских периодических изданиях. Победитель ряда всероссийских и международных конкурсов, организатор и член жюри нескольких литературных фестивалей и конкурсов.

стр. 176
Долгополова Татьяна Геннадьевна
Красноярск, 1970 г. р.

Родилась в Красноярске. Окончила Красноярский педагогический университет. Автор книг стихов: «Зодиакальная болезнь», «Московское время», «Лепта», «От себя». Лауреат премии Фонда им. В. П. Астафьева. Живёт в Красноярске.

стр. 103
Забродский Денис Владимирович
Воронеж

Родился и вырос в Грозном, в 16 лет с семьёй переехали в Воронеж. Служил в армии, окончил Воронежский энергетический техникум, потом политехнический университет. Стихи начал писать с ранней юности, творческий поиск шёл всегда, параллельно со всеми жизненными событиями.

стр. 104
Иванова Виктория Игоревна
Челябинск, 1992 г. р.

Окончила филологический факультет Челябинского государственного педагогического университета (2014). Выпускница Литературных курсов 2012 года. Руководит детской литературной студией имени Е. А. Губиной «Ось» в МАОУ «СОШ №94 г. Челябинска» с 2014 года. Автор двух книг прозы: «Двенадцать с хвостиком» (Челябинск, 2014), «Утренний дом» (Челябинск, 2017). Публиковалась в литературно-художественном альманахе Южного Урала «Уральская линия», в сборнике произведений участников семинара-совещания «Мы выросли в России», в электронном журнале «Молоко», в сборнике женской прозы «Я научила женщин говорить», в сборнике произведений участников VIII Межрегионального совещания молодых писателей «Направление мысли». Лауреат VI Международной Южно-Уральской литературной премии в номинации «Проза. Талантливая молодёжь» (2017) и XII открытого интернет-фестиваля молодых читателей России «Сочи-МОСТ 2013». Участница межрегионального совещания молодых писателей в г. Бугуруслане (2013), Международного совещания молодых писателей и писательского форума «Рифейские встречи» в г. Каменск-Уральском (2015). Организатор открытого Фестиваля-конкурса детского и юношеского литературного творчества «Как слово наше отзовётся» в Челябинске. Член Союза писателей России.

стр. 187
Карякин Павел
Челябинск, 1976 г. р.

Окончил Челябинскую государственную медицинскую академию (1999). Выпускник Высших литературных курсов (2011), член Союза писателей России. Прозаик, публицист, критик. Руководитель областных семинаров ОГБУК «ЧГЦНТ», выездных семинаров «Исток-плюс» (Златоуст, Миасс). Осуществляет руководство литературной мастерской на базе ЧОУНБ. Участник Международного совещания молодых писателей (Каменск-Уральский, 2011), Межвузовского литературного форума имени Гумилёва (Переделкино, 2012). Член жюри литературного конкурса «Стилисты добра»,

детских литературных конкурсов «Алые паруса творчества», «Как слово наше отзовётся», «Люблю Отчизну я». Публиковался в литературно-художественных альманахах и сборниках Екатеринбурга, Тобольска, Оренбурга и др. Автор книги прозы «Иксион» (Челябинск, 2017).

стр. 10 **Кононов Иван Арсеньевич**
Москва, 1953 г. р.

Поэт, бард, телеведущий, продюсер, актёр кино. Родился в Ростове-на-Дону. В 1980 году окончил факультет журналистики МГУ по специальности «литературный сотрудник радио и телевидения». Работал киномехаником на киностудии имени Горького. Был референтом, редактором, ответственным выпускающим информационной программы «Время» Гостелерадио СССР. С 1985-го — в Главной редакции молодёжных программ ЦТ Гостелерадио. Один из создателей и авторов публицистических программ «12 этаж», «Будка гласности», «Пресс-клуб». Стоял у истоков создания первой негосударственной телекомпании «АТВ». Был одним из основателей и заместителем директора «Новой студии» РГТРК «Останкино» (1992). Главный редактор IV канала РГТРК и ведущий субботнего эфира (1992–1993), автор и ведущий программы «Третий глаз» (ATV) на телеканале НТВ (1993–1997), вице-президент ЗАО «Телекомпания «Авторское телевидение» (1995–2001), руководитель и ведущий программ «Вместе», «Времечко. Ночной полёт», «Новая Старая квартира», создатель и руководитель молодёжного ток-шоу «Акуна Матата». В 1988 году написал цикл песен о Ростове-на-Дону. Среди них — «Речка Темерничка», «Мореходка», «В Ростове падают каштаны», «Левый берег Дона», «Над Доном золотые купола». Эти песни в разные годы исполняли Константин Ундров, Михаил Шуфутинский, Никита Джигурда, трио «Реликт». В 1999 году выпустил книгу стихов «Конец века» с иллюстрациями автора и предисловием Эрнста Неизвестного, затем, в 2008-м, увидела свет поэтическая книга «Смыслы» с предисловием Юрия Арабова, а в 2017-м — пьеса в стихах «Русский человек», в 2018-м — книга «Эра Водолея», которую составили стихотворения, фотографии, рисунки и сценарий, а также интервью с автором. Работал проректором Московского института телевидения и радиовещания «Останкино», советником генерального директора ООО «Газ-Ойл» («Газпром») по связям с общественными организациями и органами государственной власти. Член правления Фонда «Артика СГ». Живёт в Москве.

стр. 135 **Криворотов Сергей Евгеньевич**
Астрахань, 1951 г. р.

Врач-кардиолог. С 2011 года полностью перешёл на литературную деятельность. Публикации в российских и зарубежных литературных изданиях (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Новосибирск, Волгоград, Ижевск, Кемерово, Барнаул, Уфа, Екатеринбург и др., а также Украина, Беларусь, Казахстан, Молдова, Германия, Чехия, Австралия, Канада, США, Финляндия, Новая Зеландия). В 2006 году стал серебряным лауреатом Второго Международного литературного конкурса «Золотое перо Руси» в номинации «Сказка». В 2010-м — второе место на литературном конкурсе на лучший короткий рассказ журнала «Нива» (Астана, Казахстан). В 2016-м — лауреат международного литературного конкурса «Экорассказ» журнала «Эколог и Я» (Гомель, Беларусь).

стр. 153 **Лунин Юрий Игоревич**
Подмосковье, 1984 г. р.

Родился в Партизанске (Приморский край). Окончил Литературный институт имени А. М. Горького (творческий семинар А. Е. Рекемчука, 2010). Работал в подмосковной газете (2009), ночным наладчиком температурного режима в камерах грибного хозяйства (2011). Рассказы публиковались в сборнике «Facultet» (2007), альманахах «Пятью пять» (2009) и «Радуга» (в пер. на итал., 2012). Лауреат литературного конкурса «Facultet» (2009, 2010). Лауреат российско-итальянской литературной премии для молодых авторов «Радуга» (за рассказ «Гады», 2012).

стр. 127 **Манаева Ирина Александровна**
Красноярск, 1986 г. р.

Родилась в городе Острогожске Воронежской области. Окончила Воронежский государственный педагогический университет по специальности «учитель русского языка и литературы». С 2011 года живёт в Красноярске. В 2014 году заняла второе место во Втором Международном литературном конкурсе «Лохматый друг» в номинации «Рассказы о животных»; в 2015-м — третье место во Всероссийском литературном конкурсе юмористических рассказов «Святая простота». В том же году стала лауреатом в Международном литературном «Гайдаровском конкурсе-2015» в номинации «Проза взрослых авторов».

стр. 142 **Маркова Полина Сергеевна**
Красноярск, 1989 г. р.

Родилась в городе Красноярск-45 (ныне Зеленогорск). Последние годы работает в городской библиотеке имени Н. Добролюбова (Красноярск). Победитель конкурса среди работников сферы культуры и искусства в номинации «За личные достижения талантливой молодёжи в сфере культуры и искусства», победитель премии руководителя администрации Кировского района «Одарённость» в номинации «За высокие достижения в общественной и профессиональной деятельности». В литературном журнале публикуется впервые.

стр. 73

Мельникова Валентина (Ирина) Александровна

Абакан/Сочи, 1953 г. р.

Российский писатель, автор популярных исторических детективов и сентиментальных романов. Настоящее имя — Валентина Александровна Мельникова. Псевдоним Ирина взяла потому, что издательству «Эксмо», в котором она печатается, показалось имя Валентина слишком длинным. Родилась в 1953 году в городе Белая Калитва Ростовской области. Мать — донская казачка, отец родом с Дальнего Востока. Детство и молодость провела в Абакане. С детства писала сказки и всегда знала, что станет писателем. Образование — высшее, окончила факультеты иностранных языков и психологии. Работала педагогом, журналистом. Вдова. Имеет четверых взрослых детей. В 1997 году написала первую книгу «Неоконченный романс». Отправила её в издательство «Эксмо». Через месяц получила предложение заключить договор. В 1998 году роман вышел в свет и имел большой успех. Под псевдонимом Ирина издаётся в «Эксмо», а в издательстве «Центрполиграф» печатается под именем Валентина. Автор более двух десятков книг. Дипломант Министерства внутренних дел России. Лауреат литературной премии Сибирского федерального округа за серию романов «Агент сыскной полиции».

стр. 40

Минаков Станислав Александрович

Белгород, 1959 г. р.

Поэт, прозаик, переводчик, эссеист, публицист, очеркист. Родился в Харькове (УССР). С 1961 по 1978 год жил в Белгороде (РСФСР). В 1983 году окончил радиотехнический факультет Харьковского института радиоэлектроники. Автор поэтических сборников «Имярек» (1992), «Вервь» (1993), «Листобой» (1997), «Хожение» (2004), «Невма» (2011), «Снить» (2014), а также книг прозы, энциклопедий и альбомов о храмах и святынях Руси. Член Союза писателей России. Из Национального союза писателей Украины исключён в Харькове в 2014 году, после 20-летнего пребывания в организации. По причинам преследований за инакомыслие вынужден был в августе 2014 года уехать в Белгород (РФ). Лауреат Международной премии Арсения и Андрея Тарковских (2008), Всероссийской премии имени братьев И. В. и П. В. Киреевских (2009), имени Б. Слуцкого (1998), «Народное признание» (2005) и других литературных и журналистских премий России и Украины. В 2014 году награждён Золотой медалью «Василий Шукшин».

стр. 39, 156, 160, 165

Минин Евгений Аронович

Иерусалим, Израиль, 1949 г. р.

Поэт, пародист, организатор литературного процесса. Стихи и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах. Издатель альманаха «Иерусалимские голоса», приложений к альманаху «Литературный Иерусалим», издатель и редактор множества поэтических сборников. Автор текстов песен для шести музыкальных альбомов, выпущенных российскими студиями грамзаписи. Председатель Иерусалимского отделения СП Израиля, член Союзов писателей Израиля и Москвы, директор Международного союза литераторов и журналистов (APIA) по Израилю, литературный представитель за рубежом газеты «Информпространство» (Москва). Лауреат нескольких литературных премий. Член судейского корпуса Международной литературной премии «Серебряный стрелец» (2008, 2009, 2010).

стр. 89

Мурзина Оксана Юрьевна

Красноярск, 1972 г. р.

Воспитатель детского сада. Пишет стихи и прозу. Лауреат II степени краевого поэтического конкурса «Услышь меня в кинематографе», проводимого кинокомпанией «Сибирь-фильм» при поддержке КГБУК «Центр культурных инициатив». Самиздат на сайте «Ридеро»: сборники «Небеса», «Танцевала душа», «Энергетика души», детская книжка-сказка «Анариэль».

стр. 33

Поповский Александр Сергеевич

Челябинская область, 1962 г. р.

Родился в посёлке Астрахановка Актюбинской области. Окончил Актюбинский техникум железнодорожного транспорта и Челябинский государственный педагогический университет. В разные годы работал электриком, контролёром, инженером ПТО, метрологом, председателем спорткомитета, специалистом по связям с общественностью, учителем физической культуры, машинистом. Первое стихотворение опубликовано в журнале «Костёр» и болгарской газете «Септемврийче». Многочисленные публикации в российской и зарубежной литературной прессе. Автор 5 поэтических сборников. Участник двух Всероссийских совещаний молодых писателей. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Венедикта Станцева, литературной премии Уральского федерального округа и литературной премии Российского творческого союза работников культуры в номинации «Поэзия». Дипломант Южно-Уральской литературной премии. Финалист Международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции». Номинирован на международную литературную премию «Писатель XXI века» и поэтическую премию «Московский счёт». По версии еженедельника «Поэтоград» (Москва) книга «Главное останется за скобками» вошла в 55 лучших изданий 2016 года. Член Союза писателей России и Союза писателей XXI века.

стр. 170 **Радостева Наталья Евгеньевна**
Воркута

Поэт. Автор многих книг и публикаций. Родилась в Куйбышеве (ныне Самара). Живёт и работает в Воркуте. Возглавляла воркутинское городское литобъединение «Сполохи». Член Союза писателей XXI века с 2016 года.

стр. 6 **Ромашков Юрий Валерьевич**
Енисейск, 1988 г. р.

Родился в Красноярске. Затем переехал в деревню Старая Кузурба Ужурского района. В конце 1990-х новый переезд — на этот раз Шарыповский район, деревня Александровка. В 2009 году окончил исторический факультет Енисейского педагогического колледжа. После службы в рядах Вооружённых сил РФ поступил на исторический факультет Красноярского педагогического университета имени В. П. Астафьева, который окончил в 2014 году. С 2011 года и по сей день работает научным сотрудников фондов Енисейского краеведческого музея имени А. И Кытманова. Историко-литературные этюды Юрия Ромашкова, которые периодически печатаются в местных газетах, стали заметным явлением в культурной жизни Енисейска. В 2014 году вышел первый сборник стихов «Стихи из-под шкафа».

стр. 173 **Саввиных Марина**
(Наумова Марина Олеговна)
Красноярск, 1956 г. р.

Выпускница филологического факультета Красноярского педагогического института. Публикации в литературной периодике с 1973 года: журналы «Юность», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Москва», «Дети Ра», «Северная Аврора», «LiteraruS» (Хельсинки), «Побережье» (Нью-Йорк), «Образы жизни» (Сан-Франциско), еженедельник «Обзор» (Чикаго), коллективные сборники и антологии. Автор 10 книг стихов, прозы, художественной публицистики. Лауреат премии Фонда имени В. П. Астафьева (1994), Всероссийского конкурса поэзии и малой прозы имени С. С. Бехтеева (2014), X Всероссийского поэтического конкурса «Мечети — Божьи храмы» (2016). Член Союза писателей России, Международного Союза писателей Иерусалима, Международного ПЕН-клуба, Гильдии межэтнической журналистики. Член Президиума Международного Союза писателей XXI века. Автор проекта, организатор и первый директор Красноярского литературного лицея. Заслуженный работник культуры Красноярского края. Награждена орденом общественного признания имени Достоевского I степени и медалью «Василий Шукшин». Главный редактор литературного журнала «День и ночь».

стр. 124 **Селивёрстов Александр Игоревич**
Красноярск, 1992 г. р.

По образованию — учитель английского языка. Рассказы и повести публиковались в российских и зарубежных литературных изданиях («Зарубежные задворки», «Мастерская», «Бийский вестник», «Сибирские огни», «Южная звезда», «Звонница», «Идель»).

стр. 122 **Синайская Дарья Сергеевна**
Москва, 1986 г. р.

Родилась в Москве. В 2016 году окончила Высшие литературные курсы (семинар Олега Павлова). Печаталась в журнале «Дискурс».

стр. 31 **Степанов Александр Валентинович**
Санкт-Петербург, 1964 г. р.

Родился в Ленинграде. Стихи публиковались в журналах «Аврора», «Наш современник», «Нева», «Новая Юность», «Молодая гвардия», «Север», «Москва». Автор сборника стихов «Клеймо» (Подпорожье, 1999).

стр. 37 **Строкань Сергей Владленович**
Москва, 1959 г. р.

Поэт, журналист-международник, участник ток-шоу на федеральных телеканалах. Родился на Украине — в городе Новомосковске Днепропетровской области. В 1982 году окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ по специальности «востоковед-филолог». Работал в главной редакции Азии АПН, специальным корреспондентом еженедельника «Московские новости», заведующим отделом международной жизни общественно-политического журнала «Итоги». В настоящее время — обозреватель газеты «Коммерсант». Частый гость дискуссионных телевизионных площадок, таких как ток-шоу «Время покажет», «Право голоса» и другие, где, в частности, высказывается по вопросам российско-украинских и российско-американских отношений. В студенческие годы посещал поэтический семинар Кирилла Ковальджи при редакции журнала «Юность» вместе с Алексеем Парщиковым, Иваном Ждановым, Александром Ерёменко, Марком Шатуновским и Юрием Арабовым. В 2010–2011 годах — участник клуба поэзии «Stella Art Foundation». Стихи публиковались в журналах «Москва», «Сибирские огни», «Дети Ра», альманахе «День поэзии», антологии «Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)». Победитель телевизионного поэтического турнира «Стихоборье» (жюри под председательством Юрия Левитанского, 1996). Автор стихотворных книг «Белый свет», «Прощание с зимой», «Осень, сентябрь, Осирис», «Корнями вверх». Последняя получила номинацию международной поэтической премии Максимилиана Волошина. Член Союза писателей России.

стр. 144
Тимофеев Андрей Николаевич
Подмосковье, 1985 г. р.

Родился в городе Салавате Республики Башкортостан. Окончил Московский физико-технический институт и Литературный институт имени А. М. Горького (семинар М. П. Лобанова). Ведущий рубрики «Дневник читателя» на сайте «Российский писатель». Пишет прозу, критику. Публиковался в журналах «Наш современник», «Новый мир», «Октябрь», «Бельские просторы», «Роман-газета», «Вопросы литературы» и др., газете «День литературы». Победитель III литературного славянского фестиваля «Золотой витязь». Лауреат премий имени И. А. Гончарова в номинации «Ученики Гончарова» (2013), «В поисках правды и справедливости» (2015), имени А. Г. Кузьмина журнала «Наш современник» (2016). Руководитель Совета молодых литераторов Союза писателей России. Член правления Союза писателей России, председатель Совета молодых литераторов СПР. Член Совета по критике при СПР.

стр. 29
Фролова Елена
Москва, 1976 г. р.

Родилась в Симферополе. Долго жила в Сибири. Много печаталась там до 1998 года. В 1997 году выиграла поэтический конкурс в Красноярске, организованный Фондом В. П. Астафьева. Как победителю, Фонд Астафьева издал сборник стихотворений «Старый синий зонт» под девичьей фамилией Елена Ермакова. После переезда в Москву в 1998 году нигде не печаталась.

стр. 166
Хромова Светлана Владимировна
Москва, 1982 г. р.

Родилась и живёт в Москве. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Публиковалась в журналах «Литературная учёба», «Пролог», «Дети Ра», «День и ночь», «Октябрь», «НГ-Exlibris», в «Литературной газете» и др. Автор книг стихов «Память воды» (2011), «Непоправимый рай» (2018), книги прозы «Совместное дыхание» (2018).

стр. 168
Шепелева Татьяна Александровна
Воронеж

Родилась и живёт в Воронеже. Окончила исторический факультет Воронежского педагогического университета. Член Союза российских писателей. Публиковалась в журналах «Нева», «Подъём», «Дальний Восток», «Артбухта», альманахе «Ямская слобода», сетевом альманахе «45-я параллель». Лауреат Международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции». Автор двух книг стихотворений: «Региональный синдром» (2013) и «Дивиртисай» (2016). Работает в Воронежской областной юношеской библиотеке имени В. М. Кубанёва.

стр. 126
Широнина Алла Леонидовна
Калининград

Поэт, переводчик. Родилась в городе Фрунзе Киргизской ССР, в семье военного врача-вирусолога. Училась и работала в Ташкенте. Принимала активное участие в литературной жизни Ташкента, публиковалась в региональной периодике. В 1988 году в серии «Первая книга поэта» у А. Широниной вышел сборник стихов «Балансир». В конце 90-х А. Широнина была рекомендована А. А. Файнбергом, народным поэтом Узбекистана, в члены Союза писателей УзССР. После распада Советского Союза А. Широнина с семьёй приехала в Калининград и на протяжении двадцати лет не занималась творческой деятельностью. В Калининграде получила второе высшее образование, работала психологом в доме-интернате для престарелых и инвалидов. В 2014 году стала автором сборника стихотворений «Высокие глаголы».

стр. 161
Шомысова Алёна Александровна
Сыктывкар, 1986 г. р.

Окончила факультет национальной филологии Сыктывкарского государственного университета. Печаталась в журналах «Войвыв кодзув», «Арт», «Юность», в альманахах «Белый бор», «Búzavirágok közt alszom el» («Пӧлӧзнича пӧвстын»/«Среди васильков»), «Seal kaugel-kaugel» («Там далеко-далеко»). Пишет поэзию и прозу. Переводит на коми язык произведения финно-угорских и русских авторов. Переводы опубликованы в альманахах «Черёмуховая речка», «Белые ночи», «Светлые реки». Её стихи и рассказы переведены на русский, эстонский, английский, венгерский, мокшанский, эрзянский, удмуртский и ненецкий языки. Автор книг «Дзар» («Свет») (2011), «Чӧв!» («Молчи!») (2012), «Юрсигусь бордъяс» («Крылья стрекозы») (2014), «Кӧчильлы козин» («Гостинец зайчику») (2018). Лауреат литературной премии имени Александра Лужикова (2012). Член Союза писателей России с 2016 года.

стр. 3
Щербаков Александр Илларионович
Красноярск, 1939 г.р.

Родился в Красноярском крае, в селе Таскино, в старообрядческой крестьянской семье. Образование: история и филология, экономика и журналистика. Работал учителем, корреспондентом краевых и центральных изданий, возглавлял Красноярское отделение Союза писателей России. Автор двух десятков книг стихотворений, прозы, публицистики, повести «Свет всю ночь», сборников рассказов «Деревянный всадник», «Лазоревая бабка», «Змеи оживают ночью», поэтических книг «Трубачи весны», «Глубинка», «Горлица», «Жалейка», «Дар любви». Печатался в журналах: «Наш современник», «Молодая гвардия», «Уральский

следопыт», «Сибирские огни», «Огонёк» и др. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Академик Петровской академии наук и искусств.

стр. 139

Юшманова Татьяна Александровна
Северодвинск, 1984 г. р.

По специальности — экономист и бухгалтер. С отличием окончила курсы журналистики ЕШКО. Печаталась в газете «Северный рабочий», участвовала в Летней школе писателей имени Чингиза Айтматова. Окончила литературные курсы «Мастер текста» издательства «Астрель-СПб» в 2016 году. В сентябре 2018 года приняла участие в семинаре молодых писателей в Оренбурге «Мы выросли в России 2018», организованном фондом С. Аксакова. В октябре 2018 года стала финалистом-победителем литературного конкурса «Зоо-арт 2018» с рассказами о животных. В декабре 2018 года стала финалистом-призёром (второе место) премии «Перископ 2018» в номинации «Творчество для детей и подростков».

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М. О. Наумова

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
В. Н. Наговицын

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
Иса Айтукаев
Андрей Бардаков
Ольга Ермакова
Валентина Ерофеева-Тверская
Ольга Карлова
Татьяна Савельева
Михаил Тарковский

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК
Олег Наумов

КОРРЕКТОР
Андрей Леонтьев

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Галина Кошкина

Учредитель: Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.
Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Александр Астраханцев
Красноярск
Наталья Ахпашева
Абакан
Юрий Беликов
Пермь
Вера Зубарева
Филадельфия
Александр Кердан
Екатеринбург
Сергей Кузнечихин
Красноярск
Валентин Курбатов
Псков
Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург
Евгений Минин
Иерусалим
Виталий Молчанов
Оренбург
Миясат Муслимова
Махачкала
Анна Сафонова
Южно-Сахалинск
Евгений Степанов
Москва
Андрей Тимофеев
Москва
Вероника Шелленберг
Омск
Владимир Шемшученко
Санкт-Петербург
Нина Ягодинцева
Челябинск

Журнал издаётся с 1993 года.

16+

В оформлении обложки использована картина Елены Чебаевой.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Журнал выходит 1 раз в 2 месяца.

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «День и ночь».
ИНН 246 304 2749
Расчётный счёт
4070 2810 8006 0000 0186
в «Сибирском» филиале банка ВТБ ПАО
в г. Новосибирске
БИК 045 004 788

Корреспондентский счёт
3010 1810 8500 4000 0788

Рукописи принимаются по электронной почте:
dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя:
660049, г. Красноярск, пр. Мира, д. 3,
т. +7 950 991 4349

Наш сайт: www.krasdin.ru

Подписано к печати: 7.10.2019
Дата выхода в свет: 30.10.2019
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

Отпечатано ИП Азарова Н. Н.
в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова,
д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

Ольга Мирончук (Алтайский край) | Вечерний Барнаул | 100 × 110 | 2017

Яков Еселевич (Красноярский край) | Вечер в степи | 96 × 105 | 1961

Светлана Панаркина (Томская область)
Лопух. Туман | 100 × 93 | 2014

На обложке:

Елена Чебаева (Омская область)
Дороги сходятся (фрагмент) | 61 × 91 | 2017